

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ

КАТЕРИНА АНДРЕЕВА

ИГОРЬ ИЛЬЯШ

**БЕЛОРУССКИЙ
ДОНБАСС**

Харьков
«ФОЛИО»
2020

УДК 355.216(476)

A65

Серия «Военные дневники»
основана в 2018 году

Предисловие
С. С. Шушкевича

Художник-оформитель
М. С. Мендор

Информационное партнерство —
украинская служба «Радио Свобода»

Издательство «Фолио» выражает благодарность
Андрею Дихтяренко, журналисту проекта Донбасс.Реалии.
Радио Свобода, за проведенную редакторскую работу

Андреева К., Ильяш И.

A 65 Белорусский Донбасс / Катерина Андреева, Игорь Ильяш;
предисл. С. С. Шушкевича; худож.-оформитель М. С. Мендор. — Харьков: Фолио, 2020. — 507 с.: ил. — (Военные дневники).

ISBN 978-966-03-8200-8

(Военные дневники)

ISBN 978-966-03-9020-1.

Со времен войны в Афганистане белорусы не принимали массового участия в боевых действиях. На Донбассе они оказались третьей по численности национальной группой. Почему это стало возможным? Как Беларусь повлияла на конфликт на востоке Украины — и наоборот? Какова роль белорусских спецслужб и лично Лукашенко в этой войне? Ответы на эти и другие вопросы дает уникальное журналистское исследование, в котором авторы предлагают читателю услышать белорусов, оказавшихся по разные стороны фронта.

УДК 355.216(476)

ISBN 978-966-03-8200-8
(Военные дневники)
ISBN 978-966-03-9020-1

© К. Андреева, И. Ильяш, 2020
© С. Шушкевич, предисловие, 2020
© М. С. Мендор, художественное оформление, 2020
© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

О КНИГЕ КАТЕРИНЫ АНДРЕЕВОЙ И ИГОРЯ ИЛЬЯША «БЕЛОРУССКИЙ ДОНБАСС»

Чем был и чем стал Донбасс? Некогда известная «всесоюзная кочегарка» с богатейшими запасами коксующегося угля, промышленно развитый, урбанизированный регион сегодня превратился в источник политической нестабильности, которая растекается не только по Украине, но и затрагивает ближайшего соседа с севера — Беларусь. Еще один сосед, восточный, стал агрессором, сделал из Донбасса место, влекущее к себе авантюристов, искателей наживы, преступников.

В Донбассе Кремль увидел плацдарм, где можно выгодно разыграть карту «возрождения империи». И карта эта была разыграна ценой традиционно дешевого для России ресурса — ценой человеческих жизней. Жизней — и жертв, и захватчиков.

...Одно из тяжких наследий советского периода — глубоко укоренившееся и передающееся по наследству новым поколениям извращенное толкование порядочности, законности, патриотизма, героизма. Оно усугубляется современной кремлевской пропагандой, преследующей явно человеконенавистнические цели. Люди, преимущественно молодые, порой искренне стремящиеся явить благородство, подло вводятся этой пропагандой в заблуждение. Впоследствии они же становятся душителями правды, вершителями расправ — попросту хладнокровными убийцами.

Советский Союз распался, но во многих отношениях продолжают будни СССР: путинская Россия ловит новые и новые души. Она с юного возраста загоняет своих граждан

в болото лжи, убеждая их в том, что они строят государство добра и справедливости, а поэтому должны быть готовы безжалостно уничтожать всё на пути создания нового строя. Нужно только «зайти через Изварино», накрыть артогнем украинское село, прострелить голову раненому пленному.

Идеология эта, в сущности, мало чем отличается от идеологии большевистского красного террора. К большому сожалению, своих сторонников она находит и в Беларуси, которая за годы независимости так и не смогла оторваться от жестокого «старшего брата». А значит, мусор советизма и большевизма, увы, не выметен из сознания белорусов. Именно эта ложь и заставила многих из них взять в руки оружие на чужой земле.

Лжи не просто нужно, но жизненно необходимо противостоять. Есть белорусы, которые выбрали свой путь и встали на защиту независимой Украины — тоже с оружием в руках.

Лучшее, на мой взгляд, и естественное противоядие лжи — правда. Ей и служит книга Игоря Ильяша и Катерины Андреевой «Белорусский Донбасс», в которой факты приводятся авторами без нравоучений, а слова обличения — без ненависти.

Станислав Шушкевич

ВСТУПЛЕНИЕ

Передо мной стоял 45-летний офицер, бывший морпех, боевик ОРБ¹ «Спарта» Николай Шелехов. Он, гражданин Республики Беларусь и коренной минчанин, приехал с Донбасса в отпуск по ранению и теперь около двух часов беседовал со мной во дворике в минуте ходьбы от площади Победы в Минске.

Мое сегодняшнее интервью, скорее, было неудачным. Разговор выходил сумбурным, собеседник несколько раз заставлял выключить диктофон, часто обходился общими фразами, уклоняясь от конкретики. Но все же персонаж был крайне интересным, с ГРУшными связями, он обещал мне при следующей встрече эксклюзивную информацию и новые контакты.

Предвкушение журналистского успеха слегка пьянило, поэтому, пожав ему руку и попрощавшись, я даже не обратил внимание, куда пошел мой новый знакомый. Маневр Шелехова стал ясен через несколько минут. Выходя из арки, я вдруг ощутил резкий захват за шею сзади, а другая рука нападавшего одновременно обозначила удар воображаемым ножом в мое сердце. Рядом с ухом я услышал тихий голос боевика:

— Вот так: один удар — и даже рыпнуться не успеешь!..

В следующую секунду Шелехов выпустил меня из своих недружеских объятий и с показным смехом похлопал по плечу: такой вот, мол, спецназовский прием, не ожидал, да? Я машинально усмехнулся: да, впечатляет. Усмешка, навер-

¹ Отдельный разведывательный батальон.

ное, была бы менее машинальной, если бы перед тем Николай не объяснял мне, что у каждого есть семья, а люди, побывавшие на войне, — простые, и, если что, в долгу не останутся... Если бы майор ОРБ «Спарта» не рассказал мне историю про то, как одному болтливому журналисту его донбасский сослуживец выпустил по коленям всю обойму травматического пистолета — так, что коленные чашечки превратились в кашу. История была, конечно, байкой, но рассказывалась мне с конкретной целью.

За полчаса до того соратник Моторолы, сидя на скамейке, чертил сломанной веточкой на земле карту украинских и ДНРовских позиций рядом с Донецким аэропортом в 2015 году.

— Вот тут — они, тут — мы... Понимаешь?.. В аэропорту была такая долбежка, что не передать! А потом остепенились — они в своей норе, мы в своей...

Расслабившись от бутылки пива с сильного похмелья, майор достал мобильник и подкреплял свой рассказ о боях в аэропорту снимками — живых сепаратистов, мертвых украинцев и руин ДАП¹. Серия фотографий окоченевших трупов украинских солдат внезапно сменилась снимками юной девушки. «Моя дочь», — пояснил боевик, быстро пролистывая эти кадры. На экране телефона снова замелькали трупы. На одной из фотографий крупным планом Шелехов запечатлел немолодого солдата — омертвевшее лицо искажала гримаса боли, рот был неестественно открыт, а прямо в центре лба виднелась дырка.

— Раненый был... Хрипел дохуя — вот мы ему пулю прямо в лоб и всадили. Заткнулся сразу.

Снова спрятав телефон в карман, майор ОРБ «Спарта» рассказывал про войну с «фашистской сволочью» и расстрелы пленных бойцов украинских добровольческих батальонов.

— Ручки покажите, говорю! А там у всех эсэсовские знаки выбиты. Это круто у них считается. Ну, если это круто, то становись к стенке тогда, умри как мужчина...

¹ Донецкий аэропорт.

Мы оба сделали вид, что захват в арке был невинной шуткой и, поддерживая вялую беседу, дошли до станции метро «Площадь Победы», где расстались. В пяти минутах езды отсюда располагается резиденция президента Беларуси, хозяин которой совсем недавно грозился сажать всех воевавших на Донбассе. Я же шел рядом с человеком, который и по белорусским, и по украинским законам, да и по всем общечеловеческим меркам, был убийцей и военным преступником. Но я не сомневался в том, что майору ОРБ «Спарта» в Минске ничего не угрожает. Также у меня не было сомнений, что при необходимости этот человек с ледяным взглядом легко повторит свой спецназовский прием с реальным ножом — и я действительно «даже рыпнуться» не успею.

Это был август 2016 года.

Полтора года назад, в феврале 2015-го, внимание всего мира было приковано к столице Беларуси — сюда съезжались лидеры Германии, Франции, России и Украины, чтобы договориться о перемирии на Донбассе. Почти 16-часовые переговоры в помпезном Дворце Независимости завершились подписанием странного документа: широкомасштабная бойня была приостановлена, но кровь на фронте лилась по-прежнему. Сколько бы ни заседала в Минске Трехсторонняя контактная группа, война на Донбассе продолжалась — она стала крупнейшим вооруженным конфликтом в Европе со времен Югославии.

Война, в которой Беларусь не участвовала, оказалась одним из важнейших событий в белорусской истории начала XXI века. По своим последствиям для общественно-политической жизни она находится в одном ряду с референдумом 2004 года, президентскими кампаниями и последующими разгонами массовых акций протеста в 2006-м и 2010 годах. Конфликт на Донбассе повлиял на наше сознание в большей степени, чем теракт в минском метро в 2011-м. Для белорусов война на юго-востоке Украины действительно не чужая — причем независимо от того, верит ли наш соотечественник в «киевскую хунту» или знает о псковских десантниках под

Георгиевкой. Сотни наших сограждан взяли в руки оружие, тысячи и тысячи были готовы их оправдывать. Это было самое масштабное участие белорусов в войне со времен боевых действий в Афганистане.

Наша книга — не о конфликте на Донбассе. Она о том, как Беларусь повлияла на этот конфликт и какие последствия он имел для самих белорусов. Мы попытались осветить все точки соприкосновения: от участия белорусских граждан в боевых действиях до роли в этом процессе спецслужб, от нелегальной торговли с ДНР и ЛНР до работы волонтеров, от политической конъюнктуры до информационной стратегии властей.

Содержание книги, вероятно, у кого-то вызовет недоумение: почему информации о белорусах-боевиках тут больше, чем сведений о белорусских добровольцах на стороне Украины? На то есть как объективные, так и субъективные причины. Во-первых, белорусов в рядах ЛНР и ДНР элементарно больше. Во-вторых, белорусы на стороне Украины и на стороне России находятся в очевидно неравных условиях. В книге мы приводим многочисленные свидетельства лояльного отношения белорусских спецслужб к боевикам — большинству из них на родине ничего не угрожает. Отношение же к участникам АТО-ООС прямо противоположное. Любая новая информация о добровольцах, размещенная в открытых источниках, может стать основанием для возбуждения уголовного дела против них и ареста в случае возвращения на родину. Боевики же могут спокойно рассказывать журналистам, как воевали и убивали — и при этом продолжать спокойно жить в Беларуси. Поэтому приходилось думать и о возможных последствиях от публикации книги для наших героев. В-третьих, так сложилось, что последние три с половиной года мы в журналистике специализировались преимущественно на теме участия белорусов в пророссийских незаконных вооруженных формированиях (НВФ) на Донбассе. А железный закон профессионала гласит: писать нужно о том, что хорошо знаешь. Так что акцент на инсай-

дах от представителей пророссийских группировок вполне логичен.

В основу книги легли многочисленные интервью и журналистские расследования, которые публиковались на сайте белорусской службы «Радио Свобода» и телеканала «Белсат» в 2015—2019 годах. Однако перед вами ни в коем случае не сборник статей. Мы создали полноценное документальное исследование на основе собранного материала. Мы цитируем фрагменты опубликованных ранее интервью, а также те их части, которые не вошли в первоначальный журналистский текст. Но многие интервью, свидетельства и данные были собраны специально для книги и публикуются впервые.

Почти каждую главу предваряет информационная сводка о событиях войны на Донбассе, с которыми напрямую связано содержание самой главы. Таким образом мы хотим подчеркнуть, что пишем не изолированную историю и наше исследование советуем воспринимать в общем контексте конфликта на юго-востоке Украины. Для нас важно не просто рассказать о точках пересечения этой войны и Беларуси, но и представить читателю эксклюзивные свидетельства о событиях российско-украинского конфликта в целом.

Глава 1 СОЛНЫШКО: ИЗ ПОДВАЛА В ОКОПЫ

В ночь на 12 апреля 2014 года колонна автомобилей с 52 бойцами под командованием Игоря Стрелкова-Гиркина пересекла российско-украинскую границу и под утро въехала в Славянск. «К девяти утра местная милиция — без особого сопротивления — была захвачена. «Инсургенты» были вооружены легким стрелковым оружием, свой арсенал они пополнили за счет запасов городской милиции. Пистолеты раздали местным сепаратистам, зачастую — люмпен-пролетариату, ждущему прихода России и Владимира Путина» (цитата из публикации журнала «Новое время» от 5 июля 2015 г.). Глава администрации Славянска Неля Штепа поддержала боевиков Гиркина: «Это наши мальчики! Весь Славянск сегодня вышел на улицы города и поддерживает активистов. Эти люди пришли к нам с миром, у них нет агрессии по отношению к нам». 13 апреля и. о. президента Украины Александр Турчинов подписал указ о начале антитеррористической операции (АТО). В тот же день в восьми километрах от Славянска СБУ под прикрытием спецподразделения «Альфа» проводила рекогносцировку местности перед боем. «Я отправил туда лучшее, что у меня было, — спецподразделение СБУ «Альфа». Однако люди, которые туда поехали, не понимали, что уже фактически началась война. Они попали под шквальный огонь, не будучи ни морально, ни профессионально к этому готовы. Был один убитый, несколько раненых, и они разбежались — скажем так, «организованно отступили»», — сказал Турчинов в интервью ВВС спустя три года. 14 апреля сепаратисты подняли триколор

над зданием Горловского горсовета. 17 апреля после митинга «За единую Украину» депутата горловского горсовета Владимира Рыбака похитили. Через 5 дней тело Рыбака и его друга, 19-летнего студента Юрия Поправко, нашли со вспоротыми животами.

* * *

Июнь 2014 года. Кафе «Метелица» на въезде в Славянск. На фоне разбитых окон и изрешеченной пулями сайдинговой стенки стоит женщина лет тридцати в военной форме. Ее рот искривлен в усмешке, взгляд отсутствующий. На одном рукаве — шеврон в цветах белорусского государственного флага и две буквы «РБ» черным фломастером, на другом — георгиевская ленточка. «Хочу передать привет Батьке Рыгоравичу и сказать: “Батька, твои граждане на этой стороне. Я просто хочу, чтобы ты это знал, Рыгоравич”», — говорит она на камеру и демонстративно раскрывает белорусский паспорт.

Наталья Красовская из Борисова, 38 лет, позывной Солнышко — единственная известная женщина-белоруска в рядах боевиков на Донбассе. О ней впервые заговорили после этого видеоролика, который опубликовали спецкоры российской «Комсомольской правды» Александр Коц и Дмитрий Стешин в середине июня 2014 года. На нем женщина, кроме прочего, объясняла, что ей «надоело поддерживать ополчение через интернет», поэтому и приехала на Донбасс и что «бездействие иногда тошнотворнее, чем действие». «Я не боюсь показывать свое лицо и свой паспорт, поскольку в сторону белорусской границы я поеду только тогда, когда все погранзаставы будут заняты ополченцами», — добавляет женщина. Но в раскрытом документе невозможно детально разглядеть ни фото, ни личные данные.

Месяц спустя в интернете появилось новое видео с выступлением Красовской. На этот раз белоруска сидела с винтовкой в руках и жаловалась «личному корреспонденту»

полевого командира Моторолы¹ Геннадию Дубовому, что в Беларуси к ее матери приходили люди из КГБ, а на нее саму на родине якобы заведено уголовное дело за «наемничество». Она увлеченно рассказывала Дубовому, что дала имя своей винтовке — «Кристина», и собирается этой «Кристиной» «убивать врагов». Дубовой, явно стремясь достичь нужного пропагандистского эффекта, просит Наталью объяснить, что она воюет здесь «за правое дело».

— Люди считают, вот ты убиваешь, значит, ты убийца.

Но Красовская обескураживает ответом:

— Так и есть.

Она произносит это с застывшей улыбкой. Позже все попытки расспросить Дубового о знакомстве с Красовской не принесли результата: он категорически отказался говорить о ней.

28 сентября 2014 года Дмитрий Стешин сообщил в соцсетях: Наталья погибла еще в середине месяца и похоронена под Саур-Могилей. Раньше тот же Стешин рассказывал, что видел Солнышко в подвале городской больницы Славянска. «Она ничего не слышала и говорить не могла, просто улыбнулась и показала мне пальцами V. Спустя почти пять лет о травме и больнице Красовская будет вспоминать в нашем с ней разговоре, но абсолютно в другом контексте. Она скажет, что ее задержали и жестоко избили сами боевики.

Новость о гибели оказалась откровенным фейком — уже в октябре 2014-го белоруска выступала на митинге в поддержку «ополчения» в Москве, требуя от России «признать Новороссию». Красовская в камуфляже прохаживалась по

¹ Арсен Павлов (1983—2016), позывной Моторола, уроженец Коми, он же командир отдельного разведывательного батальона «Спарта», действовавшего с лета 2014 года в составе группировки ДНР. СБУ и Amnesty International обвиняли его в военных преступлениях, в частности в расстрелах пленных. Погиб 16 октября 2016 года в результате взрыва самодельного устройства в лифте жилого дома в Донецке. Среди боевиков бытует мнение, что его ликвидировали «свои».

сцене с важностью бывалого бойца. Толпа пестрела георгиевскими лентами и скандировала слова благодарности, бабушки кричали: «Защитница наша!» — а мужчины в ответ на ее укор, почему не на войне, мычали: «Прости, Ната».

Кажется вполне вероятным, что в какой-то момент российская пропаганда учуяла в Наталье потенциальную героиню для своих сюжетов, которые тогда клепали конвейером. Во-первых, женщина, во-вторых, идейная, в-третьих, умеет крайне артистично излагать мысли. Плюс ее можно было бы при желании превратить в инструмент манипуляции официальным Минском: мол, посмотрите, все белорусы воюют на стороне ДНР и ЛНР. Но что-то не заладилось. После того митинга Красовская больше не появлялась на публике, не делала никаких заявлений. Журналисты так и не смогли найти ее дом в Борисове. В одном из видеороликов Красовская говорила, что жила на улице Трусова, но семьи с такой фамилией там не нашлось. Следы Солнышка затерялись. В 2015 году белорусское издание «Наша Ніва» без ссылки на источник сообщило о вероятном аресте Красовской в Беларуси и осуждении на 12 лет тюрьмы. Эту информацию другим СМИ не подтвердили ни в КГБ, ни в Следственном комитете, ни в Верховном суде.

В феврале 2017 года мы связались сразу с двумя людьми, знавшими Наталью. Александр Коц (автор самого первого видео с ней) подтвердил: он действительно видел Наталью в Семеновке летом 2014-го, и она воевала у Моторолы.

Соратник Стрелкова-Гиркина Михаил Полинков утверждал: «У нее и тогда с головой был непорядок, а сейчас вообще полный кавардак». По данным базы «Миротворец», именно Полинков поддерживал с белорусской контакт в Москве по приезду с Донбасса, но потом их пути разошлись. Полинков дал ссылку на страницу Красовской «Вконтакте»: украинский флаг на аватарке удивил, как и готовность без долгих предисловий поговорить по телефону. Когда соавтор этой книги дозвонилась по российскому номеру, то услышала тот же голос, что звучал на видеозаписях.

Красовская отказалась говорить, чем занималась до войны. Замужем она не была, жила в Борисове в доме родителей. Весной 2014 года стала регулярно смотреть новости по российским телеканалам и однажды решила увидеть все происходящее на Донбассе своими глазами. «Еще в 2009 году я познакомилась с одним парнем в Киеве, он работал охранником в Верховной Раде. Он любил понтоваться: рассказывал, как десять лет назад был в Чечне. Говорил: «Ты бы, Натка, обосралась, если бы танк вблизи услышала». И когда все это началось на Донбассе, мне из принципа захотелось доказать себе самой, что я смогу, не испугаюсь настоящей войны. Раньше была такой девчонкой-хиппушкой: носила вышиванки с белорусским орнаментом, бусики-браслетики бисерные самодельные... В этой вышиванке я и поехала. Еще был красный свитер с огромной ромашкой на спине, и вещей взяла по минимуму в матерчатой торбе. Поперлась без единого лозунга в голове, поглазеть. 3 мая я выехала из Борисова, через Смоленск и дальше, на Ростов».

Изначально Красовская запланировала себе неординарный маршрут: через Ростов и Донбасс, где собиралась «немножко посмотреть войну», добраться в Киев к друзьям и тому знакомому парню. Чтобы попасть в зону боевых действий, она придумала себе легенду, будто едет помогать раненым в Краматорский госпиталь. Закупила лекарства, йод, бинты.

«В «Новошахтинске»¹ россияне отвели в сторонку, спрашивают, куда едешь. Медсестрой работать, говорю. «А вы поддерживаете?» Да, блядь, пиздец как поддерживаю! «Ну проходите». Украинцам я призналась честно: экскурсия у меня. Они пропустили, и оказалась я среди чистого поля: ни людей, ни домов, вообще ноль цивилизации. Остановилась фура, внутри мужик, кроет матом всех и вся. «Девочка, куда

¹ Российский пункт пропуска «Новошахтинск» на границе с Луганской областью. С украинской стороны расположен КПП «Должанское».

ты прешься? Давай подвезу». Ну, запрыгиваю я в эту фуру, едем, я глазами верчу по сторонам и охуеваю».

Миновали Луганщину. В Донецкой области попутка высадила Красовскую возле села Красный Луч. Никакой регулярный транспорт не ходил, машин по дороге попадалось все меньше. «Я шла по трассе километров двадцать, как овца», — вспоминает она.

Здесь стоит сделать паузу и объяснить читателю, как проходило наше интервью с Красовской. Ее речь была сбивчивой, агрессивной, с обилием мата. Она могла резко начать смеяться, угрожала бросить трубку, если я буду прерывать ее вопросами. «Зая, ты че, тупая?» — стандартная реакция Красовской на любую мою реплику. С первых минут беседы она произвела впечатление не вполне адекватной женщины. Безусловно, эта оценка основана только на личном, субъективном восприятии. С уверенностью утверждать, что Наталья психически нездорова, мы не можем, но допускаем: некоторые моменты своей истории она могла приукрасить или попросту придумать.

Итак, то пешком, то на попутках, Красовская добралась до блокпоста в Черевковке под самым Славянском.

«На Черевковском блокпосту, уже после всех проверок, ко мне подошла баба в военной форме и опять потребовала документы. Я повторила все про медсестру, а она сказала подождать, пока подъедут люди — им я еще раз должна буду объяснить, зачем и куда еду. Меня отвозят с вещами на Славянскую «избушку» (захваченное боевиками в апреле 2014 года здание Службы безопасности Украины в Славянске. — К. А.). Заводят вовнутрь, я вижу стул такой дерматиновый, а я долго шла до того, и ноги отнимались, очень хотелось присесть. Только села — на меня рявкают хором несколько человек вооруженных. «Руки за спину», — орут. Завязывают глаза и отводят в подвал. Это было 7 мая».

Причину задержания, видимо, Наталье не сообщили — она сама с трудом понимает, почему оказалась в плену у

боевиков. Возможно, сказала на блокпосту что-то резкое или попыталась уйти, когда почувствовала опасность. В подвале боевики «ополчения» бросили Наталью на деревянные доски и начали избивать. «Я лежала обоссанная со связанными ногами, а меня пиздили и пиздили без конца. Я ползла к двери, билась об нее плечом и проклинала их до двадцатого колена. Глотку сорвала, пока орала: «Ненавижу, чтоб вы сдохли с вашей Новороссией». А какой-то малой, пацанчик кругленький, младше меня лет на десять, мне над ухом электрошокером пстрикал. Потом пришлось с ним ручкаться и уважение, нахуй, высказывать, потому что не дура. Позывной у него был Берия...»

Через два дня, 9 мая, когда боевики устроили в Славянске празднование по случаю Дня Победы, к Красовской спустились в подвал, развязали ноги и сняли наручники. «Выводят во двор, снимают тряпку с глаз, подводят к машине. Там стоит экипированный с головы до пят мужик. «Вы, украинцы, пидоры, бандеровцы, сейчас всех расстреляем нахуй». Пока ехали, я думала, как его ударить, как дотянуться? Но не решилась, думаю, и правда расстрелял бы. Куда едем — я не знала, а в итоге привезли на тот же блокпост, где задержали, на Черевковку. Положили меня на травку, а мне больно дышать, больно жить. Потом уже объяснили, что баба, которая меня задержала, себе какой-то кусок отхватила за это. Типа норму по поимке опасных элементов выполнила...»

В результате избиения «на подвале», по словам Натальи, у нее произошло смещение межпозвоночного диска и опущение левой почки. Ее положили в городскую больницу Славянска. В подтверждение своих слов Красовская прислала мне фотографии, на которых она лежит на больничной койке. На руках — ссадины с запекшейся кровью, похожие на следы от наручников. Вспомним, что спецкор «Комсомолки» Стешин упоминал о встрече с Натальей в Славянской больнице, но вместо истории про подвал была «контузия».

То, что Красовская побывала в застенках ДНР, свидетельствует переписка Михаила Полынкова с боевиком Русланом

Синицыным. В ней Синицын говорит: «Она прошла все круги ада, начиная с нашего НКВД». Выйдя из госпиталя, Наталья поняла: просто уехать домой уже не получится.

«Мне командир, Вовка Егерь, сказал: «Все, ты теперь в списках нашего отряда». Если попробую уйти в другой отряд — мне выпишут характеристику такую, что будет хуже, чем на подвале. Если побегу в сторону России — даже до границы не успею добежать. А к украинцам сунусь — сдаст им все мои данные. И я осталась в качестве девочки для битья. Меня чмырили, опускали — мама, не горюй! Я ревела, а меня шестерки прикухонные успокаивали, мол, пойми командиров. А тут еще мать позвонила, передала, что приходили из КГБ и на меня заведено дело...»

В начале июня от повара на кухне Красовская узнала: часть «ополченцев» забирают на Семеновку, где тогда дислоцировалась «Спарта» — подразделение, которым руководил Моторола. Наталья говорит, что воспользовалась переводом на Семеновку как шансом, чтобы сбежать с Черевковского блокпоста и постоянных унижений. «Не дали ни автомата, ни хуя. Только выгрузились — начался обстрел. Командир приказал к стене прижаться. Все эти так называемые добровольцы, лоси здоровые, сразу ринулись к стене, а мне места не хватило. Тогда я вжалась в одного бойца, обхватила его, потому что страшно, бежать некуда. Потом в интервью я рассказывала, что закрыла его от осколков своим телом...»

По словам женщины, там же она попала в «штрафбат», когда один из командиров стал ее сексуально домогаться, а она дала отпор. Абсурдность ситуации в том, что в «штрафбате» оказался и сам виновник — якобы «за неподобающее поведение», а Наталья — «за неподчинение». С утра до ночи на Семеновке «штрафники» рыли окопы, причем каждый для разных подразделений боевиков. Тогда Наталья задумалась о том, чтобы уйти в «Спарту», о которой якобы слышала хорошие отзывы. И вскоре ее распределили на исправительные работы как раз к Мотороле. Именно там она познакомилась

с Дубовым, который в одном из интервью называет ее снайпером. Сегодня Красовская утверждает, что никогда не была снайпером¹, а выполняла в «Спарте» различные поручения вроде подачи боеприпасов и ношения ящиков с патронами, но признается: «Людей убивать тоже приходилось». При каких обстоятельствах это происходило — Красовская уточнить наотрез отказалась.

По прошествии нескольких месяцев отношение к ней стало меняться: в «Спарте» у нее появились друзья и любовники. «Вскоре я уже с командирами сама водку пила, блатная стала, тех, кто «на подвал» попадал по беспределу, кормила и вытаскивать помогала», — похвалилась Наталья. Она говорит, что подсобирала денег и уехала в Москву. Некоторое время она пожила там — как раз тогда, в октябре, она выступала на митинге. Затем женщина зачем-то опять вернулась на Донбасс, где провела там еще пару месяцев. «Окончательно я вышла оттуда в декабре 2014-го и осела в Москве. Работать по здоровью мне нельзя, поэтому сижу тут на шее у одного мужика».

Достаточно трудно понять, почему Красовскую, не умеющую толком обращаться с оружием, держали в «Спарте», особенно с учетом ее неустойчивой психики. Однако позволим себе выдвинуть три версии. Следует понимать, что все они могут пересекаться между собой — первая не исключает второй и третьей.

1. Красовская могла стать жертвой сексуального насилия. Во время нашего разговора она периодически упоминала, что перед ней «трясли членом командирь», говорила о неких «любовниках», но при этом не преподносила ситуацию как акт насилия. Это вполне объясняется самовнушением: психически нестабильная женщина пытается вытеснить болезненные воспоминания о насилии, убеждая себя, что сама

¹ Отвечая на наш вопрос, была ли Наталья Красовская снайпером в ДНР, Геннадий Дубовой сказал: «Да она такой же снайпер, как я — Лев Толстой». Из чего делаем вывод: пропагандист всего лишь раскручивал миф об «отважной белорусской снайперше», прекрасно зная реальное положение.

хотела вступать в половые контакты. Но у этой версии есть и существенный минус: агрессивное поведение Красовской могло представлять опасность для потенциального насильника. Ведь как знать, не всадит ли она нож в спину, если что-то не понравится?

2. Ее использовали как рабочую силу в быту и непосредственно в процессе боя: она сама неоднократно вспоминает, как таскала ящики с патронами. «Я выносливая баба. Я умею не жрать, не пить и умею взбираться на холмы в полной экипировке и с цинками¹ в руках. Если учесть, что в мае 2014 года формированиям боевиков не хватало людей, версия выглядит правдоподобной. Со временем у самой Красовской мог развиваться «стокгольмский синдром» — привыкание и симпатия к насильнику. А в случае Натальи это был коллективный насильник.

3. Из Натальи готовили героиню для пропаганды. Об этом свидетельствует повышенный интерес Геннадия Дубового («личного корреспондента Моторолы»), который за время пребывания в Семеновке записал с ней несколько интервью и которого тогда активно цитировали российские СМИ. Вокруг ее создавалась легенда: отважная женщина-снайпер из Беларуси воюет с «укрофашистами», пока мужики уезжают в Россию или сидят дома. То, что в октябре ее привезли на митинг в поддержку «Новороссии» в Москву, свидетельствует в пользу этой версии. Именно благодаря особому статусу у Натальи появилась некая защита, даже нашлись покровители среди командиров.

Но хотя она и пользовалась некоторыми привилегиями, все равно де-факто оставалась в положении заложницы и боевиков, и обстоятельств. Что же касается известного интервью с «приветом Батьке», вот как его описывает Наталья: «Куча дублей и волшебные вещества. Нам давали успокоительные таблетки, просили раздавать бойцам, чтоб не шугались снарядов. От них ходишь спокойный, как удав. Тогда меня встретили Стешин и Коц. Мне просто сказали: «Говори

¹ Патронная цинка — металлическая упаковка с патронами к стрелковому оружию.

на камеру, что здесь много иностранных граждан, много белорусов, покажи паспорт». Отказаться от этого «интервью» было просто нельзя. Ну а что делать? Попробуй вякни, тебе скажут — ты что, за Украину? Подышать не хотелось...»

На вопрос, почему Наталью угрозами заставили сделать признание на камеру, Дмитрий Стешин не ответил — он отказался комментировать ситуацию в принципе.

Ко второй половине осени пропагандистский проект с «героической снайпершей» свернули. Отчасти это могло произойти в силу характера и состояния психики Натальи. Вопреки ожиданиям пропагандистов, она говорила слишком много, резко и не по сценарию. На видео с московского митинга заметно, что организаторы прерывают ее речь и просят уйти со сцены. Вскоре Красовскую вообще перестали выводить на публику и записывать интервью. Это наглядно демонстрирует отношение России и боевиков к подобным персонажам: их просто списывают со счетов за ненадобностью.

Летом 2016 года Красовская приехала в Беларусь, по ее словам, «повидать маму». Напомним, когда Наталья была в «Спарте» мать звонила ей и предупреждала: в Борисов возвращаться нельзя, КГБ якобы завел дело за наемничество. Красовская утверждает, что вскоре после приезда ее задержали сотрудники милиции и поместили в минский Центр изоляции правонарушителей. «В Минске есть ЦИП. Заведение для задержанных. Я там была. Спровоцировали конфликт за проукраинские речи на улице, повесили административку. Обычным ментам кланяться я не хотела, требовала на допрос как минимум майора. Захожу в комнату, там следак с помощником сидят. «Будете на вопросы отвечать?» — «Буду, — говорю, — ты мне только сигарет сначала пачку дай, если хочешь ответы услышать». И он дал сигареты. Я стала говорить всю правду про ДНР, про все, что там происходит. «Отжали» то, взорвали этого, а про этого сказали «украинец» и расстреляли, нахуй. Тогда меня мент прерывает: мол, не интересно про ДНР. Просит рассказать, встречала ли белорусов, которые воюют за Украину, с кем из

проукраински настроенных граждан поддерживаю контакт. Три дня обвинения не предъявляли и не кормили, а потом суд и десять суток за хулиганство. Мол, дралась и кричала. Отсидела суток шесть из положенных десяти. В ЦИПе провокация была... После нее меня увезли в психушку, а оттуда я через пару дней ушла домой. Так никто и не ловил».

В чем заключалась провокация — уточнять отказывается. Судя по рассказу Красовской, в изолятор она попала случайно. Представители какого ведомства ее допрашивали — неизвестно. Милиционеры могли вызвать сотрудника КГБ, услышав про Донбасс, а могли и сами взять показания. Из-за тотальной закрытости белорусских госструктур от журналистов получить у них достоверные данные о задержании Красовской сегодня не представляется возможным. Мы также не знаем, при каких обстоятельствах Наталья оказалась в психиатрической лечебнице и какой диагноз ей там поставили. Во время подготовки книги мы обратились в Службу безопасности Украины, чтобы узнать, было ли заведено на Красовскую уголовное дело. В ответе за подписью пресс-секретаря СБУ Елены Гитлянкой сообщается: по состоянию на январь 2019 года в уголовных делах, которые расследуются следственными органами безопасности, подозрение белоруске не выдвигалось.

Некоторое время после нашего интервью от Натальи никаких известий не приходило. А в июне 2019-го мне написал ее сожитель из Москвы Дмитрий и сообщил, что Наталья уехала в Беларусь в связи с болезнью матери и долго не выходила на связь. Он опасался, что Красовская задержана. Однако вскоре она нашлась — в Бобруйске. «Известность Натальи портила жизнь ее родителям. Из-за нее матери пришлось продать квартиру на улице Трусова в Борисове и перебраться жить в Бобруйск», — объяснил мужчина. По возвращении она рассказала Дмитрию, что ее задержали и отпустили, но какая именно структура это сделала и на сколько дней — говорить категорически отказывалась. Сообщила только, что планирует вернуться в Бобруйск через пару месяцев.

Наталья Красовская — одна из первых граждан Беларуси, об участии которой в войне на Донбассе стало известно СМИ. Однако она точно не была первой, кто поехал воевать против Украины. Житель Гомеля Анатолий Молчанов (позывной Собр) еще в марте 2014-го участвовал в аннексии Крыма, а затем отправился на Донбасс. Он примкнул к группе Стрелкова в Славянске, после перешел в отдельный штурмовой батальон «Сомали» под командованием Гиви¹.

В декабре 2014 года российский журналист Андрей Бородулин опубликовал в своем блоге на «Эхо Москвы» интервью с Молчановым, где тот разочарованно высказывался о самой идее «Новороссии» и говорил, что война по сути закончилась. «Местные здесь совершенно деградировавшие. Они все пошли на референдум, думая, что все будет, как с Крымом. Но русские танки не пришли. И почти все местные мужички вместе с пивком нырнули к своим бабам под юбки», — рассуждал он. В том материале журналист называл его «подполковником ДНР», который якобы получил тяжелые ранения в Славянске. На момент беседы с Бородулиным Молчанов собирался покинуть Донбасс: «Просто, я здесь стал не нужен». Но пока один белорус успел разочароваться в этой войне и сидел на чемоданах, другие только готовились отправиться на Донбасс.

¹ Михаил Толстых (1980—2017), позывной Гиви, уроженец Иловайска. В конце 1990-х служил в украинской армии, позже работал охранником в супермаркете. В 2014 году возглавил ОШБ «Сомали», засветился в боях за Иловайск и Донецкий аэропорт. Известен жестоким обращением с пленными: выкладывал в интернет видео издевательств над пленными украинскими солдатами. В феврале 2017 года кабинет Толстых обстреляли из реактивного огнемета «Шмель», боевик погиб.

Глава 2 БОЕВИКИ, ВЕРБОВКА И ВЕРБОВЩИКИ

Из обращения лидера боевиков, «министра обороны ДНР» Игоря Стрелкова-Гиркина к жителям Донбасса от 17 мая 2014 года:

«Признаюсь честно — никак не ожидал, что на всю область не найдется и тысячи мужчин, готовых рисковать жизнью не у себя в городе на соседней с домом баррикаде, откуда до ближайшего национального гвардейца нужно полдня на машине ехать, а на передовой линии, где реально каждый день стреляют. Тем не менее, это так. Чтобы не быть голословным — приведу примеры. Три дня назад приехала группа из 12 артемовских героев, отобранных и рекомендованных весьма уважаемым человеком. Узнав, что службу придется нести непосредственно в Славянске, а не у себя в Артемовске и что срок не ограничен несколькими днями — даже не стали получать оружие. Вчера история повторилась. Из 35 приехавших донецких добровольцев, прослушавших звуки далекого минометного обстрела и выяснивших, что через три дня они не смогут поехать домой вместе с полученным оружием, 25 благополучно отправились по домам. Вероятно, жаловались на тяжкие условия, которые им не пришлось ощущать ни минуты, и о своем героизме, проявленном при поездке в пассажирском автобусе. И это не единственные случаи — такое у нас происходит регулярно... Десятки и сотни людей встали в строй и сражаются. Десятки и сотни тысяч наблюдают за этим по телевизору, спокойно потягивая пиво. Видимо, ждут, когда из единокровной России либо выдвинется армия,

способная все сделать за них, либо придет достаточное количество безбашенных добровольцев».

* * *

Главным и самым разрушительным оружием путинской агрессии против Украины были не «Грады» и не «Точки У», не танки и не артиллерия, а киселевско-соловьевская пропаганда. Подобная мысль, конечно, не нова, но когда разговариваешь с боевиками, понимаешь, что это не просто аллегория или броский образ. Это — реальность. Практически все бойцы, с которыми приходилось общаться авторам этой книги, признавались, что решили отправиться на войну именно под воздействием сюжетов российских телеканалов. В своей речи они бездумно повторяли пропагандистские штампы и не отказывались от них даже тогда, когда действительность, казалось бы, убеждала их в лживости кремлевской картины мира. Большинство «ополченцев», не будь белорусское информационное пространство захвачено российским телевидением, никогда в жизни не поехало бы воевать за «Новороссию»¹.

Первая волна борцов с «киевской хунтой» сформировалась после трагических событий в Одессе 2 мая 2014 года, которые российские пропагандисты мгновенно превратили во «вторую Хатынь». В этом вопросе кремлевские СМИ достигли такого блестящего эффекта, что даже Александр Лукашенко публично повторял их тезисы. «Это вообще приводит нас к нехорошим параллелям. И я смотрю: на экранах телевизоров уже появились эти параллели. Мы помним Хатынь, когда несколько сотен деревень на территории Беларуси

¹ Из этого, правда, не следует делать вывод, что белорусы ехали воевать за ДНР или ЛНР только потому, что искренне поверили российскому телевидению. В той или иной степени верят в российскую пропаганду в Беларуси многие — счет идет на сотни тысяч (а может, и на миллионы) человек. Но 99,9 % из них никуда не поехали. Тут определяющее значение имели социально-психологические факторы — подробнее об этом в главе 4.

были сожжены фашистами вот по такому принципу», — комментировал он одесские события 8 мая 2014 года. Если пропагандистские аналогии с Хатынью отпечатались в сознании даже такого искушенного политика, как Лукашенко, то что говорить об обычных гражданах. «После Одессы добровольцев было навалом», — констатирует один из боевиков. С началом широкомасштабных боевых действий на Донбассе волна превратилась в тот самый «вал белорусских добровольцев»¹, о котором позже говорил начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией (ГУБОПиК) МВД Николай Карпенков. Основная масса белорусов примкнула к рядам боевиков на Донбассе в период с лета 2014-го по весну 2015 года — т. е. в наиболее горячую фазу войны и на пике антиукраинской истерии в российских СМИ.

Минчанин Сергей Савич (позывной Белый) признавался, что летом 2014 года отправился на Донбасс непосредственно под воздействием фейкового сюжета «Первого канала» о «распятом мальчике»². «В интернете видео забросили. Семья «ополченцев» в Славянске — женщина и ребенок. Женщину привязали к БТРу³, а ребенка прибили к забору. Это все не показывали, но это рассказывали — и это больше всего задело. Было оно или не было — но оно задело. Это был край», — заявил 23-летний Белый в интервью сепаратистским СМИ в феврале 2015 года.

¹ Слова о «вале белорусских добровольцев» в первые годы конфликта были произнесены Николаем Карпенковым в интервью газете «СБ-Беларусь сегодня» от 28 марта 2018 года. Разумеется, о влиянии на эти процессы российской пропаганды там не упоминалось.

² Телесюжет о «распятом мальчике» — новостной сюжет, показанный 12 июля 2014 года на российском «Первом канале». Материал строился на рассказе женщины, якобы ставшей очевидцем казни семьи «ополченца» в Славянске. История, рассказанная в сюжете, была полностью выдумана и стала символом фейковых новостей о войне на Донбассе.

³ БТР — бронетранспортер.

Житель Борисова Константин Фофанов поехал на Донбасс в августе 2014 года. «Были новости по телевизору: Луганск бомбят, — рассказывает боевик. — А у меня 13 июня день рождения. Все же знают, что я как бы русский. Мы сидим, отмечаем, шашлыки жарим. Ну, и начали меня подкалывать друзья: там, мол, твоих бьют, а ты тут сидишь. А я говорю — да, непорядок. Нужно завязывать с бизнесом, деньги я всегда успею заработать. Собрался, пошел в горисполком закрыть ИП. Я женщине говорю: я закрываю ИП и еду на Донбасс. А она — вот, нашелся хоть один мужчина, дайте я вам пожму руку».

В отличие от Фофанова, у 24-летнего Виталия Лящука собственного дела не было — после «срочки» в белорусской армии он работал охранником в торговом центре, а затем спортивным инструктором. На Донбасс в 2014 году отправился с абсолютно промытыми мозгами. «Я поехал за идею! Против неонацизма, процветающего теперь в Украине, против гей-парадов, которые так присущи Западу. Я рожден в великой стране Советов, в которой никто и подумать не мог, что украинец будет требовать запретить русский язык, потому что ему так сказали на Западе. Здесь идет война Запада и Украины против жителей Донбасса, с попытками замочить авторитет России», — утверждал Лящук, который в ДНР дослужился до должности командира роты.

Андрей Дюбанов встретил начало войны в Брянской области, где был на заработках — строил офисы под ключ. «Начали говорить по телевидению: фашизм, пиндосы... Хотя тут любому дураку было понятно, что это пиндосы воду мутят. Все эти революции — это их рук дело. Ну, я дождался сдачи объекта и поехал на Донбасс. Это был январь 2015 года», — вспоминает бывший снайпер «Республиканской гвардии»¹.

А вот 22-летнего Родиона Кургузова из деревни Дубровка Пуховичского района российская пропаганда накрыла во

¹ «Республиканская гвардия» — вооруженное формирование ДНР, созданное личным указом главаря боевиков Александра Захарченко в январе 2015 года. Считалась боевой элитой группировки ДНР. Еще одно название подразделения — 100-я бригада.

время прохождения срочной службы в белорусской армии, в пожарной команде. Рассказы о «зверствах бандеровцев» его впечатлили. «У нас обычно приходил начальник пожарной команды, включал телевизор и смотрел. Кто был свободен в этот момент, сзади стояли и смотрели тоже. Я был среди таких. По телевизору очень часто рассказывали про «ополчение». Кроме того, еще в армии я начал списываться с «ополченцами» — просто «ВКонтакте» их нашел. Попросили помощи, объяснили, что там происходит, показали видео. После армии работы не было, я в феврале 2015 года собрался и решил поехать», — вспоминает Кургузов.

Алексея Маркулевича из деревни Велемичи Столинского района тоже потянуло на войну вскоре после демобилизации из белорусской армии. «Пришел из армии — устроился на работу. Работал в строительном управлении. Казалось, все могло бы быть хорошо, собирался в Турцию летом ехать. Но после того как в январе начались бои за Дебальцево, я понял, что просто так сидеть и смотреть на это — невозможно, — рассказывает он. — Кто сказал, что эта война чужая? Это наша война, потому что тут наши братья. Я не могу просто сидеть и смотреть на это со стороны. Как можно смотреть на то, что убивают женщин, стариков, детей?»

Социальные сети — вторая важная составляющая процесса превращения мирного гражданина Беларуси в боевика. Получив изначальный импульс от российского ТВ, сторонник «русского мира» обычно искал соответствующие тематические группы в «Одноклассниках» или «ВКонтакте». Там ему объясняли, как и куда ехать. «Я пробовал найти каналы. Ехать же нужно не абы как, а сразу в определенное подразделение, — объясняет Маркулевич. — Раньше их было много, а теперь это единая армия ДНР, сюда можно попасть только через военкоматы или напрямую нужно списываться с командирами, и если командиры захотят — они возьмут. А тогда я написал командирам подразделения и приехал сюда 4 февраля 2015 года. Пришлось пройти переподготовку: я ведь был танкистом (ранее Алексей проходил срочную службу в белорусской армии — в

11-й гвардейской механизированной бригаде. — *И. И.*), а потом был зачислен в расчет пулемета “Утес”».

Отправку на Донбасс уроженца города Чашники 18-летнего Владимира Позняка через тематическую группу «Вконтакте» весной 2016 года координировал лично соратник Стрелкова-Гиркина Михаил Полынков (позывной Хрусталик). Судя по их переписке, Полынков считал, что от вчерашнего школьника пользы на фронте будет немного, а потому делал скептические замечания и даже потребовал письменного согласия от родителей Позняка. Отец, судя по всему, дал согласие на присоединение сына к НВФ, и Хрусталик отправил мальчишку на тренировочную базу боевиков в Ростове. «Любой, кто хочет вступить в «ополчение» может просто в интернете все это узнать. Это не тайна», — говорит Владимир Позняк.

Уроженец Городка Витебской области Дмитрий Лукьяненко также предварительно списывался с «ополченцами» в тематических группах «Вконтакте» — они в общих чертах объяснили ему, что нужно с собой брать и как ехать. Там же нашел и попутчика, украинца из Черниговской области, который также решил примкнуть к группировке ДНР. Лукьяненко на тот момент уже находился в российской столице — он приехал сюда на заработки. «Встретились, купили билеты и через пару часов — на Ростов, оттуда сразу на Донецк. Мой попутчик списался с представителем «Сомали», поэтому нас ждали. На российской границе на вопрос «Куда и с какой целью?» ответ стандартный: к бабушке картошку копать. Они посмеялись и пропустили. А в Донецке нас встретили и отвезли в одно из подразделений батальона», — вспоминает он. О том, что можно было сначала отправиться в тренировочный лагерь боевиков в Ростове и получить там минимальную военную подготовку, Лукьяненко узнал только на Донбассе. «Но вышло, как вышло», — констатирует он.

Впрочем, некоторые обходились и без социальных сетей, и без предварительных договоренностей — ехали фактически наобум. «Как туда (к «ополченцам». — *И. И.*) доехать, я

не знал, — признается Константин Фофанов. — Я же сначала едва в плен не попал. Доехал до Ростова. Меня таксист за 2 тысячи российских рублей довез до границы. А на той стороне Успенка — она под контролем украинцев была. Мне посоветовали на границе сказать, что я к родным в Иловайск приехал. Российские пограничники меня пропустили, дальше украинские встретили. Мои вещи — на досмотр. А у меня там два комплекта обмундирования, каска, нож, ботинки. Так меня и выгнали. И уже потом мне таксисты рассказали, что ехать нужно в Изварино. Там я границу и перешел. Сразу там мне выдали оружие, даже фамилию не спросили».

В любом случае вариантов маршрута было немного: большинству белорусов приходилось добираться до ДНР и ЛНР через Ростов. А оттуда уже добровольцы ехали на пункты пропуска, контролируемые боевиками. «Пересекаем границу, заходят. Я ж не знал, что там не украинские пограничники стоят, а уже ДНРовские. Ехал на свой страх и риск. А меня с собой форма, берцы — я полностью упакован. Но заходят с георгиевскими ленточками — я вздохнул с облегчением. «Куда едете?» — спрашивают. Кто к девушке, кто по работе, кто куда. В автобусе — одни мужики. Пограничник открывает дверь и кричит своим: «Да тут одни «шахтеры!» И смеются все», — вспоминает Андрей Дюбанов¹.

В НВФ на Донбассе брали всех — процедуры отбора не существовало в принципе. В 2014 году Сергей Савич (Белый) целенаправленно хотел попасть к Мотороле. Когда белорус добрался до базы «Спарты», он специально дождался возвращения полевого командира, который приехал как раз со своим другом Гиви. «Я подхожу к Мотору, говорю — мол, я к тебе. Сказал откуда. Он спрашивает: «“Черных” любишь?» — «Нет», — говорю. А он такой в сторону Гиви кивнул — мол,

¹ Андрей Дюбанов, 1977 года рождения, на Донбассе дослужился до звания старшего лейтенанта. В Донецке женился, у него родилась дочка. В январе 2019 года он признавался, что больше не служит в подразделениях ДНР, а работает на русских. Вероятно, входит в одну из ДРГ ГРУ. Утверждает, что имеет российские госнаграды.

грохнешь его, возьму к себе. А я в ответ: «Скажешь — грохну». Такой черный юмор», — вспоминал потом Белый. На шутках про «черных» процедура приема в «Спарту» была завершена: у белоруса даже не переписали фамилию, не проверили документы, а просто дали снайперскую винтовку, и завтра утром он уже был на позициях. Белый в итоге стал популярным персонажем: позже его фото даже разместили на билбордах в Донецке с рекламой местных НВФ — «А ты записался в добровольцы?»

Дальнейшая судьба каждого белорусского боевика определялась, в какое подразделение он попадал и что в этот момент происходило на фронте.

«Сомалиец» Дмитрий Лукьяненко попал на войну в разгар боев за Донецкий аэропорт, в ноябре 2014 года. Сначала был водителем «Урала», в кузове которого установили зенитку ЗУ-23-2. «Мы работали прямой наводкой по терминалу и диспетчерской вышке. Поначалу нормально было, азарт даже, пока под обстрел не попали первый раз. Верите или нет, но страха не было, было какое-то недопонимание что ли, возбуждение. Руки тряслись от адреналина, а мне еще рулить надо, экипаж вывозить. А может, это страх так проявлялся, не знаю», — рассуждает боевик «Сомали». Действительно страшно Лукьяненко стало в следующей атаке на ДАП — когда его пересадили с «Урала» на БМП¹. «Хоть в отличие от «Урала» на БМП какая-никакая броня, но обзор — нулевой. Слышу взрывы, а где они, не понимаю. Я как-то пацанов в тыл вывозил, которые после первого боя струхнули, отказались дальше воевать... Так вот у самого такое желание было — стремновато на БМП против 120-х минометов и танков. Но стыдно было признаться, что страшно. Зачем я тогда ехал? А потом привык», — вспоминает он.

34-летний бывший офицер спецназа МВД Беларуси Алексей Берговин оказался на Донбассе в апреле 2015 года. Под позывным Берг его записали в так называемую «Республиканскую гвардию» ДНР. На фронт он попал мгновенно:

¹ БМП — боевая машина пехоты.

между прибытием в Донецк и занятием позиций в районе очистных сооружений поселка Пески прошло три часа. «15 апреля в 12.00 я был в Донецке, в 13.00 я записался в «ополчение», а уже в 16.00 стоял с пулеметом и четырьмя магазинами на самом передке, в своей форме «Горка», берцах и майке. Никто ничего не объяснял и почти не спрашивал. Когда я поинтересовался по поводу боевого расчета, на меня посмотрели, как на инопланетянина. Сказали: «Просто стой и смотри туда, увидишь кого-нибудь — стреляй». Так я попал на войну», — вспоминает боевик. На пятый день в районе села Пески Берговин получил осколочное ранение в голову в результате минометного обстрела.

Родион Кургузов тоже приехал после битвы за Дебальцево и попал в Казачью национальную гвардию атамана Николая Козицына, в городе Перевальск Луганской области. Сначала его определили в штабную охрану, потом пулеметчиком в «волчью сотню» — отряд, который занимался прикрытием зенитных установок. Однако вскоре главари ЛНР стали зачищать казачьи отряды, и Кургузов спешно уехал в Донецк: «Началось разоружение казаков как незаконного бандформирования. Я тогда написал рапорт об увольнении и рванул в сторону Донецка. Уехал своевременно — наших всех разоружили и на чернухинскую зону (колония в поселке Чернухино — *И. И.*) отправили. Там они отсидели несколько месяцев, и их отпустили. А я попал в Донецк в 1-ю Славянскую бригаду — меня зачислили механиком в экипаж танка». За пять месяцев нахождения на Донбассе, как утверждает сам Кургузов, он так ни разу и не принял участия в реальном бою. На передовой был лишь однажды: в самом начале, после битвы за Дебальцево, их подразделение выезжало собирать трофеи. Под серьезным обстрелом побывать фактически тоже не довелось: только пару раз в метрах трехстах разорвалось несколько мин. «Пока я там был, я ни разу не выехал на боевые действия. Обычно просто ходили в наряды, охрану, патрули», — говорит Кургузов.

Владимир Позняк утверждает: попав изначально на базу боевиков в Ростове, до территории, подконтрольной ДНР и

ЛНР он и вовсе не доехал. По его словам, весной 2016 года на этой базе формировали группу спецназа, которая должна была работать на фронте вместе с ГРУшниками. Но в эту группу «кроме дураков» никто записываться не спешил — все понимали, что есть риск попасть в какую-то мясорубку. Поэтому Позняк предпочел перебраться к казакам в Новочеркасск, но и казачий отряд все никак не отправляли на Донбасс. В итоге, если верить парню, ему это все надоело и осенью 2016 года он вернулся в Беларусь.

Однако подобный хеппи-энд — исключение из правил. Зачастую, особенно в 2014—2015 годах, все было куда проще. Алексей Маркулевич приехал на Донбасс напрямую, без посещения каких-либо тренировочных баз в Ростовской области. И уже вскоре побывал в настоящем бою.

— *Было очень-очень страшно, — признается он. — На Старомихайловке мне еще повезло, что был только стрелковый бой, а не артобстрел. Потому что при артобстреле, если есть подразделение и в нем 70 % новенькие, то эти 70 % сразу же убегут. Артобстрелы переносятся очень тяжело, они давят на психику, некоторые просто впадают в ступор — не могут ничего сделать. А мне повезло. Получил «по щам», правда, но начал соображать и все обошлось.*

И. И.: А что ты чувствовал, когда убивал первого украинского солдата?

— *Честно говоря, первый раз вообще ничего не чувствуешь. Потому что первый раз ты даже толком не понимаешь ничего. Первоначально мозг вообще не работает, работает исключительно тело. Только после боя начинают включаться мозги, и ты понимаешь, что если б не ты, то тебя. И хорошо, что ты, а не тебя.*

Ступор первого боя, который упоминает Маркулевич, переживали многие. Но ехали на Донбасс и белорусы с боевым опытом, понимавшие, как действовать в подобных ситуациях. «Паника на войне — самая страшная вещь, — объясняет боевик ОРБ «Спарта» Николай Шелехов — участник двух локальных конфликтов еще в 1990-х. — Знаешь, что такое,

когда человек в ступор входит? Он сидит, втыкает, то ли молится, то ли нет. Страшно человеку. Нужно просто подойти, дать леща и сказать: «Что, ссышь? Ну так и я ссу. Давай ссать вместе». И человек снимается со ступора. Это не зависит от моральных и боевых качеств. Это просто физиологическая реакция человека на близость смерти. Не надо никогда говорить “Ты трус”».

То, что увидели белорусы, попавшие на подконтрольные ДНР и ЛНР территории, очень сильно отличалось от пропагандистской картинки российского ТВ. «2014 год на Украине? Хочешь машину — вышел, отобрал машину. Хочешь дом — вышел, перестрелял всех (ну, если это «укропы») и живешь в этом доме. Порядок стали наводить только в июне 2015 года. А до этого почти полтора года можно было убивать и делать, что хочешь», — вспоминает боевик из России Павел Ш. Многих ли подобные реалии заставили разочароваться в «русском мире», бросить оружие и покинуть Донбасс? Вероятно, встречались и такие случаи, но заметным явлением это назвать нельзя. Наверняка, были и те, кого подобный порядок вещей как раз притягивал. Все это доказывает: мотивация белорусских боевиков была основана на куда более глубоких социально-психологических причинах, нежели просто на вере в российскую пропаганду как таковую — при всей ее разрушительной силе.

К удивлению Сергея Савича (Белого), далеко не все местные жители видели в нем защитника и освободителя от «бандеровцев». Нередко гражданские ничуть не скрывали, что считают «ополченцев» врагами и бандитами. «Были такие, конечно! Коминтерново вообще самый «укропский» поселок. Приехали мы туда, не успели даже разложиться, подходят к нам бабка с дедом и говорят: “Когда ж вы уже подохнете? Когда ж мы уже выпьем на ваших могилах?”» — вспоминает боевик. Однако вера Савича в собственную правоту ничуть не поколебалась. Эту историю Белый рассказывал в одном из видеороликов, выложенных на Ютубе. Пророссийская волонтерка, снимавшая это видео, закономерно поинтере-

совалась: не закралась ли у него мысль, что он зря приехал на Донбасс? Но Савич лишь отмахнулся: «Не-е-е. Я пришел сюда защищать детей Донбасса». Он вспомнил еще один эпизод, когда какой-то старик пожелал боевикам сдохнуть и примирительно добавил: мол, а что тут делать, «не выгонять же» местных жителей, приходится терпеть.

Это может показаться удивительным, но даже когда под раздачу попадали сами новоиспеченные «борцы с фашизмом» — это не всегда заставляло их пересмотреть свои взгляды на происходящее. Будущего снайпера «Республиканской гвардии» Андрея Дюбанова боевики сначала бросили «на подвал». Объясняет это Дюбанов просто: на Донбасс он приехал в компании с четырьмя добровольцами из России, и все они везли дорогостоящее снаряжение (от тепловизоров до прицелов), купленное на собственные деньги. Все это добро и решила «отжать» местная комендатура. Дюбанова и компанию арестовали люди Виктора Аносова¹ — командира отдельного комендантского полка ДНР. Били, угрожали расстрелом. Но потом вывезли на границу и отпустили — разумеется, «отжатое» снаряжение им никто возвращать не стал. Однако Дюбанов все равно вернулся. «Была, конечно, обидка, — вспоминает боевик. — Но мои обидки — это фигня. Нужно нашу родину защищать — я ведь родился еще в СССР. И меня со школьной парты учили, что Америка — враг».

* * *

Учитывая господство российского телевидения в Беларуси, а также безграничные возможности интернета (где без труда можно найти всю необходимую информацию для желающих поехать на Донбасс), роль непосредственных вербовщиков фактически обесценивается. Подобные рекрутеры

¹ Виктор Аносов — боевик, командир отдельного комендантского полка ДНР, уроженец Симферополя. Позывной Нос. На Донбассе отличился мародерством и издевательствами над украинскими заложниками.

скорее выполняют функции координаторов отправки боевиков на Донбасс. Причем масштабы их деятельности незначительны в сравнении с тем, что делали Владимир Соловьев и Дмитрий Киселев — те-то вербовали на войну тысячами. Между тем несколько белорусов действительно стали известны в СМИ как вербовщики.

В 2016 году в социальной сети «ВКонтакте» появилась группа, в которой сторонников «русского мира» призывали записываться в казачий батальон, создаваемый в лагере под Тулой «для оказания братской помощи на Донбассе». Потенциальные новобранцы должны были соответствовать ряду несложных требований: быть казаком или хотеть им стать, иметь опыт военной службы, быть готовым находиться на территории Донбасса как минимум 3 месяца. Подчеркивалось при этом, что батальон создается на добровольной основе — то есть денег потенциальным «ополченцам» не обещали. Брать в подразделение были готовы и русских, и белорусов.

Формированием батальона занимались казаки из «Великого братства казачьих войск». Среди рекрутеров подразделения оказался 43-летний гражданин Беларуси Александр Шеянов — он был администратором группы «ВКонтакте», и именно на его электронную почту предлагалось отправлять анкеты кандидатов в казаки.

И биография Шеянова, и вся история с формированием батальона под Тулой были выдержаны в абсурдистском духе современного казачьего движения. Разумеется, сам Александр Шеянов до войны на Донбассе никакого отношения к казачеству не имел. Он родился в Минске, отслужил в начале 90-х «срочную» службу еще в советской армии, потом был слесарем, водителем, а в начале 2014 года работал на дрожжевом заводе. Превращение минского слесаря в русского казака произошло очень просто: поехав на Донбасс в 2014-м, он попал в казачье подразделение и автоматически был принят в казаки. В казачьих организациях в итоге дослужился до «заместителя атамана».

На формирование батальона казачий вербовщик с самого начала смотрел скептически и особого рвения не проявлял. Да и отправлять подразделение непосредственно на фронт, если верить Шеянову, никто даже не планировал.

— *Батальон формируется прежде всего для наведения порядка (потому что мародерство там повсюду), а также сопровождения российской помощи — там ведь все растягивается, разворовывается на ходу. А чтобы грузы доходили по назначению, мы и хотим создать это подразделение. То есть преимущественно полицейские функции у нас будут. Теперь мы набираем людей. А потом, возможно, поедем, — говорил Шеянов в мае 2016 года.*

И. И.: Что значит «возможно»?

— Ну, мы набираем, набираем, но, может, и не поедем. Что-то нет особого желания: ни у людей, ни у нас ехать им помогать. Я вот на Донбассе повоевал и больше не хочу. Там же, на Донбассе, воевало казачество, а после штурма Дебальцева казаки стали не нужны — все наши отряды были уничтожены. Когда я посмотрел, чем они (сепаратисты. — *И. И.*) там занимаются — пропало всякое желание им помогать.

И. И.: Что вы имеете в виду?

— *В ДНР страшнейшая коррупция и грабежи. Там теперь, в военное время, происходит то, что было по всему СНГ в 90-е годы — передел имущества, сфер влияния, захват заводов, фабрик и вообще всего, что работает. Было такое, что и машины забирали. Едет человек на машине, его высаживают и забирают автомобиль. Есть такое подразделение «Оплот», «гвардия» Захарченко, так у них на стоянке этих машин было немерено. Короче, каждый стремится что-то захватить. А захватывает тот, у кого больше войска — а больше войска у Захарченко¹. Где-то 70 % добровольцев на*

¹ Александр Захарченко (1976—2018) — лидер группировки ДНР. Уроженец Донецка. Незадолго до начала войны возглавил донецкое отделение пророссийской организации «Оплот». Принимал участие в боевых действиях на Донбассе на стороне России. Был главой группировки ДНР с 4 ноября 2014-го по 31 августа 2018 года.

Донбассе, в том числе российских, пришли туда просто работать, «отжать», стащить...

И. И.: А глядя на это, вы сами не жалеете, что в свое время поехали на войну?

— Есть такое. Всюду были призывы — мол, приезжайте, братьев-славян убивают. А когда я приехал в Донецк, меня просто в лицо спросили: «А чего ты приперся? Мы и без вас прекрасно справляемся». Я же даже в армию ДНР записался, получил военный билет. А потом посмотрел на это дело и разорвал контракт. Мы же шли людям помогать, которые воюют за свободу. А выходит, что там свобода только у некоторых была¹.

Самое удивительное, что подобная рефлексия Шеянова не помешала ему в конце того же 2016 года снова поехать на Донбасс и записаться в армию ДНР, не дожидаясь формирования своего казачьего батальона в лагере под Тулой. А сам батальон, судя по всему, так никогда и не был создан.

Неизвестно, смог ли хоть одного человека действительно завербовать и отправить на Донбасс Александр Шеянов. Также неизвестно, удалось ли кого-то завербовать 22-летнему жителю одной из деревень Мостовского района Гродненской области с позывным Монтана (настоящее имя выяснить не удалось. — И. И.). Впрочем, масштабных проектов Монтана не замыслил — он просто звал своего бывшего одноклассника стать боевиком ЛНР. Сулил около 300 долларов в месяц чистыми, доплату за «боевые», а также возможность заработать мародерством. История Монтаны была рассказана в статье «Гастарбайтеры войны», опубликованной 10 февраля 2016 года в газете «СБ-Беларусь сегодня» и базирующейся на эксклюзивной информации от ГУБОПиК. Польстился ли од-

СБУ объявила его в розыск по статье 258-3 ч. 1 Уголовного кодекса Украины («Создание террористической группы или террористической организации»). Также Захарченко фигурировал в санкционных списках ЕС и США. Убит 31 августа 2018 года в результате взрыва в кафе «Сепар».

¹ Полностью интервью с Шеяновым было опубликовано на сайте «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/27758624.html>

ноклассник на подобные перспективы — в статье не указано. Зато указано, что сам Монтана к 20 годам имел пять судимостей за кражи, на Донбассе он воевал в составе батальонов «Хулиган» и «Призрак», был в Дебальцево. В мае 2015 года Монтана вернулся в родную деревню, где хвастался односельчанам, что лично убил 20 украинских солдат, подорвал несколько танков и «хорошо зарабатывает». Бывший зэк сразу попал в поле зрения белорусских спецслужб, с ним была проведена беседа, после которой он благополучным образом скрылся. Почему спецслужбы отпустили Монтану, издание не объясняет.

* * *

Куда более значительной и таинственной представляется фигура кадрового офицера, майора ОРБ «Спарта» Николая Шелехова. 17 мая 2017 года группа «Информационное сопротивление» («ИС») опубликовала материал под громким названием «Сага про одного агента ФСБ РФ — путь спец-агента и террориста Шелехова». По данным «ИС», Шелехов не просто занимался вербовкой белорусов для отправки на Донбасс, но и путем шантажа заставлял работать на ФСБ, принуждая к «выполнению ими противозаконных действий на территории Республики Беларусь». Будучи спецагентом ФСБ, как утверждало «ИС», Шелехов якобы являлся «одним из координаторов по вопросам организации беспорядков» в Беларуси. Правда, никаких конкретных примеров и тем более доказательств подобной подрывной деятельности «Информационное сопротивление» не приводит — поэтому вынесем подобные голословные утверждения за скобки.

С Николаем Шелеховым я познакомился почти за 9 месяцев до выхода материала «ИС» — в августе 2016 года. На тот момент его имя еще нигде не засветилось, даже у «Миротворца» не было анкеты на Шелехова. Однако участия в вооруженном конфликте на востоке Украины он не скрывал — его профили в соцсетях были полны фотографий с Донбасса.

Я до сих пор не знаю, связан ли этот человек со спецслужбами, но он однозначно производил впечатление самого умного и хитрого боевика, которого мне приходилось интервьюировать. Беседовать с ним было откровенно сложно: когда я задавал острые вопросы, он мог просто замолчать, а затем после паузы начинал рассказывать очередную пропагандистскую клюкву. Иногда просил выключить диктофон и мимоходом давал какие-то важные свидетельства, но ничего не пояснял — и снова уходил в пространные монологи. Именно поэтому интервью с Шелеховым никогда не публиковалось в СМИ: в нем просто не хватало фактуры для полноценного журналистского материала.

Николай Шелехов родился в Минске 2 октября 1970 года в семье кадрового советского военного. В 1988 году, после окончания школы, был призван в советскую армию — попал в 38-ю гвардейскую десантно-штурмовую бригаду (Брест)¹. После «срочки» учился в Таллиннском высшем военно-политическом строительном училище, затем служил в спецназе морской пехоты РФ. Воевал в Нагорном Карабахе и Чечне.

В личной беседе Шелехов говорил, что прибыл на Донбассе в марте 2015 года. «ИС», правда, утверждает, что воевал против Украины он с самого начала конфликта, то есть с 2014 года. И тут, вероятно, «ИС» оказалось ближе к истине: по крайней мере, фотографии из Донецкого аэропорта, которые Шелехов демонстрировал мне на своем телефоне, свидетельствовали о том, что в ДАП он оказался раньше весны 2015-го. Тем более что первоначально в «Спарте» Шелехова, по его собственным словам, поставили командовать учебной ротой. «Поскольку я кадровый офицер — выдернули с роты, поставил на учебную. Два месяца готовил солдат, чтобы эти сопляки просто не сдохли в бою. А потом поехал сам на «боевые», потому что скучно. Очень хотелось посмотреть в глаза хоть одному пленному», — рассказывал он.

¹ По данным «ИС», именно в 38-й бригаде его завербовал советский КГБ. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию не представляется возможным.

Правда, отношение Шелехова к пленным и раненым не соответствовало общепризнанным законам войны. По его словам, украинских добровольцев, на теле которых обнаруживали татуировки ультраправого толка, — расстреливали¹. Вспомнил майор «Спарты» и про то, как в Донецком аэропорту они добились раненого украинского солдата — снимок погибшего с пулевым отверстием в голове боевик хранил на собственном смартфоне.

Несколько неосторожно оброненных фраз Шелехова еще тогда навели меня на мысль, что он мог быть причастен к вербовке боевиков. Во-первых, рассказывая о своей первой поездке на Донбасс, он упомянул, что «поехал сам и подобрал ребят, которые не знали, куда и что». Во-вторых, он проговорился, что недавно ездил к знакомым офицерам в 5-ю бригаду спецназа в Марьиной Горке. Упоминание о поездке действующего боевика к знакомым офицерам в бригаду белорусского спецназа выглядело странно. Тем более в батальоне «Спарта» служили как минимум двое белорусов из той же «пятерки» — Сергей Савич (Белый) и Дмитрий Макаревич. Интересно, что в феврале 2015 года Белый в интервью одному из сепаратистских телеканалов заявил: до недавнего времени из 5-й бригады белорусского спецназа их в «Спарте» было двое, но «теперь 8 ребят подъехало и еще подъедет 23». Впрочем, тут Савич вполне мог солгать от излишнего вдохновения — иных свидетельств присутствия в «Спарте» такого количества белорусов (и тем более из Марьиной Горки) все же нет. Сам Шелехов утверждал, что «Спарте» воевало только 5 граждан Беларуси, ту же цифру называли и другие

¹ Шелехов утверждал, что расстреливали именно за нацистские тату. Но, во-первых, нужно понимать, что в контексте Украины понятие «нацизма» и «фашизма» боевиками трактовалось крайне широко — в ДНР и ЛНР ведь вообще всех бойцов добровольческих батальонов считают «фашистами». Во-вторых, минимум четверо боевиков из разных подразделений в беседах с авторами книги упоминали про существование негласного правила: бойцов добробатов в плен не брать в принципе.

представители батальона. Майор также отрицал, что имеет отношение к отправке добровольцев в НВФ сепаратистов — мол, в этом и необходимости-то особой нет. «Все спокойно ездят через Ростов. Особого ума не надо, чтобы туда самостоятельно доехать», — говорил он.

Шелехов намеренно разбавлял редкие содержательные заявления морем пустой пропагандистской риторики. Однако, будучи кадровым офицером, он все равно не заставил себя повторить тезис о том, что на Донбассе против Украины воюют «шахтеры и трактористы». «Без России Донбасс сдали бы уже давно, — признавался он. — Никакое ополчение не смогло бы противостоять армии. А на шахтерах не сделаешь армию — нужны спецы, рангом не ниже полковника. Поэтому в батальоне местных — процента три».

25 августа 2015 года Шелехов получил тяжелую контузию под Горловкой, после чего долго лечился. Беларусь боевик посещал регулярно, причем ни от кого здесь не скрывался и проблем со спецслужбами не имел. Шелехов даже получил новые документы — 9 февраля 2016 года ему выдало паспорт УВД Минской области.

В первый раз мы с Николаем Шелеховым беседовали во двореке рядом с офисом Партизанской районной организации Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане (БСВВА). Выбор места был не случаен. Глава Партизанской организации афганцев Александр Осипов — майор в отставке и ветеран военной разведки — друг Шелехова. Шелехов с огромным уважением отзывался о своем старшем товарище, был частым гостем в его офисе, да к тому же по официальной доверенности представлял интересы Осипова при продвижении художественного романа последнего. Шелехов рассказывал, что он якобы пытался добиться от Захарченко публикации книги Осипова в Донецке. Водил дружбу Шелехов и с лидером «Русского национального единства» (РНЕ) Александром Баркашовым. Однако сам идеологию РНЕ не разделял — признавал, что это откровенно фашистское движение.

Дружеские связи майора «Спарты» здесь упоминаются не случайно. Отряды РНЕ принимали активное участие в войне против Украины, а Александр Баркашов лично курировал отправку боевиков на Донбасс. В мае 2014-го РНЕ обратилось к белорусам с призывом записываться в добровольческие отряды, на улицах белорусских городов были замечены пропагандистские листовки баркашовцев. Бывший РНЕшник Сергей Коротких, воевавший на Донбассе в составе добровольческого батальона «Азов», утверждал, что лидер белорусского филиала РНЕ Андрей Сакович лично пытался заниматься вербовкой добровольцев в «ополчение». И хотя несколько сторонников РНЕ из Беларуси действительно позже засветились на Донбассе, более никаких признаков активности баркашовцев на белорусском направлении зафиксировано не было. Группы белорусского филиала РНЕ в соцсетях были и остаются немногочисленными, а само движение в Беларуси де-факто прекратило свою деятельность еще в 2000-х. Что касается Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане, то они, разумеется, в поддержку «Новороссии» публично никогда не выступали и уж тем более не призывали никого записываться в «ополчение». Но при этом всегда придерживались однозначно пророссийских взглядов — достаточно сказать, что в 2014 году, в разгар путинской агрессии против Украины, союз афганцев наградил медалью «За заслуги» 1-й степени Рамзана Кадырова. При этом БСВВА — довольно влиятельная общественная структура в Беларуси, которая активно сотрудничает с госорганами и армией.

Все это позволяет утверждать, что из трех белорусских боевиков, засветившихся в открытых источниках в качестве вербовщиков, Шелехов несомненно обладал наибольшим потенциалом для подобной миссии. Будучи профессиональным военным, он имел обширную базу контактов и знакомств: от бывших и действующих силовиков и спецслужбистов до лидеров общественно-политических организаций как в Беларуси, так и в России. Вместе с тем нужно признать: прямых доказательств причастности Шелехова к вербовке боевиков

на сегодняшний день не существует. В конечном итоге если Шелехов, Шеянов или Монтана и способствовали отправке на Донбасс некоторого числа белорусов, это все равно был лишь маленький ручеек в огромном потоке, сформированном соловьевско-киселевской пропагандой.

Сам Шелехов в «русский мир», «киевскую хунту» и «распятих мальчиков» всерьез, конечно, не верил. На войну он ездил просто потому, что ему это нравилось. Терминологию же российской пропаганды использовал скорее как внешнее прикрытие. «Мне здесь скучно», — с тоской признавался Шелехов. Но после паузы чеканил, как бы оправдываясь за такое откровение: «Вот когда не останется там «фашистов» — вот тогда можно с Донбасса уезжать!»

Глава 3 ОСОБЕННОСТИ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

«В осажденном Луганске обстановка по-прежнему критическая. Город находится в полной блокаде, при этом вооруженные столкновения и обстрелы со стороны украинских военных не прекращаются. Бомбежки из тяжелой техники нередко приводят к жертвам среди мирного населения и разрушениям жилых домов. 13 августа силовики открыли огонь по восточной части Луганска. Эта атака, по словам горожан, унесла жизни нескольких человек». (Из сообщения российского телеканала НТВ.)

По данным волонтерской группы «Донбасс-SOS», в Луганске 13 августа 2014 года в 13:05 на перекрестке улиц Буденного и Карпинского (район «Макдональдса») взорвались четыре мины. Погибли 8 человек. Кроме этого, в этот день под обстрел попали дома № 6, 32, 13, 15 и магазин «Гном» в доме № 33 в квартале Ватутина.

«Боевики обстреливают жилые кварталы, чтобы спровоцировать жителей на агрессивное отношение к украинским войскам. В ближайшее время город будет освобожден от террористов и обстрелы закончатся», — заявил спикер информационно-аналитического центра СНБО Украины Андрей Лысенко на брифинге (цитата по РБК-Украина).

* * *

«Это было лето 2014 года. Просто на наших глазах из «зеленки» идут два минометных выстрела, — вспоминает 43-летний прапорщик Сергей Бондарь, тогда — командир разведзвода

батальона ЛНР «Заря». — Я со своей группой как раз был рядом, и мы стали прочесывать «зеленку». Двое минометчиков выходят на нас. Они бежать — мы стреляем со всех стволов. Тут мне звонит лично Игорь Плотницкий¹, он тогда был министром обороны. Спрашивает: «Вы теперь где?» «Говорю: «Накрываем минометчиков в “зеленке”». А он приказывает: «Срочно уходите, срочно на базу!» Я говорю: «Да вы чего? Мы вот-вот их возьмем!» А он кричит: «Это приказ, возвращайтесь! Что, не слышишь?..» Мы снимаемся. Приезжаем на базу, Плотницкий строит наш взвод и начинает орать: «На черта мне такой командир, сдать оружие!» Я отдаю пистолет, автомат... Я вообще не понимаю, в чем дело, взвод тоже ничего не понимает».

Мы беседуем с Сергеем Бондарем в конце ноября 2016 года в кафетерии на автовокзале в Бобруйске². Боевик ЛНР приехал в Беларусь в отпуск и перед возвращением на Донбасс, согласился дать мне интервью. Поначалу он проявляет подозрительность: долго не подходит ко мне на автовокзале, делая вид, что пришел сюда по своим делам. Когда я достаю диктофон, уточняет: а это обязательно? Впоследствии признается с усмешкой: без обид, мол, думал сначала, что ты от КГБ, провокация какая-то. Однако совсем скоро Бондарь проникается ко мне доверием: показывает свое ЛНРовское удостоверение, медаль «За освобождение Донбасса» и откровенничает. В частности — рассказывает как летом 2014-го боевики по приказу Игоря Плотницкого обстреливали Луганск.

¹ *Игорь Плотницкий* — лидер группировки ЛНР. Родился в 1964 году в Черновицкой области. 9 лет отслужил в Вооруженных силах СССР, майор запаса. В 90-е занимался бизнесом, в 2000-е работал в инспекции по делам защиты прав потребителей. Принимал участие в боевых действиях на Донбассе на стороне России. Был главой группировки ЛНР с 4 ноября 2014-го по 24 ноября 2017 года. Смещен в результате переворота — его место занял Леонид Пасечник. Правоохранительные органы Украины возбудили в отношении Плотницкого ряд уголовных дел, он также фигурировал в санкционных списках ЕС и США. На момент написания книги проживает на территории России.

² Частично интервью с Бондарем было опубликовано на «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/28145354.html>

«Уже до того было подозрение, что минометчики — это люди Плотницкого. Все это было нужно, чтобы посеять панику, — говорит Бондарь. — Минометчики — все бывшие милиционеры из Луганска. Их специально обучали минометному делу, а город они знали как свои пять пальцев. Перемещались на «скорой», на водовозке, на чем угодно. К нам бабка как-то приходила и рассказывала: они просто возле пожарной части стреляют два раза из миномета и уходят».

После случая в «зеленке» Бондарь перешел в так называемую группу быстрого реагирования (ГБР) «Бэтмен», которую возглавлял бывший украинский милиционер Александр Беднов (позывной Бэтмен). Там боевик еще раз убедился, что к обстрелам Луганска имеют отношение главаря ЛНР.

— Однажды я взял одного корректировщика лично. Мы его забрали, закинули «на подвал», я составил рапорт. Через три дня мне говорят, что приехали люди Плотницкого и его забрали, он уже гуляет по Луганску. Я рассказываю Беднову, а тот только рукой махнул.

И. И.: То есть бойцы знали, что происходит. И что они делали?

— Да ничего. А что ты сделаешь Плотницкому? До Плотницкого так никто и не добрался.

Сергей Бондарь — типичный «человек войны». Значительную часть своей взрослой жизни он провел с оружием в руках. Война была главным событием в его биографии. Вкрапления гражданской жизни выглядели блекло и служили лишь связкой между одним вооруженным конфликтом и другим.

В 1991—1993 годах Бондарь — «срочник» в спецназе в Марьиной Горке. После демобилизации полтора года работает в бобруйской милиции, в патрульно-постовой службе. Потом наступает безвременье: он перебивается случайными заработками, никак не может найти себе занятие. Об этом периоде жизни Бондарь старается не упоминать — да и нечего. Но в 1999 году происходит событие, которое во многом определит его будущее: в России к власти приходит Владимир

Путин. Начинается Вторая чеченская кампания. Приятель Бондаря из России предлагает ему поехать на войну. Так он попадает в российскую армию. «Ну, по сути, это, конечно, наемничество», — признается белорус.

Отношение к личному составу в армии было чудовищное, «людей вообще не берегли». Поэтому, провоевав несколько месяцев в обычных подразделениях, Бондарь, по его словам, «пошел под ГРУ». Позже с ГРУшниками служил и в Дагестане — в 2011—2013 годах он принимал участие в боевых операциях против местного подполья. «Бегал по горам, ваххабитов ловил два года. За Россию. Осенью 2013-го вернулся — тогда как раз Майдан начинался», — вспоминает он.

В то время Бондарь устроился на работу в службу безопасности московской сети супермаркетов, зарабатывал больше тысячи долларов. Там он проработал лишь четыре месяца. «Когда началось в Украине, я все время смотрел новости по телевизору. Жена походила-поглядела. “Ну что, — спрашивает, — опять намылился на войну? Я тебя два года из Дагестана ждала, больше ждать не буду. — Но в итоге, — ладно, — говорит, — езжай”», — вспоминает Сергей.

Изначально у Бондаря была возможность поехать на Донбасс «по линии ГРУ». Предлагали, утверждает, большие деньги. «Но я не хотел связываться с «конторой». Они ж если что такое — бросят, откажутся. Мол, не наш, не знаем ничего», — объясняет боевик. Бондарь не пояснил, почему, пройдя с ГРУшниками Чечню и Дагестан, он вдруг решил не связываться с «конторой» в Украине. Но здесь ответ на поверхности: в отличие от Северного Кавказа, теперь речь шла об операции за рубежом.

В итоге в июне 2014 года он отправился в Луганск в одиночку. Причем выбрал оригинальный маршрут: если большинство боевиков «заходили» через Изварино, Бондарь двинулся автостопом через всю Украину — Бачевск, Полтава, Харьков, Троицкое, Северодонецк. По легенде, Сергей был дальнобойщиком, у которого в Луганске осталась разбитая машина и он теперь ехал ее забирать. Правда, настоящий

дальнобойщик, которого он тормознет под Полтавой, Сергеем сразу не поверит. Услышав, что Бондарь едет в Луганск, он сделает вид, что ему нужно поворачивать в другую сторону и высадит разведчика ночью посреди чистого поля. «Говорил по-украински. Я сразу понял — бандеровец», — воспроизводит штамп российской пропаганды Бондарь.

Зато для всех остальных, кого по пути встречал Бондарь, легенда казалась вполне убедительной. Будущему боевику ЛНР поверили и пограничники на КПП «Бачевск», и добровольцы, что стояли на блокпостах перед Северодонецком. «Подобрал меня по дороге таксист из Северодонецка. На последнем посту останавливают нас «нацики» в балаклавах. Взяли паспорт. «Что, — говорят, — со стороны России заезжал?» — «Да, мол, дальнобойщик я, в Луганск за машиной еду». Заставили открыть сумку. Там тельняшка. «Это что?» — спрашивают. «Да просто майка, я-то и в армии никогда не служил!» Отпустили все-таки. И только когда мы прошли блокпосты ополченцев, я признался таксисту, что еду воевать. «Блядь, — говорит, — молодец!» Денег не взял, сам снял квартиру мне в Северодонецке, даже женщину привел. На следующее утро заехал, забрал, отвез на вокзал. Оттуда — в Луганск».

В Луганске Бондаря сразу определяют в батальон «Заря», дадут командовать разведвзводом. Разведвзвод он получит и в ГБР «Бэтмен». «Сначала, — утверждает Сергей, — не платили совершенно — выдавали лишь паек и сигареты. Потом стали платить по 400 долларов». Фиксированные зарплаты в ЛНР и ДНР введут только в 2015 году, уже после Дебальцева, когда НВФ сепаратистов приобретут очертания регулярной армии. Рядовой будет зарабатывать 15 тысяч российских рублей, сержант — 19,5 тысячи, командир взвода (т. е. в том числе сам Бондарь) — 25 тысяч, комбат — 60 тысяч.

1 января 2015 года Александра Беднова и шестерых охранников убили на Лутугинском повороте на выезде из Луганска. В том, что причиной ликвидации стали разборки Беднова с Плотницким, Бондарь не сомневается. «Плотницкий тогда уже главой ЛНР был. Он знал, что этот человек сильнее

его, видел в нем соперника. И вот 1 января Беднова срочно вызывают в штаб. Они час с Плотницким пообщались о чем-то, и Бэтмен поехал на Красный Луч. На перекрестке под Лугутино их ждала засада — со «шмелей»¹ две машины сожгли полностью. Один только человек не сгорел (взрывной волной выбросило из машины), но его добили из пистолета. Работали ЧВКашники, «вагнеровцы»². Мы тогда на них такие злые были. Не дай бог нам бы попался хоть один вагнеровец — живым бы наверняка не ушел», — вспоминает он. Впрочем, про расправу над вагнеровцами белорусский боевик добавляет скорее для красного словца. Вряд ли бедновцы рискнули бы устроить самосуд над ЧВКашниками, учитывая, что те, по словам самого же Бондаря, находились «под конторой».

После ликвидации Беднова ряд боевиков арестовали, обвинив в похищениях, пытках и убийствах. Базу «Бэтмена» взяли в кольцо и несколько суток держали в осаде. Новым полевым командиром формирования стал соратник Бэтмена с позывным Камаз. Но, как признается Бондарь, руководить подразделением он был не способен. Боевики стали разбегаться, а после Дебальцева ГБР Бэтмена фактически перестала существовать.

Согласно сведениям «генпрокуратуры ЛНР», подвал Бэтмена — то есть место, где держали и пытали похищенных — делился на 5 камер. В камере № 1 содержались боевики ГБР Бэтмена, нарушившие дисциплину. В камере № 2 сидели те, кого Беднов приговорил к смерти, — никто живым из нее не вышел. Камера № 3 — «камера пожизненного заключения». Камера № 4 была предназначена для женщин. Плюс существовала камера пыток, оборудованная стендом с инструментами — молотки, нож, кастет, труба и т. д. Наличие подобного подвала Бондарь не отрицает. Однако от официальной версии главарей ЛНР, по которой разгром «Бэтмена» был связан исключительно с участием бедновцев в убийствах, похищениях и грабежах, белорусский боевик отмахивается.

¹ «Шмель» — реактивный пехотный гранатомет.

² ЧВК — частная военная компания. Подробнее см. главу 24 «ЧВК Вагнера».

Мол, масштабы преступлений были преувеличены, да и не только ведь ГБР «Бэтмен» таким отметился.

«В 2014 году было очень много самостоятельных подразделений, — вспоминает Бондарь. — Ну вот, к примеру, хочешь ты создать подразделение — берешь и создаешь. Захотелось тебе — пошел «отжимать» квартиры, машины, деньги. Да и у Бэтмена были такие случаи. В семье не без урода, как говорится. Но все было не так, как потом расписали... Да, Бэтмен жил в домике бывшей прокурорши Луганска¹. Да, подвал был. Была камера смертников. Этого скрывать не стану. Но кто там сидел? Корректировщики, «укропы» — ну, те, которые действительно вредили. Или вот одного бизнесмена, который именно поддерживал диверсантов, держали в подвале. Пацаны рассказывали: сделали обыск в его квартире, все деньги забрали на подразделение. Было такое. А чтобы *отжималось, пыталось* — это все ерунда».

Характерно, что Сергей Бондарь отправку «укропов» в камеру смертников отклонением от нормы не считает. Точно так же он не считает преступлением открытый грабеж бизнесмена, который якобы «поддерживал диверсантов». Учитывая, что Бондарь так и не пояснил, в чем эта «поддержка» заключалась, можно смело предположить: боевики назначили этого несчастного предпринимателя помощником диверсантов — возможно, он просто был против новой власти. Перенесение же в разряд «укропов» автоматически дегуманизирует жертву — в глазах Бондаря и его соратников на них не распространяются общечеловеческие моральные нормы. Именно поэтому Бондарь столь странно противоречит сам себе: мол, деньги забирали, но ничего не «отжималось», подвал был, но никого не пытали и т. д.

¹ «Генпрокуратура ЛНР» обвиняла Бэтмена в том, что он «отжал» дом бывшей начальницы одного из отделов областной прокуратуры Елены Д., якобы уволенной с формулировкой «за поддержку сепаратизма». Летом 2014 года боевики Беднова похитили Елену Д. и ее мать, кинули в подвал. Им угрожали физической расправой, обещали снять кожу с лица. От Елены Д. требовали переоформить имущество на Беднова.

Друг Бондаря и его сослуживец по ГБР «Бэтмен», 40-летний белорус из Гродно Игорь Каток (позывной Василек) смотрит на ситуацию без подобных противоречий и приуменьшить «заслуги» Александра Беднова не пытается. Говорит прямо: преступлений он совершил достаточно. «Много он (Бэтмен) плохих дел наделал, много чего «поотжимали». Как-то «отжали» дом у одной семьи — муж, жена и дочка. А у Бэтмена был начальник контрразведки — Саид. Мужа они в подвале «зачистили» (убили). А жену и дочку Беднов сказал вывезти и «обнулить» (*расстрелять*). А Саид человек чести — он их отпустил¹. А они приехали в Киев, выложили видео в интернет, все рассказали. После этого Саида Беднов чуть не грохнул», — рассказывает Каток².

Впрочем, с тем, что к ликвидации Александра Беднова привели не его преступления, а нежелание подчиняться руководству сепаратистов, Каток тоже не спорит. По его словам, Плотницкий — человек без всякой идеи, здорово нажившийся на войне.

Видимо, те, кто «отжимал» без санкции Александра Беднова, мог нарваться на серьезные неприятности. Бондарь рассказывает: в 2014 году взвод боевиков начал грабить дачи около Луганского аэропорта. Забрали деньги и драгоценности, бросили свои позиции и поехали в Россию. Но не доехали. «На границе их наши перехватили: кого-то сразу расстреляли, а кого-то оставили служить. Ну, конечно, после того, как они в подвале посидели», — рассказывает Сергей.

Вообще о боевых качествах большинства местных «ополченцев» Сергей Бондарь невысокого мнения. Признает, что в подразделениях ЛНР уроженцев Донбасса — меньшинство, особенно по состоянию на 2014 год. Причем нередко это люди с криминальным прошлым и наркоманы.

¹ Судя по всему, в том, чтобы «зачистить» их мужа и отца в подвале Саид не видел противоречий со своими понятиями о чести.

² Интервью с Катком было опубликовано «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/27717008.html>

— А что с судимого взять? Вот у меня в взводе был русский — человек 20 лет отсидел. Он говорит: «Я пришел отстаивать эту землю, а то, что было раньше — это было раньше. Да, — говорит, — я бомж в России. Мне некуда деваться. Но я сюда пришел воевать»¹. Кстати, отличный снайпер был. А потом сильно запил, и его выгнали из подразделения. В Россию уехал.

И. И.: А что за люди обычно ехали воевать в «ополчение» из России?

— В большинстве случаев — бывшие военные. Или Чечню прошли, или хотя бы просто срочную службу. Были и такие, кто от полиции прятался. Он тут служит — а в России он в розыске. За одним, помню, ФСБэшники приехали — просто на позиции приехали, закрутили руки и увезли. Убийство на нем висело.

Про присутствие российской армии на Донбассе Сергей Бондарь под запись говорить отказывается. Мол, не было и нет. Но с выключенным диктофоном рассказывает уже откровенно: «Кто помог отстоять Луганск в 2014-м? Российская армия. Зашли «Грады», «Смерчи», даже «Точки-У»²... Они даже не знали, что границу пересекли — им сказали, что они едут на учения. Так вот они зашли, отстрелялись — аэропорт, Новосветловка... Отстрелялись, надо сказать, на пять. Там вообще ничего не осталось». Были на Донбассе, признается Бондарь, и псковские десантники, и штатные подразделения ГРУ.

¹ Описанный Бондарем образ — классический представитель типажа «беглец» (см. главу 4). Нарочно такое не придумаешь.

² Москва, разумеется, обвинила в разрушительном использовании «Точки-У» на Донбассе Украину. В феврале 2017 года Следственный комитет России заявил, что якобы располагает «неопровержимыми данными» применения ВСУ ракет «Точка-У» против мирных жителей Луганской области в 2014—2015 годах. Среди населенных пунктов, подвергшихся ударам «Точки-У», в том числе фигурирует Луганск и село Новосветловка. Сведения Сергея Бондаря в этом контексте приобретают особое значение.

«Теперь же (осенью 2016 года. — *И. И.*) российской армии как таковой на Донбассе нет, — продолжает Бондарь. — Правда, есть так называемые «командировочные» — кадровые российские офицеры, которых временно отправляют в ЛНР и ДНР в качестве советников и командиров»¹.

— *Да, теперь уже русские тут не топчут, российская армия теперь в Сирии работает*, — говорит боевик Игорь Каток, который, в отличие от своего сослуживца Бондаря, готов был беседовать на эту тему под диктофон.

И. И.: Это верно, что наиболее масштабное участие российской армии в войне на Донбассе было во время Иловайска и Дебальцева?

— *Да. Скажу, что в 2014 году тут в Луганске были томичи, 76-я псковская, северо-морские морпехи и еще кто-то — уже точно не помню*². Это именно у нас в Луганске.

И. И.: А что российские солдаты сами говорят? Они лично хотели ехать на Донбасс?

— *Ну как, хотели... Им сказали «фас» — и они пошли. Исполняли приказ просто. Так же, как в Сирии теперь. Никто не говорит об этом, но месяца два назад, уже после того, как Су-24 турки сбили, два борта пришло в Жуковское и Раменское с ЧВКашиниками — все «двухсотые». Российские же ЧВКашиники теперь тоже в Сирии работают. Хотя русские, конечно, продолжают нам помогать.*

¹ Присутствие «командировочных» или «отпускников» так или иначе признавали многие боевики-белорусы, с которыми общались авторы этой книги. Вот так, например, об этом рассказывал боевик Алексей Маркулевич: «Да, есть люди, они в российской армии контрактники, офицеры. Но на время их пребывания здесь они в отпуске — пишут бумагу на отдых и приезжают сюда. А потом, когда «отдых» кончается, уезжают обратно».

² 76-я псковская — это 76-я гвардейская десантно-штурмовая дивизия из Пскова. Северо-морские морпехи — морские пехотинцы Северного флота. Возможно, речь идет о 61-й бригаде морской пехоты СФ ВМФ РФ. А вот кого Каток имел в виду под «томичами», до конца не ясно.

Биографии Игоря Катка и Сергея Бондаря удивительно похожи. Как и Бондарь, Игорь прошел срочную службу в белорусской армии, в 1995—1997 годах служил в 113-м разведывательном батальоне 11-й гвардейской отдельной механизированной бригады под Слонимом. А когда началась Вторая чеченская кампания, записался в российскую армию и тоже «пошел под ГРУ»: воевал в Чечне в составе 22-й бригады спецназа ГРУ Генштаба ВС РФ до конца апреля 2000 года¹. В это время, утверждает, познакомился с тем самым Вагнером — командиром «ЧВК Вагнера» Дмитрием Уткиным.

Потом гродненец работал в охране — то в Беларуси, то в России. А затем наступил 2014 год. На Донбасс Игорь Каток приехал в один месяц с Бондарем (в июне) и оба оказались вскоре в одном и том же подразделении — ГБР «Бэтмен». Служили в разведке.

Мотивы своей поездки на Донбасс Игорь Каток описывает в духе российской пропаганды: «чтобы сражаться против нацистов», потому что «следующей страной могла бы стать Беларусь». Утверждает, что поехал самостоятельно, как «обычный ополченец». Правда, однажды в разговоре Каток обмолвился: в октябре 2014 года он был в Молькино и видел спецгруппы, которые занимаются ликвидацией полевых командиров на Донбассе — «те, кто «зачищает», даже в столовую ходили в балаклавах». Молькино — это поселок под Краснодаром, где размещается 10-я бригада краснодарского спецназа ГРУ и тренировочная база «ЧВК Вагнера». То, что «обычный ополченец» вдруг в октябре 2014-го там оказался, наводит на мысль, что свои ГРУшные связи Игорь Каток, как минимум, не оборвал. Возможно, и на Донбасс он поехал не совсем самостоятельно.

Счет убитым на войне Каток не вел, даже приблизительные цифры в интервью называть отказался — мол, такими вещами не принято бравировать. «Я не снайпер, я разведчик.

¹ По данным сайта «Миротворец», за Чечню был награжден медалями «Участник боевых действий на Северном Кавказе» и «За боевые заслуги».

Я всегда, когда с боевых приходил, ходил в церковь и молился, когда от моей руки кто-то погибал. Это ведь чьи-то сыновья, мужья», — говорит он.

А вот Сергей Бондарь не упоминает о какой-либо рефлексии:

— *Когда меня КГБ допрашивал, меня спросили: участвовал ли я в контактном бою, убивал ли. Я вообще в осадок выпал. Смотрю на него и думаю: «Ну ты что, дурак? Я же командир разведвзвода».*

И. И.: А вы можете сказать, сколько украинцев вы убили на войне?

— *Да не считал я. Откуда мне знать, сколько я убил? Это снайпер может точно сказать: один выстрел — один труп. А из автоматной очереди можно сразу пятерых положить. Идет бой — ты стреляешь.*

* * *

Разговор с Игорем Катком состоялся по телефону, когда сам он находился в квартире своей супруги в Луганске (и Каток, и Бондарь нашли себе на Донбассе новых жен). В конце беседы он настолько проникся ко мне доверием, что передал трубку теще Галине Ивановне, чтобы та рассказала о настроениях среди местных. «Мирным жителям уже надоело находиться в такой блокаде. Нас же не выпускают никуда. Мы не можем выехать на территорию Украины. Блокпост перед Пасхой открыли на сутки, и все. Все возмущаются, а что толку?.. Многие теперь (разговор состоялся в мае 2016 года. — И. И.) вернулись из тех, кто убежал, когда начались обстрелы. Мы не убегали, мы всегда были тут, в подвале два месяца сидели и Богу молились. Все всем надоело, уже хочется, чтобы все это закончилось, чтобы мы могли жить нормальной мирной жизнью. Чтобы работа была (потому что мы теперь не работаем). Всем хочется скорее мира. Потому что видим, что происходит безобразие — то там обстрелы, то там. А мы сидим в ожидании чуда», — призналась Галина Ивановна.

Понимала ли эта женщина прямую взаимосвязь между нынешним положением жителей Донбасса и присутствием там людей вроде ее зятя? Вряд ли. Хотя некоторые, разумеется, понимали. Даже Бондарь утверждает: несмотря ни на что, на подконтрольных ДНР и ЛНР территориях остаются люди, желающие восстановления украинской власти.

«Люди войны», подобные Бондарю или Катку, самый богатый материал для интервью. Они, как правило, наиболее откровенны и меньше других занимаются самообманом. Однако, как показала практика, уровень инфантильности таких людей, их неспособность выстраивать причинно-следственные связи — как у 20-летних наивных «ополченцев» с начисто промытыми российской пропагандой мозгами. Эффект от публикации интервью Бондаря и Катка искренне удивил. Два бывших ГРУшника всерьез полагали, что можно выболтать едва знакомому журналисту тайны ДНР и ЛНР без всяких последствий, да еще оказаться в публикациях не боевиками НВФ, а бесстрашными борцами с «украинским фашизмом».

Спустя четыре дня после выхода интервью с Сергеем Бондарем он позвонил мне и с обидой в голосе поинтересовался: зачем я все это «выложил в интернет»? Почему назвал его боевиком? Зачем написал про обстрелы Луганска? Не дослушав моих объяснений, бросил трубку. На мои последующие звонки отвечать уже не стал.

По данным группы «Информационное сопротивление», признания Сергея Бондаря насчет обстрелов Луганска имели большой резонанс в ЛНР. После этого бойцам 2-го Армейского корпуса ЛНР категорически запретили контактировать с журналистами без специального разрешения. А Игорю Плотницкому руководство МГБ ЛНР предложило на выбор: сфабриковать доказательства либо психического заболевания Бондаря, либо его «работы на СБУ».

Интервью Бондаря было опубликовано 29 ноября 2016 года. Спустя девять дней его слова косвенно подтвердил

экс-главарь ЛНР Валерий Болотов¹ в беседе с корреспондентом «Росбалта». Его интервью от 8 декабря было практически полностью посвящено резкой критике в адрес Игоря Плотницкого.

— Известно, что Игорь Плотницкий командовал батальоном «Заря», в Луганске ходят слухи, что именно этот батальон устраивал провокации и обстреливал Луганск летом 2014-го. Это так?

— Да. И не только «Заря». Сюда было заслано много людей, которые должны были совершать диверсии и разлагать дисциплину. А в «Заре» оказался самый большой процент этих «диверсантов». Я в свое время отдал приказ Плотницкому собрать батальон для защиты правопорядка в городе, участия в боевых действиях и защиты границ ЛНР. Однако, как оказалось, батальон «работал» для другого.

Валерий Болотов скончался при загадочных обстоятельствах менее чем через два месяца после этого интервью — 27 января 2017 года. Критик и оппонент Плотницкого, которому прочили возвращение на пост главаря ЛНР, внезапно умер из-за острой сердечной недостаточности. Однако близкие и соратники Болотова убеждены: его убили, и в этом убийстве был заинтересован именно Плотницкий. 46-летнему Болотову резко стало плохо после того, как он выпил чашку кофе (который непривычно горчил) на деловой встрече с бывшими соратниками по ЛНР. Супруга бывшего «народного губернатора» уверена, что ее мужа отравили как раз на той встрече.

Учитывая нравы ЛНР, Сергея Бондаря вполне могли убить после таких откровений. Но этого не случилось. По

¹ Валерий Болотов (1970—2017) — один из лидеров группировки ЛНР в первые месяцы конфликта на Донбассе. В апреле 2014 года призвал жителей Луганской области к открытому противостоянию с властями, участвовал в захвате здания СБУ. Был «народным губернатором» и командиром «армии юго-востока». 18 мая 2014 года стал главой ЛНР, однако уже 14 августа объявил о своей отставке и уехал в Москву.

неподтвержденным данным, Бондарь в свой 11-й батальон под руководством Чечена уже не вернулся, осел где-то в России. Осенью 2017 года жил в Москве и Игорь Каток.

Что касается скандального признания Бондаря об обстрелах Луганска боевиками «Зари», то ровно через год, в ноябре 2017 года, МГБ ЛНР опубликовало на своем ютуб-канале показания «ополченца» Виталия Воротилина. Тот рассказывал удивительные вещи. Оказывается, Луганск действительно обстреливали бойцы батальона «Заря» — в частности, люди с позывными Крик, Наемник, Тринадцатый, Зеленый. Но только работали они якобы на СБУ и являлись диверсантами. «Это все происходило с ведома командования, сами они ничего не могли сделать... У меня сложилась убежденность, что батальон «Заря» являлся кузницей диверсантов, которые непосредственно работали на спецслужбы Украины», — заявлял Воротин.

Видео было опубликовано МГБ ЛНР 24 ноября 2017 года. В этот же день произошел переворот в группировке ЛНР — Игорь Плотницкий был смещен. Его место занял Леонид Пасечник, «министр госбезопасности». В феврале 2018 года российские СМИ сообщали, что Плотницкий был арестован на территории РФ по подозрению в работе на СБУ. Позже СМИ уточнили: экс-главарь ЛНР не арестован, а просто находится под надзором ФСБ. Как бы то ни было, история с обстрелами Луганска очень пригодилась боевикам и кремлевским спецслужбам на очередном этапе внутривидовой борьбы в ЛНР. Правда, широкой огласки все же не получила — она слишком уж противоречила той мифологии войны на Донбассе, которую создали российские пропагандисты.

Глава 4 ПСИХОЛОГИЯ БОЕВИКА

«Две самопровозглашенные республики, так называемые Донецкая и Луганская — это две террористические организации, которые имеют четкую иерархию, финансирование, каналы поставки оружия. Созданы для нападения на людей, запугивания, совершения диверсий и терактов, избиения и убийства наших граждан». (Из заявления первого заместителя Генерального прокурора Украины Николая Голомши от 16 мая 2014 года.)

«Хорошо организованные и вооруженные» сепаратисты на востоке Украины виновны в «целенаправленных убийствах, пытках, избиениях, похищениях, запугивании» людей, говорится в новом докладе, подготовленном Верховным комиссаром ООН по правам человека Нави Пиллай. Представляя 37-страничный доклад в пятницу, 16 мая, в Киеве, Пиллай отметила «вызывающее тревогу обострение» ситуации с правами человека в восточных регионах Украины». (Из материала DW от 16 мая 2014 года.)

«Туда люди едут кто за приключениями, кто за боевым опытом... У каждого свои причины. Конечно, какая-то неустроенность по большей части у этих людей. Как в ИГИЛ, почему туда едут люди? Думают, что они будут там нужны, будут востребованы. Здесь то же самое. Когда попадаешь туда, буквально с первых минут понимаешь, что это не воинское подразделение — это банда самая настоящая». (Из интервью «Радио Свобода» российского предпринимателя Бондо Доровских, воевавшего на востоке Украины в составе НВФ

«Призрак» с июля по декабрь 2014 года. После полугода в рядах «ополчения» Доровских изменил свои взгляды и признал, что война на Донбассе — это российская агрессия.)

* * *

В обществе есть два полярных взгляда на белорусов, воюющих за «русский мир» на Донбассе. Одни уверены, что речь идет о защитниках местного населения от «фашистов-бандеровцев». Другие убеждены: белорусы-боевики воюют из-за денег, исключительно ради личной наживы. На самом деле обе крайности далеки от реального положения дел.

Заработать на Донбассе при всем желании не так просто. Если боевик не попал в «ЧВК», то поначалу стабильного заработка в ДНР и ЛНР у него в принципе быть не могло. Все наши собеседники однозначно утверждают: в 2014-м — начале 2015 года в большинстве местных подразделений либо не платили вообще ничего (выдавали только питание и сигареты), либо производились лишь небольшие бессистемные выплаты. Фиксированная оплата появилась только ко второй половине 2015 года. Рядовые стали получать 15 тысяч российских рублей, сержанты — 19,5 тысячи, командир взвода — 25, комбаты — 60 тысяч.

Цифры не самые впечатляющие. Среднегодовой валютный курс Центробанка РФ в 2016-м — 66,8 рубля за 1 доллар. То есть зарплата командира батальона в ДНР и ЛНР — около 900 долларов, а рядового — около 225. Следует помнить, что мы говорим о людях, приехавших не из самой бедной страны мира. Средняя зарплата в Беларуси в 2016 году составляла от 655 до 800 белорусских рублей (310—410 долларов). Да, покупательная способность денег в ДНР и ЛНР и в Беларуси разная. К тому же большинство белорусов-боевиков родом из провинции, и среднюю зарплату по стране там никто в глаза не видел. Однако в любом случае речь не идет о цифрах, из-за которых есть смысл

рискнуть жизнью. На обычной стройке в России заработать можно больше и без всякого экстрима¹.

Так зачем же они едут в чужую страну убивать и умирать? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости социальной психологии. Абсолютное большинство белорусов, которые оказались в рядах ДНР и ЛНР, поехали туда не ради наживы и не по идейным соображениям, а за социальным статусом. Война на Донбассе дает им возможность обменять статус люмпена, маргинала или просто лузера на статус «героя Новороссии» и «борца с украинским фашизмом». А это очень привлекательный обмен, даже если он происходит исключительно в их головах.

При этом слова «маргинал» или «люмпен» здесь следует воспринимать без эмоциональной окраски, а исключительно как термин из области социологии. Т. е. «люмпен» в данном случае не есть синоним таких слов, как «подонок», «садивист» или «маньяк». Набор нравственных качеств среднего белорусского бойца «Новороссии» мало отличается от набора нравственных качеств среднего белоруса в принципе. Просто в иерархии белорусского общества они находятся в самом низу. У них нет постоянной работы и определенной профессии, чаще всего нет семьи и планов на будущее. Их сознание заполнено эклектическим сочетанием штампов российской пропаганды, наследия советского коллективизма и традиционалистских стереотипов. В современном обществе (даже с поправкой на консервативные белорусские реалии) они чувствуют себя неуютно и не видят в нем будущего. Поездка на Донбасс позволяет этим людям мгновенно избавиться от подобного дискомфорта и оказаться на самом вершине социальной пирамиды. В обществе ДНР и ЛНР они являются элитой. Героями. Самыми уважаемыми и нужными гражданами. Самыми обеспеченными людьми, наконец: пускай рядовой се-

¹ Добавлю к этому личные впечатления от общения с белорусами-боевиками: это люди без денег. Некоторые из них после интервью просили у меня несколько рублей на проезд, на оплату мобильной связи или на пиво.

паратист получает только 15 тысяч, но ведь многие местные живут в полной нищете, а то и вовсе голодают.

Вероятней всего, этот принцип актуален не только для белорусов, но и вообще для всех, кто взял в руки оружие, чтобы «защитить народ Донбасса». Биографии двух наиболее раскрытых полевых командиров ДНР — Гиви и Моторолы — яркая иллюстрация такого положения вещей. Один, гражданин Украины, работал до войны охранником в супермаркете, другой, гражданин РФ, был автомойщиком в Ростове. Война на Донбассе позволила им стать звездами российского телевидения, обвешаться орденами и медалями, увидеть свое изображение на почтовых марках и обложках книг. То есть люди, которые в мирной жизни не имели ни единого шанса подняться в социальной иерархии выше охранника и автомойщика так или иначе вошли в историю. Крутой маршрут пьянил: получив возможность распоряжаться человеческими жизнями, они превратились в кровожадных тиранов, упивающихся своим правом казнить и миловать. Гиви устраивал целое телешоу из издевательств над пленными украинскими «киборгами», а Моторола козырял своей безнаказанностью перед журналистом Kyiv Post: «Мне похуй, в чем меня обвиняют. Я 15 пленных расстрелял... Хочу убиваю, хочу — нет». О жестокости полевых командиров, воспетых российским телевидением, ходили легенды даже среди самих «ополченцев». «Гиви был достаточно кровожадный человек, — рассказывает боевик Павел Ш. — За год, что мой друг у него служил, Гиви только из своего батальона насмерть забил четырех человек. У него были свои ебнутые правила, и иногда его сильно клинило. Вообще считалось что все девушки в батальоне — его. Поэтому, если ты хочешь с кем-то встречаться, то должен спрашивать разрешения у Гиви. Однажды на каком-то вечере парнишка просто улыбнулся девчонке — так Гиви подошел и четыре ребра ему сломал. Или был случай, когда парень из БТРа выходил, уронил рацию армейскую — так Гиви его бил до потери сознания, тот потом полгода в больнице лежал. У них пословица в «Со-

мали» была: кто лично от Гиви пиздюлей не получал, тот в «Сомали» не служил». Впрочем, законы донбасской социальной пирамиды неумолимы: падают с вершины здесь столь же стремительно, как и возносятся на нее. 16 октября 2016 года убили Моторолу, 8 февраля 2017 года — Гиви. И убили, по общему убеждению, свои же.

В рамках подобной психологии социального лифта можно выделить, как минимум, три типажа боевиков.

1. **«Романтик».** Хрестоматийный образ представителя этого типажа — парень из провинции, который сразу после школы отслужил срочную службу в белорусской армии, а на гражданке не успел обзавестись ни семьей, ни постоянной работой. Это человек невысокого интеллектуального уровня, предельно наивный и инфантильный. Мировоззрение таких людей сформировано российским телевидением, и киселевско-соловьевскую пропаганду они воспринимают буквально. Белорусский десантник Белый из ОРБ «Спарта», поехавший на войну под впечатлением от сюжета про «распятого мальчика» — классика жанра.

Для «романтика» война на Донбассе — это война добра («русского мира») против зла («украинских фашистов»). Этот абсолютизм он тщательно оберегает, чтобы оправдывать свои действия в собственных глазах. Чаще всего они даже сами себе не хотят признаваться, что реальность расходится с тем мифом, который был создан пропагандой и их воображением.

2. **«Беглец».** Его жизнь в той или иной степени потерпела катастрофу, зашла в тупик. Война для него — единственный видимый шанс сделать полную перезагрузку, начать все с чистого листа. Это побег из беспросветной реальности в героический миф. Этот миф «беглец» оберегает столь же рьяно, как и «романтик», и использует в качестве универсального самооправдания.

Нередко это люди с криминальным прошлым, имеющие мало перспектив в мирной жизни. Уголовник-рецидивист Горыныч — яркий пример подобного типажа (см. главу 13).

Однако жизненные катастрофы «беглецов» не обязательно связаны с судимостями. Это может быть и банальная личная драма. Например, Алексей Ершов решил поехать «защищать народ Донбасса» не в разгар боев и пропагандистской истерии 2014-го — начала 2015 года, а только в марте 2016-го. По признанию его знакомых, любовью к «русскому миру» Ершов проникся после того, как жена ушла к другому.

Бывают случаи и временного «побега». Например, 34-летний экс-офицер бригады спецназа внутренних войск МВД Беларуси (в/ч 3214) Алексей Берговин тоже решил повоевать за «Новороссию» после ссоры с бывшей женой осенью 2014 года. «Оказалось, что она просто забрала вещи, двух сыновей и умотала в Мозырь к родителям. Думаю объяснять, что я чувствовал, излишне. Тогда я уже практически созрел, и понял, что поеду на войну», — рассказывает он. Но при этом сжигать мосты Берговин не стал. Поскольку бывший спецназовец параллельно получал третье высшее образование в БГСХА в городе Горки, он дождался сдачи ближайшей сессии и только после этого, в марте 2015 года, поехал воевать за «русский мир». При этом вернуться планировал — к следующей сессии, в октябре. Так в итоге и вышло¹. «Да, иронично, — признает Берговин. — Как в песне получилось: «Хотела повеситься, но экзамены, сессия». Но на самом деле был трезвый расчет на разные варианты развития событий. Решил, что полгода будет достаточно, чтобы на свой шкуре понять, что там происходит, отдать долг людям, фашистам и Родине».

Впрочем, Берговин имеет признаки и еще одного типажа боевиков — «человека войны». Позже он еще отправится в рядах «ЧВК Вагнера» в Судан — видимо, Берговин и

¹ Боевик в итоге получит три высших образования: два на разных факультетах сельскохозяйственного вуза и одно в Военной академии. Несмотря на специфический уровень полученного образования, Берговин в этом смысле все равно исключение из правил: большинство белорусских защитников «Новороссии» в лучшем случае закончили ПТУ.

в Африке планировал отдать какой-то долг «фашистам и Родине».

3. **«Человек войны».** Это человек с опытом участия в боевых действиях (обычно речь идет о чеченском конфликте) либо просто кадровый силовик. Война и военная служба — его призвание. В сущности, ничего больше он делать не умеет. На гражданке ему скучно, он ощущает себя чужим и ненужным, начинает пить и потихоньку сходить с ума. На войне же его жизнь вновь приобретает смысл.

С журналистской точки зрения, интервью с подобными персонажами наиболее продуктивны. Они не станут тратить время на рассказы о преступлениях «украинских фашистов», зато откровенней других будут говорить про темные стороны «русского мира». Все дело в том, что «людям войны, в отличие от «романтиков» или «беглецов», не нужно дополнительно оправдывать себя за то, что они поехали убивать. Не нужно убеждать себя, что воюешь за «хороших» против «плохих». Для них война и военная служба — естественное состояние организма. А Россия в их сознании права априори — в силу того, что когда-то они уже воевали за эту страну, либо потому, что среди белорусских силовиков сильны пророссийские настроения. «Русский мир» им просто ближе и понятнее.

«Люди войны», конечно, наравне с другими боевиками используют штампы российской пропаганды про «фашистов», «бандеровцев» и «американский империализм». Но для них эти штампы имеют исключительно прикладное значение — они служат формальным поводом отправиться на войну. От несоответствия реального мира пропагандистской картинке они, в отличие от других, не отмахиваются — для них эти расхождения не имеют никакого значения.

«Я узнал, что Вадим поехал воевать не сразу. Он звонил мне несколько раз, и из разговора я понял, что он на Донбассе. Я не спрашивал подробности — в нашей среде не принято задавать много вопросов в таких случаях, тебя же могут слушать и свои, и чужие. Как я отнесся к этому решению

Вадима? Многие из тех, кто служил, потом не нашли себя в гражданской жизни. Вот и он решил найти себя в «горячей точке». Поэтому отнесся я к этому спокойно». Вот так сухо и откровенно комментирует свое отношение к поступку белорусского ЧВКашника Вадима Василевского его друг Алексей Шабуневич — тоже бывший силовик. Стоит отметить, что сам Шабуневич — человек вполне пророссийских взглядов. Однако объясняет решение друга он не пафосными рассуждениями о борьбе «добра» и «зла», а очевидными для военного человека особенностями профессиональной психологии. Не мог найти себя в гражданской жизни — нашел в «горячей точке». Все просто.

Зачастую все описанные типажи довольно условны, да к тому же взаимно пересекаются. «Люди войны» и «романтики» тоже в какой-то мере совершают «побег» из реальности. «Беглецы» могут быть столь же наивными и инфантильными, как и «романтики», а «романтики» со временем способны превратиться в «людей войны»¹. Плюс для всех этих типажей одинаково важно движение по социальному лифту, которое становится возможным на войне.

Разумеется, из любого правила есть исключения. Вероятно, были и те, кто не нуждался в социальном лифте. Кроме того, мы специально не стали описывать в отдельных психологических типажах обязательных спутников любого военного конфликта — авантюристов, любителей острых ощущений и психически нездоровых людей с маниакальными наклонностями. «Горячие точки» притягивают таких персонажей, и Донбасс в этом смысле только подтверждает общее правило. Были, наконец, и просто мошенники. В 2015 году в социальных сетях и на тематических форумах «ополчения» активно распространялась информация об афере двух бело-

¹ Такая метаморфоза — превращение из «романтика» в «человека войны» — случилась с Белым (тем самым боевиком, который поехал воевать из-за репортажа про «распятого мальчика»). «Настоящий солдат, человек войны», — характеризовал его впоследствии Шелехов.

русов с позывными Ангара и Таец — боевики обвиняли их в присвоении «гуманитарки». По слухам, схема выглядела так. Ангара и Таец открыли счета в разных банках и электронных платежных системах, примкнули к группировке ДНР и стали выкладывать в интернет видеоролики с Донбасса, а также снимки с оружием и символикой «Новороссии». В своих постах они рассуждали о православии, духовности и русской земле и просили перечислять деньги на борьбу против «укро-фашистской хунты» и на некий виртуальный «Славянский легион». Их соратники по «ополчению» позднее утверждали: на войне Ангара и Таец пробыли всего несколько недель, а когда деньги на борьбу за «русский мир» начали поступать на их счета — попросились в отпуск и больше уже на Донбасс не вернулись¹. И все же подавляющее большинство белорусов-боевиков соответствуют одному из трех описанных психологических типажей.

Следует также учитывать и более широкий культурно-исторический контекст психологии боевиков. Война на Донбассе в изображении российской пропаганды апеллирует к глубинным пластам сознания постсоветского человека — к героической мифологии Великой Отечественной войны, тоске по чувству сопричастности к великим событиям и чувству гордости за страну. «Массы шли за ним вовсе не потому, что картинами украинских равнин он разжигал безудержную империалистическую жадность нации, а потому, что они стосковались по гордому сознанию своей новой причастности к формированию истории». Эти слова немецкого историка Иоахима Феста посвящены Адольфу Гитлеру. Но вполне актуальны для Путина и его агрессии в Украине.

Фраза «деды воевали» уже давно стала интернет-мемом, однако в действительности эта историческая отсылка —

¹ По неподтвержденным данным, Таец и Ангара были объявлены в розыск в ДНР. Сам Таец в краткой беседе с авторами книги утверждал: мошенничеством они не занимались. Правда, пояснить, что в действительности с ними произошло на Донбассе и откуда взялись обвинения в афере, он отказался.

важный элемент психологии «ополченцев». «Мой дед воевал против фашистов и я всегда им гордился. Теперь я поехал воевать против «фашистов», чтобы точно так же мною гордились мои внуки», — заявил нам однажды в интервью российский боевик. И несмотря на использование пропагандистского штампа, такое признание говорит о многом. Для постсоветского человека, страдающего от комплекса социальной отчужденности и чувствующего острую потребность в принадлежности к какой-либо группе, борьба с «украинским фашизмом» (пусть и полностью выдуманым) — это возможность избавиться от ощущения собственной психосоциальной неполноценности. В этом смысле целевая аудитория путинской пропаганды ровно та же, что и у любой тоталитарной идеологии — нацизма, коммунизма или исламского терроризма. Перефразируя слова британского бойца Интербригад времен Гражданской войны в Испании Джейсона Гурни, описывающего эффект от коммунистических идей в 1930-х годах, можно сказать: подлинная гениальность путинской пропаганды заключалась в том, чтобы «предложить новый мир, где потерянные, одинокие люди могли обрести важность».

Справедливости ради добавим: не все, кто польстился на этот новый мир, нашли в нем свое место. У кого-то все же хватило критического мышления, чтобы со временем распознать разницу между пропагандистской картинкой и реальностью. Кто-то на своей шкуре ощутил чудовищность этого нового мира. Боевик-россиянин Павел Ш. признавался: «Слишком много там убили людей, которые были мне дороги, и убили их свои же. Их в ЛНР только 7 человек. Даже не хочу рассказывать... Я не хочу больше туда возвращаться, у меня появилось отвращение...»

Катерина Андреева

Глава 5 ДОБРОВОЛЬЦЫ: ОТ МАЙДАНА ДО УКРАИНСКОГО ГРАЖДАНСТВА

«События на востоке Украины — это не просто война между Россией и Украиной, это война мировоззрений. Это не война между нациями, не война между украинцами и россиянами. Это война между моделями мышления, между прошлым и будущим. И ярким подтверждением тому есть наличие иностранцев, которые воюют в составе украинских добровольческих батальонов. Среди них есть представители разных стран — шведы, россияне, грузины, белорусы, греки, чеченцы» (Цитата из книги «Добробаты».)

* * *

По информации белорусских правоохранительных органов, наших соотечественников в рядах боевиков — в несколько раз больше, чем на стороне Украины. Безусловно, отрицать, что со второй половины 2016 года (когда вступили в силу поправки в Уголовный кодекс¹) участие этих людей в войне противоречит белорусскому законодательству, мы не можем. Белорусы в добровольческих батальонах действительно воюют «на тер-

¹ В Уголовный кодекс была добавлена статья 361-3, согласно которой «участие гражданина Республики Беларусь на территории иностранного государства в вооруженном формировании одной из противоборствующих сторон, а равно участие в вооруженном конфликте, военных действиях без уполномочия государства» наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

ритории иностранного государства без полномочий», данных им Беларусью. Но, говоря о них, мы будем употреблять именно термин «доброволец» по следующим причинам:

1) эти люди взяли в руки оружие, чтобы отстоять суверенитет независимой Украины и противостоять российской агрессии, которая представляет угрозу для всего региона. Они занимают сторону конфликта, которая права априори;

2) назвать их «боевиками» нельзя, так как с точки зрения Украины они действуют легально, оказывая помощь законной власти;

3) все наши собеседники, чьи слова приводятся здесь, отправились на Донбасс, не преследуя материальной выгоды. Следовательно, их поступок ничего общего с «наемничеством» не имеет.

Следует подчеркнуть, что все белорусы, воевавшие на украинской стороне, первоначально ехали именно в добровольческие формирования. Материального вознаграждения они там не получали. Когда летом 2016 года президент Петр Порошенко издал указ, дающий право иностранцам проходить службу в Вооруженных силах Украины (ВСУ) по контракту, некоторые бывшие бойцы добробатов вступили в ряды регулярной армии. В таком случае их жалование не отличалось от жалования военных-украинцев — эта сумма колеблется в диапазоне 7—10 тысяч гривен (280—400 долларов) в зависимости от специальности. Но нам неизвестно ни об одном гражданине Беларуси, который отправился бы на фронт изначально с целью подписать контракт с ВСУ.

Начиная рассказ о белорусских добровольцах, мы должны перенестись в довоенное время, а именно в Киев конца 2013-го. Первые баррикады, первые горящие покрышки, первые раненые.

«Я был первым белорусом в “Правом секторе”»

Началом силового противостояния на Майдане принято считать 30 ноября 2013 года — ночь, когда спецподразделение «Беркут» разгромило небольшой палаточный лагерь студен-

тов. Десятки получили травмы, кто-то попал в больницы, кто-то в милицейские участки. Применение brutальной силы против безоружной толпы вызвало у людей больший гнев, чем первоначальная причина Евромайдана — отказ Киева от курса на евроинтеграцию. На следующий день на улицы вышло полмиллиона украинцев. 1 декабря протестующие заявили о создании общественной организации «Самооборона Майдана». В «Самооборону» вошли отряды активистов («сотни»), которые взяли на себя обеспечение безопасности участников протеста и охрану де-факто подконтрольной им территории квартала. По данным, приведенным украинской службой «Радио Свобода», изначально было 17 «сотен», каждая из них насчитывала от 70 до 300 человек. Уже к февралю 2014-го количество участников «Самообороны Майдана» достигло 12 тысяч. Руководил организацией Андрей Парубий, на тот момент — депутат от партии «Батькивщина», позже — председатель Верховной Рады. В тот же день, 1 декабря, тогдашний глава МВД Виталий Захарченко извинился за «чрезмерное применение силы» правоохранительными органами, а начальник киевской милиции Валерий Коряк, который, по одной из версий, лично отдавал приказ о разгоне, подал прошение об отставке, но оно не было принято. Несмотря на все попытки властей (включая Виктора Януковича) оправдаться за произошедшее, возмущение протестующих только усиливалось.

В «Самообороне» участвовал и 25-летний Михаил Жизневский из Гомеля. К началу протестов он уже жил некоторое время в Украине, в городе Белая Церковь. Был близок к политической партии УНА-УНСО. По словам очевидцев, Жизневский постоянно защищал палаточный городок от «титушек», стоял на постах и на баррикадах. Утром 22 января 2014 года на улице Грушевского он был застрелен неизвестным снайпером, пуля попала в сердце. Жизневский стал одним из первых погибших на Майдане. Почти три года спустя, в декабре 2016-го, Генпрокуратура Украины, которая расследовала обстоятельства гибели Героев Небесной сотни, пришла

к выводу, что пуля была предназначена для принудительной остановки транспорта и использовалась исключительно в спецподразделениях МВД. В 2017 году Петр Порошенко посмертно присвоил белорусу звание «Герой Украины». Его пожилые родители, принимавшие высокую награду из рук украинского президента, прожили еще несколько лет после смерти сына, а в 2018-м оба умерли. Разумеется, Жизневский был не единственным белорусом, принимавшим участие в Евромайдане.

Среди белорусов, прошедших Майдан с первых «горячих» дней, были те, кто вскоре присоединился к добровольческому движению и отправился на восток Украины. 20-летний минчанин Ян Мельников решил поехать на Майдан на следующий день после гибели Жизневского — 23 января. Ранее в Беларуси Ян участвовал в акциях оппозиции, был членом правоцентристского движения «За свободу». Свои взгляды в тот период он сам называет «националистическими». При этом некоторое время Ян был среди фанатов футбольного клуба МТЗ-РИПО («Партизан»), известного своими левыми убеждениями. «То есть, антифашистскими», — уточняет он. Отец Мельникова — оппозиционный активист, с детства водил сына на митинги и демонстрации, отмечал День Воли 25 марта. Переживал, когда в 2013-м Ян получил 15 суток административного ареста за раздачу листовок. К 20 годам Мельников стал личностью, способной к решительным действиям.

В Киеве Ян находит единомышленников в «Правом секторе» — тогда еще просто национально-ориентированном неформальном объединении активистов Майдана. По мере того как обострялось противостояние между протестующими и «Беркутом», «Правый сектор» все чаще появлялся в новостных заголовках. Его руководителем стал помощник депутата Верховной Рады Дмитрий Ярош. В отличие от людей, желавших добиться подписания Украиной ассоциации с Евросоюзом, основатели «ПС» видели свою задачу в «осуществлении национальной революции», которая должна была, по их мнению, закончиться «полным устранением

режима внутренней оккупации и получением украинского национального государства с системой всеохватывающего национального народовластия». «То, что «Правый сектор» считается правой организацией, никаким образом не противоречит моим взглядам. Ярлыки — это проблема. Сегодня не стоит использовать ярлыки вроде «правый-левый». Я для себя понял: народу нужно стремиться быть равным среди равных, иметь свою территорию, государственность. Это важно. Нет, безусловно, возникали внутри «ПС» радикальные группировки, которые говорили о «расовой идентичности», но я себя с ними не ассоциирую и никакого отношения к ним никогда не имел», — рассказывает Ян.

Хотя после Майдана новые власти призывали активистов «ПС» сдать любое оружие, Ярош категорически отказался разоружаться и вступать в ряды недавно созданной Национальной гвардии. Не входить ни в одну государственную структуру — такова была принципиальная позиция руководства «ПС». Всего количество членов «ПС» по всей Украине к марту достигло 10 тысяч человек¹.

Когда Россия аннексировала Крым и стал назревать конфликт на Донбассе, Ян Мельников записался в добровольцы «Правого сектора». «В белорусской армии я послужить не успел, зато имел кое-какие навыки обращения с оружием. Еще подростком часто ездил в военно-патриотический лагерь «Доблесть» на базе спецназа, где нас учили, например, собирать и разбирать автомат», — объясняет Ян.

После аннексии Крыма российские спецслужбы концентрируют усилия на дестабилизации обстановки на Донбассе, где с их подачи вспыхивают якобы «народные протесты» против новой киевской власти. Вскоре у «шахтеров и трактористов» появляется оружие, а на улицах Донецка и Луганска — неизвестные в масках. Хорошо экипированные «вежливые люди» захватывают один за другим местные отделения СБУ, милиции, здания обладминистраций. И пока на занятой

¹ Эту цифру назвал журналистам Ярош в апреле 2014-го.

боевиками части Донбасса Россия создает НВФ, украинцы записываются в добровольческие батальоны. Еще в марте 2014-го из активистов «Самообороны Майдана» был сформирован 1-й резервный батальон Нацгвардии. Подготовкой первого добробата занимался лично генерал-майор Сергей Кульчицкий. Через два с половиной месяца генерал погибнет — 29 мая близ Славянска боевики сбили его вертолет. Кульчицкому присвоили звание «Герой Украины» посмертно, а батальону дали его имя. За первым добробатом последовали другие. «Было много патриотически настроенных людей разного возраста, которые желали защищать Родину. Они сами приходили, записывались, они действительно хотели служить. Были такие случаи, что добровольцы просто в пункт временной дислокации своим ходом добирались, без ничего — без оружия, экипировки, но с огромным желанием защищать страну», — вспоминал генерал-лейтенант Нацгвардии Николай Балан. Весной 2014-го в стране еще не прошли президентские выборы, армия и силовики были в значительной степени дезорганизованы, требовалось время на мобилизацию в ВСУ. В этих сложнейших условиях добровольцы, по-сути, спасли Украину, считает один из авторов документальной книги «Добробаты» Василиса Трофимович. «В марте-апреле самыми активными участниками боевых действий стали добровольческие батальоны. По сути, добробаты показали пример, что не надо бояться, надо действовать активно. За ними подтянулась армия, был освобожден Славянск», — отмечала она в интервью «Белсату». Часть из них формировалась на базе действующих силовых структур, часть — возникала стихийно, состояла исключительно из добровольцев и вошла в подчинение той или иной структуры спустя некоторое время. К концу 2014 года добровольческое движение оформилось достаточно ясно, чтобы выделить следующие три группы:

1. Батальоны территориальной обороны, которые подчинялись Минобороны. Указ о создании тербатов в каждой из областей Украины 30 марта 2014 года подписал и. о. президента

Александр Турчинов. В начале в тербаты набирали только добровольцев, позже туда стали распределять и мобилизованных. Уже к августу было создано 43 таких батальона, и большинство из них были укомплектованы призывниками. Самый известный действительно добровольческий тербат — это «Айдар». Туда бойцов зачислял лично командир Сергей Мельничук, без участия комиссариатов. Многие из «айдаровцев» первой волны — участники Майдана. В 2015-м на базе «Айдара» был создан 24-й отдельный штурмовой батальон сухопутных войск.

2. Батальоны МВД и Нацгвардии Украины (НГУ)¹. Первыми добробатами МВД стали «Киев-1», «Днепр-1» и «Золотые ворота» (всего будет создано более 20 отдельных добровольческих рот и батальонов). В подчинение Нацгвардии, кроме батальона имени Кульчицкого, вошли «Донбасс» и «Азов» — два наиболее известных и боеспособных добробата. Батальон «Донбасс» был сформирован в апреле в Днепропетровске². Добровольцев в подразделение набирали, в том числе, прямо в Донецке среди проукраински настроенных местных жителей. Батальон «Азов» был организован в мае в Мариуполе, уже сентябре он был развернут в полк. Изначально батальоны создавались как полностью добровольческие. Среди бойцов было немало иностранцев, в том числе белорусов. Переход «Донбасса» и «Азова» в подчинение Нацгвардии поначалу станет для иностранных добровольцев серьезной проблемой, ведь закон, позволяющий гражданам других государств служить в НГУ, Петр Порошенко подпишет лишь в декабре 2015 года.

¹ Национальная гвардия существовала в Украине с 1991-го по 2000 год. Затем была расформирована и воссоздана по приказу и. о. президента Александра Турчинова в марте 2014-го. Нацгвардия напрямую подчиняется главе МВД, но, в отличие от внутренних войск, она может выполнять боевые задачи, участвовать в боевых действиях наряду с армией. Основное преимущество — быстрота реагирования на внешнюю угрозу, ведь на действия ВСУ требуется согласие Верховной Рады, а Нацгвардия имеет право действовать без этой процедуры.

² Ныне г. Днепр.

3. Независимые от государства добровольческие формирования. К концу 2015 года из таких партизанских подразделений остался лишь Добровольческий украинский корпус (ДУК) «Правый сектор». В независимом существовании был свой очевидный минус: в отличие от «Азова» или «Донбасса», у «Правого сектора» никогда не было тяжелого вооружения.

Во время трехмесячной подготовки весной 2014-го Яна Мельникова вместе с другими добровольцами тренировали украинские и зарубежные инструкторы, многие из них — с опытом боевых действий в «горячих точках». 11 мая Ян был переброшен в город Красноармейск Донецкой области (теперь переименован в Покровск), где в тот день боевики проводили незаконный «референдум» о провозглашении «Донецкой народной республики». «Мы взяли в руки автоматы и поехали освобождать Красноармейск¹. Я был первым белорусом в «Правом секторе». Мои товарищи приехали немного позже. Отец тоже хотел, но я ему запретил. Сказал, что у нас еще будет много дел на родине», — вспоминает Мельников.

В мае-июне 2014 года Добровольческого украинского корпуса еще не существовало, «Правый сектор» продолжал

¹ Днем освобождения Красноармейска от пророссийских боевиков считается 11 мая. Именно тогда бойцы батальона «Днепр-1», созданного на базе МВД Украины, при поддержке «Правого сектора» не допустили проведения «референдума», заблокировав городской отдел милиции и горисполком, над которым уже висел флаг ДНР. Как неоднократно рассказывал журналистам Илья Кива — в 2014 году доброволец на фронте, а впоследствии депутат Верховной Рады IX созыва от фракции «Оппозиционная платформа — За жизнь» — в тот день судьбу Красноармейска изменили всего 60 бойцов, которые сорвали нелегитимную процедуру. В ответ боевики устроили у здания городской администрации митинг «недовольных граждан», началась стрельба, и в результате один человек погиб. Российские СМИ и главари боевиков обвинили в убийстве мирного жителя батальон «Днепр», однако тогдашний глава Днепрпетровской областной государственной администрации Борис Филатов заявил, что подразделение не покидало границ области. Правоохранители начали расследование по статье «Умышленное убийство», однако оно не было завершено.

оставаться популярной организацией патриотов, часть которых переместилась с киевских баррикад в окопы Донбасса. К середине лета Ярош заявляет о необходимости объединения силового блока «ПС» (то есть, тех, кто воюет на фронте) в корпус во избежание «атаманщины и анархии», для усиления военной дисциплины. Таким образом, в июле появился ДУК «Правый сектор», на тот момент не превосходящий по численности один батальон (по данным газеты «Зеркало недели»). Возглавил его националист Андрей Стемпичский. Хотя ДУК и согласовывал свои действия со штабом АТО, он по-прежнему оставался независимой от госорганов боевой единицей, финансируемой из пожертвований. Снабжение и экипировка появлялись у бойцов благодаря волонтерам. В кремлевских СМИ именно «Правому сектору» в большинстве случаев приписывали образ «бандеровцев-карателей», «нацистов», периодически сообщалось об издевательствах его бойцов над «мирными русскоязычными гражданами Донбасса». В ноябре 2014-го РФ внесла организацию в список экстремистских и запретила на своей территории.

К лету 2014 года в АТО принимали участие десятки белорусов. Они были разбросаны по разным подразделениям. Попытку объединить вновь прибывающих предпринял заместитель председателя Волынского облсовета (позже — депутат Верховной Рады) Игорь Гузь. Летом 2014-го он и его соратники заявили о создании отряда «Погоня», который, по их замыслу, должен был «пройти соответствующее обучение и отправиться на передовую, влиться в «Азов», «Айдар», «Донбасс» и т. д.». Также Гузь настаивал на «пропагандистской миссии» такого объединения. «Цель — продемонстрировать, что сопротивление российской агрессии — дело не только Украины, но и соседних стран», — говорил он в интервью «Радио Свобода» в том же году. Гузь отмечал, что присоединиться к «Погоне» высказали желание более 60 белорусов. По его словам, он тогда лично взялся «наладить адекватную логистическую систему» для прибытия белорусских добровольцев. Их старались «фильтровать», учитывая повышен-

ный интерес белорусских и российских спецслужб к процедуре набора бойцов. «Продолжаются тщательные проверки, среди желающих приехать на войну много подозрительных лиц или просто агентов КГБ. Первые добровольцы находятся в тренировочном лагере и вскоре отправятся на восток», — писал Гузь в блоге на сайте «Белорусский партизан» 12 июля 2014 года.

Отряд «Погоня» участия в боевых действиях никогда не принимал и не являлся самостоятельной боевой единицей на фронте. По сути, «Погоня» Гузя являлась мобилизационным центром, который координировал отправку белорусов на донбасский фронт. «Там набралось пару человек, не из чего было создавать отряд», — объясняет Ян Мельников. Он вспоминает, что подготовку на тренировочной базе на Воляни проходили всего пятеро белорусов от «Погони», позже они вступили в разные украинские добробаты. Добровольцы критически оценивали эффективность проекта Игоря Гузя. В начале 2016 года даже разразился небольшой скандал: Иван Стасюк¹ — один из первых белорусов, примкнувших к «Погоне» — публично обвинил Гузя в том, что он сильно преувеличивал масштабы деятельности отряда и, по сути, пиарился на белорусских добровольцах. Представители «Погони» в свою очередь назвали подобные обвинения «инсинуациями» и подчеркнули, что Стасюк просто недостаточно информирован. Сам Стасюк в зоне АТО ничем не отметился: во второй половине лета 2014-го он всего несколько недель пробыл в «Азове», однако дальше прифронтового Мариуполя его не отправили. В сентябре он уехал учиться в Польшу и больше на Донбасс не возвращался.

В 2015 году заработал «Общественный сектор отряда «Погоня»», по сути общественная организация, главная цель которой — волонтерская помощь воюющим за Украину бело-

¹ *Иван Стасюк* — уроженец Бреста, бывший активист оппозиционной организации Молодой фронт. В Беларуси за свою деятельность подвергался преследованию, неоднократно сидел на «сутках». Был на Евромайдане. Теперь живет в Польше.

русам. Однако официальное заявление о «смене формата и прекращении участия в боевых действиях на Донбассе» было сделано только в сентябре 2016-го. На протяжении последних четырех лет организация собирает деньги на экипировку для бойцов, устраивает встречи белорусских добровольцев с украинскими школьниками, ведет аккаунты в соцсетях, где публикует тематические посты и делится материалами про войну.

ТГ «Беларусь»

Первым и единственным организованным формированием белорусов на фронте стала тактическая группа «Беларусь». На начальном этапе она объединила белорусских бойцов 1-й штурмовой роты 5-го батальона ДУК «Правый сектор». Это был январь 2015 года — период ожесточенных боев у поселка Пески вблизи Донецкого аэропорта. Боевики вели огонь из РСЗО¹, минометов и стрелкового оружия. Штурмовая рота под командованием Александра Караса (друга Подолянина²) удерживала позиции совместно с 93-й бригадой ВСУ и батальоном «Днепр». Именно в Песках ныне покойный Алесь Черкашин водрузил бело-красно-белый флаг напротив огневой точки боевиков.

«Когда мы в Песках решили создать ТГ на базе 1-й штурмовой роты, нас было 26 белорусов. Примерно в таком составе мы провозовали там до апреля. Мои специальности менялись, и иногда приходилось выполнять сразу несколько функций: был просто стрелком с автоматом, потом освоил СПГ-9 (противотанковый гранатомет. — К. А.), АГС (автоматический гранатомет. — К. А.)». Потом командовал расчетом АГС в районе донецкой шахты Бутовка. К февралю 2016 года я перешел из штурмовой роты в артиллерию, командовал минометным расчетом в роте огневой поддержки. Потом уже командовал ротой на широкинском направлении. В феврале

¹ РСЗО — реактивная система залпового огня.

² Слово «друг» перед позывным — устоявшаяся форма обращения среди добровольцев, преимущественно в «Правом секторе».

2017 года держали позиции возле Марьинки вместе с 92-й бригадой ВСУ», — описывает Ян Мельников свой боевой путь.

Официально ДУК выпустил указ о создании тактической группы «Беларусь» только в августе 2015 года, к тому времени ТГБ уже де-факто действовала 8 месяцев. Белорусы-добровольцы собирались по тревоге и ехали помогать украинским бойцам там, где требовались дополнительные силы, на особо горячих участках фронта. Все начиналось с 26 белорусов, а к 2016 году, по словам еще одного добровольца Алексея Скобли, их было уже более тридцати. По внутренней договоренности, точное количество бойцов группы никогда не озвучивалось, чтобы эта информация не попала к белорусским спецслужбам. Обеспечение ТГБ в значительной степени взял на себя благотворительный фонд «Волошка» Виталия Тилиженко — он не только материально помогал бойцам через фонд, но и сам пошел с ними на передовую и погиб в августе 2015-го в бою под Старогнатовкой. Среди волонтеров, которые регулярно поддерживали белорусов, были киевлянки Ольга Гальченко и Александра Алешина. Они привозили обмундирование, купленное на пожертвования, проводили на передовой по несколько дней, не раз попадали под обстрелы боевиков.

«Первый, «золотой» состав ТГБ — это с 2014 года до лета 2015-го, пока не погибли ребята (Тилиженко и Черкашин. — К. А.). Молодые, веселые парни, у которых еще присутствовала эта военная романтика. Меня очень впечатлило, что они приехали воевать за Украину, это по-настоящему героический шаг. Потому и решили помогать им. Мы все сразу подружились, на востоке (на фронте. — К. А.) это вообще происходит очень быстро. После гибели ребят в группе наступил период такого шатания, но в конце 2015-го они опять собрались вместе, чтобы защищать мариупольское направление», — вспоминает Гальченко.

Доброволец Алексей Скобля (позывной Тур) так описывал политические взгляды бойцов ТГ «Беларусь»: «Большая

часть — это националисты. Но у нас есть даже левые, несколько парней коммунистов было. То есть политические взгляды ни на что не влияют — главное, чтобы человек хотел воевать против России».

Когда 38-летний Константин Дубатовка из небольшого белорусского городка Несвиж приехал на фронт и представился просто Кастусем, украинцы удивились: здесь же все свои, можно сказать настоящее имя, а не позывной. Но Кастуся так называли с детства — в честь Калиновского, лидера антироссийского восстания 1863—1864 годов. Юность Кастуся пришлась на годы становления режима Лукашенко. Электрик по образованию, который «ходил на работу с 8 до 5», тем не менее всегда интересовался политической жизнью страны. «Но в мирных протестах я не участвовал, на Площадь не ходил. Знаете почему? Я считаю, что этим ничего нельзя изменить и нельзя добиться. Только силовым методом можно свергнуть эту незаконную власть», — объясняет мужчина.

За новостями с Майдана он следил только по интернету, телевизор старался не включать — говорит, от пропаганды на экране ему «хотелось плевать». За протестующих же он испытывал чувство гордости: «Не у нас, так хоть у украинцев получилось (сбросить президента. — К. А.)». По словам Кастуся, уже тогда ему пришла мысль: нужно ехать помогать. Но, как глава семейства, он разрывался между этим стремлением и необходимостью обустроить дом, обеспечивать жену и дочку. «Сижу и думаю: ну кого я обманываю? Сам себя-то не обманешь. Решение созревало примерно полгода, и в итоге я все-таки понял, что наша помощь там очень нужна. Для меня слова «за нашу и вашу свободу» не были пустыми. Осенью 2016 года я списался в фейсбуке напрямую с ребятами из тактической группы «Беларусь», 14 ноября был в Киеве, а через два дня — на фронте, в Марьинке».

«Срочку» в белорусской армии Кастусь не служил, через тренировочные лагеря в Украине не проходил. Всем навыкам ведения боя пришлось учиться на практике, пря-

мо на фронте. За более чем три года на войне Кастусь, как и многие добровольцы, сменил несколько специальностей: пулеметчик, стрелок, наводчик. На вопрос, какой момент на войне остался самым ярким в памяти, Кастусь отвечает: первый день в Марьинке — он же один из первых дней на передовой. «Я только сменился с поста, снял броник, каску и прилег отдохнуть, и тут начинается минометный обстрел! Видно, врагу как раз подвезли очередной «гумконвой»... Помню, как лежу, смотрю в потолок и думаю, что из здания не выбежать точно, там смерть, подвала никакого нет, остается лежать и надеяться, что не прилетит мина. Даже если попадет в здание — просто завалит обломками. Теперь и смешно, и грустно... Потом все эти моменты сливаются в один, стараешься не замечать. Наверное, душа грубеет или подсознание их блокирует, чтобы не сойти с ума...»

О соотечественниках на стороне ЛНР и ДНР Кастусь говорит: «Это не белорусы, нет. Они — лукашенковцы. Нужно признать, пропаганда все-таки — великая вещь. В восточных областях Беларуси полно «ваты», которая смотрит Киселева с Соловьевым и верит всему. Я не удивлен, что многие, насмотревшись телека, поехали в ДНР... Мне, слава богу, не приходилось сталкиваться с такими пленными... Я не знаю, как поступил бы, даже не хочу представлять, — отвечает Кастусь и, помедлив, добавляет: — Боюсь, мне пришлось бы убить». Говорить о количестве убитых лично им противников Кастусь отказывается. Объясняет: такие вопросы на войне задавать не принято.

Вскоре после отъезда на Донбасс в несвижской квартире Кастуся появились «люди в штатском», которые интересовались у жены, где он. Теперь Кастусь настолько редко общается с семьей, что не знает, был ли это единичный случай или силовики продолжают наведываться регулярно. Впрочем, его не очень беспокоят подобные новости. Возвращение домой Кастусь (как и остальные добровольцы) считает возможным, только когда поменяется власть, ведь в лукашенковской Бе-

ларуси сегодня их всех ожидает тюрьма. «Я даже не всем родственникам сказал, что воюю на Донбассе. Для мамы я до сих пор на заработках в Польше. А жена не захотела видаться со мной в Украине, приезжать в гости. Мы с ней почти 15 лет вместе прожили... Но мой выбор она не приняла. Сказала, что надо было семью кормить, дома сидеть. Первое время было очень обидно и грустно. Верил человеку — и вот, на тебе. С другой стороны, обижаться не стоит, ведь получается, это я ее первым бросил».

Война не отпустила Кастуся, даже когда миновала ее горячая фаза и столкновения приобрели позиционный характер. Кастусь провел три с половиной года на фронте и остается там на момент выхода книги. Летом 2017 года он подписал контракт с ВСУ и поступил на регулярную службу в штурмовой батальон ВДВ, получил военный билет. Для него это была возможность закрепить свой легальный статус в Украине, а вместо временного вида на жительство в перспективе получить гражданство. Мы говорим с Кастусем по вайберу, и в трубке слышно, как где-то рядом взлетает вертолет. Белорусскому солдату украинской армии пора на задание. «Если начнется российская агрессия, если в Беларуси появятся задержанные казачки с криками «Россия, приди!», мы все готовы с оружием в руках защищать независимость своей страны. И так считаю не я один. Мы будем все дома», — говорит он на прощание.

Киевская волонтерка Ольга Гальченко объясняет: первая волна иностранных добровольцев — это «абсолютно идейные парни, романтики, с ярко выраженной пробелорусской, патриотической позицией. «Со временем тактическая группа росла, приходили новые люди. Конечно, те, кто приезжал позже, зачастую руководствовались иными принципами. Но «золотой состав» ТГБ — это все же 2014—2015 годы. Потом все разбрелись: кто-то в ВСУ на контракте, кто-то в других добровольческих формированиях, другие строят гражданскую жизнь. Пять лет прошло, нельзя же пять лет оставаться добровольцем...»

Разведчики в «Азове»

На окраине Минска, в районе Курасовщина, жил на первый взгляд обыкновенный парень, каких миллион: такого вы могли бы встретить на улице любого города в «постсовке». Семья многодетная, родители днем на заводе, вечером — у телевизора. Учился он средне, после 9 класса пошел в автомеханический колледж, затем устроился на Минский автомобильный завод. Его ждала судьба среднестатистического белоруса, который сам «не лезет в политику», лениво переключает каналы, по привычке голосует за Лукашенко (а чаще — вообще не голосует), при этом свято веря в догмы российской пропаганды про воевавших дедов и плохих бандеровцев. Но этот парень интересовался и политикой, и историей — конечно, на доступном подростку уровне. Его взгляды формировались в компании друзей: вместе ребята ходили на митинги в Куропаты¹ и в «качалку», читали книжки про Великое княжество Литовское, болели за футбольный клуб «Динамо». Кричалки «Путин-хуйло» на трибунах, старшие приятели, вернувшиеся с Майдана, кадры захвата украинских военных частей в Крыму — все это наложило огромный отпечаток на юность Ильи. Ему только что исполнилось 19 лет. Его друг Артем отпразднует 19-летие уже в окопе — с тортом и патронами от АК-47 вместо свечей.

20 июня 2014 года Илья и Артем сели в автобус, который ехал до Киева. Уже миновали Гомель и приблизились к КПП, но тут их остановили белорусские пограничники и развернули назад: в первые месяцы войны на Донбассе контроль на белорусско-украинской границе был особенно строгий. Под пристальным надзором оказались не только активисты оппозиции, но и футбольные фанаты. Вероятно, именно из-за связи с ультрас парней не выпустили из страны.

¹ *Куропаты* — место сталинских расстрелов 1930-х годов в лесу под Минском. С конца 80-х годов этот лес на окраине Минска стал одним из символов национально-демократического движения в Беларуси. Власть до сих пор замалчивает реальное количество жертв НКВД, захороненных в Куропатах.

Тогда Илья и Артем решили попытать удачи на другом погранпереходе — «Три сестры», расположенном на границе Беларуси, России и Украины. Несколько километров шли пешком, потом поймали попутку и наконец добрались до Киева. В Киеве их, как и было оговорено заранее, встретили старшие товарищи, украинцы из «Азова», и отвезли ребят на базу подразделения. «В разведку «Азова» мы попали, можно, сказать, по благу, через этих знакомых. Курс молодого бойца толком пройти не успели, сразу поехали на восток. Там же, в паре километров от передовой, отрабатывали навыки, как и все будущие «спецы»: как проводить зачистку населенного пункта, обыск, как захватывать противника в плен... Подготовка шла очень серьезная, с нами работали иностранные инструкторы из Швеции, Италии. А командирами были Боцман и Билецкий».

Андрей Билецкий — один из основателей и первый командир полка «Азов», впоследствии депутат Верховной Рады и лидер партии «Национальный корпус». А Боцман, который летом 2014-го командует разведкой «Азова», — это белорус Сергей Коротких. Он же ультраправый радикал по кличке Малюта, в 90-х отчисленный из школы КГБ за связь с неонацистами «Русского национального единства». Установить последовательно все факты пестрой биографии Коротких довольно сложно, но мы остановимся на самых интересных. Это важно, поскольку именно он руководил на фронте действиями юных белорусских добровольцев Ильи Литвина и Артема Грота.

* * *

Сергей Коротких родился в 1974 году в Тольятти, позже семья переехала в Минск. В 1992—1994 годах отслужил в белорусской армии, в разведывательном батальоне. После службы в армии Коротких поступил в школу КГБ и даже отучился там два года, но был исключен якобы из-за своих связей с оппозицией. В интервью покойному ныне Павлу

Шеремету (единственном развернутом интервью, когда-либо данном Коротких), он утверждал, что в 1996 году поучаствовал в одной из антиправительственных акций вместе с друзьями из околофутбольной тусовки. Однако уже в 1999-м он вступает в РНЕ, где, по его словам, остается до 2001 года. Движение «Русское национальное единство» было создано в России на волне перестройки и продвигало идею «установления национальной диктатуры». По словам немецкого политолога Андреаса Умланда, РНЕ «имитирует неонацистские и фашистские движения западного образца», питая при этом расистские фантазии. Первые поколения РНЕшников носили черную униформу и вскидывали правую руку при приветствии. СМИ писали, что члены РНЕ помогали лукашенковским силовикам разгонять митинги, по сути выполняли роль «титушек», а Коротких лично засветился в истории с избиением оппозиционных политиков. Но еще любопытнее, кто привел Коротких в РНЕ. В том же интервью Шеремету, он рассказал, что это сделал Валерий Игнатович — офицер милицейского спецподразделения «Алмаз», осужденный на пожизненный срок за похищение оператора телеканала ОРТ Дмитрия Завадского, который, в свою очередь, несколько лет подряд был напарником Шеремета. Похищение и последующее убийство Завадского, а также бывшего министра внутренних дел Юрия Захаренко, экс-главы ЦИК Виктора Гончара и финансировавшего оппозицию бизнесмена Анатолия Красовского стали самыми резонансными в новейшей истории Беларуси.

После загадочной гибели руководителя минской ячейки РНЕ Глеба Самойлова в 2001 году Сергей Коротких уезжает в Москву, где налаживает связи с местными неонацистами. Он становится одним из лидеров ультраправого Национал-социалистического общества, которое теперь в России запрещено и признано экстремистским. В течение десяти лет Коротких периодически попадает в криминальную хронику: то его обвиняют во взрыве на Манежной площади в Москве, то задерживают за поножовщину, а потом отпускают. Каж-

дый раз ему каким-то образом удается избежать уголовного преследования.

Любопытно выглядит история, произошедшая с участием Коротких в Минске в феврале 2013 года. Друг Малюты, известный российский неонацист Максим Марцинкевич по кличке Тесак периодически бывал в белорусской столице — иногда выступал с закрытыми лекциями, проповедуя свою идеологию, иногда просто встречался с соратниками. В один из таких приездов, когда он собрался сделать себе офтальмологическую операцию, прямо во дворе клиники «Новое зрение» завязалась драка с местными антифашистами, которые, судя по всему, знали о визите неонациста и следили за ним. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как во время драки Тесак выстрелил из травматического пистолета. К тому же, у одного из антифашистов зафиксировали колотые ножевые раны, нанес которые Сергей Коротких (сам Малюта впоследствии и вовсе утверждал, что «в процессе обороны порезал троих человек»). 14 февраля Коротких и Марцинкевича задержали, поместили в ИВС и огласили подозрение по ч. 3 ст. 339 УК Беларуси — «Хулиганство, совершенное с применением оружия для причинения телесных повреждений». Максимальная санкция по этой статье предусматривает до 10 лет тюрьмы. Но уже 24 февраля все подозреваемые выходят на свободу, в марте Тесак возвращается в Москву, а в апреле Следственный комитет Беларуси закрывает уголовное дело. Позже в интервью Шеремету сам Коротких отрицал, что его и Тесака вытащили из тюрьмы спецслужбы, якобы со стороны спецслужб «не было никакой лояльности», просто сажать их было не за что — речь шла о самообороне. И все же слова Коротких звучат не вполне убедительно. Устроить такую разборку в городе, перед камерами наблюдения, да еще с политической составляющей, и избежать суда в Беларуси просто невозможно. Государство не склонно спускать на тормозах даже незначительные правонарушения, не говоря о поножовщине в центре Минска. «Сесть в Беларуси — дело пяти минут», — отмечал в том же интервью Коротких. Единствен-

ный вывод, который приходит на ум человеку, знакомому с белорусскими реалиями, — это то, что избежать наказания и выйти на свободу радикалу Малюте помогли давние связи с силовиками.

Проходит чуть более года после истории с антифашистами. После Майдана Коротких переезжает в Украину и вскоре, несмотря на явно сомнительную репутацию, РНЕшное прошлое и криминальный шлейф, возглавляет разведку в «Азове» под позывным Боцман. Он не раскрывает деталей, каким именно образом попал в подразделение и занял командную должность. На этот вопрос Шеремета отвечает расплывчато: «Связался с определенными людьми, которые создавали батальон». Следует отметить, что Коротких уже имел определенный боевой опыт на тот момент. В интервью «5 каналу» он признавался, что воевал на Балканах за сербов против хорватов, был «военным туристом» в Чечне и еще в составе некой «американской ЧВК» служил в Латинской Америке в 2010—2013 годах — занимался сопровождением грузов.

Складывается впечатление, что его следующий, «азовский» период оказался наиболее успешным во всей биографии Коротких. Уже в декабре 2014 года президент Петр Порошенко торжественно вручает белорусу украинский паспорт в знак благодарности за участие в боевых действиях на Донбассе. До конца правления Порошенко Коротких оставался единственным белорусским добровольцем, удостоенным такой чести. Попытки раскритиковать решение президента тогда пресек лично советник главы МВД Антон Геращенко, заявивший, что Коротких заслуживает гражданства «как никто другой». В качестве доказательства его самоотверженной службы Украине чиновник привел несколько эпизодов, в которых белорус проявил себя наилучшим образом. По словам Геращенко, в мае 2014 года Коротких организовал контратаку, в результате которой был взят в плен «министр обороны ДНР» Хакимдзянов, в июне — вел группу на штурм штаба боевиков в Мариуполе, а потом

устанавливал фугасы в районе Новоазовска для подрыва вражеских танков.

Завершив свой боевой путь, Коротких занимает государственную должность — начальник отдела охраны объектов стратегического назначения полиции. В 2015 году он декларировал половину квартиры площадью около 75 квадратных метров в пригороде Киева, затем приобрел еще одну квартиру примерно за \$50 тысяч и учебно-боевой чешский самолет L-39 за полторы тысячи. Но самое интересное — в его декларации фигурируют 223 тысячи долларов, 135 тысяч евро и 500 тысяч гривен наличными, а еще 565 тысяч евро он одолжил третьему лицу. Итого Коротких в 2015 году располагал суммой порядка миллиона долларов, и это при официальной зарплате 6,5 тысячи гривен (\$250)! Сам Коротких утверждал, что сколотил свое состояние еще до Украины. В конце 2017 года он оставил свой пост в МВД и ушел в политику, стал одним из самых популярных спикеров «Национального корпуса».

* * *

Для многих патриотически настроенных украинцев, для сослуживцев и подчиненных Коротких — героический командир и «настоящий боец». «Мужик с яйцами, любил быть в авангарде», — так характеризует его один из белорусов-добровольцев «Азова». Бои за Иловайск, Широкино, оборона Мариуполя, освобождение Марьинки — по словам участников этих событий, Боцман действительно воевал бесстрашно и эффективно. «Поначалу все белорусы относились друг к другу с недоверием, но Боцман — тот вообще никому не доверял. Конечно, мы с ребятами обсуждали его прошлое, все эти истории про КГБ... Но в итоге поняли, что от этого надо отстраниться и воспринимать его как командира там, на войне», — рассказывает Илья (Литвин).

На свое первое боевое задание в районе Новоазовска в июне 2014-го он отправился с Боцманом. «Был жуткий

ливень. Командир впервые взял нас, новобранцев, на серьезное задание: нужно было захватить «языка» в районе Новоазовска. Этот «язык» прятался в здании бывшего отеля. Даже двери не закрыл — взяли его без единого выстрела. Вовнутрь я не заходил, занял оборону на улице. Стресса не чувствовал вообще. Самое сложное было в первые дни перебороть себя чисто в бытовом плане, привыкнуть к неудобствам, когда ты по колено в грязи, весь мокрый, с температурой...»

Но до реального боя — со взрывами снарядов и погибшими сослуживцами — Литвину оставалось еще несколько месяцев. Ранним августовским утром разведчики «Азова» прибыли в пригород Донецка Марьинку. Готовился штурм Марьинки силами АТО, и в задачи роты разведки входила «зачистка» прилегающей территории от боевиков. Бойцы разделились на несколько групп по шесть человек и шли вперед, на населенный пункт, под прикрытием танка ВСУ. Своей техники у «Азова» тогда не было.

«Было очень жарко, плохо, хотелось пить. «Сепары» обстреливали нас с водонапорной башни, вдоль дороги, по которой мы шли, бахали мины. ВСУ боялись там пройти, с каждой потерей они отступали, а Билецкий дал нам приказ идти вперед. Все происходило очень сумбурно... В следующую за нами группу прилетел фугас — людей просто сложило в гору, кто-то погиб на месте, кому-то поотрывало ноги. Мы продолжали идти, не обращая особого внимания. Если честно, я даже не знаю, что мной двигало... Может, юношеский максимализм?»

Операция длилась более 24 часов. В итоге рота зашла в Марьинку, и там, по словам добровольца, сложилась неоднозначная ситуация: в городе якобы оказалось много боевиков, переодевшихся в гражданскую одежду, но понять точно, где «сепар», а где обычный мирный житель, было сложно. «Все ведь знали — скоро штурм, выехать из Марьинки уже не получится. Были там и такие, кто сам сдавался нам в плен. Убивать человека в гражданской одежде мне точно

не приходилось, а вот брать в плен — да. Никого нельзя сдать в такой ситуации. Даже если я видел, что человек сдается — все равно применял силу. Например, прикладом в рожу дать, повалить и руки стянуть так, что они чуть ли не вырывались. Кстати, этот навык мы сначала на тренировке отработывали — очень больно! А потом мы этих пленных просто сдавали в СБУ», — рассказывает Литвин.

Потом был Иловайск. Подразделение, где воевали белорусы, не попало в «котел», но прикрывало выходящих из Иловайска военных. Там Илья потерял своего друга-украинца, с которым они познакомились на базе «Азова» и успели сродниться: осколок попал в глаз и прошел до мозга. Спасти друга было невозможно. «Я не знал, как себя вести. Он был еще жив, но умирал. Тогда у меня не оставалось времени горевать, надо было идти вперед. А сейчас вспоминаю — и тяжело. Мы же хорошо проводили время, веселились».

На вопрос, испытывал ли сам Илья когда-нибудь страх смерти, он отвечает: «Я никогда не паниковал, страха смерти не было. Меня и Грота за это и ценили. Нам давал задачу Билецкий, и мы всегда ее выполняли. Например, подрыв моста с техникой противника. Чувствовалась ответственность и гордость, что наш лидер выбрал именно нас».

В ноябре к Илье и Артему (Гроту, с которым изначально наш собеседник отправился на фронт), присоединились еще двое белорусов, ближе к зиме еще двое. Итого — шесть человек. Все они были из той же околофутбольной минской тусовки, хорошо знали друг друга. И всем — не более двадцати лет. К концу 2014 года часть иностранных добровольцев, в том числе белорусы, ушла от Боцмана и образовала свою небольшую группу под названием «Иностранный легион». Командовал ею 26-летний киевлянин Иван Кущинский, позывной Грач. Вместе они получили в распоряжение территорию заброшенного завода в Киеве и обустроили там тренировочный центр «Азова». Набравшись реального боевого опыта, в 2015 году они уже сами готовили новобран-

цев. «Курс молодого бойца» разработали старшие инструктора «Азова», практической частью тренировок занялись эти шестеро белорусов. «На войне уже все иначе. Видишь тех рекрутов? Это раньше можно было просто приехать, получить оружие и на следующий же день сидеть в окопе. А теперь нужно доказать, что ты достоин быть в пехоте, пройти наш лагерь и потом еще один, на востоке. И только потом, может быть, кто-то из них окажется на фронте», — увлеченно рассказывал в июне 2015-го Артем Грот журналисту газеты «Наша Ніва». Его товарищ, Кит говорил: «Попасть в «Азов» было уже не так просто, как год назад. Одна лишь полоса препятствий построена по американской системе — не всем она дается. А кроме того для успешного выпуска необходимо усвоить медицину, пробежать кросс 10 километров, потом два километра с 70-килограммовым мешком за спиной, потом по-пластунски протащить его, как раненого, 100 метров, спуститься на канате с крыши здания и выдержать спарринг с инструктором». Над общезнанием белорусов на базе висел бело-красно-белый флаг с гербом «Погоня» (изображение всадника на коне), за что украинцы прозвали их «конницей».

О том, что парни воюют в «Азове», их родители узнали не сразу. Илья долгое время держал свою семью в неведении, говорил, что находится на заработках в Москве. И только через полтора года он пригласил отца встретиться в Киеве и все ему рассказал. «Первой реакцией отца было: «Не дай бог ты в «Азове» воюешь!» Ну, просто в Беларуси по телевизору крутили российские новости, в этом дело. А я включил ему украинские каналы и уже через пару дней отец так не говорил. Если честно, я до сих пор не могу точно сказать, за кого мои родители. Может, он не стал портить отношения просто потому, что любит своего сына...»

По словам Ильи, в качестве инструкторов шестеро белорусских добровольцев «первой волны» проработали около года. Им приходилось тренировать и белорусов, которые приезжали позже. Многие их «выпускники» были старше

самих ребят. Например, 27-летний Антон из Могилева (позывной Отто) вступил в «Азов» в апреле 2015-го. Историк по образованию, он хоть и не участвовал в акциях протеста, но и режим Лукашенко никогда не поддерживал. События на Майдане, рассказывал Отто в интервью «Радио Свобода», он воспринял очень лично, близко к сердцу и ждал возможности поучаствовать в войне за Украину. На вопрос, почему выбрал именно «Азов», он отвечал, что видел много информации о подразделении в интернете, слышал отзывы о высоком уровне его бойцов. Отто выбрал специальность снайпера, провел в зоне АТО год и семь месяцев, но количество убитых противников журналистам называть отказался. Его боевой товарищ Дмитрий (Зубр) тоже приехал в 2015 году, а позже сам стал инструктором по физической подготовке.

Хотя «Азов» считается одним из наиболее дисциплинированных и боеспособных подразделений, на Западе за ним закрепилась дурная репутация. Ведущие западные СМИ (Foreign Policy, The New York Times, The Guardian и др.) обвиняли батальон в нацистских, расистских и антисемитских взглядах. Рассказывая об ультраправых идеях бойцов батальона, британская The Telegraph резюмировала: «Такие персонажи, воюющие на стороне Киева, играют на руку российской и сепаратистской пропаганде, выставляя украинские власти «фашистской хунтой», управляемой Западом». Подобные тревожные ноты в репортажах авторитетных мировых СМИ, в свою очередь, вызвали политические последствия. С начала конфликта американские конгрессмены несколько раз блокировали предоставление любой помощи «Азову». В 2018 году этот запрет был закреплен на законодательном уровне. Действительно, некоторые «азовцы» открыто высказывали свои неонацистские воззрения в ряде интервью. Рассуждали о «выживании белой расы» и «угрозе сионизма», отрицали Холокост. В символике «Азова» используется рунический знак Wolfsangel (волчий крюк), который был эмблемой дивизии СС «Дас Райх» в годы Второй

мировой войны¹. Сооснователь и первый командир батальона Андрей Билецкий — идеолог ультраправого движения социал-национализма. В 2015 году пресс-секретарь «Азова» Андрей Дьяченко в интервью USA Today признавал, что среди бойцов может быть от 10 до 20 % правых радикалов, но при этом подчеркивал, что это их персональные взгляды, не имеющие ничего общего с официальной идеологией подразделения. Схожим образом на ситуацию смотрят украинские власти: «Азов» сражается против российской агрессии, и личные политические предпочтения бойцов не играют существенной роли. «А что — лучше, чтобы правые радикалы были на улицах и громили витрины? Или почувствовали ответственность за эту страну и немножко за нее воевали? Это моя логика. Мы не побоялись и пошли в этом направлении и получили для страны правильный результат», — говорил министр внутренних дел Украины Арсен Аваков². К тому же, далеко не все добровольцы увлекались ультраправой риторикой. «Крайне радикальных нацистов вообще очень мало. Это юношеский максимализм, люди еще не выросли. Среднестатистический «азовец» — здоровый националист без адольфов гитлеров», — утверждал Артем (Грот) в интервью «Нашей Ніве». Белорусский снайпер «Азова» с позывным Отто объяснял: «Идеологии как таковой фактически никто не придерживается. Да, есть сторонники определенной молодежной субкультуры, но глубинные идеологические взгляды только у единиц. Официальная линия «Азова», на мой взгляд как историка, вообще не очень понятна — это некая смесь всего».

¹ Андрей Билецкий, правда, утверждает, что символика «Азова» не подразумевает ссылок на немецкую, тем более эсэсовскую геральдику. А рунический знак в эмблеме батальона — это просто наложенные друг на друга украинские буквы «І» (укр. Ідея) и «N» (укр. Нації).

² Цитата взята из книги «Добробаты» (издательство «Фолио», 2017 год), стр. 230.

В общей сложности, по данным пресс-службы «Азова», через год после начала войны количество иностранцев в полку не превышало 25 человек. По нашей информации, около десятка были из Беларуси. В тот период белорусы именно тренировали новобранцев, но поехать на передовую на легальных основаниях не могли, ведь в Нацгвардию (напомним, ей с осени 2014-го подчиняется «Азов») иностранцев еще не принимали. Закон, разрешающий брать на службу в Нацгвардию граждан других государств, Порошенко подписал только 27 декабря 2015 года. Естественно, об их возвращении в Беларусь речи не шло — КГБ провел обыски по месту жительства в том же 2015-м, по горячим следам. Официального документа о возбуждении уголовного дела родным белорусских инструкторов-«азовцев» не вручали, но риск оказаться в тюрьме на много лет действительно очень высок (подробнее о методике преследования добровольцев см. главу 17).

В начале 2017-го, во время обострения в районе Авдеевки, некоторые экс-бойцы «Азова», не пожелавшие присоединиться к Нацгвардии или перейти в ВСУ, отправились на фронт в составе тактической группы «Беларусь». Поехал и Илья. Это был его последний выезд на передовую. «Я полностью отошел от военного дела», — говорит он. 24-летний доброволец женился на украинке, живет в Киеве и подрабатывает на стройках. Отношения с Гротом и другими белорусами дали трещину: они поссорились и больше не общаются. Как объясняет Илья — «по многим причинам».

Артем (Грот) тоже женился на киевлянке, с которой познакомился во время ротаций. Его родители на свадьбу из Минска не приехали. Тяга Артема к военному делу оказалась куда сильнее, чем у Ильи. В феврале 2015 года в интервью «Нашей Ніве» он с юношеским задором говорил про свои планы на будущее: «Собираюсь воевать, участвовать во всех военных конфликтах... В мире есть куча мест, где можно воевать за добро». Позже Артем подписал контракт с ВСУ. В феврале 2019 года во время выполнения боевого задания в Луганской области он получил тяжелое ранение от взрыва

мины. Ему оторвало ступню, и, чтобы предотвратить гангрену, медики ампутировали часть ноги.

«Молодой фронт» на фронте

На вторую половину 1990-х — начало 2000-х пришелся расцвет протестного молодежного движения в Беларуси. На политическую арену вышел «Молодой фронт» — он до сегодняшнего дня остается самой известной молодежной оппозиционной организацией. Белорусское общество в те годы еще не боялось открытого противостояния с властью. Локомотивом этой борьбы стала молодежь. Первые массовые протесты вспыхнули весной 1996 года в преддверии подписания Ельциным и Лукашенко договора о создании «Сообщества России и Беларуси». Национально ориентированной частью общества это было воспринято как угроза суверенитету. Десятки тысяч человек регулярно выходили на улицу, не боясь brutальных разгонов. Эти события вошли в историю как «Минская весна». Протесты носили ярко выраженный антироссийский, антиимперский характер. Главное требование — предотвратить интеграцию с Россией, «ползучий аншлюс», как говорили участники демонстраций, и добиться отставки «промосковского ставленника» Лукашенко. Однако надежды «Минской весны» потерпели крушение — в 1997-м президенты подписали договор о союзе Беларуси и России. А Лукашенко закрепился во власти на столько лет, на сколько протестующие даже не могли себе представить.

Из уличных акций второй половины 90-х выросли будущие лидеры оппозиции. Совсем юные активисты, сплоченные борьбой за независимость страны, в 1997 году решают создать свое движение — «Молодой фронт». Власти, естественно, отказывают им в регистрации, поэтому МФ официально регистрируется в Чехии. В Беларуси же вплоть до конца 2018-го в Уголовном кодексе существовала статья 193.1 «Деятельность от имени незарегистрированной организации», которая предусматривала до двух лет лишения свободы. Именно по ней подверглись преследованию лидер МФ Дмитрий Дашкевич и его соратники.

В условиях прессинга со стороны властей авторитет движения, тем не менее растет. В 2008 году в «Молодой фронт» приходит минчанин Эдуард Лобов. Он недавно демобилизовался со «срочки» в десанте, где успел получить 10 суток гауптвахты за листовки против дедовщины. Лобов активно подключается к движению и вскоре возглавляет минский филиал МФ. В Беларуси приближаются очередные президентские выборы, Лукашенко баллотируется на четвертый срок.

Многотысячной Плошчы-2010¹ предшествовала «либерализация», во время которой Лобов и сотоварищи успели провести несколько акций, в том числе антироссийского характера. Для МФ по-прежнему было актуально неприятие как режима Лукашенко, так и путинской России. Власти знали, что на вечер дня голосования, 19 декабря, в центре столицы намечена демонстрация против фальсификации выборов. И «Молодой Фронт» собирается быть в авангарде этого протеста. Неудивительно, что «молодофронтовцы» первыми и попали под каток репрессий. Вечером 18-го числа, Лобова с Дашкевичем на улице остановили неизвестные, попросили закурить, а потом затеяли потасовку. В итоге милиция задержала активистов якобы за уличную драку. 24 марта суд признал Лобова виновным в «особо злостном хулиганстве» и приговорил к 4 годам колонии усиленного режима. Дашкевичу дали 2 года общего. Потерпевшие (те самые «избитые прохожие») так и не появились в зале суда — они давали показания из отдельной комнаты. Белорусские правозащитники были убеждены: вся история с дракой — спланированная провокация спецслужб с целью закрыть за решеткой актив МФ. Лобова и Дашкевича признали узниками совести. По словам самого Лобова, в 2011 году администрация тюрьмы неоднократно пыталась уговорить его написать Лукашенко прошение о помиловании, однако он каждый раз отказывался. Попытки прекратились. «Увидели, что перевоспитать невозможно и отстали», — позже объяснял Эдуард.

После Плошчы начались повальные аресты активистов. Нескольких «молодофронтовцев» осудили за участие в массовых

¹ *Плошча* — аналог киевского Майдана в Минске.

беспорядках. В отличие от Лобова и Дашкевича, их соратники Владимир Яроменок и Алесь Киркевич прошение написали и вышли на свободу. Анастасия Положанко — будущая супруга Дмитрия Дашкевича и его заместительница в МФ — тоже была арестована на следующий день после Плошчы и отпущена на свободу через два месяца. Только спустя шесть лет она призналась, что в день освобождения подписала документ о сотрудничестве с КГБ. Взамен чекисты пообещали ей облегчить участь Дашкевича. Тогда же аналогичную бумагу подписал еще один «молодофронтовец», Николай Демиденко, который тоже не раскрывал этот факт широкой общественности вплоть до 2017 года. Оба утверждали, что им ни разу не приходилось выполнять каких-либо заданий спецслужб.

После всех репрессий «Молодой фронт» продолжил деятельность. Не остался он и в стороне от украинских событий. Еще во время Евромайдана активисты МФ ездили в Киев. В начале марта 2014 года Дашкевич призвал к протесту против аннексии Крыма возле российского посольства в Минске — на подходе всех грубально задержала милиция. Спустя три недели, на День Воли, «молодофронтовцы» вышли на минский проспект с баннером, где, вместе с деятелями белорусского национального движения, были изображены Бандера и Шухевич и написано «Героі не паміраюць». Естественно, пропаганда (и местная, и российская) зацепилась за эту картинку, клеймя «Молодой фронт» «фашистами». Как позже объяснял прессе сопредседатель МФ Андрей Тенюта, этим баннером они хотели показать историческое единство белорусского и украинского народов в свете «захватнической политики России». В конце 2015 года МФ объявил о создании военно-патриотического клуба «Ваяр» с целью «противостоять пятой прокремлевской колонне в Беларуси и российской агрессии, которую эта пятая колонна готовит». «Ваяр» провел несколько тренировок на природе, что вызвало ажиотаж в российских СМИ, но вскоре клуб исчез из заголовков и сегодня существует, скорее, в виде сообщества в соцсетях. В январе 2016 года Дашкевич организовал сбор средств для белорусов-добровольцев на фронте, в апреле призвал на акцию под лозунгом «Россия — это война». В сен-

тябре «молодофронтовицы» копали символические окопы в лесу на Гомельщине, неподалеку от границы с РФ, чтобы «показать готовность белорусов дать отпор российской агрессии». После очередной волны репрессий весной 2017 года активность «Молодого фронта» пошла на спад, несколько раз менялось руководство движения. Лично Дашкевич от украинской повестки полностью отошел.

Эдуард Лобов вышел на свободу 18 декабря 2014-го. Он отсидел четырехлетний срок полностью, на момент выхода ему исполнилось 26. За Лобовым на год установили превентивный надзор: для него действовал комендантский час и подписка о невыезде. Экс-политзаключенный устроился курьером, жил с родителями на небольшую зарплату. Несмотря на пережитое, от политической деятельности он не отказался, оставаясь сопредседателем МФ. В марте за нарушение комендантского часа Лобова привлекли к административной ответственности, в апреле ужесточили условия превентивного надзора — все это вполне могло закончиться новым уголовным делом. Летом 2015 года он решил покинуть страну.

«Я приехал на Украину, помочь братскому народу в войне с общим врагом, москалями. Так как если мы не поможем Украине в этой войне, следующим наступательным этапом России может оказаться Беларусь». Видеоролик с этой речью Лобова появился в сети в конце июля 2015 года. На записи он признавался, что мысль поехать на войну появилась у него еще в колонии, однако реализовать задумку удалось только теперь. Стоит заметить: раньше Лобов не раз упоминал, что с детства мечтал о военной карьере, но реализовать мечты не удавалось, а белорусская армия его разочаровала. Сначала Лобов сообщил, что воюет в составе тактической группы «Беларусь», но в сентябре уточнил: по договоренности с ТГ он присоединился к «Правому сектору» под Мариуполем. Дмитрий Дашкевич в интервью «Радио Свобода» заявил: «Лобов — герой, мы молимся за него». Вскоре он созвонился с Лобовым и записал интервью для сайта «Молодого фронта». «Я не за свободу Украины ехал воевать, а за свободу Бела-

руси. Ведь если орда не получит по зубам здесь, на Донбассе, она пойдет дальше — и Беларусь, я абсолютно уверен, будет проглочена, как Крым...» — объяснял ему соратник. Действительно, этот тезис очень популярен среди белорусских добровольцев. Один из авторов книги «Добробаты» Василиса Трофимович в беседе с нами отмечала: «Они воюют скорее за Беларусь. Они понимают, что рано или поздно власть Лукашенко рухнет и тогда Беларусь станет следующей целью российской интервенции. Поэтому Россию надо останавливать сейчас».

Лобов — не единственный выходец из «Молодого фронта» в рядах добровольцев на Донбассе. В июле 2017 года, неожиданно для своих товарищей, воевать за Украину отправился 30-летний минчанин Сергей Пальчевский. За несколько месяцев до отъезда в его жизни развернулись драматические события. В феврале того года в Куропатах — месте сталинских расстрелов — вспыхнул протест против строительства бизнес-центра. Активисты МФ установили прямо посередине стройплощадки палатку, вывесили бело-красно-белый флаг и стали посменно там дежурить. Они вступали в потасовки с рабочими и милицией, но не уходили. Одним из самых острых моментов противостояния стал поступок Сергея Пальчевского — в знак протеста он приковал себя наручниками к бамперу строительного грузовика. «Буду лежать, пока не сохну!» — заявил Пальчевский столпившимся вокруг журналистам. Так он лежал на холодной и мокрой земле несколько часов, пока сотрудники МЧС не отцепили наручники. Пальчевского пытались задержать силовики в штатском, но «молодофронтовцы» отбили его. Двухнедельный протест в итоге имел успех: бизнес-центр в Куропатах так и не появился. В начале марта Сергея задержали в подъезде собственного дома и осудили на трое суток административного ареста за «несанкционированное мероприятие». Но это было только начало преследования.

Для Беларуси 2017 год в политическом плане оказался насыщенным. В феврале-марте по стране прокатились про-

тесты, вызванные введением Лукашенко «налога на тунеядство», по которому безработных граждан обязывали выплачивать государству 360 рублей (190 долларов). Взбунтовался не только Минск, но и регионы — в маленьких городах вроде Пинска или Молодечно впервые с 90-х годов люди вышли на улицы. Недовольство налогом перерастало в требования отставки Лукашенко, это и испугало власть больше всего. Не ожидавший такого поворота событий и не умеющий признавать ошибки, Лукашенко решил, что проще всего натравить силовиков на несогласных. Власть запустила привычную репрессивную машину. 22 марта Лукашенко заявляет: КГБ задержал «десятки боевиков», которые «тренировались в лесах с оружием». Повальные аресты начинаются в тот же день. Всего в «американку» (изолятор КГБ) за пару суток попадают 35 человек. Сначала их обвинили в подготовке массовых беспорядков, затем добавили «создание незаконного вооруженного формирования». Чекисты утверждали: за преступлениями стоят члены организации «Белый легион». Правда, это патриотическое молодежное объединение прекратило всякую деятельность аж в 2005 году¹. Тем не менее государственные СМИ в многочисленных пропагандистских сюжетах и статьях начали пугать общество «боевиками» давно не существующего «Белого легиона». Причем воображаемых боевиков власти связывали с Украиной. Именно на территории этого государства, по словам Лукашенко, находились «лагеря боевиков», а госСМИ твердили, что у арестованных «легионеров» при обысках изъяли украинскую национальную символику, шевроны добровольческих батальонов и книги о Майдане. Некоторые люди, попавшие за решетку,

¹ «Белый легион» — парамилитарная спортивно-патриотическая организация. Была основана в начале 90-х на базе молодежного крыла Белоруссага згуртавання вайскоўцаў — движения, объединявшего бывших и действующих военнослужащих, которые во время распада СССР выступали за создание национальной белорусской армии и суверенитет Беларуси. В 90-х члены «Белого легиона» занимались военно-спортивной подготовкой, отвечали за безопасность на уличных акциях оппозиции. В 2000-х организация самораспустилась.

имели отношение к «Белому легиону» в далеком прошлом. «Молодофронтовцев» же взяли просто за компанию, Сергея Пальчевского чекисты задержали 22 марта вместе с Дашкевичем и еще одним защитником Куропат Артемом Левченко. Испуганной матери Сергея объяснили: его подозревают в «обучении и подготовке к участию в массовых беспорядках». Самого Пальчевского поместили в минское СИЗО № 1, а позже перевели в «американку»¹.

В течение трех месяцев фигурантам дела «Белого легиона» (его также называли «делом патриотов») то добавляли, то переqualифицировали обвинения, кого-то отпускали под подписку о невыезде, кто-то оставался в СИЗО. В итоге КГБ передал дело Следственному комитету. Признать, что все эти обвинения были сфабрикованы чекистами, СК не мог. Довести дело до суда — тоже. Запугать общество удалось и арестами, а появление новых политзаключенных значительно ухудшило бы отношения с Западом. В июне на свободу вышел последний подозреваемый, а к концу ноября дело вовсе закрыли.

Пальчевского освободили из СИЗО 15 апреля. Через две недели он публично признался, что дал подписку о сотрудничестве с КГБ под псевдонимом Артур. Вербовка произошла на первом же допросе в отсутствие адвоката. «Требовали, чтобы я рассказывал что-то о «деле патриотов». Я отказался. Тогда меня начали шантажировать», — писал «молодофронтовец». Шантажировали дополнительным тюремным сроком за ДТП: в феврале Пальчевский сбил на пешеходном переходе женщи-

¹ Пока арестованные сидели в изоляторе, наступило 25 марта — День Воли. И хотя на проспект Независимости в Минске вышло не более пяти тысяч демонстрантов, спецподразделения милиции применили против них грубую силу — избивали дубинками и, как мешки, забрасывали в автозаки. По городу ездила бронированная техника и водометы. Этот жестокий разгон стал кульминацией, пиком «холодной весны 2017-го». В апреле власти анонсировали изменения в декрет «о тунеядцах». И хотя недовольство политикой Лукашенко никуда не исчезло, выражать его на улице люди были уже не готовы. Получив убедительный удар дубинкой, белорусы не захотели дальше бросаться на амбразуру.

ну, она получила травмы. Одновременно чекисты угрожали опубликовать интимные подробности его жизни, распространить слухи о его нетрадиционной сексуальной ориентации, а самого Пальчевского посадить на зоне в «петушатню» (на жаргоне зэков — камера для гомосексуалистов). Под давлением Сергей согласился на условия КГБ. «Я рассчитывал, что, выйдя на свободу, сразу признаюсь друзьям. Сегодня я каюсь в этом поступке перед Богом и людьми. Если кто-то осуждает меня за совершенное — считаю, каждый имеет на это полное право, — говорил Пальчевский. Позже он добавил: — Возможно, я дал слабину и можно было вообще ничего не подписывать...»

Безусловно, приход в «Молодой фронт» и защита Куропат стали очень ярким периодом в биографии Сергея. До того он пробовал себя в разных занятиях, но определиться с профессией, делом жизни не мог. Преподаватель истории по образованию, он работал то на заводе холодильников, то помогал Дашкевичу в столярном бизнесе — они изготавливали и устанавливали мебель. После выхода из СИЗО пути в спокойную тихую жизнь уже не было. Рассчитывать на карьеру в Беларуси не приходилось, продолжать заниматься политическим активизмом под угрозой нового ареста — тоже. Пальчевский эмоционально «перегорел». Несколько месяцев о нем ничего не было слышно. И вот, в августе 2017-го Сергей сообщил «Белсату», что воюет на Донбассе.

«Я уехал в Украину вскоре после того, как раскрыл факт подписания бумаги о сотрудничестве с КГБ. Понял, что продолжать свою деятельность в «Молодом фронте» на родине я больше не смогу. Не дадут. Все равно найдут, за что посадить», — сказал он. С мая Сергей просто жил в Украине, а в июле приехал на Донбасс и присоединился к тактической группе «Беларусь» в составе «Правого сектора». В белорусской армии Сергей не служил, обращению с СПГ-9 учился прямо на передовой. О своих планах он не предупредил ни родных, ни соратников по «Молодому фронту». Тогда он говорил, что прекрасно понимает — вернуться на родину получится лишь после смены власти.

Когда стало известно, что Пальчевский на Донбассе, лидер кампании «Говори правду» Андрей Дмитриев инициировал в соцсетях дискуссию: он утверждал, что соратники по «Молодому фронту» должны были отговорить Пальчевского от поездки на войну. Мол, в Украине есть регулярная армия и «ни героизма, ни необходимости» в таком поступке политик не видит. При этом Дмитриев апеллировал к Дашкевичу: «Почему ты не использовал весь свой авторитет как лидер организации и как человек, которого он очень уважает, чтобы Сергей не поехал на эту бойню, как и Лобов в свое время? Надеюсь, ты не поддерживаешь этого, типа, парень искупает кровью, то что подписал какую-то там филькину грамоту». Дмитриев намекал, что Пальчевский мог таким образом пытаться «искупить вину» за подписку о сотрудничестве с КГБ. Отметим, самого Дмитриева бывшие коллеги (например, экс-кандидат в президенты Владимир Некляев) неоднократно обвиняли в работе на спецслужбы. Теперь же он продвигал мысль о том, что «защищать Беларусь нужно в Беларуси». Если риторика «Говори правду», занимающей конформистскую по отношению к власти позицию, казалась предсказуемой, то реакция Дашкевича удивляла. В 2015 году он называл «героем» добровольца Лобова, а теперь выступал с иных позиций: «Действительно, когда начиналась история с войной на Донбассе, у белорусских патриотов было много эмоций, тогда присоединение к добровольцам воспринималось в другом свете. Но теперь, когда я приезжаю в Украину и вижу там счастливых и довольных людей в ресторанах и кафе, встает вопрос, насколько самим украинцам нужен тот Донбасс? Нужно ли им, чтобы за Донбасс погибали, в том числе белорусы? Не говоря уже о политиках, которые заявляют о войне, а сами одновременно торгуют и ручкаются с агрессором. Лично я не в восторге, что мой друг Сергей или Эдуард Лобов подвергают свои жизни опасности в тех обстоятельствах, которые сложились на украинско-российском фронте, да и вообще в Украине». Кроме того, Дашкевич связал отъезд соратника на фронт с боязнью попасть под

уголовное дело за ДТП: «Перед ним возник выбор: заведомо ложный судебный процесс с возможностью получить срок либо отъезд. Как по мне, если уж невозможно не ехать, лучше бы они поехали получать образование по программе Калиновского (в Польшу. — К. А.). Но в их случае, наверное, сказалось и то, что парням нравится военное дело. Сергей знал о моем критическом отношении к этой идее...» — говорил Дашкевич в интервью «Белсату».

Однако вряд ли на решение Пальчевского повлияло исключительно желание избежать неприятностей на родине: кто добровольно меняет перспективу получить срок за ДТП на риск быть убитым на фронте? Если бы Сергей руководствовался лишь практическими соображениями и стремился обезопасить себя, как намекают политики, то, и правда, с самого начала поехал бы на Запад. Однако сила инерции слишком велика: после отчаянной защиты Куропат и пребывания в застенках КГБ темпераментный человек не мог резко снизить градус драмы в жизни. Благополучная эмиграция просто не вписывалась в его мировоззрение. Был необходим новый виток борьбы. К тому же Пальчевский не оставлял своих «молодофронтовских» идеалов. Вот как он объяснял мотивацию своего поступка в интервью «Белсату»: «Я не считаю, что эта война чужая для белорусов. Российская империя, которая пытается возродиться, — и наш враг тоже. Она угрожает не только Украине, но и белорусскому суверенитету. Поэтому, если есть возможность остановить Россию на Донбассе, а не у нас дома, надо этим пользоваться. Теперь фронт находится в Украине, но может оказаться и под Могилевом».

Всего Сергей провел в «Правом секторе» около полугода. Зимой 2018-го он перебрался с Донбасса в Киев, поселился на съемной квартире и устроился охранником в магазин. В его словах год спустя слышалось разочарование: «Настоящей войны там уже не было: большую часть времени проводил на позициях. Определенные военные навыки я получил, но дальше оставаться там я не видел смысла». Скорее всего, он и

не ставил перед собой задачу овладеть профессией военного, не стремился заключить контракт с ВСУ. А массовое участие добровольцев в позиционной войне к 2018 году просто не требовалось. Вероятно, недолгое пребывание на фронте все же удовлетворило желание Сергея почувствовать себя причастным к борьбе, к важному делу. Но за полгода «военная» история исчерпала себя, этот этап в жизни Сергея пришел к логическому финалу. Нужно было вновь искать себя в мирной жизни. Но задержаться в Украине и получить вид на жительство не вышло из-за бюрократических проволочек. Возвращение же на родину сулило долгое тюремное заключение. Когда мы вновь разговаривали с Пальчевским зимой 2019 года, он уже получил политическое убежище в Польше, переехал в Варшаву, перебивался случайными подработками. Где на момент выхода книги находился его соратник по «Молодому фронту» Эдуард Лобов — выяснить не удалось. Последний раз в публичном пространстве Эдуард был замечен во время погрома киевского филиала «Альфа-банка». Мать Лобова Марина сказала: «Теперь общаться с журналистами сын не желает».

Хотя почти вся оппозиция открыто симпатизировала Украине, широкой поддержки участие белорусских граждан в войне от нее не получило. Как и большинство наших соотечественников (независимо от их политических убеждений), оппозиционеры считали, что белорусы не должны вмешиваться в этот конфликт. Тем более активисты демократического движения не были готовы сами отправиться воевать. Кроме двух «молодофронтовцев», мы знаем только пятерых добровольцев, которые были известны своей оппозиционной деятельностью в Беларуси: Алесь Черкашин, Дмитрий Полойко, Иван Стасюк и два экс-политзаключенных — Василий Парфенков и Александр Молчанов.

Легализация

В ноябре 2015 года министр внутренних дел Игорь Шувенич сообщил о «десятках уголовных дел за наемничество»,

которые якобы заведены на воюющих по обе стороны конфликта. Но уже тогда многие добровольцы догадывались (и на то имелись все основания), что преследование будет обращено в первую очередь против них, а не против соотечественников-боевиков. Tактическая группа «Беларусь» обратилась к властям: «От имени белорусов, воюющих на стороне украинского народа, заявляем: белорусы, защищая сегодня Украину, защищают и Беларусь. Имеем общего врага — имперскую Москву. Победа Украины — это надежда для Беларуси, что завтра путинский режим не придет с войной в наш дом. Призываем власти Беларуси прекратить лживую пропаганду из Москвы, под влиянием которой вербуют граждан Беларуси в ряды незаконных военных формирований сепаратистов. Все, кто воюет на стороне сепаратистов, должны быть привлечены к ответственности». Однако у белорусских спецслужб на этот счет был иной план.

В 2014 году отдельные новобранцы уезжали в добробаты с пусть и призрачной, но надеждой вернуться на родину. Очень скоро они осознали, насколько не реалистичен такой сценарий при Лукашенко. Нам известно лишь об одном добровольце, который приехал в Беларусь, был идентифицирован спецслужбами, задержан, но смог в итоге покинуть страну — это Дмитрий Полойко. Больше подобных историй слышать не приходилось. Правда, волонтер Андрей Стрижак, возивший гуманитарную помощь в АТО и имевший тесные контакты с добровольцами, рассказал, что некоторым экс-бойцам каким-то образом удалось вернуться, не попав в поле зрения КГБ. Проверить эту информацию по объективным причинам невозможно. Обнаруживать себя эти люди никогда бы не решились. Тем временем большинство добровольцев оставались в Украине — на фронте или в тылу. И для них самым острым и насущным был вопрос легализации.

В июне 2014 года командир добробата «Донбасс» Семен Семенченко направил главе МВД Арсену Авакову прошение предоставить гражданство 15 иностранным бойцам его

батальона, среди которых упоминались граждане Беларуси, России, Грузии, Испании и других государств. Аваков направил соответствующее ходатайство президенту, как того требует статья 9 Закона Украины «О гражданстве». В декабре Петр Порошенко сообщил, что намерен подписать указ о предоставлении украинского гражданства всем иностранным добровольцам, в том числе россиянам и белорусам. Он подчеркнул: эти люди уже подтвердили свою верность Украине. Но за все время правления Порошенко паспорт был выдан только одному белорусу — командиру разведки «Азова» Сергею Коротких, получившему еще и должность в структуре МВД.

Судьба остальных добровольцев сложилась совсем не так успешно. Одни были вынуждены нелегально пересекать границу с Польшей и просить политического убежища в ЕС, другие годами жили в Украине по давно просроченным белорусским паспортам. Относительно благополучно легализовались те добровольцы, кто перешел на службу по контракту в ВСУ, — они имели военные билеты, которые хотя бы подтверждали их личность и позволяли перемещаться по стране. Но оформить, например, зарплатную карточку на военник невозможно — в этом случае жалованье просто перечисляли другому бойцу-украинцу, а он потом передавал деньги.

Единственный документ на руках у большинства белорусских добровольцев — *«довідка про звернення за захистом»*, то есть справка, которую выдает миграционная служба после обращения за выдачей вида на жительство. По закону эта заявка должна рассматриваться в течение 15 суток, но, по словам белорусов, эти сроки нередко затягивались, а в итоге они получали отказ. «Некоторые ребята подавали заявки по 8—9 раз, а документы просто исчезали. Один доброволец обратился за гражданством, но эти бумаги (а там огромный список) потерялись. Иногда говорят, что какая-то печать не там стоит или чего не хватает», — объясняет Дмитрий Полуйко, который служил в ВСУ по контракту. Сам он женился

на украинке и добился постоянного вида на жительство. Если временное получить легче, то для постоянного иностранцам нужно пройти процедуру углубленной проверки через СБУ и Интерпол, после которой выдается разрешение на иммиграцию. Схема выглядит запутанно даже на словах, на деле все растягивается на месяцы и годы. У тех, кто, вернувшись с фронта, не мог найти в Киеве работу и как-то устроить жизнь, появлялись мысли об эмиграции в европейские страны. Самый близкий вариант — соседняя Польша, но легально пересечь границу, имея на руках лишь просроченный белорусский паспорт и «довідку», нельзя.

В августе 2016 года двое бывших бойцов батальона «Донбасс» — 22-летний Рустам (Док) и 41-летний Дмитрий Белогорцев (Лесник) — выехали из Украины и сдались польским пограничникам, потребовав политического убежища в Польше. Их поместили в закрытый центр для иностранцев в городе Пшемьсль. Минчанин Белогорцев не скрывал своей настоящей фамилии, поскольку был убежден, что об его участии в войне хорошо знают в КГБ. В сентябре 2014-го российские хакеры «слили» в сеть личный состав «Донбасса», где в том числе фигурировали данные Белогорцева. В том же сентябре Белогорцев вышел из Иловайского «котла» с оружием в руках и двумя ранениями. Сразу после госпиталя ему сообщили: воевать в рядах «Донбасса» он больше не может, ведь батальон вступил в Нацгвардию, а иностранцам там служить нельзя. Затем целых два года боец пытался добиться вида на жительство. «Мы приходим в миграционную службу Украины, а нам говорят: «Документов у вас нет». И присылают еще письменный ответ: «Поезжайте в Беларусь, восстанавляйте паспорт». Вы же знаете, как работают украинские органы: они не надевают сразу же наручники. Но говорят: «Вы здесь незаконно, у вас будет депортация, завтра или еще когда-либо». А человек же не может жить, если у него нет документов. Он не может нигде трудоустроиться, не может снять жилье. Любой полицейский останавливает его на улице: «Где твои документы?»» — рассказывал Белогорцев «Бел-

сату» сразу после отъезда в Польшу. Его боевой товарищ Док тогда признался журналистам, что испытывает обиду на украинские власти: «Мы помогли, а нам портят жизнь». Если верить бойцам, однажды в Украине им выдали отказ в получении гражданства по причине «бездомных опасений» (!). В случае Дока и Лесника шансом остаться на законных основаниях в стране было заключение контракта с ВСУ, но многие добровольцы «первой волны» (приехавшие на фронт в 2014-м) воспринимали эту идею в штыки. При этом оставаться на фронте на полуправильном положении они тоже не хотели. Чем дальше — тем больше бойцам хотелось строить новую, мирную жизнь в Киеве. У Дока — незаконченное высшее образование программиста, на фронте был связистом. Вместо продолжения учебы в Беларуси, в мае 2014-го вступил в добробат. Он постоянно рвался на передовую, выполнять боевые задачи, но командир берет юного белоруса — сражаться за Иловайск его, в отличие от Белогорцева, не отправили. После «Донбасса» он перешел в ДУК «Правый сектор». Семья добровольца его выбор не поддержала. Отец, гражданин России, вообще грозился поехать воевать за ДНР и убить его. Настоящие имя и фамилия Дока также засветились в сети из-за российских хакеров, так что путь в Беларусь был автоматически отрезан. Тем временем из-за отсутствия документов миграционная служба Украины стала присылать ему уведомления о возможной депортации. И вот, в феврале 2017-го Док сообщил «Белсату»: Польша предоставила ему статус политического беженца. «Вывод из всего этого только один: все, что не смогла и не сможет Украина, — смогла и сможет Польша. Отдельный «привет» и «спасибо» тем, кто кричал и продолжает кричать, что у иностранных добровольцев в Украине «все хорошо»».

Украина «не смогла» — пожалуй, такой вердикт стране, за которую воевали, вынесли разочарованные белорусы-добровольцы после многочисленных попыток получить гражданство. Еще один популярный тезис — «всех добровольцев

слили». Так говорит Владимир Киреев из Слуцка, прошедший «горячие» Авдеевку и Марьинку. Киреев на родине работал плотником и один растил сына Кирилла, от которого мать отказалась при рождении. Владимир не вращался в оппозиционной среде, но властью Лукашенко был недоволен и на волне народного гнева ходил на Плошчу в 2010-м. Когда начался Майдан, его «возмутила ложь и пропаганда» российских телеканалов, и он всерьез заинтересовался событиями в Украине, переписывался с уже воюющими белорусами. В июле 2015-го Киреев уехал на фронт. Сначала ремонтировал технику в инженерной группе «Азова», а с сентября 2016-го по май 2017 года был минометчиком в «Правом секторе», в составе ТГБ. Сына он взял с собой — подросток ходил в школу прямо в прифронтовой Марьинке, под звуки артобстрела. Сослуживцы отца и волонтеры присматривали за 12-летним Кириллом, он стал настоящим «сыном полка». «Потом нас фактически вывели с фронта, предложили: или устраивайтесь на контракт, или до свидания», — говорил Владимир. Идти по контракту в ВСУ он не захотел. Отец с сыном покинули Донбасс и сняли старую дачу под Киевом. Владимир перебивался случайными подработками на стройках, пытаясь прокормить сына. «Скажем так, на метро хватает не всегда», — описывал он свое финансовое положение зимой 2019-го. Тогда из документов у Киреева была только «довідка про звернення», которая не позволяла ни официально трудоустроиться, ни завести банковскую карточку, ни взять кредит, чтобы собрать сына в школу.

В октябре 2018-го, почти через четыре года после первого обещания Порошенко, Верховная Рада приняла в первом чтении законопроект № 3433, цель которого — упрощение всей процедуры получения гражданства для иностранных добровольцев, принимавших участие в защите территориальной целостности Украины, а также мораторий на их выдачу другим государствам. Соавтором законопроекта выступил нардеп Андрей Билецкий (в прошлом командир «Азова»). Тогда он заявил, что только за первые годы вой-

ны в АТО участвовали около 500 иностранцев. «Сейчас эти добровольцы стоят перед юридической проблемой. Во-первых, большинство из них являются выходцами из России и Беларуси, а потому возвращение на Родину означает для них фактически многолетнее заключение и смерть. Во-вторых, у этих людей уже элементарно заканчиваются их национальные паспорта, а поэтому в ближайшее время они могут стать нелегальными мигрантами в Украине. Процедура получения гражданства, обещанная украинской властью в 2014 году, требует от добровольцев-иностранцев поездки, в частности, в страну-агрессор и получения там справки о несудимости», — пояснял Билецкий. В первом чтении его поддержали 252 депутата при необходимых 226 голосах, но законопроект застопорился по неясной причине. Чтобы привлечь внимание к проблеме, иностранные добровольцы периодически выходили на митинги под Раду. Белорусы активно участвовали в этих демонстрациях. Во время одной из них молодые белорусы-«азовцы» приковали себя наручниками к ограждению на Банковой.

Как объясняет депутат Игорь Гузь, который стоял у истоков отряда «Погоня», решения о выдаче гражданства иностранцам априори проходят через Администрацию президента, а после скандала с нелояльным Саакашвили у Порошенко стали относиться к этой теме весьма настороженно. Как говорил Дмитрий Полойко, «у ребят вся надежда на нового президента». Связано это между или нет — сказать трудно, но действительно, с приходом к власти Владимира Зеленского законопроект был утвержден во втором чтении. 6 июня 2019 года Верховная Рада приняла закон № 3433 — за него проголосовали 230 депутатов. Документ вносил изменения в Законы Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» и «О гражданстве Украины». Теперь пребывание в Украине всех иностранцев, принимавшие участие в защите территориальной целостности, признано законным и за ними официально закреплено право на получение гражданства в упрощенном порядке. Кроме того, новый

закон запрещает выдачу добровольцев «недружественным странам». Он гласит, что добровольцы «не могут быть принудительно возвращены в страну происхождения или третью страну, которая совершила акт агрессии против Украины, или в страну, которая не признает территориальную целостность и суверенитет Украины, или отказывается признавать противоправность посягательств на территориальную целостность и суверенитет Украины, в частности, голосовала против Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «О территориальной целостности Украины» от 27 марта 2014 года № 68/262». Среди стран, которые голосовали против этой резолюции, — Беларусь.

28 июня 2019 года двое бывших бойцов батальона «Донбасс» Рустам (Док) (позже выяснилось его настоящее имя — Рудольф Егоренко) и Дмитрий Белогорцев получили украинское гражданство — Зеленский подписал соответствующий указ. По иронии судьбы, к этому моменту оба уже несколько лет жили в Польше в статусе политических беженцев.

«Романтики» и «беглецы»

Рассказывая о наших согражданах на стороне ДНР и ЛНР, мы называли три типажа: люди войны, беглецы и романтики. У первых — профессиональная подготовка и отсутствие сантиментов, у вторых — неудавшаяся карьера или личная жизнь, третьи после просмотра российских телеканалов всерьез обеспокоились «угрозой фашизма», поверив в пропагандистские байки вроде «распятого мальчика». Говоря и о боевиках, и о белорусах, воюющих за Украину, важно понимать: границы типажей приблизительны, а сами люди могут не уместиться в рамки одного образа, ведь человеческая психика гибкая даже в нормальных условиях, а на передовой она претерпевает изменения еще быстрее. Тем не менее мы попробуем выделить наиболее характерные черты для добровольцев и объединить их в портреты. Однако специально не будем (за редким исключением) называть имена конкретных людей в описании типажа.

Большинство белорусских добровольцев можно разделить на две категории: романтики-идеалисты и беглецы. Романтики, в свою очередь, делятся на два субтипажа:

1. **«Активист»**. Это молодой человек чаще до 30 лет, как правило, минчанин или житель большого города. С юности принимает участие в оппозиционных митингах, состоит в патриотической организации или фанатском сообществе, но ключевой позиции там не занимает. Скорее всего, за свою деятельность он успел посидеть на «сутках». Зачастую такие ребята придерживаются правых, националистических взглядов. Интересуются историей Беларуси, чтят национальные символы — бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». В Беларуси «активист» открыто выступает против власти Лукашенко. С началом Майдана ездит в Киев сам или активно следит за событиями по интернету. На войну едет с товарищами по партии / околофутбольному движению. В компании большую роль играет культ физической силы. Таким «активистам» посвятил свою песню «Гарри» Сергей Михалок из группы Brutto: «Сделал три подхода, четвертый за Гарри, Гарри сейчас в походе, вернется едва ли», — поет Михалок. И правда, отправляясь на войну, «активист» осознает, что может не вернуться, но это его не пугает. Им двигает желание борьбы, причем чем младше боец, тем более абстрактна, непредметна в его представлении эта борьба. Повзрослев, закаленный в бою «активист» может стать настоящим человеком войны, профессионалом, готовым выполнить любой приказ командования. Такой исход, вероятно, самый благоприятный для этого типажа добровольца и даже отчасти свидетельствует о стойкости характера. В противном случае, когда опыт и переживания накладывают слишком глубокий отпечаток на психику, когда-то полный энергии «активист» невольно превращается в «беглеца».

2. **«Мужык-беларус»**. Зрелый мужчина (35 лет и старше), из областного / районного центра или агрогородка, образование средне-специальное, женат, есть дети. Работает на каком-нибудь государственном предприятии, уходит рано

утром, возвращается домой поздно вечером. В его жизни все складывается не то чтобы хорошо, а просто «нормально» — хватать звезды с неба от него никогда и не требовалось, амбиции не выходили за пределы простого желания обеспечить семью всем необходимым. По сути, «мужык-беларус» — спокойный обыватель, пока не почувствует угрозу своему налаженному быту. Если он видит эту угрозу, к примеру, в «налоге на тунеядство», то идет на площадь протестовать против власти. Если видит, что сегодня Россия забрала «клаптик земли» у соседа, то приходит к выводу: завтра она начнет претендовать на землю, где стоит уже его дом, построенный на заработанные потом и кровью деньги. Телевизор хоть и смотрит, пропаганде не доверяет (и вообще, мало кому доверяет). В критический момент мотивация «мужыка-беларуса» проста и понятна: мир черно-белый, а окружающие делятся на «своих» и «чужих». На войну такой человек идет с четким осознанием: сейчас Украина, в будущем — Беларусь, это надо предотвратить. Он вспоминает, как стрелял из автомата «в армейке», закуривает дешевую сигарету и уезжает на фронт. Невозможность вернуться на родину — особенная трагедия для это типажа белорусского добровольца. Семья, живущая в Беларуси, зачастую критически воспринимает его выбор и отказывается воссоединиться с ним в Украине, браки рушатся.

Когда активные боевые действия заканчиваются и острой потребности в добровольцах на фронте уже не возникает, «мужыку-беларусу» приходится выбирать: подписать контракт с ВСУ и ближайшие годы посвятить военному делу на профессиональной основе либо устраивать гражданскую жизнь в Украине. Но процесс легализации полон бюрократических проволочек и не гарантирует успешного результата. Большинство белорусов-добровольцев, вопреки обещаниям Порошенко предоставить украинское гражданство, годами живут по просроченным белорусским паспортам, периодически подавая прошение о предоставлении вида на жительство. Так и не получив его, перебиваются случайными

подработками в Киеве. Вдали от близких, «мужык-беларус», чьи жизненные цели когда-то были ясными и простыми, превращается в потерянного человека, «беглеца». Он лишен родины, семьи, друзей, привычного окружения. Он даже лишен собственно войны, ради которой оставил Беларусь.

3. **«Беглецы».** Как мы видим, оба субтипажа романтиков-идеалистов при определенном развитии событий могут перейти в категорию «беглецов». Однако есть среди наших добровольцев и те, кто прошел этот путь еще на родине. В них нет ни юного задора «активистов» — они куда опытнее, ни жертвенного простодушия «мужыка-беларуса». Нет, они искренне следуют своим убеждениям и не лукавят, рассказывая журналистам, что приехали на Донбасс воевать против общей российской угрозы и за Беларусь, но это лишь одна сторона, куда падает свет прожектора. Стоит глубже заглянуть в их судьбы, и мотивация перестает казаться настолько однозначной.

Многие «беглецы» на родине были вовлечены в оппозиционную деятельность. В отличие от идеалистов, этим людям терять практически нечего. Из-за самоотверженной борьбы с режимом, они не успели ни создать семью, ни построить карьеру. Тогда, на митингах и «сутках», на допросах КГБ и в тюремной камере, им казалось, что власть Лукашенко вот-вот падет и им удастся по-настоящему занять свое место в свободной Беларуси. Годы шли, но ничего не менялось. Выйдя из тюрьмы, бывшие политзеки не могли вписаться в общество. Они уже не верили в перемены. Отъезд на войну казался единственным возможным выходом из жизненного тупика. Объяснять такое решение исключительно темпераментом было бы поверхностно. Здесь дело скорее в том, что после всех страданий за правду, реальных, не надуманных, но так и не принесших плодов, у них развился «комплекс героя» — сильная потребность совершить исторически значимый поступок. И наконец, увидеть эффект от своего поступка: ведь если стрелять из гранатомета в сторону врага, он рано или поздно будет уничтожен.

Но есть среди белорусов бойцы, которых сложно отнести к вышеперечисленным типажам. Например, Сергей Коротких (Боцман). Легендарного экс-командира разведки «Азова» назвать иначе как авантюристом не выходит, чересчур запутанная биография с избытком «белых пятен». Сотрудничество с КГБ, видная роль в российских неонацистских группировках, криминальные истории и сотни тысяч евро сомнительного происхождения в декларации не позволяют причислить его к романтикам: очевидно, Коротких искал не просто борьбы, а борьбы, приносящей авторитет и выгоды. На классического добровольца-«беглеца» он тоже не похож. Коротких никаким образом не пострадал за свои взгляды. Политическая плоскость, в которой он действовал до Донбасса, очень специфична — это ультраправое движение. В постсоветских странах для лидеров подобных организаций характерно наличие связей с силовиками. Именно этим можно объяснить его поспешный выход из изолятора после драки с поножовщиной в Минске в 2013 году. При этом заслуги Боцмана на фронте, отвагу в бою признают даже оппоненты. Бросается в глаза то, что после яркого, но непродолжительного участия в боях на Донбассе Коротких ждет хеппи-энд в виде госдолжности и финансового благополучия. Пока его земляки обивают пороги инстанций в надежде добиться вида на жительство, Коротких вручает украинский паспорт лично президент Порошенко.

Сергей Коротких, пусть и с натяжкой, сегодня подходит под типаж «человека войны» с удавшейся карьерой. Его случай уникален, поскольку «люди войны» среди белорусских добровольцев нам не встречались.

Когда мы говорили об этом типаже белорусов на стороне боевиков, было понятно, откуда они появились. Очень часто «люди войны» на донбасском фронте — это бывшие кадровые военные, силовики и ветераны «горячих точек». За годы независимости идеология в белорусской армии и силовых структурах почти не менялась, оставаясь насквозь просоветской, а с началом войны на Донбассе офицерский

состав симпатизировал России. Поэтому выходцы из армии или милиции ехали воевать за ДНР и ЛНР с установками, привитыми им сначала советским, а потом лукашенковским командованием. Да и могло ли произойти иначе в стране, где до сих пор отмечают юбилеи КГБ, а министр внутренних дел Шуневич (кстати, родом из Луганска) на 9 мая щеголяет в форме сотрудника сталинского НКВД? Бывший боец «Правого сектора», а теперь контрактник ВСУ с позывным Волат, уехал на фронт сразу после демобилизации со срочной службы в спецназе. В военной части 3214 под Минском, где он служил, была «абсолютно пророссийская идеологическая подготовка», вызывавшая отторжение у патриотически настроенного молодого солдата. «Открыто пророссийские настроения были и у офицеров, и у командования, и у контрактников, которые там служат. Начало моей службы совпало с событиями в Крыму и на Донбассе — так примерно 70 % в нашей части громко поддерживали Россию, остальным было или безразлично, или в личных разговорах некоторые сослуживцы могли сказать, что Украина на самом деле права. На политинформации нам показывали фильмы о Майдане и объясняли, как это страшно, и если мы не будем выполнять свою «функцию по охране правопорядка», Беларусь ожидает чуть ли не военный конфликт», — рассказывал 23-летний Волат в интервью «Белсату».

Опытным белорусским военным специалистам с проукраинскими взглядами, видящим в путинской России угрозу и готовым профессионально воевать на стороне Киева было просто неоткуда взяться. Как и людям с боевым опытом — все белорусы, принимавшие участие в локальных конфликтах, в свое время воевали на стороне России¹.

¹ В подавляющем большинстве случаев речь идет о войне в Чечне.

Глава 6 АНАТОМИЯ АБСУРДА

«22 января 2015 года украинские СМИ и соцсети «взорвались» новостью: сепаратисты захватили Донецкий аэропорт — символ героической обороны украинской армии. В Министерстве обороны Украины подтвердили — «киборги» с потерями отошли из руин нового терминала. Оборона Донецкого аэропорта, а точнее его старого и нового терминалов, продолжалась с 26 мая — около 240 дней... Длительное время ситуация вокруг аэропорта оставалась относительно спокойной. Серьезные штурмы стратегического объекта начались уже после заключения Минских соглашений в сентябре 2014 года... Со временем, после многих штурмов, аэропорт получил и символическое значение. Для Украины — это свидетельство героизма ее бойцов, которые успешно противостоят мощным силам врага. Аэродром стал «украинскими Фермопилами» и «донбасским Домом Павлова», а его защитников противник за стойкость назвал «киборгами». (Из материала ВВС Украины от 23 января 2015 года.)

«В Сталинграде был сломан, по советскому клише, хребет фашизму. Вот здесь я своими глазами видел, как в этом мини-Сталинграде ломался хребет уж не знаю, чему там — фашизму или нет — но вот мордоризму этому, оркизму, бессмысленному кровожадному терроризму — точно. Для меня нет никакого сомнения, что ДНР, ЛНР — это совершенно придуманные искусственные полуфашистские организации, задача которых не сделать что-то для украинского народа, не создать что-то для украинского народа, не сделать украинский народ счастливым, а просто создать бесконечную зону кошмара, превратить

Украину в аэропорт». (Из выступления журналиста Los Angeles Times Сергея Лойко, находившегося в ДАП в разгар боев в эфире «Эхо Москвы» 29 октября 2014 года.)

★ ★ ★

Одним из участников штурма Донецкого аэропорта в составе интербригады «Пятнашка» был украинский гражданин, уроженец Мариуполя Роман Джумаев.

Летом 2014 года, в возрасте 23-х лет, Роман пошел воевать против Украины на стороне боевиков. На фронте он пробыл год: участвовал в боях за Дебальцево и ДАП. За это в Украине на него завели уголовное дело по ч. 5 ст. 260 Уголовного кодекса (участие в НВФ).

Наша встреча с Джумаевым состоялась в марте 2016 года в одном из минских торговых центров. Глядя на этого аккуратного и вежливого молодого человека, сложно было поверить, что перед тобой — боевик ДНР, который участвовал в наиболее ожесточенных сражениях. Джумаев высказывал свои мысли ясно, не заменяя каждое второе слово в речи нецензурной бранью. Обращался ко мне исключительно на «вы», хотя я был старше его всего на три года. Роман утверждал, что до войны работал программистом. И внешне он действительно больше походил на айтишника, чем на бойца.

История Романа Джумаева наглядно демонстрирует: война на Донбассе — это не только имперский фанатик Игорь Стрелков-Гиркин, Бук, псковские десантники и бурятские танкисты. Это еще и тысячи граждан Украины, которые всю свою жизнь тихо существовали в системе координат «русского мира», а в 2014-м взяли в руки оружие и примкнули к НВФ. Без коллаборационистов гибридная агрессия России против Украины была бы невозможна. Поэтому, не разобравшись в этих людях, нельзя понять и саму войну на Донбассе. Тем более что некоторые из них, разорив родной регион, уезжали в спокойную Беларусь — здесь можно было продолжать симпатизировать «русскому миру» в более комфортной обстановке.

новке. Именно так поступил Рома Джумаев. Летом 2015 года он бросил фронт и переехал жить в Марьину Горку Минской области. Устроился менеджером по продажам. Ни от кого не скрывался, с журналистами охотно шел на контакт. «Наших тут много», — уверенно говорил он¹.

Рассказывая свою историю, Джумаев старался выглядеть здравомыслящим человеком. Если же в его логических цепочках отсутствовали необходимые звенья, он склеивал их пропагандистскими штампами. Рома стремился казаться откровенным. Когда же реальность вступала в противоречие с его мировоззрением — начинал юлить и уходить от ответов.

— **Как ты оказался на войне?**

— *Когда начались все эти события, я работал в Киеве. Я видел, как все происходило на Майдане, как жгли «Беркут». Мне это не особо нравилось, потому что мой прадед воевал. Потом я приехал в Мариуполь, и как раз в мае месяце был разгон митингующих. Потом в июне был расстрел ГУВД (сепаратисты захватили здание местного управления милиции и украинские силовики их выбили оттуда. — И. И.) батальоном «Азов» — я как раз там был. И вот мы с другом решили поехать воевать, хотели в Луганск. Я получил последнюю зарплату в Киеве, купил экипировку. 4 августа доехали на поезде до Донецка (тогда еще ходили поезда), а вокзал абсолютно пустой. Возле вокзала стояла «Нива» камуфляжного цвета, рядом стоял «ополченец», пил кофе. Мы спросили, как доехать до Луганска. Он сказал, что трасса Донецк — Луганск перекрыта, там украинские войска. Предложил остаться в Донецке. Мы согласились.*

— **Что было дальше?**

— *Этот «ополченец» повел нас туда, где они базировались — на улице Стратонавтов в поселке Октябрьский. Это как раз рядом с Донецким аэропортом. Нас отвели на посты, выдали СКС (самозарядный карабин Симонова. — И. И.) и*

¹ Полный текст интервью, которое здесь будет цитироваться, опубликован на сайте «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/bajavik-dnr-u-bielarusi-nasych-tut-smat/27594251.html>

10 патронов. А я в армии не служил, оружие никогда в руках не держал. В первую же ночь начался минометный обстрел.

Первые недели я был на Стратонавтов. А в сентябре перешел в интернациональную бригаду «Пятнашка», где нас уже действительно начали обучать. Мы познакомились с Абхазом¹. Базировались на заводе «Сармат» в Донецке, там еще рядом был университет баптистов (Донецкий христианский университет. — И. И.) — они уехали, потому что были полностью за Америку.

— **В интербригаде служили преимущественно иностранцы?**

— Изначально почему назвали бригаду «Пятнашка»? Потому что сначала их было 15 человек — все из России приехали. Было там 4 француза, затем появились абхазы. Но большинство все-таки из местных. Русских от общего числа процентов 30 — все добровольцы.

Акцент на том, что в первый день ему выдали старое советское оружие, снятое с вооружения еще в конце 1950-х, — это, конечно, часть мифологического образа «борца с фашизмом». Мол, почти как московское ополчение в 1941-м воевали, одна винтовка на троих. В действительности, если Джумаеву и пришлось однажды взять в руки СКС, это ничего не говорит ни о ресурсной базе боевиков, ни о «героическом порыве» — скорее, о наплевательском отношении полевых командиров к личному составу. НВФ формировались во многом стихийно, поэтому вполне естественно, что российское снабжение не всегда поспевало за ходом событий. А на первой фотографии с Донбасса, которую Джумаев в августе 2014-го выложит «Вконтакте», он будет позировать вовсе не с дряхлой винтовкой, а с вполне современным пулеметом. На получении (и особенно происхождении) этого оружия он акцентировать внимание в интервью уже не стал — подобная история в героический миф не вписывалась.

Что же касается вскользь упомянутого протестантского вуза, то здесь Джумаев уже откровенно подменяет понятия.

¹ Абхаз — уроженец Сухуми Ахра Авидзба, полевой командир боевиков. Возглавлял бригаду «Пятнашка» в 2014 году.

Донецкий христианский университет не уезжал, потому что был «полностью за Америку» — их из Донецка изгнали. В июле 2014-го вооруженные боевики вторглись на территорию ДХУ и объявили, что в связи с военным положением университет и все его имущество переходит в распоряжение подразделений ДНР. А сами протестанты на протяжении всего конфликта подвергались гонениям со стороны боевиков. Впрочем, нежелание называть вещи своими именами меркнет на фоне объяснений Джумаева, почему он пошел воевать.

— Я все-таки не понимаю. Получается, когда все началось, ты жил и работал в Киеве. То есть это не война к тебе пришла. Ты мог вообще туда не лезть. Зачем?

— Понимаете... Я поехал потому, что у меня прадед воевал, всю Украину прошел и вернулся с оторванной рукой. И георгиевская лента, и всегда мы были за Россию. А теперь... Я принял сторону Донецкой области, потому что я сам из Мариуполя. Я видел, как люди работают, как последнюю копейку экономят. А тут эти скажут: мы хотим в Европу.

— Но вас же при этом не трогали. Никто русский язык на Донбассе не запрещал.

— Никто никого не трогал. Первоначально вроде бы ничем не ограничивали. Но потом начали жечь «Беркут», «Беркут» из Донецкой области, и люди начали подниматься — как это так, наших ребят жгут. Хотя до этих событий, честно скажу, мало кто любил «Беркут» и вообще милицию. На самом деле «ополчение» — это что? Каждый шел туда с какой-то выгодой, грубо говоря, для себя. Для меня выгода — почтить память деда. Чтобы у меня в Мариуполе не ходили с Западной Украины и не чувствовали себя как дома.

Как уже говорилось, логические неувязки Джумаев обычно склеивал пропагандистскими штампами. В данном же случае вся мотивация боевика была полностью соткана из этих абсурдных неувязок. Здесь есть все: и «деды воевали», и «Беркут», и трудная жизнь в Мариуполе, и «всегда были за Россию». Какое отношение имеет участие его прадеда в

войне против гитлеровской Германии к тому, что сам Джумаев пошел воевать против своих сограждан в Украине? Почему желание жить, как в благополучной и богатой Европе оскорбляет тех, кто экономит «каждую копейку»? Ну и самое главное: зачем браться за оружие, если «никто никого не трогал»? Такая каша в головах части жителей Донбасса дорого обошлась всей стране.

— А чего вообще в ДНР люди хотят? Что они хотят построить? Какая конечная цель всего этого?

— Когда в Мариуполе был референдум (не признанный мировым сообществом референдум о независимости ДНР. — И. И.), весь город пришел голосовать. Все, кто голосовал, думали, что это референдум о присоединении к России. Как оказалось — нет. У всех была мысль, что Россия нас примет. А по факту все это тянется, тянется...

К «ополченцам» люди часто подходят и спрашивают: когда это закончится? Да если б я знал! Теперь, на самом деле, местные жители уже ничего не хотят. Они просто хотят, чтобы все это закончилось. Столько людей погибло, столько разрушений. Поселок Октябрьский (это между вокзалом и аэропортом) — он просто стерт с лица земли, нет ни одного дома. И таких поселков много.

— А глядя на это, глядя на все эти жертвы, у тебя не появилась мысль, что все это зря?

— Ну, с моей стороны я не скажу, что все это было зря. Я знаю, что я многим людям помог. Конечно, может, если бы все это не началось, то этого и не нужно было бы делать... Но я все равно не думаю, что все закончилось бы просто так, мирным путем... Все равно что-то было бы.

Джумаевский пассаж о том, что «весь город пришел голосовать» — это исключительно плод его собственной фантазии. Явка на псевдореферендуме в Мариуполе, даже по данным самих сепаратистов, составила всего лишь 27,38 %. По подсчетам украинских СМИ, проголосовали и вовсе не более 4—5 % избирателей. Но интереснее другое. Сумбурный ответ Джумаева на вопрос об оправданности жертв

показывает: у него все-таки закрадывались сомнения в верности избранного пути. Хотя Роман и баррикадуется от здравого смысла штампом «деды воевали», глаза обмануть сложно: он же видит, что стертый с лица земли поселок Октябрьский — это прямой результат того, что летом 2014-го он вдруг решил «почтить память деда» и сел на поезд до Донецка. Однако смелости признать свои ошибки не хватает, нести на себе такой груз вины ему не по силам. Поэтому он переходит к простейшему механизму психологической защиты — отрицание. «Все равно что-то было бы», — убеждает он сам себя.

— А ощущение, что Россия просто предала вас, нет?

— Когда находишься здесь, какое-то такое ощущение есть... Не скажу, что просто предала. Скорее, предала та власть, которая была и наполовину еще есть в Донбассе. Вот первоначально руководил ЛНР Болотов, у него был помощник. Этот помощник теперь гуляет в Киеве, в кафе. К нему подходят украинские активисты, снимают на камеру, спрашивают: «А что вы тут делаете?» А он говорит, что от СБУ у него справка, что претензий к нему нет. Вот при них началась вся эта заварушка, они были зачинщиками, а теперь свалили. Сейчас под видом украинских диверсионно-разведывательных групп убивают всяких Мозговых. Украинские ДРГ на территории ДНР? Ну-ну. Это просто идет ликвидация тех, кто не угоден властям. Теперь вот нашу «Пятнашку» сам Захарченко хочет признать организованной преступной группировкой, потому что Абхаз не хотел подчиняться.

— Россия вам оказывала поддержку?

— В плане питания для «ополченцев», обмундирования — поддержка была. В плане вооружения при мне было, что сама украинская сторона продавала нам оружие налево и направо. Что нам Россия кучу оружия присылала — это бред. Нет, возможно, кто-то провозил оружие через границу... Но у нас были украинские автоматы. Ну, приехал к нам Жириновский, подарил «Ниву». Ну, Пореченков в аэропорту из пулемета стрелял. Ну, как они мне помогли?

— *То есть российскую армию ты в Донбассе не видел?*

— *Нет. Много было людей, которые нам из России помогали. Но саму армию не видел.*

Роман Джумаев очевидно лукавит. В формированиях ДНР он находился с лета 2014-го по лето 2015 года — т. е. он застал наиболее активную фазу российской интервенции на Донбассе. Он не мог не знать, чьими силами украинскую армию выбили из Дебальцева, тем более что в этих боях Джумаев лично принимал участие. Объяснить упорство боевика не сложно. Во-первых, болтать на этот счет не принято. Во-вторых, если признать присутствие российской армии на Донбассе, то светлый образ идейного «ополченца» явно потускнеет — Джумаев окажется обыкновенным коллаборационистом и предателем.

— *А так называемые отпускники?*

— *Вот у нас был пацан с позывным Север. Он так называемый отпускник. Он брал так называемый отпуск в российской армии и приезжал в ДНР. Потом задним числом его списали. Он и теперь в ДНР. Вот такой «отпуск».*

— *Разумеется, в части знали, куда он едет.*

— *Логично. Но вы поймите, мне скрывать нечего. Я считаю, что «ополчение», те, с кем я начинал, — это были идейные люди. Потому что не было никаких зарплат. Теперь по большей части там люди не идейные. Они там потому, что есть нечего, а зарплата — 15 тысяч рублей. А для Донецкой и Луганской области это довольно-таки хорошо. Когда я там был, я половину своей зарплаты отдавал людям. Женщинам, мужчинам, хорошо одетым, но просящим милостыню. У людей просто нет денег на еду. То, что говорят, приходит гуманитарная помощь из России... Да, приходит. Но, как рассказывал мой друг из ЛНР, они разгружали гуманитарку, а потом открылись магазины, где продавалась эта же гуманитарка.*

Попав в смысловую ловушку с «отпускниками», Джумаев резко меняет тему: мол, «ополчение» было идейное, люди голодают, а он им помогал. Только ведь не будь «отпускников» — не было бы ни «ополченцев», ни голода. Именно эту

очевидную вещь Роман и скрывает — в первую очередь от самого себя, опять переходя к отрицанию.

— **Захарченко — что за человек?**

— Простой мужик. Мог сидеть с нами и есть тушенку возле костра. Мог сам спокойно пойти в бой.

— **А он идейный?**

— Казалось, что идейный. В том же Дебальцеве (говорю прямо) у нас были приказы ВСУ брать в плен, потому что там в основном призывники, а «Правый сектор» и остальных — не брать.

— **Это был приказ Захарченко?**

— Да, это был его приказ. Но потом выяснилось, что приказы часто нарушаются с его стороны. То есть он может сказать, а потом, в тот же момент, мол, не трогайте их. Вот это для меня нонсенс. Непонятная политика... И с этими Минскими договоренностями теперь очень много парней погибает.

— **Ты согласен с утверждением российской пропаганды, что в Донбассе идет война против «украинских фашистов»?**

— Ой, ну после Дебальцева я вообще со всем согласен. Я видел мужика, у которого не было половины пальцев на руке. К нему пришли из какого-то добровольческого батальона отбирать «газель», а он не хотел отдавать, потому что занимался перевозками и кормил этой машиной семью. А ему пальцы отрезали и машину отобрали.

— **А ваши не зверствуют?**

— (После паузы.) Везде есть паршивая овца. Были случаи, когда «ополченцы» расстреляли гражданских в машине — просто потому, что хотели машину отобрать. Таких случаев и с одной, и с другой стороны — масса. Я же не говорю, что все, кто в ВСУ, плохие. Есть же и там хорошие люди.

Противоречивость ответов Джумаева — классическое двоемыслие. То есть буквально в течение минуты он успевает поддержать пропагандистский миф об «украинских фашистах», привести пример военного преступления добровольцев (правдив ли этот рассказ — в данном случае не имеет значения), рассказать об еще более страшном преступлении

боевиков и в конце концов согласиться, что везде есть и хорошие, и плохие люди. Джумаев не полностью лишен критического мышления. Но и отказаться от мифа об «украинских фашистах» он не способен, ведь именно этот миф позволил ему дегуманизировать своего противника. Причем дегуманизировать до такой степени, что Роман не боится признавать: боевики часто расстреливали пленных добровольцев, и он сожалеет, что расстреливали не всех.

— Разговаривая с людьми, которые воевали в Донбассе, я обратил внимание: они по-разному относятся к самому факту того, что приходилось убивать людей. Некоторые хвалятся этим. А как ты?

— Ну, я не считаю, что это хорошие поступки.

— **А ты знаешь, сколько ты человек убил?**

— То, что я знаю, пусть останется при мне... В аэропорту, скажем так, было тяжело. Маленькое замкнутое пространство, и ты все знаешь.

— **А что ты ощущал, когда впервые убил человека?**

— В первый раз я ничего не ощущал. Это был такой страх, такой адреналин, что не задумывался вообще, там вообще отключен мозг...

— Ты принимал участие в штурме Донецкого аэропорта. Когда ты туда попал?

— 1 октября нас собрал Абхаз (нас было уже около 200 человек) и сказал, что идем на штурм аэропорта. Мы собрались на железнодорожном вокзале (это был пункт отправки) и сразу попали под обстрел. 2 октября мы уже базировались на Стратонавтов. Вообще аэропорт можно было захватить на протяжении нескольких дней. Но команды были непоследовательные: то вперед-вперед, то назад-назад. В большей степени «ополченцы» погибали из-за команды «назад-назад».

— **Большие потери были?**

— Да. В аэропорту было много случаев, когда наши генералы посылали людей просто на убой. На самом деле и ВСУ скрывают реальные потери, и мы. Но у нас тогда они даже не то что скрывались, там просто всех учесть было невозможно.

— Кто брал аэропорт?

— Там стояла бригада Гиви, бригада Моторолы и мы — наши три бригады участвовали в захвате аэропорта. Гиви до войны был охранником в магазине. Как по мне — он нормальный командир. А вот Моторола, этот «метр с кепкой», — у него сильная «звездная болезнь», много людей на убой посылал. Взяли мы сначала гостиницу, потом здание милиции на территории аэропорта (ну, как здание — там не было зданий, там все было разрушено). Потом где-то в середине октября 2014 года взяли старый терминал, и потом уже большую часть времени мы базировались в старом терминале. Большая часть аэропорта была наша. Только в новом терминале была заблокирована небольшая горстка украинских бойцов, может, человек сто — им выбраться было уже невозможно. Новый терминал штурмовал в основном Моторола со своей бригадой «Спарта».

— Для тебя война на Донбассе — это гражданская война?

— Ну, как сказать... С одной стороны, да. У меня двоюродный брат одно время был в батальоне «Азов», а мой дядя (его отец) вступил в батальон «Донбасс». То есть у нас в самом деле брат против брата. Как по мне — это гражданская война. Хотя кого там только нет: и абхазы, и словаки, и даже нигерийца встречал... Просто Запад и Россия делят все на территории Донецкой и Луганской области.

— Что должно произойти, чтобы на Донбассе закончилась война?

— На мой взгляд, если Россия нас не заберет, то ничего не закончится. Будет долго и нудно, и все то же самое.

Стоит признать, что Джумаев здесь приводит довольно сильный с точки зрения риторики аргумент: мол, у нас семья разделена, брат воюет против брата. Стало быть, это гражданская война. Но затем в стройной конструкции возникает дыра: оказывается, это Россия и Запад на Донбассе что-то делают, и война закончится, если только соседняя страна осуществит аншлюс. Боевик из Мариуполя снова противоречит сам себе. Гражданские войны не завершаются аннексиями,

потому как вызваны они исключительно внутренними причинами. Если же война обусловлена внешним вмешательством, это уже международный конфликт. Тут либо одно, либо другое. А по разные стороны фронта родственники могли оказаться и в сакральной для Джумаева Великой отечественной войне: тогда на стороне Германии выступили сотни тысяч граждан СССР.

Роман Джумаев, по-видимому, всерьез полагал, что можно развязать большую войну, изменить европейские границы, безболезненно войти в состав России и сразу получить уровень жизни, как в Москве. И когда стало ясно, что ничего подобного не произойдет, а потребность в романтических приключениях была исчерпана, Джумаев заскучал и просто уехал. Теперь его уже не так сильно волновал тот факт, что Украина взяла прозападный курс, его родной Мариуполь остался под контролем киевских властей и люди с Западной Украины там, вероятно, «чувствуют себя как дома». Он уже не готов был рисковать собой ради «русского мира». Поэтому перебрался в Беларусь, где чувствовал себя в полной безопасности.

— Как получилось, что ты теперь живешь в Беларуси?

— Я приехал в Беларусь в конце июня 2015 года. У меня тут живет мать. Она переехала с Украины с сестрой в самом начале этих событий. Всегда звала меня сюда. И я потом уже с девушкой приехал. Получил разрешение на работу в Беларуси на год.

— Почему ты решил уехать из ДНР?

— Ну, мы как-то решили с моей девушкой, что нужно уезжать. Сама она из Мариуполя, она там жила. Мы решили, что как только у нее заканчивается сессия, мы поедem. На самом деле, несмотря на блокпосты, я периодически ездил к ней в Мариуполь — на свой страх и риск. А потом узнал, что мой бывший друг, который теперь служит в мариупольской милиции, против меня возбудил еще одно уголовное дело...

— Ты не боишься, что у тебя из-за этого будут проблемы в Беларуси?

— Ну, как сказать... Я знаю, что белорусам, которые воевали в Донбассе, угрожает уголовная ответственность. Но я же ничего не нарушаю в Беларуси — я сюда приехал как простой гражданин.

— **Это понятно. Но Украина может направить запрос на твою экстрадицию...**

— Ну, тогда нужно на многих запросы направлять. Я тут уже много людей встретил, которые были и в ДНР, и в ЛНР. Например, человека (сам он из казаков), с которым мы вместе помогали раненым, когда железнодорожный вокзал разбомбили в Донецке... Так что отправлять запрос придется на многих.

— **А белорусские правоохранительные органы тобой не интересовались? Даже на беседы не вызывали?**

— Никто ничем не интересовался. Я сюда приехал через территорию России. Сам пошел в отделение миграции, попросил меня оформить.

* * *

В интервью Роман Джумаев неопределенно высказался насчет своего будущего. Мол, пока не появится возможность вернуться в Мариуполь — планирует оставаться в Беларуси. Однако уверенности не было: спустя пару недель у боевика заканчивался украинский паспорт. «И я не знаю, что дальше делать», — признавался он.

В Беларуси Джумаев не остался. Интервью с участником штурма Донецкого аэропорта неожиданно получило большой резонанс, в том числе в его родном Мариуполе. В тот же день ситуацию прокомментировал руководитель аппарата председателя СБУ Александр Ткачук. Он сообщил, что украинские спецслужбы следят за происходящим, однако не уточнил, будет ли направлен запрос на экстрадицию Джумаева. «Представьте себе: вот этот человек наш брифинг смотрит, а я теперь скажу, что мы готовим его экстрадицию. Как вы считаете, что он сделает?» — говорил Ткачук.

Экстрадиции так и не произошло: спустя несколько месяцев Джумаев, по его собственным словам, был вынужден уехать в Москву. Конкретные обстоятельства отъезда Романа нам неизвестны. Однако можно предположить: с одной стороны, он опасался возможной экстрадиции в Украину, а с другой — белорусские власти из-за шумихи в СМИ были заинтересованы побыстрее избавиться от боевика. А, как мы помним, с паспортом у Джумаева были проблемы.

Еще через год, в сентябре 2017-го, Романа Джумаева задержат в Марьинском районе Донецкой области при попытке перейти на территорию, контролируруемую украинскими властями. По утверждению СБУ, Джумаев планировал навестить в Мариуполе родителей. В рамках расследования уголовного дела по ч. 1 ст. 258-3 (участие в террористической организации) он был взят под стражу. Судебное следствие по делу Джумаева практически не сдвинулось с мертвой точки. 3 мая 2018 года Марьинский районный суд изменил боевику меру пресечения на домашний арест.

Однако и это еще не все. В декабре 2018 года у Джумаева произошел конфликт с полицией из-за демонтажа киоска, который он незаконно установил в Мариуполе. Боевик нанес майору полиции телесные повреждения и распылил слезоточивый газ. Было начато досудебное расследование по ч. 2 ст. 345 (насилие в отношении сотрудников правоохранительных органов) УК Украины. Джумаева отправят в СИЗО, но 5 августа 2019 года снова освободят. На судебных заседаниях он всячески отрицал свою вину, как и все сказанное в интервью «Радио Свобода».

Во время нашей беседы в марте 2016 года Роман Джумаев рассуждал: войну на Донбассе нельзя закончить просто так, по щелчку. «Даже если заключить мир и вернуть солдат домой, то память о пролитой крови никуда не денется, — говорил он. — Люди будут ходить по одним улицам с теми, кто еще недавно убивал их близких и друзей. И в конце концов начнут друг друга отстреливать в темных переулках и подъездах».

16 сентября 2019 года, когда Роман Джумаев будет находиться под домашним арестом в Мариуполе, его застрелят на пороге собственной квартиры. Комментаторы почти единодушно возложат вину за его смерть на украинское правосудие, которое оказалось неспособно отправить боевика в тюрьму и тем самым спровоцировало самосуд.

История Джумаева — это бесконечная цепочка абсурдных и инфантильных решений. История чудовищного нежелания и неспособности устанавливать причинно-следственную связь между своими действиями и их последствиями. На Донбассе подобный массовый инфантилизм обернулся трагедией.

Глава 7 ПОБЕГ ОТ КГБ

26 сентября 2014 года пророссийская хакерская группировка «КиберБеркут» выложила в сеть списки личного состава добровольческого батальона «Донбасс». К этому моменту хакеры «КиберБеркута» уже были известны атаками на сайты государственных органов и общественных организаций Украины, а также западных стран. В списках батальона «Донбасс», опубликованных хакерами, значилось шесть человек, местом рождения которых указана Беларусь. Один из них — Дмитрий Полойко — был задержан 11 декабря на железнодорожном вокзале в Барановичах. Как заявил 15 декабря пресс-секретарь КГБ Артур Стрех в интервью БелаПАН, информация о гражданах Беларуси в списках батальона «Донбасс» проверяется.

* * *

«Пока я сидел 10 суток, меня каждый день таскали на допросы КГБэшники. Под запись, с видеокамерой. Один снимает, а трое (кто сидит, кто стоит) допрашивают. То есть перекрестный допрос идет — это тоже психологический момент. Если, мол, про себя не хочешь говорить — расскажи хотя бы про других белорусов в добровольческих батальонах, и мы тебя отпустим обратно в Украину. Обещали, что жизни не будет, не дадут на работу устроиться и я с голода помру. Потом говорили, что применят ко мне и такую уголовную статью, и такую... Для обычного белоруса все это, наверное, очень тяжело и страшно. Но после боевых действий человек

меняется и взгляд его на жизнь становится другим. После пережитого в 2014-м мне казалось, что я с детьми разговариваю. Мне просто смешно было. А они слабо понимали, почему я никак на них не реагирую», — вспоминает Дмитрий Полойко те события спустя почти четыре года.

Уроженец города Барановичи, бывший активист оппозиции Дмитрий Полойко записался в добровольческий батальон «Донбасс» в июне 2014-го. На тот момент ему было 39 лет. После трех недель подготовки на базе в Новых Петровцах белорус попал на фронт. Участвовал в «зачистке» Николаевки, освобождении Артемовска (Бахмута) и Лисичанска, взятии Попасной (там он получил легкое осколочное ранение). В августе 90-дневный срок непрерывного пребывания иностранного гражданина в Украине истекал, и Полойко был вынужден отправиться домой. Доброволец не считал, что в Беларуси ему угрожает опасность: он мало кому говорил о своей поездке на Донбасс, не выкладывал фотографий с оружием в соцсетях и не светился в СМИ, а все записи в телефоне и ноутбуке предусмотрительно подчистил. Проблем на границе действительно не возникло, разве что украинским пограничникам пришлось доказывать, что он просрочил срок пребывания в стране из-за участия в АТО.

В конце сентября 2014 года российские хакеры слили в сеть списки личного состава батальона «Донбасс», где в том числе фигурировал Полойко. Последствия наступили не сразу. Хотя добровольцу уже тогда показалось, что за ним началась слежка, в октябре он все же благополучно уехал в Украину, к будущей супруге Вите. Параллельно в это время Полойко занимался продажей своей квартиры в Барановичах. Когда осенью доброволец ненадолго вернулся в Украину, он получил на электронную почту письмо от потенциального покупателя — мол, берем квартиру, приезжайте. Под видом этого покупателя Дмитрию Полойко писал сотрудник КГБ.

«В принципе, я уже чувствовал что меня могут взять. Мы сразу договорились с Витой, что делать будем в случае

ареста», — вспоминает доброволец. Почему Полойко все же решил рискнуть и приехать в Беларусь? Рассуждал так: документ в виде таблицы Excel, опубликованный хакерами в интернете, — это не доказательство. А больше нигде он не засветился. Поэтому если самому не признаваться — чекисты ничего доказать не смогут. А в себе Дмитрий Полойко был уверен. «Я не особо и боялся, — признается он. — Думал, что даже если арестуют — все равно выкручусь. У них ведь нет доказательств».

Когда поезд прибыл на железнодорожный вокзал в Барановичах, Полойко увидел, как к его вагону идут милиционеры и несколько чекистов в штатском. Дмитрий успел позвонить Вите и сказать кодовую фразу: «Белорусам не разрешают жениться на украинках». Это значило: его задерживают и нужно действовать. Вита сразу стала обзванивать белорусских политиков и правозащитников, знавших Полойко. Но шум поднимался именно в контексте политических репрессий в Беларуси, про участие в АТО — ни слова.

«Я выхожу из вагона, а они подходят. Вы Полойко Дмитрий Юрьевич, спрашивают? Мол, проверка документов, вы похожи на какого-то преступника. Я уже заулыбался. Паспорт сразу забрал один из милиционеров, и меня повели в железнодорожный отдел милиции. Обыскали. Люди в штатском, сотрудники КГБ, командовали. Завели в кабинет. Заговорили про списки батальона — мол, есть информация на тебя. Ты воевал? Знаешь других белорусов в добробатах? Я говорю: ничего не знаю. Я, мол, по интернету познакомился с девушкой в Украине и приехал к ней в гости. Что делал все это время? Ну, когда она на работу ходила, я в интернете сидел, купаться на речку ходил. А как твои данные в списке «Донбасса» попали, спрашивают? Ну, мало ли, говорю. Когда, например, покупаешь сим-карту нужно же паспорт показывать», — рассказывает Полойко.

Ситуация сложилась патовая: при личном досмотре у Полойко ничего не нашли, участие в АТО он отрицал. Доказательств не было. Арестовать человека только на основа-

нии какой-то Excel — перебор даже для белорусского КГБ. Но и сдаваться чекисты не собирались. Продержав допоздна в железнодорожном отделе милиции, Полойко отпустили. Однако сразу же, в аллее рядом с вокзалом, без каких-либо объяснений добровольца задержала милиция. Его отвезли в милицейский участок, посадили в «обезьянник». А на следующий день осудили на 10 суток административного ареста по наспех выдуманному протоколу, который Дмитрию даже не показали. В случае с этой «административкой» силовики прибегли к банальному трюку: за годы правления Лукашенко тысячи активистов прошли через подобный судебный цирк.

В изоляторе временного содержания Дмитрия Полойко сначала посадили к «суточникам», а затем перевели в камеру к подследственным. Подсадили к нему уголовного, очевидно, «стукача», который выпытывал у Полойко детали его жизни в Украине. Каждый день его водили на беседы к сотрудникам КГБ — они пытались запугать добровольца уголовным преследованием или просто «большими проблемами». Но Полойко нисколько не отклонился от легенды.

Белорусские СМИ к этому времени уже вовсю писали про задержание бывшего активиста оппозиции, которого КГБ подозревает в наемничестве из-за слива «КиберБеркута». Пока Полойко сидел, независимое информационное агентство БелаПАН позвонило другим белорусам из батальона «Донбасс», и один из них (Игорь Клевко, (Лев)) фактически подтвердил: задержание Полойко связано с тем, что он имеет отношение к «Донбассу». «Распечатали КГБэшники эту статью и мне на стол — на, читай, мы все знаем про тебя. А я посмотрел и говорю: «Ну, мало ли что в интернете пишут?..» Короче, я досидел свои 10 суток и вышел», — вспоминает Полойко.

Но это был еще не конец истории. Чтобы не допустить возвращения Полойко в Украину, его поставили на профилактический учет КГБ. Согласно закону «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», на профи-

лактический учет в органы госбезопасности ставят граждан, «по которым в ходе оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования по уголовным делам получены сведения о деяниях, которые могут создать угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, причинить вред государственным или общественным интересам, правам, свободам, законным интересам других граждан, а также привести впоследствии к совершению преступления»¹. Таким людям, в частности, запрещен выезд из страны. Как это часто бывает в Беларуси, закон трактовался максимально широко. Например, в 2012 году под прикрытием «профилактического учета» КГБ активно вносил оппозиционных политиков в список невыездных. Это было своеобразной мстостью за то, что оппозиция поддержала визовые санкции Запада против руководства Беларуси — мол, если нас в Европу не пускают, то и вам о брюсселях и парижах придется забыть. Однако нарушение международных обязательств Беларуси о свободе передвижения граждан слишком бросалось в глаза, и под угрозой дальнейшего осложнения отношений с Западом политические списки невыездных пришлось отменить. Но в случае с Дмитрием Полойко чекисты решили точно вернуться к уже подзабытым методам. По словам добровольца, у его родственников КГБ также на всякий случай взяла подписку о невыезде. «Родственники даже разговаривать со мной боялись после этого», — вспоминает он.

В январе 2015 года к Полойко в Беларусь приехала его невеста Вита, и они за три дня расписались без свидетелей, никого об этом не оповещая. «КГБисты тоже не сразу узнали. Однако теперь мне можно было добиваться выезда на воссоединение семьи, а этого мне нельзя запретить по меж-

¹ Следует, конечно, оценить иронию ситуации. Если буквально интерпретировать закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», то выходит, что участие белорусских граждан в отражении путинской агрессии на Донбассе КГБ считал «угрозой национальной безопасности» и «вредом государственным интересам».

дународным договорам. Все-таки Беларусь — не Северная Корея», — говорит Полойко. Доброволец стал забрасывать КГБ заявлениями, допекать звонками, требуя снять себя с профилактического учета. Чекисты же продолжали искать рычаги давления. За супругой добровольца следили. Когда после свадьбы Вита возвращалась домой, ей пытались подкинуть наркотики прямо в поезде — случайный человек якобы хотел передать родственникам в Украину медикаменты. «А она все поняла: человек ведь зашел в вагон и сразу целенаправленно подошел к ней с такой просьбой, — рассказывает Полойко. — Потом все это подтвердили в КГБ. Они ж не хотели меня отпускать. Говорят: ну, пусть жена приезжает в Беларусь. Я им сказал: она не приедет, потому что вы хотели ей подкинуть наркотики и посадить. И потом в разговоре они обмолвились: мол, передай, пусть она не боится, мы ее больше трогать не будем. Что значит «больше»?!»

Наконец 19 апреля 2015 года Дмитрия Полойко сняли с профилактического учета КГБ. Вскоре белорусский доброволец благополучно уехал в Украину. В январе 2016 года он подписал контракт с ВСУ.

Полойко посчастливилось уйти от КГБ: все обошлось слезкой, запугиванием, 10 сутками ареста и 4 месяцами профилактического учета. Ничего страшного, в сущности. Но эта история начинает играть совершенно другими красками, если сравнить ее с тем, как описывают свои встречи с КГБ боевики — например Сергей Бондарь, Константин Фофанов или Сергей Трофимов (см. главы 12 и 18). Никто не запрещал им выезжать из страны, не запугивал и не устраивал провокаций — они беспрепятственно курсировали между Беларусью и Донбассом. При этом, против перечисленных боевиков у чекистов были все доказательства, включая их личные признания. То, что симпатии белорусского КГБ были на стороне боевиков, Полойко не удивляет. Эта предвзятость бросалась в глаза и на допросах. «КГБэшники говорили: если будут проблемы в Беларуси, ты же будешь воевать против

нас. «Чего это я буду против вас? — спрашиваю. — Я-то лично за Беларусь воевать буду. А вот за кого вы — не знаю». Они, конечно, имели в виду, что если Запад на Беларусь нападет... Они ведь пророссийские: в их же понимании Россия на Беларусь напасть не может. А раз я в Украине воюю против России, значит и здесь буду против России воевать», — объясняет он.

Любопытно, что и самый первый отъезд Дмитрия Полойко на Донбасс в июне 2014 года не прошел без внимания Комитета госбезопасности. Полойко в принципе был на особом счету у чекистов как активист оппозиции. Слежка за инакомыслящим осуществлялась через девушку (а позже супругу) брата Полойко, с которым Дмитрий жил в одной квартире в Барановичах. «Я был активистом, участвовал в протестах, избирательных кампаниях. А ее завербовал КГБ. Она следила за мной, крала фотографии, подслушивала разговоры. То, что она работает на КГБ, я узнал от самих гэбистов — на допросах они показывали мне ее сообщения. Думали, что я после этого пойду с ними на контакт. Так и говорили: “Мы знаем, даже когда ты в туалет ходишь”», — вспоминает он.

Полойко понимал, что КГБ в курсе и его планов поехать на Донбасс. В день отъезда он в последний момент поменял билет — и вместо прямого рейса в Украину отправился в Гомель, а уже оттуда собирался в Харьков. «На вокзале ходила милиция, пристально всех рассматривала — видимо, получили ориентировку. А я был в спортивном костюме: прикрылся сумкой на плече, натянул кепку и прошел мимо. Перед тем как поезд тронулся, вижу: целая толпа заскочила в вагон, где я должен был изначально ехать. Ну, я после этого немного расслабился».

В Беларуси при покупке железнодорожных билетов на внутренние линии не нужно показывать паспорт — т. е. у Полойко был расчет на то, что спецслужбы не отследят его перемещение. Но маневр добровольца, хоть и не сразу, чекисты раскусили. «В Гомеле ко мне в вагон заходят двое. «Вы, Дмитрий Юрьевич?» — «Да». Показали удостоверение.

И говорят: «Давайте так: вы нам показываете свою сумку. И если там нет запрещенных вещей, вы едете спокойно». Я спрашиваю: «Так что, без свидетелей будем?» А они: «Вам разве нужны эти бумажки, затягивание времени?» Ну я им показал — у меня ведь ничего с собой не было. И слышу один другому говорит: “Да ну его, это не наши проблемы, пусть сами разбираются”», — вспоминает Полойко.

В итоге Дмитрий все-таки добрался до Харькова, затем до Днепра (тогда еще — Днепропетровск), а оттуда — до тренировочной базы батальона «Донбасс» в Новых Петровцах. Это был июнь 2014 года.

Начало путинской агрессии против Украины Дмитрий Полойко, по иронии судьбы, встретил в России — он работал там сварщиком. За событиями следил в интернете, переживал. «Любой человек, который хоть немного был причастен к политике, тогда прекрасно понимал масштаб происходящего. Я видел, что идет захват Крыма. Я понимал, что будет война и Украина может вообще исчезнуть с карты. А я воспринимал украинцев как исторических братьев. Для меня ВКЛ¹, Речь Посполитая — не пустой звук. Я понял: нужно ехать помогать», — вспоминает он.

Вернувшись из России в Беларусь, Полойко стал обзванивать украинские военкоматы. Но в то время в ВСУ не брали иностранцев. Тогда Полойко увидел в фейсбуке, что идет набор в добровольческий батальон «Донбасс». Предварительно списался — ему объяснили, как и куда ехать. «Когда спросил, что брать с собой, мне сказали: бери шлем, бронежилет... Я еще улыбнулся. Ну да, думаю, в Украине немного далеки от белорусский реалий», — говорит он.

Ранее Полойко проходил срочную службу в Вооруженных силах Беларуси. Но на Донбассе от этого опыта толку было немного — в белорусской армии он и оружия-то почти не видел. «Три патрона в полгода — разве это армия?» — рассуждает Дмитрий. Интенсивная подготовка в Новых Пе-

¹ ВКЛ — Великое княжество Литовское.

тровцах продолжалась три недели. Среди добровольцев люди встречались абсолютно разные по возрасту, профессиям и жизненному опыту. «Были миллионеры и учителя, прокуроры и художники. Даже были из Партии регионов. То есть взгляды разные, но идея одна — защитить страну. Попадались, конечно, и те, кому просто некуда деваться, — для них это было чем-то вроде побега. Кто-то что-то девушке хотел доказать или еще кому-то. У кого-то были долги в банке, кредиты», — говорит он.

В июле Полойко уже оказался на передовой. Сначала был стрелком, позже — снайпером. Процесс превращения гражданского человека в фронтовика Полойко описывает без драматизма. Впервые под обстрел он попал в Бахмуте. Тогда рота «Донбасса» без боя зашла в опустевший город и расположилась в здании общежития. Ночью общежитие обстреляли из гранатометов боевики. «Бог миловал, ранило только одного», — коротко описывает те события доброволец. А днем бойцы «Донбасса» занимали город и ставили блокпосты. «Это страшно, когда понимаешь, что в городе из-за любого угла или окна могут в тебя выстрелить. А ты идешь открыто, только бронежилет на тебе. Состояние, конечно, — адреналин зашкаливает. Но ты понимаешь — это надо делать. Я шел и думал: «Вот сейчас начнут стрелять и у меня будет секунда, чтобы в сторону упасть». Все на нервах. Любой шорох, и ты готов повернуться и дать очередь».

Некоторые добровольцы после первых боевых столкновений уезжали домой — не выдерживали фронтовых реалий чисто психологически. «Понять таких людей можно, — признает Полойко. — Лучше сразу поехать домой, чем убежать, когда будет нужно, чтобы ты выполнил приказ». Сам Дмитрий признается: во фронтовую жизнь втянулся быстро, после первых обстрелов страх ушел куда-то внутрь. Научился относиться к войне, как к работе. «Когда в противника стреляешь — не воспринимаешь его как человека. Не думаешь, что у него есть дети, родные. Никто так не думает. Ты солдат, а перед тобой противник и его нужно уничтожить. И дело

не только в том, что он тебя тоже может убить — тебе это нужно сделать, чтобы освободить территорию. Есть задача, и ее нужно выполнять. Это не значит, что ты, как робот, — просто вопрос выживания».

Дмитрий Полойко ни разу не пожалел, что пошел воевать. В его памяти навсегда осталось, как в Лисичанске или Попасной местные жители благодарили добровольцев за освобождение их города. «Это все влияет на твоё восприятие, — признается он. — Я всегда знал, что делаю на фронте и зачем я тут. Зато были такие мысли: а вдруг погибну? Я ведь и то не успел, и то не успел... Но эти мысли всегда помогают лучше продумывать свои шаги». Негативной реакции местных жителей на добровольцев Полойко не припоминает. Впрочем, добавляет: «Если кто-то и поддерживал сепаратистов, то наверняка старался помалкивать. Все-таки перед ними были люди с оружием, которых российская пропаганда описывала как «фашистов» и «карателей». Сами добровольцы тоже с местными жителями конфликтов не искали. «Я только одного встречал, который был озлоблен на гражданских. Боевые действия на него сильно повлияли: он во всех лицах мужского пола видел «сепаров». Всех подряд пытался сдать в СБУ. Но в основном все были более-менее адекватными», — говорит он.

В 2016—2018 годах Дмитрий Полойко служил по контракту в ВСУ, командовал взводом. Получил вид на жительство. Поступил на юрфак Донецкого национального университета имени Василя Стуса в Виннице. С правовой точки зрения его статус в Украине довольно зыбкий: в 2020-м у белоруса заканчивается срок действия паспорта. Вернуться в Беларусь, разумеется, нельзя — по словам Полойко, на родине против него возбуждено дело по статье «Убийство иностранных граждан» (ст. 124 УК). Материалы на Полойко также переданы и в Следственный комитет РФ. «В белорусском посольстве поменять паспорт я тоже не могу — это ведь территория Беларуси, там не действуют украинские законы. Меня могут просто схватить и вывезти в багажнике под наркотой», — рассуждает он.

Как его изменила война? Полойко задумывается. Нужные слова находит не сразу. «Знаете, появилось какое-то обостренное чувство справедливости. Понятно, что человеком нужно быть всегда. Ну вот, например, у тебя дома крыша течет и ты приходишь в ЖЭС. Раньше бы ты начал: «Ой, пожалуйста, сделайте то-то и то-то». А теперь ты требуешь. У тебя поднимается такая волна ненависти, что, когда какой-то чиновник не желает выполнять свою работу, тебе просто хочется его убить. Или машину взорвать. Я сейчас откровенно говорю, такое бывает. Конечно, ты себя сдерживаешь. И ты понимаешь, что это опасная вещь. Что-то сделать, поставить кому-то растяжку — в сущности для тебя ничего не стоит».

«Бывало во сне я хоронил наших ребят и плакал, — продолжает Полойко. — Было такое время. Сейчас уже нет. Но когда думаешь, сколько ребят погибло, а ты с ними общался, чай пил, вы вместе рассуждали, как будете дальше жить... Появляется ненависть. Даже не к людям, а к существующей несправедливости. Это чувство присутствует внутри»¹.

¹ К моменту завершения книги Полойко вернулся на службу в ВСУ.

Катерина Андреева, Игорь Ильяхи

Глава 8

ТРИ ИСТОРИИ ВРЕМЕН

ДЕБАЛЬЦЕВА

«Бои за Дебальцевский плацдарм — одно из самых крупных столкновений на Донбассе. Со всех сторон в нем приняли участие тысячи бойцов, сотни единиц техники и тяжелой артиллерии. Острая фаза продолжалась почти месяц — с 25 января по 18 февраля 2015 года — и включала в себя как массированные артиллерийские обстрелы, так и перестрелки на малых расстояниях из стрелкового оружия и даже танковые сражения... По данным Минобороны, во второй половине января 2015 года сепаратисты бросили все свои силы на расширение территорий «республик». Наступление планировали одновременно по трем направлениям: Счастье — Трехизбенка в Луганской области, а также Дебальцево и Мариуполь Донецкой области. Главным направлением удара был так называемый Дебальцевский выступ, который на несколько десятков километров вклинивался в территорию самопровозглашенной ДНР. (Из материала украинской службы Би-би-си от 5 февраля 2016 года.)

«За все время обороны Дебальцевского выступа погибли 136 и был ранен 331 военнослужащий Вооруженных сил Украины. Значимыми оказались потери украинских войск в вооружении. Около 30 % техники были уничтожены противником или выведены из строя силами наших подразделений». (Из анализа Генерального штаба ВСУ.)

Игорь Ильяхи

Реконструктор

«Под Дебальцевом, конечно, много наших полегло, — вспоминает боевик батальона «Заря» Константин Фофанов. —

У нас в подразделении целый танковый взвод погиб. Там был советником российский офицер, причем не самый лучший. Он дал команду пойти вперед, и их, как на учении, расстреляли. От танкистов только мокрое место и осталось. А когда мы Дебальцево уже захватили, украинцы отступали малыми группами по всему периметру. Когда где-то они выходили на связь, мы их пеленговали, передавали наверх, и уже «Грады» по этому участку били»¹.

Мы беседуем с Константином Фофановым в его деревенском домике в частном секторе на окраине Борисова. На дворе — октябрь 2016 года. Моему собеседнику 58 лет, но выглядит он существенно старше. Передо мной — этакий бодрый дедушка-добряк. Он угощает меня чаем с печеньем и рассказывает про то, как воевал против Украины.

«Мы в Кировское (в рамках декоммунизации город в 2016 году переименовали в Крестовку. — *И. И.*), помню, приехали. Там вообще кошмарно было. Воды нет. Собаки бегают стаями голодными, рвут котов. И город постоянно обстреливается. Помню, разместили нас спать прямо на земле. Один раз вообще «подлянка» была. Наши «Грады», машин 12, заехали, стали рядом с нами, по украинской стороне как дали залпом! Мы в шоке — ну, теперь же «ответка» прилетит! «Грады» отстрелялись и свалили, а минут через 15 полетели снаряды в нашу сторону. Нас, слава богу, не зацепило, только осколки в машину летели. Ну, а дома разнесло в частном секторе. Там еще рядом лицей, бежит пацан лет 10, и в него прямое попадание — только кишки на дереве остались».

В контактном бою Фофанов ни разу не участвовал. На Донбасс он приехал летом 2014 года и сразу попал в особую роту радиоэлектронной борьбы (РЭБ) батальона «Заря» группировки ЛНР. На вооружении роты стояли станции помех «Р-378Б» комплекса РЭБ «Борисоглебск-2». Там же

¹ Полностью интервью с Фофановым опубликовано на «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/28030501.html>

служил еще один белорус — уроженец Гомеля Сергей Белашов. В роте РЭБ на должности водителя транспортера Фофанов провоял вплоть до возвращения в Беларусь в начале 2016 года. Получал зарплату рядового бойца — 15 тысяч российских рублей.

— Меня сначала приписали к танковому батальону, потому что я тракторист. Но попасть на танк было тогда нереально — там танкистов было больше, чем танков. И меня перевели в особую роту РЭБ. И как раз появился тогда там какой-то россиянин — РЭБовец, вроде бы генерал-майор в отставке. Мы его называли «профессор». Он учил операторов работать. А мне вручили МТ-ЛБ (многоцелевой транспортер легкий бронированный, на котором размещается станция РЭБ. — И. И.). Это не трактор, конечно. Но разобрался.

И. И.: Каковы были функции вашего отряда?

— Комплекс РЭБ — это значит подслушивать, подглядывать. Мы засекаем сигнал, передаем информацию. Если там что-то важное, то вызывают беспилотник. Он прилетает, фотографирует. Если нужно — даже глушит телефонную связь, перехватывает сигнал.

И. И.: А откуда у вас беспилотники? Это ведь российские беспилотники?

— Ну, как сказать — российские... — заминается Фофанов и делает паузу. — Беспилотники были на нашей службе. А вот откуда они — я не знаю.

И. И.: А российская армия на Донбассе воевала?

Фофанов снова берет продолжительную паузу, а потом делает жест в сторону диктофона и громко проговаривает: «Там были российские добровольцы».

Константин Фофанов — нетипичный боевик, исключение из правил. Его сложно назвать маргиналом или люмпеном. Родился Фофанов в Карелии, но еще в восьмилетнем возрасте мать привезла его в Беларусь, где он и прожил всю жизнь. Окончил 8 классов, получил специальность тракториста. Женился, воспитал трех детей. Больших успехов

в жизни, богатства или славы добиться Фофанову не удалось. Но и в социальном лифте, в сущности, он не нуждался. У него было свое дело — до войны он работал индивидуальным предпринимателем, делал памятники и надгробные плиты. Работу свою любил, держал на подворье небольшое подсобное хозяйство, особой нужды в деньгах не испытывал. «Мы тут не жируем, но и не бедствуем. Солярка есть в баке. Вот двух свиной заколол. Если даже 2,5 миллиона (примерно 120 долларов на момент беседы — *И. И.*) зарабатываю, то тут на это можно жить», — признавался Фофанов. В общем, он был всем доволен. На Донбасс его привело не желание самореализации, а дух авантюризма и любовь к военной истории. Подобно Игорю Стрелкову-Гиркину, Фофанов увлекался историческими реконструкциями. В частности, реконструкциями наполеоновских войн — он был членом клуба 15-го Витебского гренадерского полка. Кроме того, Константин занимался раскопками, коллекционировал военную амуницию прошлых времен. В немецкой каске времен Второй мировой войны, которую он нашел под Борисовым, Фофанов потом и воевал на Донбассе. А на автомат прицепил ленточку с красно-зеленым государственным флагом Республики Беларусь. Впрочем, с этой символикой отношения у Фофанова были сложные: признавался, что национальный бело-красно-белый флаг и герб «Погоня» ему больше по душе¹. Таких внутренних противоречий в сознании Фофанова была масса.

¹ *Бело-красно-белый* (бела-чырвона-белы — бел.) *флаг и герб «Погоня»* — национальные символы Беларуси, берущие истоки из эпохи Великого княжества Литовского. С 1991-го по 1995 год бчб-флаг и «Погоня» — государственные символы независимой Беларуси. После того как к власти пришел Александр Лукашенко, он утвердил новый флаг и герб, которые ранее не существовали, но были похожи на символику БССР. С тех пор бчб-флаг и «Погоня» — символы национально-демократической оппозиции и просто патриотов, не согласных с политикой Лукашенко. Все белорусы, воюющие за Украину, активно использовали эту символику.

«Меня спрашивают: а чего ты поехал? А я говорю — я же не белорус, я русский. А теперь вообще казак, — без особой логики пытался объяснить Фофанов. — Казаки посмотрели на меня, видят, свой человек — записали в казаки. Если бы были все такие же, как я, то в свое время и Смоленск остался бы белорусским. А так — Смоленск сдали. Значит, Иван Грозный был прав». Как и Стрелков-Гиркин, Фофанов испытывал нездоровую страсть к любым признакам имперского величия и именно за империями оставлял приоритетное право на существование. Украину и Беларусь считал искусственными государствами, нежизнеспособными. Российской империей — восхищался. «Эх, какая была страна!.. — мечтательно говорил боевик. — И Польша у нас, и Финляндия, и весь Кавказ. А что осталось после коммунистов? Вообще бардак. Беларусь должна быть с Россией. Я бы вообще все земли вернул. Цари могли, конечно, ошибаться. Аляску вот продали — не нравится мне это. Неправильно сделали. Но все цари жили для народа». Себя Фофанов причислял к монархистам, а коммунистов люто ненавидел — его деда большевики расстреляли за то, что он служил у белых в гражданскую войну.

Разумеется, импульсом к поездке на Донбасс стали сюжеты российского телевидения. Но, в отличие от других боевиков, штампы российской пропаганды Фофанов не повторял. Про «зверства украинских фашистов» не рассказывал, да и своими боевыми подвигами не хвастался. Его интересовала война как таковая. Подчеркивал: все его предки были военными. Прадед в русско-японскую воевал, дед — в Первую мировую. Когда к концу 2015 года война на Донбассе окончательно приобрела позиционный характер, Фофанов быстро заскучал и уехал в Россию. Искал способ отправиться в Сирию, но у него так ничего и не вышло. К тому же его в Ростове обокрали. Чтобы хоть как-то выжить, пришлось подрабатывать на стройке, а затем сторожем на автостоянке. Наконец решил вернуться к оседлому образу жизни, в Беларусь. Но интерес к войне никуда не ушел. «В принципе, если где-то какой-то конфликт... Я не боюсь», — говорит.

«Некоторые заплакали, а я не мог сдерживать смех»

«Был ночной выход разведгруппы, и я помню, что сильно ушел вперед. Стало страшно, что с минуты на минуты попаду в плен. В этот момент меня заметили — по кустам, где я прятался, началась беспорядочная стрельба. Повезло — это свои были. Но висел на волоске. А потом при мне впервые убило сослуживца, снайпер попал. Помню, что рядом некоторые заплакали, а я не мог сдерживать смех. Наверное, такая защитная реакция» — так описывает свое участие в одном из боев за Дебальцевский плацдарм Саша Рукавишников.

Под Дебальцевом 19-летний белорус получил контузию. Последствия этой травмы заметны до сих пор: при встрече с ним обращаешь внимание на заторможенную речь и некрепкое рукопожатие. Рукавишникова, как и многих других боевиков, мы нашли в сообществе сторонников сепаратистов «Вконтакте». На интервью он согласился легко, добавив: «Меня не посадят, бояться нечего». Встречу назначили не в родных Горках, а в Мстиславле, где жил у своей невесты. Этот городок в Могилевской области расположен почти у самой границы, дальше — Россия.

На родине Рукавишников учился в ПТУ на слесаря. Когда в Украине начался Евромайдан, Саша «увлекся политикой» — информацию черпал из новостей по российским каналам. В ноябре 2014 года он сказал матери, что уезжает в Москву на заработки, семья отпустила. И Саша действительно поехал в Москву, где встретился с людьми Полянкова (соратника Стрелкова-Гиркина), получил указания и сел на поезд до Ростова. «В Ростове человек в гражданской одежде, имени не знаю, отвез меня в коттедж, где была база добровольцев. Уже там мне выдали форму и экипировку, но не оружие», — говорит Рукавишников.

Через несколько дней группу боевиков, в составе которой был белорус, перевезли в Донецк по такой же схеме, как не-

сколькими месяцами ранее Русяева: на двух микроавтобусах с пересадкой в Луганской области. «Автомат со склада дали уже в Донецке. Учебы почти не было, буквально через пару дней распределили в 1-ю Славянскую бригаду, в разведку. Я выбрал себе позывной Долг, потому что мне казалось, это мой долг — защищать землю Донбасса от “фашистов”».

Всего на Донбассе Рукавишников провел чуть более года. После контузии, зимой 2016 года, он некоторое время жил у знакомых в Санкт-Петербурге, а затем решил вернуться в Беларусь.

По его словам, паспорт с отметками о пересечении границы пришлось выбросить еще на КПП «Изварино» при въезде в Россию с территории ЛНР. Оказалось, что получить новые документы в Беларуси не представляет труда: Саша просто пришел в паспортный стол по месту прописки, в Горках, и ему выдали паспорт. Паспортные столы в Беларуси относятся к местным отделам внутренних дел, а, значит, входят в структуру МВД. Рукавишников же в интервью упоминает о том, что за время его отсутствия «дома проводил обыск КГБ» и неоднократно приходили из милиции.

«Через несколько дней после возвращения в Горки вызвали на беседу в органы. Как я понял, это были сотрудники областного КГБ. Задавали стандартные вопросы — сколько пробыл на Донбассе, собираюсь ли обратно. Их больше интересовали белорусы, которые на украинской стороне. Сказали: «Нам АТОшники интереснее, чем ты». Говорили вежливо, какого-то давления не чувствовалось. Я сказал, что больше не поеду на войну, и тогда мне дали подписать документ, что я предупрежден об уголовной ответственности за наемничество. Поэтому теперь бояться нечего, меня уже точно не посадят», — утверждает Рукавишников.

Правоохранители им действительно больше не интересовались. Хотя своей прошлой принадлежности к НВФ белорус не скрывает: на его странице «Вконтакте» до сих пор можно найти фото, где он позирует с другими боевиками в форме и с оружием в руках. Сейчас Рукавишников живет в Мстиславле,

женился, воспитывает сына и работает по специальности — слесарем.

Во время нашего интервью в Рукавишникове не было заметно ни гордости, ни осторожности, ни желания что-то скрыть. Он говорил абсолютно безучастно, будто пересказывая чужую историю. Такое равнодушие легко объяснить контузией и посттравматическим синдромом — все же Саша оказался на войне в действительно юном возрасте, а, возможно, у него просто отсутствует рефлексия. Дальнейшая судьба была ему безразлична, ведь главное для Саши — не сесть в тюрьму, а раз опасность миновала, можно расслабиться и плыть по течению.

В 1-й Славянской бригаде Рукавишников оказался далеко не единственным белорусом. В частности, там он познакомился с Алексеем Русяевым из Минска, бывшим милиционером, судимым за убийство.

Катерина Андреева

Серб из Минска

В 1994 году в одном из минских судов слушалось дело лейтенанта милиции Алексея Русяева — его обвиняли в превышении власти, хищении имущества, хранении наркотиков, истязании и убийстве с особой жестокостью. Следствие установило, что, придя на службу в Первомайский РОВД несколькими годами ранее, Русяев успел сколотить банду, занимавшуюся вымогательствами. Узнав, что в Минске есть группа армянских коммерсантов, торгующих золотыми изделиями, милиционеры-подельники решили похитить одного из них. Бандиты вывезли коммерсанта на окраину города и пытались выведать место, где его партнеры хранят выручку. При допросе похитители использовали пытку армейским телефоном: один подводил к телу жертвы оголенный провод, пока другой крутил ручку телефона. В итоге выработывалось напряжение более 160 вольт — человека било

током. После пытки Русяев задушил армянина и закопал так, что труп нашли только с помощью экскаватора. Суд приговорил его к 15 годам лишения свободы. Но весь срок Русяев не отсидел, выйдя по амнистии.

Еще раньше, в 1991 году, Алексей Русяев, если верить его рассказам, оказался на войне в Хорватии. «Если можно так сказать, «по путевке» от КГБ. Тогда это называлось «тур за автомобилями». Я был не в Русском добровольческом отряде (РДО), а присоединился к местным сербам. Всего я там пробыл месяца четыре. Отсюда мой теперешний позывной на Донбассе — Серб», — говорил мне Русяев.

По образованию он ветеринар, на службе в милиции оказался лишь потому, что в начале криминальных 90-х в Беларуси в оперативники брали практически всех желающих. Чем занимался после выхода из тюрьмы и до отъезда на Донбасс — Русяев подробно не рассказывает. «Это был мелкий бизнес», — пояснил он. Его бывший деловой партнер отказался говорить о Русяеве.

Видимо, бизнес был не очень успешным, и Алексей решил поехать на Донбасс. В июле 2014 года он обратился в штаб группировки «Интербригада», организованный российской национал-большевистской партией «Другая Россия» для вербовки в «ополчение» в том числе иностранных граждан. Там белорусу дали инструкции: с кем дальше связаться, кто встретит на Донбассе и т. д. Через месяц он уже ехал в поезде до Ростова. «В городе Шахты под Ростовом меня встретили и разместили в одной из квартир, где комплектовалась группа добровольцев для переброски. До границы с Луганской областью нас довезли микроавтобусом. С собой везли баулы со снаряжением для бойцов. Потом пересели в другой микроавтобус и на нем добрались до Донецка».

В Донецке Русяева определили в 3-й ударно-штурмовой батальон группировки ДНР. В ноябре его перевели в 1-ю Славянскую бригаду. Там он попал в 4-ю роту 2-го мотострелкового батальона, которая занималась разведывательно-диверсионной деятельностью.

«После доукомплектования была поставлена задача «зачистить» населенные пункты Красный Октябрь в Тельмановском районе, Первомайское, а также прилегающую территорию вплоть до реки Кальмиус. Это делалось, чтобы затем разместить там личный состав роты. Прибыли ночью группой в тридцать бойцов, работали по 15 человек в каждом селе. Саперов было двое — я и мой друг Гера. К утру все «зачистили» и прибыла остальная рота» — так боевик описывает начало своей службы в рассказе, опубликованном в Живом Журнале «chervones-001».

В марте 2015-го «заместитель министра обороны ДНР» и бывший командир 1-й Славянской бригады Сергей Великородный подпишет приказ о награждении рядового Алексея Русяева орденом «За воинскую доблесть III степени», правда в качестве специальности там будет указано «механик-водитель». В разговоре и со мной, и с другими журналистами Русяев признается: их взвод выполнял задачи диверсионно-разведывательной группы. «В задачу каждого рейда входили: разведка, выявление позиций тяжелого вооружения противника с указанием координат, мест переправ. А еще — фиксация перемещений их личного состава, по возможности — взятие «языка», но по-тихому».

Зимой 2015 года, во время боя возле села Спартак в районе Донецкого аэропорта, Русяев получил осколочное ранение, контузию и потерял левую руку. По словам Русяева, 21 января 2015 года от командира роты Макса поступил приказ «выдавливать противника из населенного пункта Опытное в сторону аэропорта с целью замкнуть окружение». В тот день ДАП покидали украинские «киборги», оборонявшие его 242 дня. Важной задачей для украинской армии было удержать под контролем территорию, прилегающую к ДАПу — поселки Спартак, Опытное, Авдеевку, Водяное. Там разгорелись наиболее ожесточенные бои. Для штурма Опытного из всех рот и батальонов 1-й Славянской бригады создали специальный сводный отряд.

«Колонну сформировали ближе к ночи, от места формирования до Спартак около 70 км. Выдвинулись, и по дороге к нам присоединялись остальные отряды. Ночью прошли Донецк и вошли в Спартак. Всю ночь и утро по нам били минометы. Сели на броню — и вперед, на Опытное. По данным разведки, противник был впереди, но эти данные предоставила не наша разведка, сами мы ее не проводили, не было времени. Согласно предоставленным разведанным, в Опытном стояла часть ПВО «укропов». Примерно в двухстах метрах от «укроповской» части наша колонна попала в засаду, стоял плотный туман, и противник бил практически наугад, но с трех сторон одновременно. Мы рассредоточились вдоль дороги и начался бой, поле за обочинами было заминировано, что затрудняло возможность маневра людей и техники», — рассказывает Русяев.

Важная деталь: сам боевик отмечает, что разведанные перед началом операции им предоставила некая третья сторона. В одном из пророссийских блогов Живом Журнале есть такая запись от 22 января 2015 года: «Колонну 1-й Славянской бригады просто слили, а в наградных листах о каком-то штурме пишут». Как отмечает Русяев в нашей беседе, «разведанные были от корпусной разведки, а не от батальонной»¹.

«Меня накрыло конкретно. Очнулся, ползу куда-то, руку не чувствую, да и полтела тоже, рядом ребята лежат, не шевелятся — только пар над ними поднимается. Подползли Седой и Сокол, вкололи буторфанол² и оттащили под дерево. Лежу на спине, вижу, наших совсем мало осталось.

¹ 1-й армейский корпус «Минобороны ДНР», созданные в ноябре 2014 года, включает в себя отдельное разведывательное управление, состоящее из трех отрядов спецназначения и отряда связи — это и есть «корпусная разведка», о которой говорит Русяев. Он же служил в разведке 2-го Семеновского мотострелкового батальона 1-й Славянской бригады.

² *Буторфанол* — сильнодействующий анальгетик морфиновой группы.

Потом ранило в голову, но титановый шлем спас», — вспоминает Алексей.

Вину за такую развязку боя под Спартакoм Русяев сегодня возлагает на «командиров и российских советников». «Российские кураторы были рядом постоянно. Со Спартакoм у них получился «дoгoворняк» — просто дoгoворились с украинской стороной, что мы заходим, а они уходят. Советники говорят, там три «укра» сидят, надо их выбить и все, населенный пункт наш. На самом деле мы попали в хорошо организованную засаду».

После ампутации руки и лечения в госпитале Русяев вернулся в ряды бригады и оставался на Донбассе до второй половины 2016 года. Но с каждым месяцем Русяев разочаровывался в идее борьбы за «русский мир». К тому же денег он получал совсем немного: жалованье в звании рядового составляло всего 15 тысяч российских рублей (около 200 долларов). Возвращаться домой желания у него не было: ни семейная жизнь, ни бизнес там не ладились. А еще, по его словам, к жене приходили из органов с обыском. Он понимал, что на родине устроиться на «мирную» должность с судимостью, темным прошлым и без одной руки будет проблематично. Воспользовавшись связями в «Союзе добровольцев Донбасса», Русяев перебрался в российский Мурманск и «нашел себе небольшую подработку». По словам бывшего боевика, он не намерен приезжать в Беларусь: мол, старые знакомые из КГБ шепнули, что лучше переждать. Он преувеличивал опасность, ведь на момент нашего интервью зимой 2016 года в Беларуси не было ни одного ареста боевика.

В декабре 2018-го Русяев сообщил, что покинул Мурманск и снова «перебрался поближе к Донбассу». Он не уточнил названия города, где сейчас живет, но намекнул — это в Ростовской области.

История Алексея Русяева — это история классического социального лифта. Мужчина пятидесяти лет, разведен, за плечами — годы тюрьмы за тяжкое преступление, не-

удавшийся бизнес. В поиске признания и самореализации он отправляется на войну. Наверняка свою роль сыграл и регулярный просмотр новостей по российскому телевидению, потому что в общении со всеми журналистами Русяев воспроизводит изблюбленные штампы кремлевской пропаганды — «деды воевали», «укрофашисты», «дети Донбасса» и т. д. На войне Русяев находит товарищей и получает медаль. У младших бойцов он в авторитете, гештальт закрыт. Но, прокатившись на социальном лифте, Русяев узнает, каково реальное положение дел в ДНР. Потеряв руку, после пяти ранений и контузии он осознал, что рисковал жизнью за копейки. В итоге лифт вернул его в изначальную точку.

Глава 9 ПОГИБШИЕ

По данным Мониторинговой миссии ООН по правам человека, в результате вооруженного конфликта на востоке Украины с апреля 2014-го до конца 2018 года погибли от 12 800 до 13 000 человек. Около 3300 погибших на Донбассе — гражданские лица, 4000 — военные украинской армии, 5500 — поддерживаемые РФ вооруженные боевики. От 27 000 до 30 000 человек получили ранения. (Цифры из материала DW от 21 января 2019 года.)

«За зямельку недарэмна сваё жыццё я аддаю»

О гибели сына Светлане и Николаю Черкашиным сообщили его брестские друзья. Дима Шурхай и Женя Скребец просто пришли и сказали: «Алесь был смертельно ранен на войне». Они вспоминают, что в первые минуты родители даже не заплакали, а лишились дара речи. Приехав в Брест, чтобы написать репортаж, я оказалась в квартире Черкашиных, обыкновенной серой панельке на окраине города. Казалось, пожилые мужчина и женщина пытаются отвлечься на «бытовые» вопросы: обсуждают место для церемонии прощания, поминки и прочее. Окна в комнате были завешаны темными шторами, зеркала накрыты тканью, на старой советской стенке расставлены фотографии — еще юный Алесь на фоне бело-красно-белого флага. В какой-то момент родители затихли. Светлана молча присела на краешек дивана. В доме воцарилась такая тишина, что было слышно, как я сглатываю комок в горле. На ум не приходило ни единого

вопроса. Светлана сама повернулась ко мне и заплакала. «Не могу, не хочу верить, что Саша мертв. Может, сейчас привезут пустой цинк?.. А сам он живой?»

Несколькими днями ранее, 28 августа 2015 года, Алесь Черкашин умер в запорожском госпитале от множественных осколочных ранений, полученных в бою под селом Белокаменка на Донбассе. Ему было 32 года. Близкие захотели похоронить его на родине. Договорились, что из Украины катафалк с телом привезут на границу и на нейтральной зоне передадут цинковый гроб. В ночь на 3 сентября встречать «груз-200» из Бреста поехали пятеро: брестские активисты Дима Шурхай и Женя Скребец, правозащитник Роман Кисляк, младший брат Черкашина Игорь и я.

От центра Бреста до границы с Украиной — час езды по узкой однополосной дороге. Подъезжая, мы увидели, что у погранперехода «Мокраны» собралось человек двадцать — журналисты и друзья погибшего. В метрах ста от них стояла легковушка с выключенными фарами и «нулевым регионом» на номерах. Внутри было заметно движение, но никто не выходил. Когда мы с коллегами попробовали рассмотреть сидевших в машине, те резко включили дальний свет, ослепив на мгновение собравшихся вокруг. Скорее всего, это сотрудники КГБ контролировали все происходящее. Около трех часов ночи со стороны украинской границы показался бордовый микроавтобус с прикрепленной на лобовое стекло надпись «Груз 200». Спереди сидели невеста Черкашина Инна и преподавательница Таврийского христианского института из Херсона, где учился белорус. В кузове стоял цинковый гроб с телом погибшего. Побратимы из тактической группы «Беларусь» не имели возможности проводить его в последний путь на родине: приезд обернулся бы для них годами тюрьмы. Под пристальным наблюдением чекистов на легковушке катафалк доехал до морга Брестской областной больницы. Похороны назначили на следующий день.

Друзья Черкашина, знавшие его до прихода в национальное движение, рассказывают, что в 90-х Алесь рос обычным дворовым парнишкой. «Это была такая брестская шпана, дворовой хлопец, как и многие в те годы, мечтавший по-быстрому заработать денег, вести “дольче вита”», — вспоминает Андрей Егоров (теперь — известный политолог) в посвященном Черкашину документальном фильме «Белсата». По словам школьного товарища, в старших классах Алесь якобы связался с плохой компанией и даже успел проверить с ними пару каких-то темных дел, но вскоре понял, что выбирает другой путь. Тогда юный Черкашин заинтересовался политикой. Он вступил в спортивно-патриотическую организацию «Край»¹.

В начале 2000-х «Край» распался и появилось новое популярное среди оппозиционно настроенной молодежи движение «Зубр». В отличие от «Края», «зубры» не использовали милитаристский антураж — и на тот момент это импонировало Черкашину. «Зубр» развернул активную деятельность накануне президентских выборов 2001 года и фактически просуществовал до следующей кампании в 2006-м. После жесткого подавления протестов против фальсификации выборов 2006 года «Зубр» раздробился: кто-то из лидеров вынужденно уехал из страны, кто-то под давлением властей ушел из активизма.

Алесю Черкашину «Край» и «Зубр» помогли определить, в какое русло направить свою жизнь. Он уже понимал, что

¹ Созданный в 1998 году, «Край» объединял молодых белорусских националистов, которые выступали против политики Лукашенко и курса на интеграцию с Россией. Члены «Края» делали ставку на конспирацию: вместо реальных имен использовали позывные. Они распространяли историческую литературу, устраивали выездные лагеря — «летники», где занимались физической подготовкой. «Краеуцы» в конце 90-х провели несколько уличных акций анти-российской направленности. Ходили слухи о наличии в рядах организации патриотически настроенных офицеров КГБ.

дворовая компания — не для него. Но действительно ключевым моментом в становлении его личности стало постижение религии. Со временем именно она займет центральное место в мировоззрении Черкашина. В 2005 году он принимает крещение в баптистской церкви. По словам матери Алеся, дома у них никогда не спорили о вере. Выбор сына родители поддержали. В 2007-м Черкашин уезжает в Украину, в Херсон, чтобы учиться на пастора в Таврийском христианском институте. Курс «Христианское служение», рассчитанный на 1 год, он заканчивает с отличием и сразу же поступает на четырехлетнюю бакалаврскую программу «Христианское руководство». Постоянно жить в Херсоне Черкашин не планировал, поэтому его перевели на индивидуальный план с гибким графиком: он периодически приезжал сдавать сессии по тем предметам, которые сам выбирал. В итоге обучение растянулось на семь лет. Нужно было как-то зарабатывать, и Алесь то налаживает мелкий бизнес, то устраивается водителем троллейбуса в Бресте. Однако все эти будничные заботы для него — на втором плане. Главным оставался поиск себя, своего «я» через веру и беседу с Богом. Черкашин мог зайти помолиться и в православную церковь, и в единственный в Бресте греко-католический (униатский) храм Святых братьев-апостолов Петра и Андрея. Именно там в сентябре 2015 года близкие друзья соберутся, чтобы обсудить подготовку к похоронам. Но вернемся в 2010—2011 годы — время масштабных протестов в Беларуси.

Вечером 19 декабря 2010-го в Центризбиркомке подтасовывали результаты выборов, обеспечивая Александру Лукашенко очередную «элегантную победу»¹. Несогласные с таким положением дел белорусы вышли на улицы Минска: они требовали справедливого подсчета голосов и ухода Лукашенко.

¹ «Элегантная победа» — так назвал свое первое переизбрание в 2001 году сам Лукашенко. С тех пор выражение закрепилось в народе и приобрело иронический оттенок. Результаты каждых последующих выборов с откровенно фальсифицированными результатами называют «элегантной победой».

По разным данным, участие в Площади-2010¹ приняли до 30 тысяч человек со всей Беларуси. Среди них находился и Алесь Черкашин, на тот момент — руководитель брестского отделения незарегистрированной партии «Белорусская Христианская демократия» (БХД). Акцию жестоко разогнали внутренние войска и милиция: счет пострадавших от ударов дубинками и задержанных шел на сотни. «Я помолился, почувствовал спокойствие и сам для себя решил, что где бы я ни был, должен оставаться Его [Бога] свидетелем, светом и солью... И я поехал [на Плошчу]», — вспоминал сам Алесь в одном из интервью на «Радио Свобода».

«ОМОН избивал людей, а Алесь был одним из тех ребят, кто защищал женщин и пожилых, даже мою маму», — рассказывал сопредседатель оргкомитета по созданию БХД, бывший политзаключенный Павел Северинец в интервью «Радио Свобода». А вот что писал в своем блоге на сайте «Белорусский партизан» коллега Северинца Виталий Рымашевский, кандидат в президенты на выборах-2010: «Алесь был одним из нескольких членов дружины, что оставались до последнего на Площади, охраняя звукоусиливающую аппаратуру. Благодаря ему, даже когда войска и спецслужбы начали «зачистку», микрофон еще работал, и до последнего возможно было обращаться к митингующим. С трибуны было хорошо видно, что происходит внизу. И те несколько человек, которые поднялись на узких ступеньках к трибуне на пути ОМОНа, готовились к смерти, но стояли... Среди них был Алесь».

Когда от толпы протестующих отделились неизвестные люди и начали бить стекла в Доме правительства, многие восприняли это как провокацию властей, рассчитанную на то, чтобы у силовиков появился повод для brutального разгона. Толпа была в смятении, так как протестующие не

¹ Термин «Площадь» (по-белорусски «Плошча») — сродни украинскому Майдану, используется для обозначения массовых протестов в Беларуси, которые, как правило, происходили в центре Минска — в районах Октябрьской площади и Площади Независимости.

готовили силового сценария. Поддавшись этому смятению, один из сторонников БХД начал призывать Рымашевского штурмовать здание. «Получился почти библейский сюжет: с одной стороны слышался настойчивый вопль: «Виталий, ну давай, команду! На штурм! Ты же кандидат! Народ ждет команды!» А с другой стороны рядом со мной стоял Алесь Черкашин, который спокойно говорил: «Надо это прекращать, мы же христиане». Как будто два ангела — темный и Божий — советовали противоположные вещи. И мы с Алесем пошли в толпу, прорвались к дверям, стали останавливать “штурм”», — вспоминал Рымашевский.

И он, и остальные, знавшие Черкашина в «протестные» годы, описывают его как «человека кристальной совести» с мужественным и искренним поведением. Летом 2011-го вместе с другом, активистом БХД Дмитрием Шурхаем, Черкашин неоднократно координирует проведение в Бресте «молчаливых акций»¹. Обоих регулярно задерживает милиция, Черкашина бросают в изолятор на «сутки».

15 декабря 2013 года все новостные сайты облетел кадр: молодой человек с руками, облитыми красной краской и связанными цепью, в костюме «пророка» стоит в центре Бреста. Алесь устроил этот перформанс возле здания областной администрации, чтобы напомнить властям «о всех злых поступках против белорусского народа». Он призывал их покаяться за грехи. В противном случае, говорил «пророк», страну ожидают большие несчастья. За этот перформанс милицио-

¹ «Молчаливые акции», или «молчаливые протесты», проходили в разных городах Беларуси в конце весны—начале лета 2011 года на фоне стремительной девальвации белорусского рубля и, как следствие, резкого ухудшения экономической ситуации. К тому же тогда еще не спала волна возмущения после сфальсифицированных результатов выборов. Смысл акций был в отсутствии лозунгов, речей и какой бы то ни было символики. Вместо этого люди просто собирались и хлопали в ладоши. За «аплодисменты» силовики в штатском жестко их задерживали, швыряли в автозаки. «Молчаливые» акции впервые за всю историю белорусского уличного сопротивления координировались через социальные сети.

неры принудительно увезли Черкашина в психиатрическую больницу, а после того, как экспертиза показала его адекватность, на ночь посадили в изолятор. Тогда Алесь говорил журналистам, что старается совмещать религиозную жизнь с политической: отношения с Богом гораздо важнее, признавался он, но ему «не все равно, что происходит вокруг». «Я люблю свою страну, люблю этих людей. И конечно, мне хочется жить в более свободной стране. Поэтому я активен и как христианин, и как гражданин», — комментировал Черкашин свой перформанс журналистам. Это была его последняя акция в Беларуси.

В первой половине 2014 года Алесь едет в Украину и возвращается к учебе в Таврийском христианском институте. Он уже окончательно определился с делом жизни и в будущем видел себя церковным пастором. В Херсоне у Алеся — близкие друзья и любимая девушка. Учитывая специфику вуза, студенты много времени проводили за совместной молитвой, часто собирались, чтобы поговорить о вере. Алесь был душой компании: его любили и преподаватели, и однокурсники. В документальном фильме «Белсата» есть такие кадры: летом 2014-го на берегу Азовского моря Черкашин играет на гитаре у костра, вокруг него сидят товарищи и слушают, как он поет патриотические песни на белорусском. «Никто не любил свою страну так, как он. Саша буквально зажег все Беларусь. Мы так его и называли — Сашка Белорус», — говорит одноклассница Черкашина Мария. По словам друзей, Черкашин привез с собой бело-красно-белый флаг и гитару. За месяцы в Украине расцвел его музыкальный талант: Алесь продолжил увлечение юности — сочинял песни и записывал их на студии в Херсоне. Как вспоминает преподавательница Черкашина, «музыка — это была его душа». А любимая гитара с выгравированной «рыбкой» — символом баптистов — теперь находится в Музее войны в Киеве вместе с флагом и вещами других белорусов-добровольцев.

Летом 2014-го у Черкашина появилась мысль каким-то образом принять участие в событиях на Донбассе. В одном

из фрагментов фильма он рассуждает, что должен встать на защиту Украины, «потому что пришел оккупант». Сначала он собирался ездить по блокпостам и выступать с концертами перед украинскими военными, потом помогать добровольцам по медицинской части — учить их оказывать первую помощь при ранении. В итоге, осенью 2014-го, он поехал на фронт как капеллан. По крайней мере, именно это долго утверждали его брестские друзья.

Возможно, Черкашин действительно начинал свой путь на войне именно как духовный наставник, но уже в январе 2015 года в 1-й штурмовой роте 5-го отдельного батальона ДУК «Правый сектор» белорус был рядовым под позывным Тарас или Друг Тарас. По Хельсинским соглашениям 1977 года, капеллан является нон-комбатантом, то есть не имеет права брать в руки оружие. Но почти на всех фронтовых фото Черкашин держит в руках автомат. А в рюкзаке у него неизменно лежал карманный Новый Завет. Когда в феврале, после жестокого боя под Песками, погибают несколько человек из его роты, Тарас выходит на позицию и водружает напротив огневых точек боевиков бело-красно-белый флаг. Возможно, в этот момент флаг с противоположной стороны видели его соотечественники.

Но на Донбассе часто не срабатывали международные соглашения и прочие правила. Черкашин совмещал роли рядового бойца на передовой, капеллана, духовного наставника добровольцев, а по вечерам пел под гитару свои песни. Командир 1-й штурмовой роты Александр Карась (Подольнин) вспоминает: в марте, когда шел сильный артобстрел, Черкашин сказал, что написал новую песню, про Пески, и начал петь прямо на позиции. Вместо медиатора он зажимал в пальцах патрон.

* * *

10 августа 2015 года в районе сел Старогнатовка и Белая Каменка развернулся бой между украинскими военными и

силами ДНР. Украинская сторона — это бойцы 72-й ОМБр¹ и прибывшая на подмогу штурмовая группа «Правого сектора». Силы противника были представлены батальоном «Викинг», входящим в состав 1-й Славянской бригады. ВСУ стремились изменить невыгодную для себя конфигурацию линии фронта: ранее боевики заняли стратегическую высоту, с которой могли вести огонь по украинским позициям и селу Старогнатовка и видеть результаты в бинокль. Украинцам же приходилось отвечать почти вслепую — установить точное месторасположение батареи противника было бы возможно с помощью беспилотника или артиллерийского радара, которых тогда не хватало. К тому же помощь боевикам оказывала периодически работавшая на позициях ДШРГ «Русич» — бандформирование российских неонацистов, отличавшееся особой жестокостью².

¹ ОМБр — отдельная моторизованная бригадаю

² Диверсионно-штурмовая разведгруппа «Русич» под командованием ультраправого радикала Алексея Мильчакова (позывной Серб) из Санкт-Петербурга принимала участие в войне на Донбассе в 2014—2015 годах. Сначала входила в состав ГБР «Бэтмен», известной похищениями, пытками местного населения и мародерством, а затем — в батальон «Викинг» 1-й Славянской бригады. Отряд Мильчакова действовал с неприкрытой жестокостью: они добивали пленных украинских бойцов и глумились над их трупами, вырезая языческие символы на коже, отрезая уши. Под Дебальцевом боевики «Русича» срезали мягкие ткани с лиц погибших украинцев и выложили фото в соцсетях. По слухам, группе Мильчакова пришлось покинуть Донбасс потому, что она отличилась еще и жестокостью по отношению к мирному населению, а Серб угрожал арест. Один из наших источников, российский боевик Павел Ш., утверждал: бойцы Мильчакова «чуть целую деревню не вырезали — на них 40 трупов гражданских было». В ноябре 2016 года украинские правоохранители объявили Мильчакова в розыск за военные преступления. Главная военная прокуратура Украины обвинила его в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 258-3 (теракт), ч. 3 ст. 110 (посягательство на территориальную целостность) и ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 437 (ведение агрессивной войны) Уголовного кодекса Украины. Однако на момент выхода этой книги дело Мильчакова не продвинулось: заочного суда не было, в розыск по линии Интерпола его так и не объявили. Тем временем журналисты выяснили, что Мильчаков любит бывать в Беларуси и даже купил дом в

Условия операции были действительно сложными, но в итоге вытеснить боевиков с важной высоты все же удалось. При этом и «Правый сектор», и 72-я ОМБр понесли потери, 7 человек погибло и более десятка получили ранения. Пресс-секретарь сектора «М» (мариупольское направление) зоны АТО Ярослав Чепурной говорил, что враг использовал тяжелое вооружение, ранее запрещенное Минскими соглашениями — «Грады», 122-мм гаубицы, 120-мм минометы.

Именно во время минометного обстрела в полосе Старогнатовка—Белая Каменка был ранен Алесь Черкашин. Осколок от мины прошел чуть ниже бронезилета и попал ему в живот, задев жизненно важные органы. В реанимации запорожского госпиталя врачи оценивали состояние раненого как «стабильно тяжелое». Его взяли под опеку местные волонтеры. В интервью «Радио Свобода» один из них рассказал, что после госпитализации Черкашину по медицинским показаниям сделали операцию — начиналось заражение крови и перитонит: «Уже на второй день, как его привезли, он был в сознании. Мы к нему заходили, разговаривали. Он был на аппарате искусственного дыхания, но глазами показывал «да» или «нет», держали его за руку. Он показывал большим пальцем, что все хорошо. Так было, пока не начался сепсис, потому что у него было тяжелое ранение брюшной полости».

Перед тем как Черкашин впал в кому, в больницу приехала его любимая девушка — Инна Богуславская из Ивано-Франковска. Они познакомились в марте 2014-го, вместе учились в Таврийском институте и собирались пожениться. Медики позволили им остаться наедине на пять минут. Алесь дышал при помощи аппарата. «Он вел себя как настоящий мужчина. Даже в реанимации, когда уже не мог говорить, он

Витебской области. В мае 2016 года большой резонанс получила история о том, как белорусских детей из Витебска, Друцка и Толочина возили в Россию на военные сборы, где инструкторами были боевики группы «Русич» и лично ее командир Алексей Мильчаков. Тогда представители правоохранительных органов Беларуси обещали изучить информацию и разобраться в ситуации, но о каких-либо конкретных шагах в этом направлении ничего неизвестно.

будто старался делать мне комплименты — жестами, взглядом...» — вспоминает она. По словам Инны, Алесь вообще никогда не жаловался на трудности. В коротких звонках с фронта на вопрос «Как дела?» он отвечал: «Все нормально». Уезжая на Донбасс, Черкашин предупредил Инну и херсонских товарищей, но родителям не сказал о войне ни слова. Вся семья в Бресте была уверена: он, как и раньше, живет в Херсоне, учится, работает, пишет песни.

После операции Черкашин впал в кому и уже не вышел из нее. Смерть наступила 28 августа. Из Запорожья тело перевезли в Днепропетровск, на базу «Правого сектора», чтобы побратимы могли попрощаться с Тарасом. Его отпевал православный священник, а после бойцы по очереди вставали на колени возле гроба. В гроб положили красно-черный флаг ДУК «Правый сектор». Белорусские дипломаты на прощание не явились. Семья пожелала, чтобы Алесь похоронили на родине. Для транспортировки тела нужно было оформить специальные документы — требовалась резолюция белорусского посольства. Ее пришлось ждать двое суток. В итоге разрешение все же подписали и катафалк выехал в Брест.

На прощание с погибшим белорусом съехались около 150 человек со всей страны. Среди них были активисты демократического движения, представители партии БХД, многочисленные соратники Черкашина по акциям протеста. Днем 3 сентября гроб привезли к подъезду дома, где вырос Алесь. Тело было накрыто двумя флагами: белорусским национальным и украинским. Люди пели «Мы выйдзем шчыльнымі радамі»¹, кто-то опустился на колени под троекратный возглас

¹ «Мы выйдзем шчыльнымі радамі», или «Ваяцкі марш» — композиция на слова Макара Кравцова и Владимира Теравского. Текст был впервые опубликован в газете «Беларусь» в 1919 году. В качестве гимна Белорусской Народной Республики был принят в 1920-м, когда правительство БНР уже находилось в эмиграции. В 1991 году именно этот марш предлагали сделать государственным гимном независимой Беларуси представители творческой элиты — поэт Рыгор Бородулин, писатель Василий Быков, однако власти этот вариант не утвердили.

«Герои не умирают». Через несколько часов Алесь Черкашина похоронили на кладбище в деревне Каменница Жировецкая под Брестом. Когда гроб опускали в землю, звучала песня «Не сдавайся», написанная Черкашиным на фронте.

*«...Не баюся «Граду» ноччу,
Не страшуся кулі ўдзень.
Кулямет калі стракоча,
Калі смяецца смерці цень.
Таму што ведаю дакладна,
Дзея чаго я тут стаю.
За зямельку недарэмна
Сваё жыццё я аддаю».*

Всего через три дня после ранения белоруса, 13 августа, на главном государственном телеканале «Беларусь-1» вышел сюжет, где добровольцев, воюющих за Украину, открыто сравнивали с нацистами, называли наемниками и проводили параллели между бойцами «Правого сектора» и террористами ИГИЛ. Диктор утверждала, что еще месяц назад совместными усилиями КГБ, МВД и Госпогранкомитета якобы был выявлен «канал вербовки наемников в Украину», а вербовку осуществлял некий «украинский националист с позывным Тарас». Но ни подробностей дела, ни комментария силовиков в сюжете не было. Пока на экране мелькала нарезка из кадров боев на Донбассе, за кадром звучал текст в духе махровой российской пропаганды. Спецслужбы понимали, что новость о ранении Черкашина будет резонансной и при помощи таких сюжетов хотели избежать героизации добровольческого движения в обществе. Также ставилась цель запугать самих белорусских добровольцев и оказать давление на их семьи.

Несмотря на все усилия пропаганды, многие белорусы считали Алесь Черкашина героем, что сильно раздражало КГБ. Обособленно держались на похоронах люди в штатском — они фиксировали номера машин, на которых приехали оппозиционные активисты. На следующий день КГБ

начал беспокоить присутствовавших на траурной церемонии. Например, у работника Ивацевичского лесхоза, члена БХД Валерия Билибухи поинтересовались, почему 3 сентября тот отсутствовал на работе. Но наиболее ярким проявлением цинизма белорусских властей стал звонок из КГБ Светлане Черкашиной утром 4 сентября. Звонивший задал два вопроса: «Кто дал разрешение на похороны Черкашина в Каменице Жировецкой?» и «Почему прощание превратилось в несанкционированное массовое мероприятие?» Тогда же чекисты стали оказывать давление на сотрудников Брестского жилищно-коммунального хозяйства и морга, где хранилось тело. Первых спрашивали, на каком основании выделили участок под захоронение на Каменец-Жировицком кладбище, а вторых обвиняли в незаконной выдаче тела.

Участник мирных протестов, горячо верующий в Бога, отважный и готовый погнубить за идею, «за нашу и вашу свободу», Алесь Черкашин был и остается для властей Беларуси социально чуждым элементом. Впрочем, как и все белорусы, воюющие за Украину.

* * *

В ночь на 10 августа 2015 года под Белой Каменкой, когда Алесь Черкашин получил смертельное ранение, погиб его сослуживец, боец 1-й штурмовой роты Виталий Тилиженко. Несмотря на то что он был украинцем, с белорусами на войне его связывали очень близкие и теплые отношения. Бизнес-тренер до войны, после Майдана он пошел на фронт добровольцем и основал благотворительный фонд «Волошка», который снабжал добровольцев жизненно необходимыми вещами. Именно Тилиженко (позывной Кекс) стоял у истоков тактической группы «Беларусь». «Виталий Тилиженко — друже Кекс был украинцем для украинцев и белорусом для белорусов. Еще с Майдана он был знаком со многими белорусскими хлопцами, которых он поддерживал. [...] Ви-

талик был душой компании, горячим сторонником создания белорусской тактической группы. [...] За свободу Украины и Беларуси он отдал самое ценное, что у него было, — горячее сердце», — вспоминали побратимы.

По словам сослуживцев из «Правого сектора», Тилиженко всегда носил на форме шеврон с гербом «Погоня», белорусский национальный символ был и на прикладе его автомата. С «Погоней» Тилиженко пошел в свой последний бой. Он погиб во время танковой атаки противника, когда его батальон выдвинулся на подмогу другим бойцам, оказавшимся под обстрелом. Ему было 37 лет.

Сразу после смерти Тилиженко и Черкашина волонтер, координатор фонда «Відродження» Ольга Гальченко из Киева инициировала сбор средств на памятник белорусским добровольцам. Деньги собирала среди друзей, знакомых, коллег и всех неравнодушных людей. По словам активистки, она хотела, чтобы в Киеве было место, куда можно прийти и почтить память белорусов. Кроме того, в поездках на Донбасс Гальченко успела подружиться с Черкашиным и Тилиженко, поэтому их гибель восприняла как личную потерю. «Это попытка отдать должное отваге и героизму, тем более что на родине на официальном уровне память бойцов почтут еще нескоро», — говорила Ольга. Памятник, созданный по эскизу украинского художника Глеба Гржабовского, который сам потерял сына в бою за Донецкий аэропорт, представляет из себя переплетение красно-белых линий в форме креста с гербом «Погоня» и двумя надписями: «Слава Украине!» и «Жыве Беларусь!». А посередине — три таблички с фотографиями Алеся Черкашина, Виталия Тилиженко и Михаила Жизневского, одного из первых расстрелянных на Майдане. 28 марта 2016 года памятник появился в символическом месте — на улице Белорусской в Киеве. Один из бойцов ТГБ на церемонии открытия сказал: «Я пока что не снимаю балаклаву, потому что в Беларуси нас преследуют, называют наемниками, наших близких допрашивают и обыскивают. Не мы начали эту войну, однако мы ее закончим. Вместе с украинцами. Придет

время, и на белорусских улицах почтят наших ребят, которые прожили достойную жизнь».

* * *

После почти двух лет на Донбассе жизнь брестчанина Олега Подоровского оборвало тяжелое заболевание. Ни волонтеры, ни близкие не уточняют, какое именно. Но известно, что оно обострилось из-за многочисленных травм, полученных на фронте. Олег не брал в руки оружия — он служил в медицинском батальоне «Госпитальеры» в составе «Правого сектора». По словам командира батальона Яны Зинкевич (в интервью «Радио Свобода» от 28 июня 2017-го), Олег приехал на фронт еще в 2014 году. На позициях под Широкино, одной из наиболее «горячих точек» на Мариупольском направлении, Подоровский совмещал роли парамедика и водителя машины «скорой», «спас не одного бойца и транспортировал десятки». Под позывным Снежок он провел на фронте почти два года. Зинкевич утверждает, что он страдал от тяжелого заболевания, полученного в результате многочисленных травм. Белорус умер 3 ноября 2016 года. Его похоронили в Днепре. Подоровский был вдовцом и воспитывал четверых детей, последние годы они жили с его мамой в Беларуси. О смерти Олега белорусским СМИ стало известно только спустя полгода.

На Донбассе погибли и этнические белорусы — граждане Украины. В созданной волонтерами виртуальной «Книге памяти» — шесть имен. Мы собрали всю доступную информацию о них.

- **Александр Будько**, уроженец Гомеля. Погиб 17 ноября 2014 года около Дебальцева в Донецкой области. Похоронен в Чернигове. Он был мобилизован на фронт в звании младшего сержанта 128-й отдельной горно-штурмовой бригады ВСУ. За день до этого два офицера бригады подорвались в грузовике на вражеском фугасе. Пятеро бойцов, среди которых был и

31-летний Будько, поспешили им на помощь, но их постигла та же участь.

- **Олег Веренич**, уроженец Луинца, позывной Леший. Погиб от взрыва заградительной мины 9 сентября 2016 года под Марьинкой в Донецкой области, ему было 32. Похоронен в деревне Новая Парафиевка в Харьковской области. В Украину семья переехала еще в 1986 году, после аварии на ЧАЭС. Несмотря на то что в августе 2014-го у Олега родился сын, он рвался на фронт. Хотя своей страной он считал Беларусь, говорил, что «все равно пойдет воевать за Украину». Веренич отправился на Донбасс в июле 2015 года. Перед тем он долго работал в снабжении армии — возил в АТО продукты, затем служил в 10-й горно-штурмовой бригаде водителем, в Марьинке проходил службу вместе с 46-м отдельным батальоном спецназначения «Донбасс-Украина».
- **Василий Гончаренко**, уроженец Новогрудка, позывной Вагон. Умер 31 августа 2014 года в больнице от ран, полученных в бою под Иловайском. Похоронен в Белой Церкви в Киевской области. Как рассказала вдова Гончаренко в интервью газете «Наша Ніва», Василий был этническим украинцем из семьи военных, которые в советское время часто переезжали. В Беларуси он родился и прожил до первого класса.
- **Дмитрий Казачонок**, родом из деревни Застенки Дубровенского района Витебской области. Он был старшим механиком-водителем в 30-й отдельной механизированной бригаде ВСУ. Погиб во время минометного обстрела около села Луганского в Артемовском районе Донецкой области 7 мая 2015 года. Похоронен в деревне Курозваны Гощанского района Ровенской области. Посмертно награжден орденом «За мужество» III степени.
- **Юрий Соколячко**, уроженец деревни Ластовки Кобринского района. Погиб 28 сентября 2014 года от

прямого попадания вражеского снаряда в БТР. Был среди защитников Донецкого аэропорта в 79-й отдельной аэромобильной бригаде. Похоронен в Закарпатской области.

- **Игорь Турков**, родом из Новополоцка, псевдоним Партизан. Был пулеметчиком во 2-м батальоне спецназа Нацгвардии Украины. Погиб 12 февраля 2015 года на трассе Дебальцево—Артемовск в Донецкой области во время «зачистки» от НВФ села Логвиново. Близкие до последнего верили, что Игорь жив и находится в плену боевиков. Только в июле 2017 года волонтеры гуманитарной миссии «Эвакуация-200» смогли доставить его останки в Днепр, где его похоронили.

Кроме того, в СМИ сообщалось о гибели 38-летнего **Олега Барановского** из Чернигова, командира пулеметного взвода 41-го отдельного мотопехотного батальона. Барановский был гражданином Украины, но вырос в белорусской семье. Служил летчиком, а после списания ушел на Донбасс добровольцем. Он погиб 26 августа 2015 года в бою под Старогнатовкой. На похоронах его отец с гордостью сказал, что они — белорусы шляхетского рода и сын боролся за свободу Украины.

Они сражались за Путина

Потери среди белорусских граждан на противоположной стороне фронта оказались намного выше, чем на стороне Украины. На момент написания книги нам известно об одиннадцати белорусах, погибших непосредственно в боевых действиях, и еще о трех, чья смерть была косвенно связана с этой войной. Но, скорее всего, это не исчерпывающий список.

В феврале 2016 года газета Администрации президента «СБ-Беларусь сегодня» со ссылкой на данные МВД сообщила, что всего на Донбассе убиты восемь белорусов. Поскольку с украинской стороны на тот момент был всего один погибший (Алесь Черкашин), остальные семеро, очевидно, воевали за боевиков. Подобный вывод подтверждается и нашими

данными. На момент той публикации погибли семеро белорусов-боевиков: **Сергей Стебихов** из Осиповичей, **Сергей Напреев** из Гродненского района, **Александр Мельников** из Могилевской области, минчанин **Вадим Савищев**, **Дмитрий Калашников** из Бреста, а также двое тезок по имени **Вадим Василевский** (оба воевали в составе «ЧВК Вагнера», подробнее о них — см. главу 24).

Один из наиболее колоритных персонажей из этого списка — 40-летний **Сергей Стебихов**. До войны он был криминальным авторитетом в Осиповичах — «смотрел за городом», как рассказывают его друзья. За спиной у Стебихова имелось как минимум три судимости и семь лет в местах лишения свободы. Судя по записям на его страницах в соцсетях и по словам знакомых, идея «русского мира» гармонично вписалась в «понятия» Сергея. Оставив семью, в январе 2015 года смотрящий за Осиповичами под позывным Варяг вступает в Добровольный коммунистический отряд¹. Позже в сети появилась аудиозапись разговора Стебихова с предполагаемым вербовщиком — белорус говорит, что «решился на этот шаг по идеологическим убеждениям». И одновременно признается: дела дома идут не очень, хочется сменить обстановку и сделать «что-то важное».

По данным украинских спецслужб, подготовку Стебихов проходил на базе в Ростове в течение пяти дней, затем с группой таких же «ополченцев» был заброшен на территорию Луганской области. Его военная специальность неизвестна, но можно точно сказать: участие в Дебальцевской операции он успел принять. И ранение, ставшее смертельным,

¹ Добровольный коммунистический отряд (ДКО) был создан в октябре 2014 года гражданами РФ из Санкт-Петербурга — Петром Бирюковым, позывной Аркадич (участником конфликта в Приднестровье), и Алексеем Марковым, позывной Добрый. Первоначально на Донбасс прибыло всего 18 бойцов ДКО, но уже на момент боев под Дебальцевом (январь-февраль 2015-го) численность отряда возросла до 90 бойцов. В апреле 2015 года ДКО вошел в состав ОМБр «Призрак» под командованием Алексея Мозгового.

он получил именно в районе Дебальцева. Причину смерти в разных источниках боевики называют разную: по версии сослуживцев, Стебихов подорвался на mine-растяжке, но в ряде блогов пишут, что его могло ранить во время минометного огня — смерть наступила от попадания осколка в шею. Это произошло в ночь на 21 апреля 2015 года. Получается, Стебихов провоевал на Донбассе чуть больше трех месяцев. Бывший «министр обороны ДНР» Игорь Стрелков-Гиркин посмертно наградил Стебихова орденом «За боевые заслуги». Принимать орден в Москву приехал друг и земляк Стебихова. На видео с церемонии он одет в советскую военную форму и голубой берет десантника.

Примерно в то же время, что и Стебихов, подготовку на базе в Ростове проходил житель Гродненского района **Сергей Напреев** 1985 года рождения. Впервые о смерти боевика сообщалось в материале «Еврорадио» в феврале 2016 года — правда, там не называлась фамилия погибшего (автор называет его просто Сергей Н.) и дата гибели. Напреев отслужил «срочку» в спецназе и поехал на Донбасс, где умер от осколочных ранений головы, грудной клетки и перелома черепа. Его данные фигурируют в отчете украинских спецслужб о боевиках, переброшенных с ростовской базы на территорию ЛНР 14 января 2015-го. Вместе с Напреевым воевать поехал его друг, тоже бывший спецназовец **Евгений Пацюк** из Борисова — они покинули базу в один день. Уже 1 февраля при столкновении возле города Попасная в Луганской области Пацюк (позывной Флэш) попал в плен к украинским военным. На видео допроса он признавался, что родом из Беларуси и «проходит службу во взводе разведки». Позже стало известно: он воевал в батальоне «Заря». На вопрос, почему оказался на Донбассе, боевик отвечает: «Попал в капкан пропаганды». Также Пацюк говорит, что у него «сегодня погиб товарищ», с которым они вместе приехали из Беларуси. Очевидно, он имеет в виду Сергея Напреева — выходит, тот провоевал всего около двух недель. Как выяснили журналисты, затем пленного белоруса перевезли в СИЗО СБУ в Харькове

и продержали там около пяти месяцев, пока в июле 2015-го не обменяли на бойцов ВСУ. После обмена Пацюк лечился в луганской больнице, а потом уехал в Россию, где его следы затерялись. Мы связались с родственниками Пацюка в Борисове, но те категорически отказались общаться.

В январе 2015 года в Донецкой области погиб 26-летний брестчанин **Дмитрий Калашников**. За пять месяцев до этого мужчина уехал на заработки в Москву, где и был завербован в ряды боевиков. На Донбассе он провел около четырех месяцев. В каком подразделении воевал и при каких обстоятельствах погиб — неизвестно.

28-летний **Вадим Савищев** также служил «срочку» в белорусском спецназе. В ЛНР он провоевал несколько месяцев. Стремление на Донбасс было делом семейным: зять Савищева, россиянин, воевал почти с самого начала конфликта. 24 декабря 2015 года Вадим погиб под Коминтерновым (после декоммунизации — Пикузы). Как писал «ВКонтакте» его сослуживец Дмитрий Сакерин, белоруса «разорвало миной напополам». А вот так описывает обстоятельства гибели Савищева разведчик ЛНР родом из Гродно Игорь Каток: «Он служил в разведке. Под Коминтерновым стояли две роты: разведка и пехота. Командир пехоты подошел к командиру разведки — мол, нужны добровольцы. А там было две горки: левая — наша, правая — «укропов». Так вот этот идиот, командир роты пехоты, отправил их рыть окоп между этими двумя горками. Их там минами и накрыло».

Александр Мельников поехал на Донбасс вместе со своим товарищем **Владимиром Ястребовым** (предположительно, в декабре 2014-го или в начале января 2015-го). Скорее всего, белорусы попали в одно подразделение. 26-летний Мел погиб под Дебальцевом, у села Редкодуб 16 февраля 2015 года. По словам друзей Мельникова, он был танкистом и сгорел в танке. Семья забирала тело с Донбасса самостоятельно. Хоронили его в закрытом гробу на кладбище в Новоселках. Местный православный священник долго не соглашался отпевать боевика.

Товарищ Мельникова Владимир Ястребов из деревни Новоселки Могилевской области тоже погиб, однако не на фронте. В середине 2000-х он прошел срочную службу во 2-й отдельной специальной милицейской бригаде (в/ч 3310), после работал охранником в могилевском ночном клубе. Вошел на Донбассе в составе ГБР «Бэтмен» примерно в течение года. О его боевом пути в «Бэтмене» известно немного. Знакомые подтверждают: в течение 2015 года он периодически проводил отпуск в Беларуси и уезжал обратно в ЛНР. Вячеслав Рыбаченок — земляк и сослуживец Ястребова по Донбассу — вернулся в Беларусь после гибели товарища. Он рассказал нам о конфликте, возникшем у Ястреба с другими боевиками. «За какую-то провинность его схватили и посадили в тюрьму, как говорят у нас — «на яму». Каким-то образом ему удалось выбраться оттуда и сбежать в Тверь. А в начале февраля знакомые нашли его там в съемной квартире мертвым со следами пыток». По мнению сослуживца, смерть была результатом «разборок из-за денег», возможно, имевших отношение к распределению ресурсов «Бэтмена». Однако подтверждений этому из других источников нет. Дата гибели белоруса, обозначенная на памятнике — 20 января 2016 года. Если верить сослуживцу, труп пробыл в квартире около двух недель. Хоронили же белоруса на родине в закрытом гробу. Какая причина гибели записана в свидетельстве о смерти Ястребова — неизвестно. В его родной деревне вообще говорят, что нашли Владимира повешенным в лесу «между Москвой и Санкт-Петербургом». Родственники Ястреба от любых контактов с журналистами воздерживаются. К слову, Вячеслав Рыбаченок — еще один «ополченец» из этой могилевской компании — спокойно вернулся на родину. И хотя он жалуется на «проблемы с правоохранительными органами» и обыски КГБ, продолжает оставаться на свободе. К тому же, по его признанию, периодически «выезжает в Ростов».

Небоевая смерть Ястребова вряд ли была внесена спецслужбами в число 8 погибших по состоянию на февраль 2016 года, о которых писала «СБ-Беларусь сегодня». Впослед-

ствии никаких данных о количестве убитых на Донбассе КГБ и МВД и вовсе не озвучивали.

В апреле 2016-го 41-летний минчанин **Андрей Мокич** (позывной Юпитер) погиб от выстрела снайпера — пуля попала в голову. Это произошло 15-го числа в районе села Желобок на Луганщине. Село находится в яме между двумя возвышенностями — стратегически позиция невыгодна ни для одной из противоборствующих сторон. Тем не менее боевики удерживали Желобок с начала 2015 года. Мокич приехал на Донбасс в марте 2016-го; на момент смерти был пулеметчиком в разведзвезде бригады «Призрак». Родственники не забрали его тело в Беларусь. Боевик похоронен на Аллее славы в Алчевске.

Кроме Мокича, есть сведения о белорусе по имени Александр (фамилия неизвестна) из 9-го Мариупольско-Хинганского отдельного полка, которого «разорвало миной» в начале 2017 года. О погибшем нам рассказал боевик Виталий Митрофанов. Еще один, предположительно, погибший — Виктор Брель. О нем сведений совсем мало: родом из Мозыря, паспорт имел белорусский, на родине служил в погранвойсках. На Донбассе воевал, вероятно, в батальоне «Восток» — первые фото с оружием в руках появились на его странице «ВКонтакте», подписанной почему-то «Ниязбек Мурадов», в августе 2017 года. Один из его сослуживцев сообщил, что Брель погиб, при каких обстоятельствах и где похоронен — друзья и родственники боевика отвечать отказались.

Самым молодым погибшим на Донбассе гражданином Беларуси (и самым юным белорусом-боевиком из известных нам) стал Роман Безруков из Гомеля. Его мать умерла, и он остался сиротой. Опекунство оформила крестная из Донецка, куда он и отправился жить. Это было летом 2014-го. Только приехав, парень вступил в НВФ. Как рассказывал нам Роман в интервью, начинал он в «казачестве» — «просто пришел и подал заявление». В 2015-м получил ранение в ногу и уехал с фронта лечиться. В январе 2016 года боевик вступил в 11-й полк «ВС ДНР», воевал в промзоне Спартак

близ Донецкого аэропорта. Он жаловался, что ему не выдают никаких документов, на руках «одни ксерокопии». «Видимо, заслужил бомжом остаться — великая благодарность», — сетовал Роман. В соцсетях у парня был зловещий псевдоним — Неопознанный. 30 марта 2019 года белорус погиб на позиции под Донецком. Как сообщил друг Романа, похоронили его с почестями. По словам друга, незадолго до смерти Рома хотел уволиться и уехать на заработки в Москву.

Кроме смерти Владимира Ястребова, среди белорусов-боевиков была и еще одна небоевая потеря — 54-летний **Егор Авдеев**, уроженец Минска, живший в Москве долгое время до отъезда на Донбасс. На «Миротворце» о нем сообщается немного: в частности, что в 1986 году Авдеев окончил Вильнюсское высшее командное училище ПВО. Военным он не стал и, судя по всему, занимался в Москве бизнесом. По словам его сослуживца Владлена Белинского, они встретились в 2014 году. «В 2015-м он служил в моем батальоне командиром взвода. Потом я был в другом месте, а в 2017 он пришел к нам в штурмовой батальон старшиной роты. Позволял себе пить водку. В итоге умер в новогоднюю ночь с 2017-го на 2018-й. Инсульт и инфаркт одновременно», — рассказал нам Белинский. Несмотря на то что Авдеев долго жил в России, у него оставался белорусский паспорт. «Все знали, что он белорус», — добавляет Белинский.

В июле 2019-го «Радио Свобода» сообщило о смерти уроженца Полоцка, 35-летнего Дениса Михейко, который скончался в Харцизске от болезни почек годом ранее. Известно, что он воевал в Дебальцево, Песках и Донецком аэропорту и даже успел получить так называемый «паспорт ДНР».

Цифра (11 убитых на фронте и 3 умерших при других обстоятельствах), которую мы приводим в этой главе, базируется на сведениях СМИ, данных базы «Миротворец», свидетельствах друзей и сослуживцев. Мы полностью допускаем, что «двухсотых» было значительно больше. Но белорусские спецслужбы такие данные не публикуют, а близкие общаться с прессой обычно не желают.

За ДНР гибли и уроженцы Беларуси с российским гражданством. Например Евгений Кононов, позывной Кот — известный полевой командир ДНР, который принимал участие в боях за Донецкий аэропорт, Дебальцево и Саур-Могилу. Возглавлял 100-ю бригаду (так называемую Республиканскую гвардию ДНР), дослужился до звания «подполковника» и погиб от пули киллера 9 января 2016 года. Знавшие его боевики утверждают: Кононова убили свои же во внутренних разборках. Как удалось выяснить СМИ, будущий полевой командир родился в Могилеве в 1978 году, там женился, у него остались в Беларуси две дочери от первого брака. Соседи Кононова рассказывали журналистам «Радио Свобода», что в молодости он имел судимость за кражу, а в конце 90-х уезжал на заработки в Россию. По слухам, даже успел повоевать на Северном Кавказе. В Москве познакомился с украинкой, влюбился и вместе с ней переехал на Донбасс во второй половине нулевых. Собеседники авторов книги, воевавшие вместе с Кононовым против Украины, утверждают: у него был не белорусский, а именно российский паспорт. С другой стороны, соседи, знавшие Кота по Могилеву, рассказывали, что он в свое время отслужил срочную службу в воздушно-десантных войсках Беларуси. Следовательно, изначально он являлся белорусским гражданином. Возможно, полевой командир имел одновременно два гражданства, но поскольку с конца 90-х в Беларуси не жил, то и про свои белорусские корни вспоминал не часто. Потому и отпечатался в памяти боевиков как россиянин.

Погибали за «Новороссию» и уроженцы Беларуси с украинским паспортом. 2 ноября 2017 года от пули снайпера погиб 21-летний Дмитрий Войцеховский. Родился он в Солигорске, часто ездил в Беларусь к родственникам, но большую часть жизни прожил в Алчевске Луганской области. Учился в местном техникуме. По слухам, незадолго до смерти планировал оставить Донбасс и перебраться в Беларусь.

Глава 10 СЯБАР И ЛЕВ: С ФРОНТА — НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ

«Официальные ведомства в Украине не имеют точной информации о том, сколько бойцов добровольческих батальонов подозреваются в совершении преступлений, находятся в следственных изоляторах или осуждены... В то же время правозащитники и общественные активисты говорят, что речь может идти о сотнях людей, и большинство инкриминируемых им преступлений совершено в зоне проведения антитеррористической операции». (Из материала Би-би-си от 18 августа 2016 года.)

* * *

Иногда истории белорусских добровольцев складывались счастливо, как у Дмитрия Полойко, который подписал контракт с ВСУ и встретил в Украине свою любовь. Бывали и драматичные развязки — например, в жизни 24-летнего «азовца» Артема (Грота), который оказался в госпитале с оторванной миной ступней. Однако встречались и те, кто в силу обстоятельств или собственного характера, попали под уголовное преследование в стране, за которую воевали. Их биографии, с какой стороны ни посмотреть, лишены героического ореола. Мирная жизнь оказалась для них более тяжким испытанием, чем война: здесь их ждали аресты, суды, психиатрическая лечебница...

«Скучная война» Василия Парфенкова

Молодой автослесарь из Минска Василий Парфенков в начале 2000-х выделялся на фоне своих сверстников темпера-

ментом и страстным желанием борьбы с режимом. А, может быть, просто борьбы...

В 2002 году он с единомышленниками защищал народный мемориальный комплекс Куропаты. Восемь месяцев подряд активисты не давали властям построить шоссе через урочище, где похоронены жертвы сталинских расстрелов. Совсем юные «молодофронтовцы» установили возле стройки палатки, их пытался разгонять спецназ, но они держали оборону, останавливали строительную технику. Однажды ночью неизвестные подожгли палатку, где спали люди. Очевидцы говорили, что их спас Парфенков. Позже, когда неизвестные провокаторы напали на защитников Куропат, Василий, вступившись за друзей, получил перелом руки. Затем он почти на восемь лет исчез из общественной жизни Беларуси. К выборам 2010 года Василий стал активистом кампании «Говори правду» и агитировал за кандидата от этого движения — известного поэта Владимира Некляева. Потом была Плошча, ее разгон и масштабные репрессии. За Парфенковым пришли в первых числах января, его обвинили в причастности к «массовым беспорядкам». Среди десятков арестованных за Плошчу первым судили именно Парфенкова. Такой выбор был не случаен. У него уже имелась одна судимость: с 2005-го по 2007 год он отбывал наказание по «бытовой» статье УК — «Уничтожение имущества особо опасным способом». Этот факт биографии активиста, по замыслу спецслужб, должен был показать обществу «отвратительное лицо оппозиции». Хотя, очевидно, никакой логической связи между криминальной историей шестилетней давности и политическими взглядами Парфенкова не существовало. Незадолго до суда государственный канал ОНТ вещал следующее: «Как активного участника массовых беспорядков у Дома правительства Парфенкова зафиксировала телекамера: бил стекла, оказывал сопротивление милиции. Но по месту жительства Василий известен не как «революционер и борец за свободу». Квартиру, где он жил вместе с родителями и сестрой, иначе как приютом

не называют. Милицию вызывала мать Парфенкова, когда сын становился неадекватным. Не выдерживали нервы и у соседей. Кроме хулиганства на его счету и банальная уголовщина. Такой вот «герой Площади». Как может заметить читатель, прием «они все уголовники» использовался КГБ задолго до появления добровольческого движения. Впрочем, дискредитация — один из базовых методов работы спецслужб во всем мире. 17 февраля 2011 года Парфенкову дали 4 года колонии строгого режима.

Но к обвинениям в уголовном прошлом пропагандисты добавили любопытный штрих: Парфенков якобы участвовал в киевском Майдане еще в 2004 году. К нашему удивлению, это оказалось правдой. «Я поехал на «оранжевую революцию» осенью 2004-го и оставался в Киеве до ее конца, до января. Вступил в УНА-УНСО, это была одна из движущих сил той революции. Мы отвечали за сектор безопасности, всегда стояли на самых острых направлениях. После первого тура приехали ребята из «Молодого фронта», всего человек сто из Беларуси. Мы стояли на улице Лютеранской напротив Администрации президента, а ближе к Крещатику — люди Януковича, из Партии регионов. Они устраивали разные провокации: били людей, распускали слухи, что протестующие — бандиты. Ну, мы зашли в офис «регионалов» и при помощи физической силы объяснили им, чтобы больше в подконтрольном нам районе не появлялись», — вспоминал Парфенков весной 2019 года. Так что будущий доброволец был связан с Украиной задолго до войны.

По делу о «массовых беспорядках» после Площы Васи́лий Парфенков сидел недолго: в августе Лукашенко помиловал его своим указом. Незадолго до этого политзаключенный написал прошение о помиловании на имя президента, но «вины не признал, а только просил отпустить». Выйдя на свободу, он оставался под превентивным надзором. Несмотря на это, активист продолжал политическую деятельность. За нарушение условий надзора Василия осудили на полгода.

Летом 2013-го Парфенков опять нарушает превентивный надзор, но в этот раз его отправляют в лечебно-трудовой профилакторий. ЛТП действуют в Беларуси с советских времен и входят в структуру Департамента исполнения наказаний МВД: обычно туда направляют по решению суда людей с алкогольной зависимостью, склонных к правонарушениям. По сути, это своеобразный принудительно-трудовой лагерь. Если раньше правозащитники признавали преследование активиста политически мотивированным, то в случае с ЛТП этого не произошло — о проблемах с алкоголем у Парфенкова упоминали его знакомые.

Каждый раз после очередной отсидки Парфенков возвращался к участию в акциях протеста, что неизбежно влекло за собой новую посадку за нарушение превентивного надзора. Последний раз, в конце 2013-го, он получил год колонии строгого режима. На целенаправленный прессинг администрации колонии за его политические взгляды наслои́лся вспыльчивый характер Парфенкова — в итоге его почти все время продержали в штрафном изоляторе. В декабре 2014-го истек срок наказания. Первое, что сказал журналистам, оказавшись на свободе: «Я вышел из тюрьмы в тюрьму». Действительно, жизнь в Беларуси не сулила никаких перспектив. Все складывалось плохо: конфликты в семье, отсутствие постоянной работы, и, как можно догадаться, вытекающая из этого общая неудовлетворенность. В феврале стало известно: Парфенков воюет на Донбассе в составе батальона ОУН. «Кто-то называет эту войну АТО — антитеррористической операцией, но на самом деле идет освободительная война против захватчиков. Поэтому я решил помочь своим украинским друзьям. У меня здесь много побратимов еще с первого Майдана, с «оранжевой революции». Два из них уже погибли в Иловайском «котле». Вот решил поучаствовать, помочь, чем смогу», — рассказывал Парфенков журналисту «Радио Свобода». Через полгода, в сентябре 2015-го, в заголовках белорусских СМИ появилась новость: Парфенков ранен в бою под Песками. Бойцы

выдвинулись на перехват вражеской ДРГ и были обстреляны из АГС (станкового гранатомета). Пятерых раненых доставили в госпиталь Днепра. Парфенкова ранило в ногу и бедро, но артерию не задело, поэтому, в отличие от сослуживцев, его поместили не в реанимацию, а в обычную палату. Вскоре Парфенкова перевели в Одесский военный госпиталь.

Узнав о ранении Парфенкова, вечером 18 сентября я отправилась в Одессу. Это было мое первое столкновение с «донбасской» темой. Мы скооперировались с активисткой Ольгой Николайчик — она как раз собиралась навестить Парфенкова. По дороге заехали в Киев, где жили подруги Николайчик — украинские волонтеры.

Вагон метро с грохотом пересекает огромный мост над Днепром, и мы въезжаем в спальный район Левобережья, испещренный советскими панельками. Яркий месяц в темно-синем небе, лай собак, матерная ругань у местного «Сильпо», который горит островком в непривычно душной для конца сентября ночи. В одной из серых многоэтажек живет волонтер Татьяна Давыденко — с первых дней войны она с соратницами на собранные с миру по нитке деньги покупает для добровольцев медикаменты, продукты, одежду, предметы первой необходимости вроде салфеток и зубных щеток и кое-какие элементы снаряжения. Ее собственная небольшая «двушка» больше напоминает штаб благотворительной организации — одна из комнат полностью завалена мешками с вещами для солдат. Каждые пару недель волонтерки группы «Ми для війська» отвозят посылки в АТО. Таких, как Татьяна, около 13 % населения Украины, приводили цифры социологи в 2015 году. На тесной кухне на столе, среди пакетиков с кровоостанавливающей сывороткой, лежат контейнеры с горячими домашними пирожками, которые волонтерки испекли для раненого белоруса. Нагруженные гостинцами, спешим на ночной поезд до Одессы.

Все последние дни в Одессе за Парфенковым присматривает местная волонтерка Людмила Чебан. Немолодая, но яркая и

энергичная, с типичным одесским юмором, Людмила встречается нас у ворот военного госпиталя. Бойцы по-свойски обращаются к ней по позывному — Глория, перед этим добавляя уважительное «пани». Раньше Людмила была далека от политики — она профессиональная спортсменка, тренер по гребле на каноэ. Ее сын — Юрий Чебан — дважды брал олимпийское золото в этом виде спорта. После событий 2 мая в Одессе, когда в результате столкновений между проукраински настроенными жителями города и антимайдановцами погибли 48 человек, Людмила не смогла оставаться в стороне и начала активно помогать добровольцам. С того дня она взяла себе позывной Глория, что означает «слава» — слава Украине. «Если бы мы тогда не защитили Одессу, у нас было бы то же самое, что на Донбассе. А теперь — нет, они уже не пройдут», — говорила женщина в интервью РС.

По узким ступенькам поднимаемся на второй этаж военного госпиталя, в отделение хирургии и травматологии. В воздухе пахнет йодом и лекарствами, но примешивается незнакомый мне раньше запах — сладковатый, затхлый и жуткий. Так пахнет обожженная, разорванная и заново сшитая плоть. У окна совсем молодой парень с ампутированной ногой, придерживаясь за стенку, кричит в телефон: «Если ты это сделаешь — ты мне больше не друг, понимаешь?!» Бойцы постарше полушепотом переговариваются на лавочке в углу, глядя на парня. Ольга и Людмила заходят в палату, а я, замешкавшись на секунду, вдруг вижу, как из противоположного конца коридора приближается мужская фигура в каких-то лохмотьях: замотанная грязным бинтом голова, тельняшка в желтых разводах пота. Там, где была нога, свисает пустая штанина цвета хаки. Мерно стуча костылями, солдат лет сорока, с уставшим лицом и свалывшейся бородой, останавливается прямо напротив меня и не мигая смотрит в глаза. Затем молча достает из кармана серебристый простой карандаш и также молча протягивает его мне. Беру карандаш и хочу заговорить с ним, но мужчина как-то стремительно подхватывает костыль и исчезает за дверью больничного

блока. С тех пор простой карандаш — подарок неизвестного добровольца — всегда со мной в журналистских командировках.

В палате от суеты Ольги и пани Глории становится весело: женщины, шуриша пакетами, раскладывают на тумбочке у койки пирожки, фрукты, вареную курицу, наливают сок-мультифрукт в пластиковый стаканчик. Василий лежит на боку, из груди торчат катетеры от капельниц, на лбу — ссадина, но он улыбается и даже пытается шутить. Несколько дней назад бойцов навещали здесь школьники: дети написали письма с пожеланиями здоровья, нарисовали картинки. На одном из этих рисунков — аист, радуга и надпись угловатым детским почерком — «Мы за мир!». Парфенков поглядывает на него иронически: «Ну да, конечно, за мир... За мир без москалей!»

Кроме катетеров-трубочек, на груди у Парфенкова — жетон с красно-черной эмблемой ООН и его позывным — Сябра. «В тот день, 13 сентября, мы с двумя бойцами пошли в разведку под Песками, сепары начали стрелять по нам из АГСов, одного побратима сильно ранило, мы хотели уходить, потащили его назад и сами подорвались на растяжке. Там трава по пояс, ее почти невозможно заметить, да и времени смотреть под ноги не было — тащили Шульца», — рассказывает мне Парфенков. Тот самый спасенный боец — 19-летний Игорь Шульц родом из Львова — лежит в соседней палате. Парень из обеспеченной семьи поступил на политологию в университет в Польше, но с началом войны на Донбассе все бросил и, вопреки воле родителей, вступил в ООН и отправился на фронт. «Я видел своих ровесников и не понимал, как можно развлекаться, ходить по клубам, когда в родной стране идет война. Эти вечеринки вдруг стали казаться мне очень глупыми, — говорил Шульц, которого я нашла в соседней палате. — Василий Парфенков, Сябар — человек, которому я всю жизнь буду говорить спасибо за то, что остался жив в тот день. Я надеюсь держать с ним связь всю жизнь. Таких людей очень не хватает на войне,

которые хладнокровно принимают решения и не бросают братьев в беде». Шульц получил тяжелейшую травму ноги, в нее пришлось вставить два металлических штыря. Тогда врачи прогнозировали инвалидность, но Игорь поправился, вернулся к учебе и спустя два года уже преподавал историю во львовской школе.

Впрочем, со словами Шульца насчет «хладнокровия» Парфенкова многие не согласятся. Главные решения Василий, скорее, принимал спонтанно и действовал с горячечным энтузиазмом. «Выйдя из тюрьмы в декабре 2014 года, я твердо решил поехать в АТО. В Киеве встретился с Вячеславом Сивчиком (активист оппозиции с 90-х годов, после Площы-2010 несколько лет жил в эмиграции в Украине. — К. А.). Он многих знал и свел меня с командиром ОУН Николаем Коханивским, через него я попал в батальон, в Пески», — вспоминал Парфенков. К моменту ранения он уже провоял почти девять месяцев. По словам добровольца, с обыском в минскую квартиру его родителей КГБ заявился, как только СМИ сообщили о ранении. Тогда, в 2015-м, в госпитале Парфенков говорил в интервью: на родине на него однозначно заведено уголовное дело и вернуться, пока Лукашенко у власти, не получится. «Но хорошо, что у меня и других воюющих белорусов теперь есть возможность получить украинское гражданство — будет не так страшно, не смогут депортировать». Но все оказалось сложнее. Когда мы созвонились в апреле 2019 года, Парфенков жил в Киеве с просроченным белорусским паспортом¹, бесконечно получая отказы в предоставлении вида на жительство и едва находя деньги на пропитание маленькой дочери. Однако в его случае была веская причина, почему все сложилось именно так.

На Донбассе Парфенков провел около полутора лет: по его словам, окончательно покинул фронт летом 2016-го. Свою

¹ В ноябре 2015 года и пресс-служба ОУН, и Коханивский сообщали, что Парфенков получил украинское гражданство, но сам он эти сведения опроверг и назвал фейком.

предыдущую семью и маленького сына (он родился, когда тот сидел в колонии) Василий оставил в Беларуси. В Украине он встретил свою будущую супругу, военного медика Яну. Вскоре у пары родилась дочь. Поскольку официальную работу из-за отсутствия документов Парфенков найти не мог, появилось свободное время. В Киеве белорус начал участвовать в скандальных политических акциях. Инициировали их бывшие бойцы добробата, активисты движения ОУН.

В первой половине 2015 года власти начали оказывать давление на Добровольческий батальон ОУН с целью добиться его перехода в подчинение Минобороны. В мае часть бойцов все же вступила в 81-ю десантно-штурмовую бригаду ВСУ, где из них сформировали роту батальонной тактической разведгруппы. Тем временем бывший комбат Кохановский с единомышленниками создал «Добровольчий Рух ОУН» с радикальной повесткой: среди требований звучало «установление временной национальной диктатуры», третий Майдан как «единственный выход для Нации» и создание революционного трибунала для «предателей». К своей цели Рух планировал прийти прежде всего с помощью акций протеста. Самой громкой из них стал погром киевских филиалов российских банков. ОУНовцы разбили витрины в офисе «Сбербанка России», разгромили отделение «Альфа-Банка» на Крещатике, а еще забросали камнями офис компании олигарха Рината Ахметова. 20 февраля 2016-го в интернете появилось видео, на котором в офис «Альфа-Банка» врываются мужчины в камуфляжной форме, бьют стекла, переворачивают столы и стулья. В кадр попал не только Парфенков (он зачем-то разбил горшок с цветком), но и еще один белорусский доброволец, экс-политзаключенный Эдуард Лобов. Полиция задержала погромщиков и завела уголовное дело по части 2 статьи 296 УК Украины — «Хулиганство, совершенное группой лиц». Остальных подозреваемых отпустили под подписку о невыезде в тот же день, но Парфенков остался в изоляторе¹. Ему грозило до четырех лет лишения свободы.

¹ О задержании Лобова не сообщалось.

Объясняя причину своих действий, Коханивский говорил журналистам: «Таким образом мы объявили протест учреждениям, которые зарабатывают на крови украинцев. Получается, мы воюем с Россией, а Россия тут у нас зарабатывает деньги. Это недопустимо». По словам Коханивского, Парфенков, громя банки, «выполнял приказ комбата», то есть его. Лидер ОУН заявлял о якобы политической мотивации дела против Василия и призывал государство «остановить террор» в отношении добровольца, в противном случае обещал поджечь российские банки в Киеве. Такие радикальные методы не вызвали одобрения даже у бывших соратников. Кроме того, кадры погрома показали все российские каналы, что позволило оппонентам обвинить ОУНовцев в создании негативного образа добровольческого движения. 24 февраля суд избирает Парфенкову меру пресечения в виде круглосуточного домашнего ареста на два месяца. По истечении этого срока он не сворачивает бурную деятельность — скорее, наоборот. 9 мая 2017 года ОУН планирует предотвратить акцию «Бессмертный полк» в Киеве, приуроченную ко Дню Победы¹. Когда колонна демонстрантов приблизилась к зданию на улице Лаврской, где находился офис ОУН, в толпу из окна полетели дымовые шашки. Националисты с красно-черными флагами и под звуки песен УПА пытались прорваться навстречу участникам «Бессмертного полка», но попытку блокировала полиция. На этом бы все и закончилось, но из окна офиса ОУН показался гранатомет. Как потом объяснял Коханивский, тубус гранатомета был пустой и стрелять по людям они не собирались, а хотели просто «припугнуть сторонников “русского мира”». Полиция взяла офис штурмом и задержала несколько десятков националистов. В их числе был и Парфенков. В этот раз его оставляют под домашним арестом на четыре месяца и заводят второе дело по статье «Хулиганство».

В октябре 2017 года Коханивского задерживают за потасовку с ветераном «Правого сектора», во время которой

¹ Акция «Бессмертный полк» не была запрещена властями.

лидер ОУН выстрелил из травматического пистолета. В суд над Кохановским врываются его соратники и срывают заседание. Они баррикадируются в суде, и только на третий день здание берет штурмом полиция. Среди тех, кто противостоял силовикам и строил баррикады из мебели, опять был Василий Парфенков. Его задержали и завели очередное дело — за порчу имущества. Когда мы общались с Парфенковым спустя полтора года, ни одно из инкриминируемых ему обвинений до сих пор не было окончательно рассмотрено, процесс растянулся, даты заседаний постоянно переносились. Завершающая стадия разбирательства по программам банков была назначена на лето 2019-го. К моменту публикации этой книги мы не знаем, какое наказание в итоге получил доброволец и получил ли вообще. Но очевидно то, что по возвращении с фронта он оказался в компании, которая использовала откровенно маргинальные методы политической борьбы. Да, эти люди (тот же Кохановский) — действительно патриоты Украины, убежденные в правильности своих идей и поступков, однако их акции не вызывали симпатий даже среди ветеранов АТО. Конфликт в ОУН начался еще в Песках в 2015-м, когда Кохановский и его соратники отказались подчиняться ВСУ. Борис Гуменюк, командир части батальона, влившейся в регулярную армию, говорил: «Если кто-то хочет иметь карманную армию или армейку и делать на этом политику, у него не все в порядке с головой или он просто враг». В то же время сам Кохановский называл действующую украинскую власть своим «личным врагом». Мы не беремся судить, кто из оппонентов прав. Но абсолютно точно можем сказать: Парфенков осознанно поместил себя в сомнительную с точки зрения закона ситуацию, ища точку опоры в мирной жизни. От десятков соотечественников-добровольцев его отличает умение попадать в бедовые истории. Возможно, без них Василию просто становится скучно. Он признавался, что и с фронта уехал по той же причине — не хватало динамики, драйва. «После очередных Минских договорен-

ностей наступило перемирие, затишье, окопная война — мне там уже нечего было делать...»

Осенью 2015-го Парфенков пробыл в госпитале пару недель, восстановился после ранения и вернулся на передовую еще на несколько месяцев. Тогда, жарким сентябрьским днем, он лежал на больничной койке у открытого окна и читал газету-боевой листок ОУН под названием «Доброволец». На титульном его листе были напечатаны слова Евгения Конавальца, одного из создателей и первого командира ОУН: «Эпоха, в которой живем, безмерно велика. Это одна из тех революционных эпох, которые простираются на целые десятилетия и в которых куется новый мир и новый человек. В великой мировой драме наших дней мы имеем выбор: быть творцами или жертвами истории».

Иногда творец и жертва — одно и то же.

«Я никому не стрелял в спину»

Если Василий Парфенков предстал перед украинским судом за «хулиганство и «порчу имущества», то его соотечественнику вменяли преступления гораздо более тяжкие. 27 февраля 2017 года Октябрьский суд Мариуполя взял под стражу 43-летнего уроженца Молодечно, бывшего бойца батальона «Донбасс» Игоря Клевко (позывной Лев). Белоруса подозревали в похищении и умышленном убийстве. По версии следствия, Клевко вместе с украинскими бойцами «Донбасса» во второй половине октября 2014 года получил от некоего лица заказ «на похищение, незаконное лишение свободы и ликвидацию, то есть умышленное убийство» жителя поселка Мангуш, что под Мариуполем. Из материалов дела следовало: добровольцы якобы вывезли свою жертву в лесополосу, расстреляли из автомата Калашникова в спину и закопали на месте. Выстрелы производил именно белорус, говорилось в судебном решении. Убитый — 47-летний житель Мангуша Александр Ходов. На первом заседании Клевко заявил: такие обстоятельства «возможно, имели

место» (непонятно, что он под этим подразумевал), но в совершении убийства его лично оговорили. На момент задержания (оно произошло прямо в больнице) Лев проходил курс терапии после очередного боевого ранения, поэтому просил суд не удовлетворять ходатайство следователя об аресте. Однако Клевко поместили в СИЗО, поскольку преступление, в котором его подозревали, попадало в категорию особо тяжких.

В батальоне «Донбасс» к июню 2014 года состояли около десятка белорусских добровольцев, еще 15 подали заявку на зачисление, сообщал журналистам тогдашний командир батальона Семен Семенченко. Был среди них и Игорь Клевко из Молодечно. Свой боевой путь Клевко начал с Майдана, в конце мая вступил в «Донбасс» и отправился на фронт. В немногочисленных кратких интервью он предпочитал не рассказывать о своей довоенной жизни, чтобы «не лить воду на мельницу тех, кто его разыскивает», то есть белорусских спецслужб. На войну Клевко поехал, чтобы «оказать братскую помощь, увидеть свободную страну и получить боевой опыт», — говорил он «Нашай Ніве» в сентябре 2014-го. Тогда белорус вместе с украинскими военными вырвался из Иловайского «котла», места самых кровавых боев за всю историю конфликта.

С начала августа до начала сентября 2014 года силы АТО предприняли три попытки штурма занятого боевиками 15-тысячного райцентра в Донецкой области, понесли потери и оказались в окружении в черте города. Во время второго и третьего штурмов Иловайска (10 и 18 августа) основной ударной силой стал батальон «Донбасс», где и служил белорус Игорь Клевко. По данным СБУ и украинского Генштаба, в операции участвовали кадровые российские военные (от 3,5 до 4 тысяч контрактников), широко использовалось российское вооружение, были задействованы сотни танков и десятки артиллерийских орудий. После продолжительных боев 29 августа Путин лицемерно призвал формирования ДНР обеспечить гуманитарный «коридор» для выхода укра-

инских военных из Иловайска. «Коридор» оказался ловушкой: выходящие из окружения колонны сил АТО начали прицельно расстреливать. «Нас расстреливали, как в тире, из всего — танков, пушек, минометов, «Градов», ПТУР и пулеметов. Затем русские прочесывали поля и посадки и достреливали тяжелораненых», — вспоминал заместитель комбата батальона «Днепр-1» Вячеслав Печененко. Данные о потерях украинской стороны разнились. Военная прокуратура сообщила, что под Иловайском погибли 459 украинских бойцов. Экстренно созданная Временная следственная комиссия Верховной Рады заявляла о примерно тысяче «погибших, умерших от ран и пропавших без вести по всем эпизодам Иловайской трагедии»¹.

По словам Игоря Клевко, он помогал вывозить раненых и убитых из района Старобешева, где стояли российские танки. Людей транспортировали на машинах «скорой» и грузовиках под прикрытием БТРа. Вскоре после этих событий журналисты «Нашай Нівы» нашли Клевко в Днепропетровске (позже переименован в Днепр). «Самое страшное в войне, — говорил Лев, — потери, — но сам он страха не

¹ Позже Временная следственная комиссия Верховной Рады пришла к выводу, что к окружению и разгрому привели ошибочные кадровые назначения в силовом блоке, неадекватные действия тогдашнего министра обороны Валерия Гелетей и начальника Генштаба Виктора Муженко. Однако, вне всяких сомнений, главная вина за эту трагедию лежит на российских войсках. Уцелевшие в «котле» украинцы попали в плен, где боевики подвергали их физическим пыткам и унижениям. В докладе Мониторинговой миссии ООН по правам человека в Украине от 9 августа 2014 года встречается характерный момент, дающий представление о градусе ненависти, которую Россия через свою пропаганду разожгла среди населения Донбасса. «Во двор здания СБУ, где содержали задержанных, привели несколько десятков гражданских лиц — мужчин, женщин и детей. Указывая на пленных, члены вооруженных групп сообщили гражданским лицам, что они (украинские военнослужащие и добровольцы. — К. А.) были «фашистами», «убивали гражданских и уничтожали их дома». В ответ толпа начала кричать на добровольцев батальонов и плевать им в лицо...»

ощущал: — Я чувствовал только гнев. По сути, страха и не должно быть, только спокойствие. Ведь спокойствие помогает тебе в экстремальных ситуациях». Огромные потери в «котле» доброволец связывал с «плохим менеджментом» (имея в виду просчеты командования) и присутствием регулярной армии РФ. «Никто не ожидал, что там будут российские войска. Я вообще рассматриваю Иловайск как нашу победу, несмотря на многочисленные жертвы. Нас ждали в засаде, но мы смогли захватить 2—3 танка, 3—4 БТРа, взять пленных. Это дорого стоит», — рассказывал Клевко.

Кроме Иловайска, в составе «Донбасса» белорус прошел основные бои первой половины 2014 года: Лисичанск, Артемовск, Попасную. После перехода батальона в подчинение Нацгвардии (и одной спецроты — в ВСУ) белорус не мог оставаться в его рядах — иностранцам тогда еще нельзя было быть в силовых структурах Украины. В конце года Клевко вступает в «Правый сектор» и опять оказывается в эпицентре боев в Песках. Там весной 2015-го он получил множественные осколочные ранения мягких тканей лица и левой голени от взрыва мины и два огнестрельных перелома в области колена. Оклемавшись, доброволец вернулся на фронт. В апреле 2016-го в фейсбуке было распространено сообщение Льва, в котором он угрожал Лукашенко в связи с преследованием добровольцев в Беларуси. «Я приеду, а ты бойся возвращения [...] здесь и сейчас мы отстоим нашу свободу, и я вернусь в Беларусь не один, боевого опыта нам не занимать», — писал он. Затем он выпадает из поля зрения. Ряд СМИ сообщали, что Лев успел получить статус беженца в Чехии. Узнать почему доброволец не уехал туда, сегодня нам не представляется возможным.

В феврале 2017-го становится известно о его аресте. В суде прозвучала такая формулировка из материалов дела: «Примерно в октябре 2014 года неустановленное досудебным расследованием лицо в неустановленный досудебным расследованием день, имея определенные связи с командиром 2-й роты специального назначения батальона специально-

го назначения воинской части 3027 капитаном с позывным Жак, за денежное вознаграждение заказал последнему совершить умышленное убийство гражданина Украины». Жак, капитан морской пехоты Виктор Каминский, якобы согласился на предложение этого человека и решил использовать в качестве киллеров добровольцев из батальона «Донбасс» с позывными Слон и Лев (Игорь Клевко). Следствие утверждало: выполняя заказ, те действовали под видом борьбы с терроризмом и выявления сепаратистов, а на самом деле целью убийства было «отжать» бизнес Ходова. По версии правоохранителей, днем 2 ноября 2014 года Лев и Слон, одетые в камуфляжную форму и с автоматом АКС-74У, будучи в состоянии алкогольного опьянения, отправились на автомобиле выполнять приказ Жака. В поселке Мангуш, который находится в 20 км от Мариуполя, они подкараулили жертву, представившись сотрудниками контрразведки. Мужчину посадили в машину, заковали в наручники, на голову надели балаклаву и отвезли в лес. «Прибыв в условленное место, Слон толкнул потерпевшего в спину, отчего последний упал лицом вниз на землю, а Лев прицельной автоматной очередью совершил примерно 3—5 выстрелов в спину потерпевшему», — утверждало следствие. Клевко предъявили обвинение по ст. 115 УК Украины («Умышленное убийство», санкция — от 10 до 15 лет или пожизненное заключение) и ст. 146 («Незаконное лишение свободы или похищение человека», от 5 до 10 лет лишения свободы). Позже добавилась ст. 257 «Бандитизм» (до 15 лет тюрьмы). Однако доброволец свою вину упорно не признавал и даже объявил в знак протеста сухую голодовку в мариупольском СИЗО. «Я никому не стрелял в спину», — повторял он.

Первые официальные комментарии силовиков появились в СМИ лишь спустя два месяца после задержания Клевко, когда арестовали Слона — второго предполагаемого исполнителя заказного убийства. Глава уголовного розыска полиции Донецкой области Артем Кисько рассказал журналистам, что Слон «под давлением доказательств» признал

вину и пошел на сотрудничество, а Лев — отказался. «Один из непосредственных исполнителей после совершенного убийства получил информацию о том человеке, которого они убили. И он выяснил, что этот человек был проукраински настроенный, оказывал материальную поддержку ВСУ, помогал в обустройстве блокпостов. После этого он понял, что его и напарника просто использовали для каких-то бизнес-разборок. Эта информация не давала ему покоя. Он все добровольно, в малейших деталях рассказал об обстоятельствах преступления», — утверждал представитель уголовного розыска ГУ Национальной полиции Донецкой области Олег Ткаченко в сюжете ведомственной пресс-службы в июне 2017 года. В месте, которое указал задержанный, были найдены останки погибшего бизнесмена, отмечали правоохранители.

Белорус то прекращал, то возобновлял голодовку в изоляторе, пока в декабре 2017 года его не поместили в Днепропетровскую психиатрическую больницу под строгий надзор с диагнозом «тяжелая депрессия». Там он провел полгода. После повторной психиатрической экспертизы расстройств личности у добровольца не выявили и вернули в СИЗО. Клевко постоянно называл дело против него политическим заказом, но не мог уточнить, кто именно источник этого заказа. «Им главное получить то ли звание, то ли премии за раскрытие банды, сформированной из добровольцев. Такое отношение душит у людей желание защищать государство и свои права. Сейчас в Украине очень много военных, осужденных несправедливо. Если система, используя пытки с целью самооговора, не может сломать вчерашних защитников-патриотов, их отправляют в психбольницы, объявляют сумасшедшими, и тогда их аргументы уже никто не воспринимает. И это не единичные случаи», — говорил Клевко. Он также обвинял украинских силовиков в передаче материалов белорусским коллегам для приобщения к уже имеющемуся уголовному делу, заведенному на родине. Поз-

же, на одном из судебных заседаний, доброволец рассказал «Радио Свобода» о пытках, которые якобы применялись в ходе допросов. По словам Льва, следователи дважды сломали ему нос и выкручивали руки. Никаких документальных подтверждений избиения адвокат Ирина Головченко в суде не предоставила. Самым сильным аргументом защиты было то, что в день убийства (а именно в обеденное время) Игорь Клевко выступал с трибуны на патриотическом митинге в Мариуполе и попал в объективы камер. Свидетели видели его в городе и после митинга. Защита утверждает, что промежуток времени, когда его не видел никто — около часа. Но так быстро доехать от Мариуполя до Мангуша (более 20 км), выследить, похитить, убить и закопать человека довольно сложно.

Белорусские добровольцы не спешили организованно заступаться за соотечественника. Голоса в его поддержку звучали больше со стороны знавших его лично украинцев. «Лев просто перешел дорогу какому-то криминальному авторитету», — говорила волонтерка Ольга Гальченко (они общались, когда тот присоединился к «Правому сектору»). Но при этом Гальченко упоминала, что Лев еще до ареста «часто бывал агрессивным». Бывший командир отделения в батальоне «Донбасс» Андрей Кожемякин, который воевал вместе с Клевко в 2014 году, отзывался о белорусе крайне положительно: «Я знаю хорошо этого храброго воина и могу сказать, что Клевко никогда не стрелял бы в спину. Во-вторых, я знаю, добровольцам из других стран не хотят давать украинское гражданство, их очерняют, чтобы они не мешали. Это делают силы, которые не дали нам закончить войну в 2014 году. Могу сказать, если Игорь что-то и предпринимал, то он выполнял приказы своего командира. Но, опять повторю, если говорить о конкретном случае, в котором его обвиняют, то Лев не мог стрелять в спину. Более храброго и мужественного человека стоит поискать». Между тем некоторые участники АТО скептически отно-

сятся к тенденции безусловно оправдывать ветеранов их героическим прошлым. Бывшая пресс-офицер «Донбасса» Василиса Трофимович говорила по этому поводу: «Сейчас вокруг добровольцев много спекуляций в обществе. Если кто-то совершил преступление, кого-то убил, то обязательно нужно сказать, что он «настоящий патриот», «настоящий доброволец». Через слово «доброволец» зачастую хотят легализовать преступления».

В общем, дело Клевко оказалось настолько запутанным, что разбирательство затянулось на годы. На момент выхода этой книги суд все еще продолжался.

Глава 11. КАЗУС ЯРОВОГО

«**А** вот еще одна история о поездке в Россию, которая начиналась вроде бы безобидно. О своих похождениях милиционерам рассказал задержанный в последний день октября 2015 года на железнодорожном вокзале в Орше 26-летний житель Могилевщины. По его словам, в ноябре 2014-го он поехал в гости к отцу в Ростовскую область. Но нормального общения с беспробудно пившим родителем не получилось. Парень же подался сначала в Новошахтинск, а потом пересек российско-украинскую границу через КПП «Довжанский». Стоявшие на блокпосту казаки ЛНР отправили белоруса в город Антрацит, где находился штаб 16-го батальона территориальной обороны «Леший» (известен также под неофициальным названием «Казачий полк ЯрГА»). После собеседования с командиром Рашидом белорусского парня приняли в подразделение. Под позывным Пушкин он служил наводчиком гаубицы Д-30, принимал участие в боях в качестве гранатометчика (СПГ-9 и АГС) и пулеметчика («Утес») до июля 2015 года. По словам задержанного, за все время ему заплатили два раза по 1.000 гривен. Никаких контрактов и соглашений якобы не заключал... В день задержания приехал из Могилевской области на поезде в Оршу, чтобы в дальнейшем добраться на попутках в Луганск и опять воевать». (Выдержка из статьи «Гастарбайтеры войны», которая была опубликована в газете Администрации президента «Советская Белоруссия» 10 февраля 2016 года.)

Статья «Гастарбайтеры войны», опубликованная в крупнейшем печатном издании Беларуси, носила программный характер. Основная ее мысль была проста: участие белорусов в конфликте на Донбассе — это плохо, независимо от того, на чьей стороне они воюют. Издание подчеркивало, что эти люди потенциально несут угрозу безопасности Беларуси и будут здесь преследоваться по закону.

Сам по себе подобный месседж был не оригинален — государственная пресса повторяла его регулярно. Однако статья «Гастарбайтеры войны» оказалась еще и крайне информативна. В ее основу легли материалы, собранные на участников войны на Донбассе Главным управлением по борьбе с организованной преступностью и коррупцией и переданные в главный печатный орган Администрации президента Беларуси для подготовки программной статьи. В итоге вышло так, что белорусские спецслужбы рассказали обществу даже чуть больше, чем планировали.

Приведенная выше цитата создавала однозначное впечатление: поскольку нам не рассказывают про судьбу боевика Пушкина после задержания, значит, он до сих пор находится за решеткой и следствие по его делу продолжается. Нельзя же было всерьез предположить, что белорусские силовики отпустили боевика в Луганск «опять воевать» и при этом рассказали его историю в СМИ. Но произошло именно так. Спустя две недели после выхода «Гастарбайтеров войны» я нашел Пушкина в социальной сети «ВКонтакте». Оказалось, что настоящее имя боевика — Иван Яровой. И по состоянию на февраль 2016 года находился он не в белорусской тюрьме, а на свободе в Ростовской области — восстанавливался после ранения. Яровой охотно согласился дать интервью¹, подтвердил информацию из статьи «Советской Белоруссии» и рассказал то, о чем президентская газета предпочла умолчать.

¹ Беседа была опубликована «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/27571343.html>

Итак, осенью 2015 года Иван Яровой ездил на побывку домой, а на обратном пути его задержали на железнодорожном вокзале в Орше.

— Я ехал назад, воевать, а меня высадили из поезда. За мной пришли сотрудники КГБ и Управления по борьбе с организованной преступностью, речь шла про уголовную статью «наемничество». Держали меня больше недели в Могилевском СИЗО. Но в результате отпустили. Я просто дал расписку, что предупрежден об уголовной ответственности за наемничество.

— **Так они знали, что ты возвращаешься на войну?**

— Они все про меня знали, полностью все знали! Мне оставалось только подтвердить это.

— **Получается парадоксальная ситуация. Власти говорят, что все, кто воюет на Донбассе, — преступники, с ними нужно разбираться. Но при этом тебя освобождают из СИЗО и дают вернуться на Донбасс. Почему так вышло, как ты считаешь?**

— Я не знаю... Мне кажется, это личное, человеческое, мужское отношение ко мне следователя. Я же в том СИЗО фактически не сидел. Я сидел в кабинете следователя и играл в компьютерные игры. И он же мне из дома поесть приносил, сигареты давал. То есть было человеческое отношение.

— **Так ты в принципе в СИЗО находился?**

— Я же говорю, что на протяжении рабочего дня следователя я сидел в его кабинете за компьютером. А когда рабочий день заканчивался, меня отправляли в камеру.

После освобождения из белорусского СИЗО Иван Яровой воевал в батальоне «Восток» под Ясиноватой, где в начале февраля 2016 года получил ранение. «На наши позиции вышла украинская диверсионно-разведывательная группа, мы их обстреляли, но нас свои же накрыли огнем из АГС. Вот такая беда», — рассказывал боевик.

После ранения в «Восток» Иван Яровой возвращаться уже не планировал — собирался снова присоединиться к «Казачьему полку ЯрГА» в Антраците. Тем более там нача-

ли выдавать регулярное жалование: 15 тысяч российских рублей — рядовому, от 30 тысяч — офицерам. По словам боевика, с осени 2014-го по осень 2015 года в казачьем полку ЛНР личному составу практически не платили — лишь два раза выдали по 1000 гривен. «Я военный билет получил только в ДНР, после задержания в Беларуси. До того я был в казачьем полку, там было все добровольно. Эти 2 тысячи гривен были просто на сигареты, на трусы и носки. Теперь и в моем казачьем полку выдают военные билеты, материальное обеспечение. Теперь мы не с мертвых «укропов» собираем гривны или что-то еще. Сейчас у нас есть зарплата. А то было и такое: лежит замерзшее тело, а мы с него стягиваем что-то... А что делать!» — вспоминал боевик.

Задержание и таинственное освобождение Ивана Ярового получили в феврале 2016 года серьезный резонанс в информационном пространстве Беларуси. Силовикам пришлось отвечать на неудобные вопросы, но ни одна правоохранительная структура так и не взяла на себя ответственность за инцидент. В КГБ от истории с Яровым категорически открестились: мол, мы его не задерживали и поэтому не можем объяснить, по какой причине он оказался на свободе. В пресс-службе комитета утверждали, что Ярового задерживало Могилевское управление по борьбе с организованной преступностью, которое напрямую подчиняется МВД. А в пресс-службе МВД от вопросов журналистов просто отмахнулись. «Это не предмет разговора... На каком основании я вам должен давать информацию, почему задерживали человека? Вы мне можете дать основание или это просто ваше желание? У вас нет оснований для запроса информации, а у меня нет оснований для ее предоставления», — заявил «Радио Свобода» начальник управления информации и общественных связей МВД Константин Шалькевич.

Одновременно популярный блогер Антон Мотолько направил обращение в Следственный комитет Беларуси. Он просил провести служебную проверку в отношении следо-

вателя, который занимался делом Ярового, и привлечь его к дисциплинарной ответственности. К ответственности, разумеется, никого не привлекли, а запрос Мотолько Следственный комитет перенаправил в управление ГУБОПиК по Витебской области, откуда ответа вообще не пришло. В начале мая 2016 года блогер снова попытался получить объяснение от правоохранительных органов и направил запрос напрямую в МВД. Вместо ответа ему прислали повестку с требованием явиться на допрос в Могилевское управление ГУБОПиК в качестве свидетеля по уголовному делу. Столичный блогер посчитал за лучшее без особой надобности на подобные беседы не ходить. А 22 июня 2016 года Могилевский ГУБОПиК все-таки прислал ему официальный письменный ответ: утверждалось, что уголовные дела в отношении Ярового не возбуждались и в могилевской тюрьме № 4 он якобы не содержался. То есть белорусские спецслужбы еще раз дали понять: отчитываться перед обществом за свои действия они не планируют.

Но удивительно другое: после этого мини-скандала Иван Яровой снова приехал в Беларусь. «15 августа я повесил автомат на гвоздь, все, — рассказывал в сентябре 2016 года Иван. — Все причины не скажу... Скажу одно: я свое отбыл там. Будут «укры» наступать — вернусь. А теперь мне и тут неплохо, собой займусь. Надоело ломать, буду строить».

Казус Ярового — важная веха в процессе понимания методов работы белорусских спецслужб с «ополченцами». Однако для нашего исследования и сама личность Ивана Ярового представляет большой интерес. Этот хрестоматийный персонаж дает наглядное представление о том, что за люди присоединяются к НВФ на востоке Украины.

Иван Яровой родился в 1989 году в Ростове, где до сих пор живет его отец. Когда будущему «ополченцу» было 6 лет, его мать, Наталья Ивановна, ушла от мужа, забрала сына и уехала на родину, в Беларусь. Там они поселились в городке Круглое Могилевской области. Дом, в котором живет семья, располагается на окраине населенного пункта, в частном

секторе. «Он нормальный человек, хороший парень, — рассказывала Наталья Ивановна. — Но потом что-то такое случается... После 9-го класса пошел в ПТУ, строительный колледж. Недоучился. За месяц до окончания училища он поехал в Россию на заработки. Потом вернулся и сказал, что пойдет в вечернюю школу...¹ Он же сам не знает, что ему нужно. Туда он не пошел — зарплата маленькая, сюда не пошел — зарплата маленькая. А откуда может быть большая зарплата? Нет же ни стажа, ни образования. А потом поехал на работу... и оказался на Донбассе».

Всего у Натальи Ивановны четверо детей, один из них приемный. Но проблемы у нее только с Иваном: «Мы не знали, что он на Донбасс собирался. А потом сам позвонил, сообщил, где он. Сказал, все у него в порядке. Волновались, конечно. Все-таки война. Он, нужно признать, звонил. А потом приехал сюда».

Во время нашей беседы в сентябре 2016 года Наталья Ивановна рассказывала, что с войны Иван приезжал домой уже трижды — осенью 2015-го (на обратном пути он как раз и был задержан на вокзале в Орше), весной 2016-го (уже после того, как его история прогремела в СМИ) и теперь, в августе 2016-го. С момента первого отъезда Ивана Ярового на Донбасс осенью 2014 года и вплоть до сентября 2016-го в его доме в Круглом четырежды проходили обыски. Правда, ни разу правоохранители ничего не нашли и ничего не конфисковали.

— *Я уже так устала от этих обысков, — признавалась Наталья Ивановна. — Я говорю: вы хоть предупреждайте. Я кофе приготовлю, пирожков напеку².*

— ***А что ищут?***

— *Оружие, большие суммы денег, наркотики. А я говорю: если найдете, дайте посмотреть. В последний раз,*

¹ Женщина забыла добавить, что Иван после учебы успел пройти срочную службу в белорусской армии — он служил в военной части в Фаниполе.

² Фрагмент из интервью «Радио Свобода» <https://www.svoboda.org/a/28012755.html>

когда перед выборами обыск был (обыск прошел 9 сентября 2016 года, а выборы в Палату представителей Национального собрания Беларуси состоялись 11 сентября. — И. И.), они его забрали в обед, а вечером вернули. Тут, в Круглом, это было.

— **А кто с обыском приходил — КГБ или ГУБОПиК?**

— Тут и наша милиция была (из Круглого. — И. И.), и из Могилева люди приезжали. Я не знаю, кто это был из Могилева конкретно. Парни вежливые, хорошие, не хамили. Приезжали эти парни, и они очень даже за него. Даже я как-то начинаю обороты набирать (в смысле злиться на сына, ругать его. — И. И.), а они — да ну что вы, перестаньте. Ни одного плохого слова про них сказать не могу. Говорят, это наша работа, вы же понимаете. А я еще спрашиваю: «Когда вы его отпустите? Нам картошку копать нужно». А они смеялись: «Сейчас отпустим и еще приедем проверить, хорошо ли копают». Иван рассказывал, что тут наши милиционеры как-то грубо на него сказали, а те еще их приструнили.

— **А вы признавали, что он на войне?**

— Да, конечно. Я, когда первый раз они приходили, даже им его украинский номер давала — мол, можете у него спросить, чего он туда поехал. А что я могу сказать?..

В Круглом живет всего около 7,5 тысячи человек. Поэтому, когда соседей Яровых впервые позвали быть понятыми во время обыска, вскоре про участие Ивана в вооруженном конфликте знала уже половина Круглого. Местные жители спокойно отреагировали на то, что их земляк воевал на Донбассе на стороне сепаратистов, не осуждали его.

Сама Наталья Ивановна ни одну из сторон конфликта на Донбассе не поддерживает — говорит, жалко всех. Больше всего женщину беспокоит, что ее сын такой непутевый и никак не может определиться в жизни: «Он же хороший парень. Говорю: «Ваня, останься. Где-нибудь что-нибудь будет». Сегодня разговариваем нормально, а завтра он берет и уезжает. За одну минуту человек собирается и уезжает. Без денег, без всего... Я думаю, понравился ему этот образ жизни».

Вернувшись в августе 2016 года с войны, Иван Яровой устроился на работу в Круглянский ПМК № 266¹, в одну бригаду с отчимом. Но не отработал там и недели. «Не тот растворитель дали — он психанул, ушел», — говорит отчим.

Образ жизни люмпена Ивану Яровому, судя по всему, действительно понравился. Донбасс в этом смысле самоценности никакой не имел — это просто было одно из мест, куда можно было уехать. И он туда периодически уезжал. При этом нужно признать, что Яровой был более честен с самим собой, нежели другие боевики. Пушкин не изображал из себя доблестного героя войны и не обижался, когда в публикациях его называли боевиком. Он не пытался убеждать собеседников в том, что поехал на войну, чтобы защищать Донбасс от «украинских фашистов». Про отсутствие российской армии на Донбассе тоже не врал, а просто стеснительно уклонялся от ответа: мол, не имею права про это говорить. «Поехал ли я на Донбасс воевать с «фашистами»? Если честно, то нет, — признавался Яровой. — Грубо говоря, я не считаю, что воюю там против «фашистов». Понимаешь, я родом из Ростова. Я казак, и этого уже достаточно. Я пошел воевать, потому что это моя земля. Это российская земля, она не должна принадлежать украинцам».

Эта цитата может создать впечатление, что Иван Яровой — идейный сторонник «русского мира» и имперского величия России. Но в действительности никаких серьезных политических убеждений у Ивана не существовало. А сказано было это просто для красного словца. Для красного словца говорилось и многое другое. «Вернусь домой, когда в Беларуси начнется Майдан, буду разгонять. Я против всех вот этих... кто по-белорусски разговаривает. Ничего хорошего с ними не будет», — говорил он весной 2016-го. А через пару месяцев возвращался домой не потому, что

¹ Круглянская передвижная механизированная колонна (ПМК) № 266 — крупнейшая в районе строительная организация.

начинался Майдан, а потому, что фронт надоел, а ехать было больше некуда. Осенью 2016 года, по приезду в Беларусь, обещал: будут «укры» наступать — вернется на Донбасс. Но вернулся на Донбасс не из-за наступления, а потому что в Беларуси оставаться было нельзя. Суд Круглянского района 25 мая 2017 года направил его в лечебно-трудовой профилакторий на 12 месяцев. Основание — три административных протокола за нахождение в общественном месте в нетрезвом виде (ст. 17.3 КоАП РБ), составленных на «ополченца» после его возвращения с востока Украины. Не дожидаясь вступления судебного решения в силу, Иван Яровой уехал из страны. Несколько месяцев шатался по России, а в конце лета снова очутился на Донбассе. На этот раз Пушкин оказался в «семерке» — 7-й (Чистяковской) мотострелковой бригаде ДНР.

Но и там он ненадолго задержался. Дисциплина и порядки в «семерке» оказались куда жестче, чем у казаков в Антраците. «Рабство какое-то», — жаловался Иван. Психануть и в любой момент все бросить, как он любил, теперь было нельзя. Уже в ноябре 2017 года Яровой признавался: думает снова в Беларусь возвращаться. Даже первые приговоры боевикам за участие в войне на Донбассе его не смущали. «Ну, а что эта «химия»? Парни работать будут, деньги получать — не меньше чем я, когда жил в Беларуси, без всяких приговоров. Только что в комендатуре нужно отмечаться. Поэтому спокойно можно свой срок на «химии» оттянуть», — рассуждал он.

Но отделаться «химией» не вышло. Сразу по возвращении он был арестован, а 4 мая 2018 года Могилевский областной суд приговорил Ивана Ярового к 2 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 361-3 УК (участие в вооруженном конфликте на территории иностранного государства). В итоге Яровой оказался одним из трех боевиков, получивших в Беларуси реальные тюремные сроки за свое участие в войне на Донбассе.

Скорее всего, Яровой в какой-то момент просто достал белорусских силовиков. «Ополченец» слишком долго дразнил их своей публичностью: он ведь не просто многократно приезжал в Беларусь и снова уезжал на Донбасс (так поступали многие), он еще и постоянно об этом докладывал прессе. Ко всему прочему, сбежал от направления в ЛТП. Поэтому спецслужбы наконец решили поставить точку в этой бесконечной мыльной опере. Тем более что политический момент как раз требовал кого-нибудь точно посадить.

Глава 12

КАК СПЕЦСЛУЖБЫ БЕЛАРУСИ РАБОТАЮТ С БОЕВИКАМИ

С участием белорусов в войне на Донбассе связан один устойчивый миф: якобы спецслужбы Беларуси одинаково относятся и к добровольцам на стороне Украины, и к боевикам ЛНР и ДНР. И если в 2014—2015 годах этот вопрос действительно был изучен мало, то в последние пару лет в СМИ появилось достаточно публикаций, которые убедительно показывают реальное положение дел. Однако миф продолжает жить не только в массовом сознании, но даже среди политологов и журналистов. Причем как в Беларуси, так и за рубежом. Это тот редкий случай, когда даже критически мыслящие люди, которых сложно заподозрить в симпатиях к режиму Лукашенко, полностью ему поверили.

Впервые об участии белорусских граждан в вооруженном конфликте на Донбассе Александр Лукашенко заговорил в апреле 2015 года во время ежегодного обращения к Национальному собранию. «Наши уже воюют на одной стороне, на другой, хотя мы жестко к этому относимся, — заявил тогда он. — Пока это единицы. Ну кто-то хочет повоевать, голову свою сложить за 10 тысяч долларов, ради бога, иди и воюй. Страшно не это. Война когда-то закончится. А эти боевики¹, понюхав и попробовав крови, вернуться домой. Кем они будут? Если кого-то не волнует в Беларуси это, то меня это очень волнует. Я не хочу, чтобы граждане Беларуси ехали в эту бойню и там гибли. Это расширение, эскалация конфликта, я этого не хочу».

¹ Лукашенко и силовики называли «боевиками» вообще всех белорусов, которые воевали на Донбассе.

25 сентября 2015 года, в ходе визита в Жлобин, Лукашенко снова вернулся к теме. Но на этот раз не рассуждал, а угрожал: «С теми, кто сегодня воюет, мы разберемся, когда они вернутся в страну. Я всех предупредил, и на законодательном уровне мы приняли решение: если ты пошел воевать — это значит убивать — не важно, на стороне Донбасса или против него, то мы с тебя спросим».

14 января 2016 года на совещании с силовиками Лукашенко уже публично раздавал конкретные указания. По его словам, известно, что «некоторые так называемые смелые люди, воевавшие на Донбассе боевики, позируют уже в Минске с оружием». «Отношение Беларуси к таким воякам, которые воевали в Украине с той или иной стороны, известно. Разбирайтесь мгновенно вместе с милицией и КГБ. Никаких позеров, никаких боевиков в стране быть не должно», — подчеркнул он¹.

Спустя почти три месяца, 4 апреля 2016 года, белорусский парламент сразу в двух чтениях принял поправки в Уголовный кодекс. УК был дополнен статьей 361-3 «Участие в вооруженном конфликте на территории иностранного государства без признаков наемничества». Председатель КГБ Валерий Вакульчик, объясняя необходимость нововведений, подчеркивал: «Участие белорусов в боевых действиях

¹ Есть версия, что Лукашенко вспомнил о «позерах» не просто так: это могла быть реакция на материал «Нашай Нівы» от 13.01.2016 года «Некалькі байцоў з ДНР у Мінску? Адзін з іх: «Гэта проста страйкбольная пастаноўка». В статье шла речь о боевиках с позывными Таец и Ангара, странички которых в социальных сетях просто кишели снимками с оружием и символикой «Новороссии». Кроме того, из их аккаунтов было ясно, что боевики ДНР уже вернулись в Минск. На момент написания книги и Ангара, и Таец находились на территории Беларуси. Весной 2019 года я связался с Владимиром Ревенко (Тайцем): он не отрицал участие в боевых действиях, но категорически отказался говорить о своих взаимоотношениях с правоохранительными органами Беларуси. То есть «разобрались» ли спецслужбы с «позерами» из публикации «Нашай Нівы», как этого требовал Лукашенко, мы не знаем.

на территории других государств создает угрозу вовлечения страны в вооруженные конфликты в ущерб национальным интересам. Подобные ситуации негативно отражаются и на международном имидже нашей страны». Вакульчик ссылался на Гагскую конвенцию 1907 года, согласно которой государство теряет статус нейтрального, если кто-то из граждан вступает в армию одной из воюющих сторон.

Появление в Уголовном кодексе статьи 361-3 (получившей неофициальное название «Идеологическое наемничество»), безусловно, упрощало работу спецслужб. Теперь и проукраинских добровольцев, и пророссийских боевиков можно было сажать на срок от 2 до 5 лет просто по факту их участия в вооруженном конфликте без санкции белорусских властей. Однако это вовсе не значит, что до принятия закона руки у правоохранительных органов Беларуси были связаны. Еще в июле 2014 года МВД Беларуси напоминало, что в Уголовном кодексе существует целый раздел «Преступления против безопасности человечества». Подготовка или ведение агрессивной войны (ст. 122), пропаганда войны (ст. 123), акт терроризма или убийство иностранца (ст. 124), разжигание национальной вражды (ст. 130), нарушение законов и обычаев войны (ст. 135), нарушение норм международного гуманитарного права (ст. 136) — все эти статьи, утверждали в МВД, могут быть применены к участникам конфликта на Донбассе. И максимальное наказание по некоторым из них — расстрел. А есть же еще статья 133 «Наемничество» (от 3 до 7 лет лишения свободы) и 132 «Вербовка наемников» (от 7 до 15 лет) Уголовного кодекса — правоохранительные органы обещали привлекать к ответственности участников войны на Донбассе в первую очередь по этим обвинениям. Причем с самого начала конфликта спецслужбы всякий раз подчеркивали: для них не имеет никакого значения, на чьей стороне воевали граждане — всех будут преследовать одинаково жестко.

21 апреля 2016 года в очередном обращении к Национальному собранию Лукашенко рассказывал, что его якобы

уже со всех сторон упрекают за принципиальность: «Россияне нас критикуют, мы, мол, осуждаем тех и к суду привлекаем, кто воевал на стороне «ополченцев». Украина нас критикует, что мы к суду привлекаем тех, кто на их стороне воевал против «ополченцев». Нас не надо в этом упрекать. Нам и те, и другие одинаковы с точки зрения того, что они возвращаются к нам и умеют лучше воевать, чем работать на заводе». Белорусский лидер откровенно искажал факты. На тот момент и вплоть до сентября 2017 года ни один боевик ЛНР и ДНР в Беларуси не предстал перед судом за участие в войне.

Поначалу эту правовую аномалию еще можно было списать на то, что боевики, памятуя об угрозах Лукашенко, сами не рискуют возвращаться на родину. Но вскоре выяснилось — они свободно приезжают в Беларусь и ни от кого здесь не прячутся. В феврале 2016 года широкий резонанс получила история Ивана Ярового. Затем, вплоть до конца года, авторы этой книги встретят на территории Беларуси и проинтервьюируют шестерых боевиков: Константина Фофанова, Родиона Кургузова, Сергея Бондаря, Сергея Трофимова, Николая Шелехова и Александра Рукавишника. Подробные интервью первых четырех, будут опубликованы на сайте белорусской службы «Радио Свобода». Однако, как и в случае с Иваном Яровым, публичные признания этих боевиков не привели к арестам. Да и не могли привести: ведь все сказанное ими в интервью спецслужбы знали и раньше. Так стало очевидным, что отсутствие арестов — не сбой системы, а устоявшаяся практика.

Участниками военных действий на Донбассе параллельно занимаются две спецслужбы — Комитет государственной безопасности и Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Работу они ведут действительно систематическую: тщательно мониторят всю информацию по теме, проводят обыски и беседы. Ряд не связанных между собой источников утверждают, что ФСБ напрямую передает КГБ данные о всех гражданах Белару-

си, пересекающих неподконтрольный Киеву участок границы на востоке страны, поэтому недостаток информации у спецслужб нет. Другое дело, что их стратегия совершенно не соответствует декларациям Лукашенко. На добровольцев, воевавших на стороне Украины, при первой возможности заводят уголовные дела. А боевиков ЛНР и ДНР берут на контроль, но преимущественно не трогают. «Ловят в основном «фашистов». Наших — отпускают. Если ты, конечно, не ходишь по городу в форме. Ну, или если интервью раздаешь, в прессе светишься. Тогда, конечно, — есть приказ «бабки», нужно выполнять. А так на нас охоты нет», — констатировал майор ОРБ «Спарта» Николай Шелехов.

Методика работы КГБ и ГУБОПиК выглядит следующим образом. К боевику, приехавшему в Беларусь, практически сразу приходят сотрудники КГБ и (или) милиции. Проводится обыск: спецслужбы хотят удостовериться, что «ополченец» не привез с Донбасса оружие или наркотики. Затем боевика спрашивают о его участии в войне и дают подписать документ о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за наемничество¹. Впрочем, эта бумажка — чистая формальность. Даже если боевик после встречи с силовиками снова отправляется на Донбасс, то по возвращении его все равно не арестовывают и к ответственности не привлекают. И это крайне важный момент: спецслужбы не мешают боевикам опять ехать воевать против Украины. В апреле 2015-го, напомним, Лукашенко называл эти поездки «эскалацией конфликта», которой он допустить не хочет.

Константин Фофанов из батальона «Заря» в июне 2015 года приезжал в родной Борисов в отпуск, а в конце февраля вернулся насовсем. Уже в марте к нему постучались чекисты из Минска. «Ко мне домой приезжали КГБэшники, — рассказывает Константин Фофанов. — Два раза были

¹ Иногда подобные процедуры могут сопровождаться краткосрочным задержанием боевика — на несколько часов или даже дней. Так, например, было в случае Ивана Ярового.

обьски — с металлодетектором, собакой. Оружие искали. А я ж коллекционер. У меня штык-шпага была 1890 года. А эти забрали в Минск — говорят, на экспертизу. И окопный ножик был, более позднего периода. Учебную противотанковую мину — я ее тут, под Борисовым, нашел, — тоже забрали. Форму забрали, документы — казачий билет и военный билет армии ДНР. Фофанову велели приехать утром в милицию, где КГБэшники допросили боевика. «Спрашивают: чем ты там занимался? Говорю — занимался ремонтом техники. Я с ними говорить открыто не стал. Говорю: вы мне не союзники. Вы, может, хуже врагов. Вы даже не солдаты, вы КГБ. Вот под Минском урочище Куропаты — сколько там расстрелянных вашими коллегами лежит». Впоследствии Фофанову все же пришлось еще раз пообщаться с чекистами. Вскоре после интервью «Радио Свобода» его вызвали в главное столичное управление: КГБэшники были недовольны болтливостью боевика. «Посоветовали не общаться больше с журналистами и вообще, поменьше кому-либо рассказывать про Донбасс», — вспоминает Фофанов.

Допросы в КГБ, по воспоминаниям самих «ополченцев», обычно оказывались процедурой мягкой — относились к ним хорошо. Свое общение с белорусскими чекистами боевик Родион Кургузов описывает так: «Я приехал домой (вернулся с Донбасса. — *И. И.*) где-то в полночь. А на следующий день в обед ко мне приезжают правоохранители — милиционер и майор КГБ. Поздоровались, пожали руку, поговорили со мной. Через неделю вызвали в Пуховичский отдел КГБ, снова поговорили, записали показания. Сказали, что будут вестись следственные действия. Потом провели обыск в доме. Наверное, еще 3—4 раза вызывали. Задавали одни и те же вопросы: в каком подразделении находился, воевал ли вообще, где проходил подготовку и кто обучал. Относились хорошо. Никто не давил. Обычное человеческое отношение. В последний раз, когда вызвали (уже где-то полгода прошло после возвращения), дали подписать бумажку, что меня проверили, в боевых действиях я не участвовал, состава престу-

пления нет». Но и после этого сотрудники КГБ Кургузова не забывали, хотя и не тревожили. «Звонят периодически, спрашивают, где работаю, что и как. Да и все», — вспоминает бывший боевик.

В случае Родиона Кургузова действия белорусских спецслужб еще как-то можно объяснить. По словам боевика, в течение 5 месяцев своего пребывания на Донбассе он ни разу не был в бою и денег за свою службу не получал. То есть формальных оснований для его преследования по статье «Наемничество» не нашлось, а статьи 363-3 в УК еще не существовало. Но действия КГБ по отношению, например, к Сергею Бондарю (который воевал, убивал и получал за это стабильную зарплату) оправдать сложно. Командиру группы разведки не просто позволили вернуться на Донбасс (в статусе бойца ЛНР он, как минимум, трижды приезжал домой — в мае 2015-го, августе и ноябре 2016-го), но еще и выдали новые документы¹.

— *Меня в августе и КГБ допрашивал, и МВД, — рассказывал Бондарь в ноябре 2016-го. — Я ехал в отпуск и потерял паспорт вместе с удостоверением (удостоверением бойца ЛНР. — И. И.). Потерял в Москве. Ну что делать? Нужно возвращаться в Беларусь восстанавливать паспорт. Я приехал сюда, прихожу в паспортный стол. Паспортистка посмотрела на меня внимательно, попросила подождать пять минут и ушла. Возвращается с человечком, в гражданском. Он говорит — пройдемте, нужно побеседовать.*

— **Это был сотрудник КГБ?**

— *Да. Оказалось, что паспорт мой нашли в Москве и передали в Беларусь. Как мне сказали, удостоверение одно наше МВД сожгло, а второе удостоверение — ГБРовское (удостоверение бойца ГБР «Бэтмен», где служил Бондарь. — И. И.) — «отдали в музей МВД Беларуси». Ну, и допрашивали меня в КГБ.*

¹ Случай Бондаря — это опять-таки не исключение, а правило. Беспрепятственно получили новые паспорта и белорусские наемники из «ЧВК Вагнера». Подробнее об этом в главе 24.

— **А что говорили на допросе?**

— В основном их интересовало — за деньги я воюю или не за деньги. Я говорю — нет, что вы, я за идею...

Сергей Бондарь признавался в интервью в ноябре 2016-го: он не слышал, чтобы кого-то из боевиков действительно сажали в Беларуси. Поэтому ареста на родине не боялся, несмотря на все публичные обещания Александра Лукашенко.

— Я спрашивал у гэбэшников: «Как же так, Александр Григорьевич же тоже против “фашизма”?» А они: «Ну так мы же тебя не садим. Мы тебя допросили — и езжай куда хочешь». Сами гэбэшники скорее с симпатией относятся к нам. Мне говорили: «Ну ты же все равно поедешь». — «Ну да, — говорю, — поеду». — «Только, — говорят, — в Украину не нужно ехать (речь идет о неоккупированных территориях Украины. — И. И.) — тебе туда въезд закрыт точно».

— **Вы думаете, что власти в Беларуси поддерживают «ополченцев»?**

— Ну да. Даже в милиции видно отношение — по-дружески относятся в целом. А вот тех, что с противоположной стороны, я так понимаю, сразу сажают. Нас не так.

Следует признать, что публичная риторика официального Минска по поводу преследования всех участников конфликта на Донбассе была не совсем бесполезна. Многие боевики в угрозы Лукашенко поверили и посчитали за лучшее на родину пока что не возвращаться. Тем более что стандартную процедуру — беседу и обыск — проводили и с семьями некоторых боевиков, когда те еще не вернулись с Донбасса. Так, правоохранители приходили к родителям Александра Огренича (Горыныча) в Волковыске и родным его сослуживца по «ополчению». Некоторые боевики (например, Анатолий Молчанов) даже выдумывали себе мифические уголовные дела, которые якобы завели на них в Беларуси. Впрочем, отдельных выдумщиков это не останавливало: бывший ГРУшник Игорь Каток в интервью говорил, что в Беларуси на него завели уголовное дело, однако позже он без всяких проблем вернулся в родной Гродно и выкладывал

снимки со своим другом Сергеем Бондарем в социальных сетях. «Ну, некоторые начинают сказки рассказывать — вот, гэбэшники меня постоянно пасут, прессуют. Тот же Игорь Каток говорил мне что-то такое, — вспоминал Бондарь. — Я говорю: “Да успокойся. Но вот, допросили меня, и я поехал назад. Ничего же не случилось. Ну, с обысками приходили... но даже не столько там искали, сколько опрашивали”».

«Многие наши поехали домой, начав на высказывания Лукашенко, — рассказывает снайпер ДНР Андрей Дюбанов. — Я же знаю много людей, которые вернулись в Беларусь — все они вполне нормально себя чувствуют. Да, вызывали КГБэшники раза два, проверили. Убедились, что воевали на стороне ДНР — и претензий больше нет. А вот те, которые на стороне Украины — у них находят гранаты, оружие и сажают надолго. Лукашенко просто надо было сказать все это по ТВ, чтобы успокоить Европу».

Приезжал в Беларусь и сам Андрей Дюбанов. Боевика не смутил даже тот факт, что в конце 2018 года к его матери приходили КГБэшники, провели с женщиной стандартную в таких случаях беседу. «Я уверен, что они не будут меня трогать. Просто это их обязанность — поработать, отработать и отписать бумажки. И на этом все заканчивается. Что они, попрут против России?» — рассуждает он.

Слова боевика Дюбанова про добровольцев на стороне Украины не следует воспринимать совсем уж буквально: на момент написания книги «нашли оружие» только у одного бойца «Правого сектора» — Тараса Аватарова. Еще одного добровольца (Стаса Гончарова из «Азова») осудили за хулиганство и ряд других преступлений. Но в целом статистика обескураживает: из четырех известных случаев приезда белорусских добровольцев на родину два закончились мгновенным арестом и осуждением на длительные сроки тюремного заключения¹. «Главное, что меры предупредительного, законодательного ха-

¹ Два других добровольца — Дмитрий Полойко и Надежда из «Айдара» (см. главу 26). Причем если Полойко пришлось буквально убегать от КГБ, то Надежду просто не смогли идентифицировать.

рактера сработали, мы видим уменьшение числа уехавших на Донбасс, а *воевавшие на стороне АТО не возвращаются*», — заявил в марте 2017 года в интервью газете «Советская Белоруссия» начальник управления по противодействию экстремизму ГУБОПиК МВД Михаил Бедункевич.

Отчитаться об аналогичных успехах в отношении пророссийских боевиков спецслужбы не могут. В январе 2016-го белорусские государственные СМИ раскрутили сюжет с поимкой бойца ДНР с позывным Тарас (имя и фамилия этого человека неизвестны до сих пор). Житель Пружанского района Брестской области находился в розыске за неуплату алиментов и был задержан в Минске 12 января. Якобы уже постфактум выяснилось, что белорус воевал в бригаде «Восток», участвовал в боях за Донецкий аэропорт и убил более 100 украинцев. Однако на этом все и закончилось: ни об уголовном деле, ни о суде ничего не сообщалось. Как рассказали нам в брестской милиции, после задержания боевик был передан сотрудникам КГБ в Минске. А дальше, судя по всему, события развивались по отработанной схеме: обстоятельная беседа и освобождение. Не исключено, что Тарас просто дополнил список белорусов-боевиков, беспрепятственно вернувшихся домой¹. А таких — как минимум десятки. Эта

Так что, точнее было бы сказать: два из трех известных случаев приезда добровольцев закончились большими тюремными сроками.

¹ История боевика из Пружанского района вызывает много вопросов. Белорусские госСМИ называли его то 35-летним (БелТА), то 29-летним (телеканал «Беларусь-1») мужчиной. Бойцы НВФ «Восток», с которым общались авторы книги, человека на видео «Беларусь-1» не припоминают. Полевой командир Александр Ходаковский однозначно утверждает, что такого белоруса в его батальоне не было. Вполне вероятно, что белорусские силовики специально «слили» в СМИ ложные данные о боевике, чтобы журналисты впоследствии не смогли найти настоящего Тараса. Сама же история породила легенду о том, что боевиков в Беларуси едва ли не массово «сажают по бытовым статьям». В действительности, с 2014-го и вплоть до осени 2018 года ни одного факта «бытового» осуждения боевиков из ДНР и ЛНР зафиксировано не было.

цифра может показаться незначительной в плане угрозы национальной безопасности. Но ведь и группа Игоря Стрелкова-Гиркина, захватившая Славянск, насчитывала в свое время всего 52 человека.

Очевидно, что подобная стратегия спецслужб — присматривать за боевиками, но массово их не преследовать — решение политическое. Иначе и быть не может. Лукашенковская Беларусь — жесткая диктатура, для которой характерна строгая дисциплина во властном аппарате. Здесь есть только один центр принятия решений — сам Лукашенко. Он стремится контролировать в стране все: от условий содержания коров до надписей на бигбордах. Он публично карает и милует, выступает в роли следователя, прокурора и судьи. Сценарий, где Лукашенко перед объективами телекамер говорит силовикам, что «никаких боевиков в стране быть не должно», а силовики демонстративно саботируют указания, — это ненаучная фантастика. Главы спецслужб просто лишились бы своих должностей после такой дерзости. А значит, силовики параллельно получили от Лукашенко совершенно другие указания, которые и выполняют по сей день. Вопрос лишь в том, какова мотивация главы государства.

По одной из версий, ключевую роль играет фактор Кремля: Лукашенко не хочет давать восточному соседу повод обвинить себя в «русофобии». «По линии МИД Беларуси всегда говорят, что это (привлечение боевиков из ДНР и ЛНР к уголовной ответственности на территории Беларуси. — *И. И.*) в компетенции других органов. В формальной обстановке посыл идет такой, что, мол, рассмотрим вопрос, а в неформальной — кивают на ту сторону, на Россию», — рассказывал соавтору книги Катерине Андреевой заместитель министра иностранных дел Украины Василий Боднар в ноябре 2018 года.

Москва действительно может начать спекулировать на этой теме, однако подобное объяснение точно нельзя считать исчерпывающим. С одной стороны, Путина вряд ли всерьез могла обеспокоить судьба иностранных боевиков, которые,

вероятно, в его глазах — пушечное мясо. С другой стороны, Лукашенко не раз демонстрировал, что при желании он готов идти на весьма жесткие меры даже в отношении своего грозного союзника. В 2013-м по его личному приказу в Минске арестовали гендиректора «Уралкалия» Владислава Баумгертнера — фигуру несоизмеримо более значимую, чем какой-нибудь безвестный сторонник «русского мира» из белорусской глубинки. Есть и более свежий пример: в декабре 2016 года власти Беларуси не побоялись раскрутить «дело Регнума»¹, арестовав трех внештатных авторов прокремлевского информагентства и объявив в розыск их шеф-редактора. Ни та, ни другая история не спровоцировали Москву на серьезный конфликт с Лукашенко.

Поэтому главная причина лояльного отношения к бойцам ДНР и ЛНР все же в другом: Лукашенко и его силовики не видят в них реальной угрозы для себя. Даже если боевики не являются сторонниками действующей власти, они в любом случае часть того ментального дискурса, на котором построен политический режим Лукашенко с его антизападничеством, антидемократичностью и тоской по советскому прошлому. Они скорее будут сражаться против условного белорусского Майдана, чем против власти Лукашенко². Этим

¹ «Дело Регнума» — уголовное дело в разжигании национальной розни, фигурантами которого стали белорусские граждане Юрий Павловец, Дмитрий Алимкин и Сергей Шиптенко. Их арестовали в декабре 2016 года за публикации на сайтах российских изданий «Регнум», Lenta.ru и EADaily, в которых они критиковали политику официального Минска в украинском вопросе, заявляли о росте националистических настроений в Беларуси и ставили под сомнение правомерность существования отдельного белорусского государства. Все трое 2 февраля 2018 года были приговорены к 5 годам лишения свободы с отсрочкой наказания на 3 года. Также было заведено уголовное дело против шеф-редактора «Регнума» Юрия Баранчика, проживающего в Москве, однако российская сторона отказала в его экстрадиции в Беларусь.

² О готовности воевать против белорусского Майдана в личных беседах говорили практически все боевики, с которыми общались авторы. Даже столь безобидный «ополченец», как Родион Кургузов (на-

боевики ДНР и ЛНР принципиально отличаются от тех белорусских добровольцев на стороне Украины.

Спецслужбы Лукашенко видят в боевиках «социально близкий элемент». Российскую агрессию против Украины они, может, напрямую и не поддерживают, но порыв, заставивший соотечественников принять в этой агрессии участие, — понимают. Недаром многие белорусы, воюющие за ДНР и ЛНР, обращали внимание на подчеркнуто лояльное личное отношение к ним сотрудников КГБ и МВД. Удивляться тут нечему: памятники Дзержинскому и царскому городовому, министр в форме сталинского милиционера и празднование столетия ЧК — все это неотъемлемая часть «русского мира»¹. Имперская Россия белорусским силовикам гораздо симпатичнее, чем Украина с ее евроинтеграцией.

Это понимание (и даже полное оправдание) российской стороны конфликта и сам Лукашенко неоднократно проговаривал в публичных выступлениях. «Понимаете, Россию, да и нам от этого доставалось, замордовали и достали до того, что наступил момент, когда Россия уже не могла не реагировать. Для нее, для такой империи, это было равнозначно смерти. Когда начинают бить, убивать и резать, как многие думали, русских людей (а именно так общество в России воспринимало, точно так воспринимал это и Путин), скажите, он что, должен был молчать?» Эту нехитрую сентенцию легко пред-
помним, ни разу не принимавший участия в бою), обещал с оружием в руках помогать правоохранительным органам в борьбе с Майданом.

¹ Напротив здания КГБ в Минске с советских времен стоит памятник Феликсу Дзержинскому, а в Гродно бюст Дзержинского в ноябре 2018 года установили в гимназии № 6. Памятник царскому городовому — скульптура, установленная возле главного здания МВД Беларуси в марте 2017 года (с тех пор с параноидальной ревностью оберегается милицией). При этом министр внутренних дел Игорь Шуневич несколько раз появлялся на публике в форме сотрудника милиции сталинских времен. Празднование столетия ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ отмечалось в Беларуси на государственном уровне. Поздравляя чекистов, Лукашенко подчеркнул важность сохранения традиций и заявил, что стыдиться своей истории нечего.

ставить в устах боевика, приехавшего на Донбасс воевать против «бандеровцев» и «пиндосов». Однако эти слова были сказаны Александром Лукашенко в интервью Савику Шустеру 28 марта 2014 года и касались аннексии Крыма. Даже когда Шустер справедливо заметил, что резни-то никакой не было, белорусский лидер ничуть не смутился: «Я знаю, что не было. Но в России воспринималось, да и мы так воспринимали, что такое может быть и если сейчас не пресечь, то вдруг появится этот нож». То есть вовсе не важно, как дело обстояло на самом деле — главное, как это представлялось в воспаленном мозгу агрессора. Ту же мысль (причем, еще в более однозначной форме) Лукашенко повторил в интервью «Евроњьюс»: мол, это именно Украина дала повод предпринять «превентивные меры к защите русскоязычного населения». «Зачем было хвататься за это острое оружие, как язык? Ну, разговаривают на юго-востоке на русском языке люди и на украинском — ну и пусть разговаривают. Неужели в эту острую фазу противостояния надо было давить на русскоязычных людей, в том числе ущемляя их права?!» — возмутился он. В октябре 2014 года, в беседе с российскими журналистами, Лукашенко был еще более откровенен. «Что касается вот этой бойни на юго-востоке Украины. Давайте не будем темнить друг перед другом, ведь если бы не Россия, то дни ДНР и ЛНР были бы сочтены давно. **Россия просто вынуждена** — или не вынуждена, я считаю, что вынуждена — **защищать и поддерживать эти территории**. По разным причинам: начиная от личного имиджа, рейтинга и так далее и заканчивая самым святым — там живут братья, и в беде Россия их бросить не может»¹.

¹ Кто-то скажет: за чистую монету слова Лукашенко принимать не стоит, он говорил российским журналистам то, что они хотели услышать, да и публично возложить вину за конфликт на Москву — значило бы серьезно поспорить с Путиным. Но, во-первых, никто и не просил Лукашенко выступать с публичным обличением России. Можно ведь было просто не выступать адвокатом Кремля. Во-вторых, эту аргументацию Лукашенко повторял многократно и перед самыми разными аудиториями.

То, что между добровольцами на стороне Украины и боевиками на стороне ДНР и ЛНР белорусская власть не ставит знак равенства — секрет Полишинеля. В программной статье «Гастарбайтеры войны» от 10 февраля 2016 года газета Администрации президента «Советская Белоруссия» подчеркивала: главной угрозой нацбезопасности являются именно участники АТО, а не «ополченцы». «Особую угрозу национальной безопасности представляют белорусские граждане, воюющие в составе подразделений АТО. В большинстве своем это представители криминогенной молодежной среды, придерживающиеся крайне радикальных неонацистских взглядов. Они проповедуют идеологию агрессивных околофутбольных движений и **насильственную форму свержения государственной власти**, открыто противопоставляют себя правоохранительной системе», — цитировала газета позицию МВД. В статье оговаривалось, что «потенциальная угроза» исходит и от бойцов «Новороссии». Но лежала эта угроза не в политической, а в социально-бытовой плоскости: дескать, у людей может быть подорвана психика, а бывшие уголовники после войны могли стать более жестокими. Разница в интерпретациях угрозы — показательна.

Боец 1-й Славянской бригады ДНР Александр Рукавишников вспоминал, что чекисты прямо ему говорили: интересуют в первую очередь АТОшники. «Через несколько дней после возвращения в Горки меня вызвали на беседу в органы. Как я понял, это были сотрудники областного КГБ. Задавали стандартные вопросы — сколько пробыл на Донбассе, собираюсь ли обратно. Их больше интересовали белорусы, которые на украинской стороне. Так и сказали: «нам АТОшники интереснее, чем ты». Говорили вежливо, какого-то давления не чувствовалось. Я сказал, что больше не поеду на войну, и тогда мне дали подписать документ, что я предупрежден об уголовной ответственности за наемничество. Поэтому теперь бояться нечего, меня уже точно не посадят».

Для полноты картины стоит озвучить еще одну версию — чисто конспирологическую. Среди «ополченцев» бытует

мнение: лояльное отношение к ним силовиков обусловлено тем, что на белорусов-боевиков тут рассчитывают — в случае условного Майдана они могут пригодиться властям. «Была у меня такая мысль, — признается Бондарь. — По Марьиной Горке (Бондарь служил в 5-й отдельной бригаде специального назначения в Марьиной Горке. — *И. И.*) у меня был знакомый командир, он теперь на пенсию уже ушел. Я с ним в августе виделся. Он говорит: «В случае чего, в случае какого-то шухера вы будете незаменимы. Мол, это мы тут просидели в тылу, а у вас есть опыт войны». «Я говорю: — «Все ясно, конечно, но дадут ли мне тут автомат? — «Конечно, дадут», — отвечает».

Разумеется, крайне сложно поверить, что кто-то в кабинетах власти всерьез разрабатывал такой план использования бывших «ополченцев». Сама суть политического режима Лукашенко категорически исключает возможность делегирования кому-либо права на насилие — здесь у государства полная монополия. Уж, скорее, можно допустить, что в этих властных кабинетах продумывался условный план Б: в случае путинской агрессии против Беларуси все бывшие «ополченцы» должны быть превентивно арестованы по заранее заготовленным спискам. Однако рассказ Бондаря неплохо характеризует состояние умов белорусских силовиков — по крайней мере, значительной их части. И дело тут не только (и не столько) в личной предрасположенности людей власти к «русскому миру», а в стратегических установках, согласно которым Россия и пророссийские силы — естественный союзник режима в любой ситуации. Сам же Лукашенко эти установки проговаривал неоднократно. «Вы помните, как в Ираке бомбили, ломали, нашли якобы ядерное оружие и повесили Саддама Хусейна? Помните? Весь мир знал, что это несправедливо, неправильно поступают Соединенные Штаты Америки. Но вся Европа, натовские страны выстроились в затылок и поддерживали Америку. Почему? Потому что они союзники. Конечно, не дай бог нам попасть в такую ситуацию, когда надо вопреки всему поддерживать наших

партнеров! Но все должны понимать: мы были с Россией вместе и мы будем всегда!» — заявил он журналистам 29 января 2015 года.

Насколько политическим было решение не давать отмашки на тотальную «зачистку» Беларуси от боевиков «русского мира», настолько же политическим было показательное осуждение четырех «ополченцев» в конце 2017-го — начале 2018 года.

В 2017 году официальный Минск взял курс на интенсивное развитие торгово-экономических и политических отношений с Украиной, пришедших в упадок на фоне войны. Тогда Александр Лукашенко и Петр Порошенко провели три встречи тет-а-тет — в апреле, июле и ноябре. И это при том, что в 2016-м лидеры Беларуси и Украины не виделись вовсе, а в 2015-м встречались только во время подписания Минских соглашений. Нет сомнений, что среди прочего на этих встречах обсуждалась и тема присутствия боевиков ДНР и ЛНР на территории Беларуси. В свою очередь Лукашенко, чтобы успокоить украинское руководство, дал добро на несколько точечных арестов. Аресты трех из четырех боевиков состоялись примерно в одно и то же время (между первой и второй встречей президентов), что не оставляет сомнения в спланированности подобной акции. Лукашенко явно нужно было отчитаться перед Порошенко о выполнении одного из обещаний. «Мы с ним встретились в Эмиратах. Мы же не просто так встретились — мы с ним долго обсуждали проблемы. Я говорю ему: “Петр Алексеевич, что мы не выполнили из того, что обещали?”» — вспоминал впоследствии Лукашенко обстоятельства третьей за 2017 год встречи с президентом Украины. (Он, правда, не пояснил, о каких обещаниях тогда шла речь.)

На этой публичной демонстрации принципиальности все и закончилось. 9 октября 2018 года глава МИД Беларуси Владимир Макей на конференции по борьбе с терроризмом сообщил, что в прошлом году было возбуждено 5 уголовных дел по статье, касающейся участия на террито-

рии иностранного государства в вооруженном конфликте. Осуждено 4 человека, а 12 лицам вынесено официальное предупреждение. Оставим за скобками столь своеобразную форму правового реагирования на угрозу национальной безопасности (а именно так назвал участие белорусов в войне Макей), как «официальное предупреждение». Лучше еще раз обратим внимание на количество осужденных и уголовных дел — 4 и 5 соответственно¹. Это ничтожные цифры в сравнении с масштабами участия белорусов в военном конфликте на Донбассе.

¹ А статьи УК РБ из раздела VI («Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления») против белорусов-боевиков и вовсе ни разу не применили.

Глава 13 ГОРЫНЫЧ МЕЖДУ МИФОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

«В течение последних нескольких месяцев небольшой город Авдеевка в Донецкой области остается самой «горячей точкой» конфликта на востоке Украины. Нарушения режима тишины фиксируются прежде всего вокруг этого населенного пункта. Сообщения о погибших украинских военных поступают преимущественно оттуда». (Из материала украинской службы Би-би-си от 15 апреля 2016 года.)

«В марте «горячей точкой» стала промзона Авдеевки. Оттуда регулярно выдвигались разведгруппы противника и вели беспокоящие обстрелы наших позиций. Дабы упредить эти действия, в промзону вошли и закрепились бойцы «Правого сектора», а затем по определенным маршрутам подтянулись армейские подразделения, уже надежно закрепившиеся там. Контроль промзоны в районе Авдеевки создает угрозу коммуникациям противника и вплотную сближает украинские позиции с передовыми опорниками врага. В результате этого маневра противник утратил возможность использовать рокадную дорогу вдоль линии фронта, и это вызвало серьезное беспокойство противника. В район промзоны были переброшены ударные отряды наемников, и сейчас там ведутся самые ожесточенные бои с регулярным применением артиллерии и других запрещенных видов оружия». (Из статьи украинского журналиста, главного редактора «Цензор. НЕТ» Юрия Бутусова «Война на истощение» на сайте ZN. ua от 1 апреля 2016 года.)

«С точки зрения стратегии — держаться за промзону ценой жизни бойцов нет смысла. С точки зрения бойцов на месте —

«украинскую землю надо освободить». И с этим трудно спорить». (Из статьи ЛПА. net от 31 марта 2016 года.)

* * *

«Бери РПГ-7, две, нет, четыре «мухи»¹ и два «шмеля». Через два часа я буду у вас. Бери позицию... И с левой стороны не ебите разведку нашу. Это наши, да. Вперед!.. Наша задача, чтобы они не прошли слева — хуячьте все, что там едет без предупреждения на поражение. Принял?.. Что?.. Гражданскую технику пропускайте с досмотром».

Эти обрывки переговоров боевиков я слышу в телефонной трубке во время интервью с Александром Огреничем (позывной Горыныч) 15 марта 2016 года. Горыныч периодически отвлекается на своих подчиненных: я отчетливо слышу, как он отдает им приказы, сдобренные отборным матом. Потом полевой командир даже извиняется передо мной: мол, пойми, переживаю, мои ребята на передовой, да и сам я сейчас к ним поеду. Огренич не скрывает, что его подразделение теперь участвует в боях в промзоне между Авдеевкой и Ясиноватой.

Интервью длится уже больше часа и весь этот час мой собеседник выпивает. К концу беседы он уже изрядно пьян. Речь Горыныча приобретает черты застольного трепача: с резкими сменами настроения, пьяными откровениями, вспышками сентиментальности и жалости к самому себе. То он обещает, что не прекратит воевать, пока не дойдет до Киева и не уничтожит всех «фашистов». То пеняет на бардак в ДНР: у него целый взвод числится «нештатниками», не получает зарплат, а воюет исключительно за банку тушенки. А иные полевые командиры в это время «делают деньги», кто-то даже домик в Италии успел купить. Потом резко меняет тему и сообщает, что сейчас поедет к Гиви — нужно попросить у него танки. Наконец Горыныч сбивается на пространный

¹ «Муха» — противотанковый реактивный гранатомет.

монолог: «Я задаю вопрос, а за что мы воюем? За что? Хорошо, мы отбили Луганск, Донецк. А ты знаешь, что нас забывают? Мы никто...»

Александр Огренич родился в Щучине в 1978 году, жил в Волковыске. В конце 90-х будущий боевик прошел срочную службу в Вооруженных силах Беларуси, в зенитно-ракетной бригаде. А затем окунулся в криминальный мир. На момент интервью 8 из 37 лет своей жизни он провел за решеткой.

После очередной отсидки Огренич начал ездить на заработки в Россию, трудился на стройке. Именно там его застало начало войны. Сюжеты российского телевидения о «зверствах бандеровцев», по признанию Огренича, очень его впечатлили, и он вместе со своим земляком из Волковыска¹ решил отправиться воевать против Украины. На Донбассе у бывшего уголовника-рецидивиста неожиданно открылись военные способности: он дослужился до командирской должности и возглавил подразделение разведки. По словам Огренича, с марта 2016 года он носит звание капитана, имеет жалованье в 32 тысячи российских рублей, а в его оперативном подчинении под Ясиноватой находятся почти 400 человек². Ко всему прочему, Горыныч стал еще и телезвездой.

«Про меня же фильм снимали... «Военно-полевой роман» на канале «Россия». Видел? Нет? Вот посмотри. Посмотри обязательно...» — советовал Горыныч. Героем одной из историй пропагандистского фильма «Военно-полевой роман», снятого «Россией-1» и посвященного боевикам, которые нашли любовь на Донбассе, действительно был Горыныч. В плохо разыгранной перед камерой сценке он

¹ Александр Огренич в интервью не назвал имя своего товарища. Но, вероятней всего, речь идет о Василии Курловиче, уроженце Волковыска 1974 года рождения. Газета «СБ-Беларусь сегодня» сообщила со ссылкой на МВД, что товарищ Огренича также имел судимость, освобожден в 2012 году.

² Цифра в 400 человек, скорее всего, завышена. Это ведь почти целый батальон — Горыныч все-таки не столь крупная фигура в НВФ.

шел навстречу своей женщине с большим букетом и задорной улыбкой. Белорус Александр нашел на войне свою любовь — дончанку Ирину с позывным Багира. Снайпершу. Свадьбу «ополченцы» сыграли в узком кругу однополчан, пояснял закадровый голос.

Если бы не война, Александр Огренич никогда не стал бы героем фильма, телесюжета, статьи или просто заметки. Будущего у него не было. С пятью судимостями к 37 годам, без профессии и образования, он не имел ни единого шанса получить приличную работу где бы то ни было. Огренич остался бы на стройке в России, а может быть, вернулся на родину и перебивался временными заработками. Или снова бы попал в тюрьму. В лучшем случае, его имя в прессе могло прозвучать только в рубрике «криминальная хроника». Война же все перевернула — хоть на мгновение, но для миллионов людей он оказался героем «ополчения» и «борцом с фашизмом». Из бесправного гастарбайтера в России он превратился в элиту «Новороссии». «Ты посмотрел фильм со мной, да? Посмотрел?» — позже, как бы между делом, спрашивал Огренич.

Выдержанный в сентиментально-героических тонах «Военно-полевой роман» не рассказывал о пяти судимостях прославленного «ополченца» из Беларуси. А вот газета «Советская Белоруссия», за два месяца до нашей беседы писавшая о Горыныче в обзорной статье о белорусах-участниках войны на Донбассе, именно на этом и сделала акцент — на судимостях за убийство, совершенное в состоянии аффекта, за кражи и мошенничество. «По месту жительства характеризуется отрицательно, предположительно употребляет наркотические средства. Принимает участие в боевых действиях в должности командира подразделения разведки на стороне ЛНР. Недавно переехал из Луганска в Донецк, где принимает участие в поиске и ликвидации диверсионных групп. Намерений возвращения в Беларусь не изъявлял», — цитировало издание милицейское досье на Горыныча. Почему президентская газета включила историю Александра Огренича (имя,

правда, в тексте не называлось, а на фотографиях было закрыто лицо) в свой обзор, вполне понятно. Во-первых, образ уголовного-рецидивиста крайне колоритен сам по себе. Во-вторых, нужно было опровергнуть кочевашую по интернету легенду: в мае 2015 года на YouTube появился ролик под названием «В Широкино в рядах ДНР воюет белорусский милиционер». На видео Горыныч вместе с приятелем Карасем забивает автоматные рожки патронами, а потом поднимает стакан и передает привет белорусским милиционерам. Некоторые пользователи интернета сделали из этого ошибочный вывод, что герой видео сам служил в правоохранительных органах.

«Я не буду скрывать, на территории Беларуси у меня было пять судимостей. Судимости какого плана: ну вот взял мобильный телефон, сказал завтра верну — и не вернул. Всего я восемь лет провел в тюрьме», — рассказывает Огренич. Свое уголовное прошлое он действительно не скрывает, но считает, что сейчас это не имеет никакого значения. Мол, теперь-то он «на правильной стороне», «искупает свою вину» и «спасает жизни другим людям». Мифологический мир российской пропаганды, частью которого он стал, Огренич воспринимает буквально. Своих противников он называет «нелюдьми» и «фашистами» с «гитлеровской идеологией». Территорию Донбасса считает русской. Путинской армии он здесь не видел, но при этом признает: «Если бы не Россия, мы бы тут просто сдохли. Благодаря России мы тут и воюем».

Громкие заявления Александра Лукашенко о том, что все белорусы, вернувшиеся с Донбасса, будут преследоваться в уголовном порядке, вызывали у Огренича неподдельное возмущение. «Я утром просыпаюсь, и у меня голова раскалывается — мне снова надо на передовую. Я вот вчера двух «200-х» похоронил, а одного «300-го» отвез в больницу — неизвестно, выживет ли (вот сейчас мне его родителям надо отзваниваться, они из Херсона). Я и сам перебит. У меня пробита правая нога снайпером. Перебит нос. У меня 16 осколков в спине. А мне Александр Григорьевич говорит такое: ты,

Саша, там повоюй, а сюда приезжай и посиди в тюрьме. А за что мне сидеть в тюрьме? Раньше, я не спорю, я в Беларуси преступником был. Я много раз был судим. Но я нес законное наказание, я это заслужил. Там я мобильный телефон украл, тут кого-то обманул на деньги. А сейчас за что наказание? Я воюю за людей Донбасса, но это же не преступление. Я не понимаю, я просто не понимаю. Мне обидно. А украинские власти вообще пишут, что я террорист. Почему я террорист? Я что, взорвал метро или телебашню?»

Горыныч, судя по всему, действительно не понимает, что плохого он сделал. На мой вопрос, сколько украинцев он убил на Донбассе, полевой командир заминается буквально на секунду: «Каверзный вопрос. А вот если бы вы видели противника в прицел, то что бы делали? Да, у меня очень много их. Перевалило за сотню»¹.

История Горыныча после публикации его интервью на сайте белорусской службы «Радио Свобода»² мгновенно облетела не только все белорусские, но и украинские СМИ. В интернете за Огреничем прочно закрепилась репутация едва ли не людоеда: уголовник-рецидивист, мошенник и убийца, ставший полевым командиром и хвастающийся количеством уничтоженных украинцев. «Знайте эту гниду в лицо», — гневно писали пользователи соцсетей в комментариях к статье.

Впрочем, это уже другая крайность. Александр Огренич, разумеется, никакой не людоед и отнюдь не самый жестокий

¹ Следует признать: военная специальность Горыныча предполагает постоянное нахождение на передовой и участие в контактном бою, поэтому на его счету наверняка немало жертв. Однако столь четкая привязка именно к цифре 100 вызывает подозрение. Мне достоверно известно, как минимум, два случая, когда боевики апеллировали цифрами в 100 убитых, хотя даже беглый анализ их фронтовой биографии заставлял сделать вывод: столько убить в бою они никак не могли. Возможно, среди сепаратистов рассказы про 100 убитых «укров» — банальная фронтовая байка.

² Интервью было опубликовано 24 марта 2016 года <https://www.svaboda.org/a/27630959.html>

белорус, отправившийся воевать за ДНР и ЛНР. «Мелкий пакостник, но не жесткий урка» — именно так описывает полевого командира ДНР бывший белорусский политзаключенный Николай Автухович¹, который в 2010—2012 годах сидел с Огреничем в исправительной колонии № 5 в Ивацевичах.

«Как человек он неплохой. Да, он мошенник. Есть у него такие способности. Ну, как сам и говорит: у одного взял, сказал «отдам» — и не отдал. Или берется, например, помочь получить водительские права, а сам вообще не знает, как этот вопрос решается, но деньги берет и исчезает. Или мог продать один компьютер десяти человекам. Я, на самом деле, много бакс слышал про то, что он делал — так это ералаш какой-то, про это можно кино снимать. Вот представьте, как можно набрать группу людей якобы на войну в Сомали, собрать с них по 300 евро, забрать паспорта? И эти люди искренне думали, что они едут воевать в Сомали. А когда пришел день уезжать и эти люди собрались на вокзале, то он просто выслал человека, который отдал паспорта и сказал им, что они придурки. То есть находил таких дураков, такая у него была деятельность. Но он не был каким-то жестким уркой — просто мелкий пакостник», — рассказывал Автухович в интервью «Радио Свобода».

Автухович вспоминает: уже когда Огренич уехал на Донбасс, он несколько раз списывался с ним в социальных сетях. «Я писал им, что вы, парни, просто захватчики. А он

¹ *Николай Автухович* — один из самых известных белорусских политзаключенных. В прошлом успешный бизнесмен из Волковыска, активист предпринимательского движения, кандидат в депутаты белорусского парламента на выборах 2004 года. В 2006-м приговорен к 3,5 годам лишения свободы якобы за уклонение от уплаты налогов, его бизнес уничтожили. Вскоре после освобождения Автуховича снова арестовали и обвинили в подготовке покушения на заместителя министра по налогам и сборам, председателя Гродненского облисполкома, а также в поджоге дома начальника волковысской милиции. Большая часть обвинений была снята, но весной 2010-го Автухович все же получил 5 лет и 2 месяца тюрьмы якобы за незаконное хранение боеприпасов.

пишет, что «нас тут уважают, мы тут освободители». Я говорю — мол, может, теперь так и кажется. Но ты ж знаешь, что ты пришел на чужую землю и всегда будешь захватчиком. Короче, они (на фотоснимках в интернете Автухович узнал еще двух знакомых из Волковыска, с одним из которых он тоже сидел в тюрьме. — *И. И.*) не соглашались, хотели как-то оправдаться. А потом было время, когда они писали, хотели посоветоваться — мол, что нам делать, нам тут деньги не платят, нас сливают. А потом, когда я узнал, что он такой «герой интернета», я говорю: «Ну, чем я тебе помогу? Если ты, дурак, еще говоришь, что столько человек убил, то ты просто подписал себе приговор. Возможно ли вообще говорить в интервью, что ты убил больше ста человек?» Ну, дурак просто».

Одновременно Автухович снова подчеркивает: Огренич не такой плохой человек, а поехал на Донбасс от безысходности. После выхода из тюрьмы ему было некуда податься. С родными отношения не сложились¹, жить было негде. В итоге он с другом поехал работать на стройке в Россию, а оттуда — на Донбасс.

«Это не потому, что он сильно хотел повоевать или он такой заядлый сторонник России и Путина. Нет. Если бы я был рядом, то, скорее всего, он бы поехал воевать за Украину. Просто некому было подсказать, как и что. Это он теперь говорит, что считает Донбасс российским, — это просто оправдание. А получилось все на самом деле спонтанно, от безысходности. Если его направить в нужное русло, то он бы мог что-то хорошее сделать. Видите, он теперь руководит отрядом в 400 человек — это же тоже не просто так, это значит, что человек имеет определенные способности».

Николай Автухович вспоминает и друга Огренича, который также сидел в Ивацевичской колонии: «Этот парень прекрасно рисует, даже какие-то призы на конкурсах получал. То есть это человек, у которого могло быть будущее — не

¹ У Огренича в Беларуси осталось два сына от первого брака и родители.

знаю, почему он на Донбасс поехал. Но знаю, что сидел он за наркотики. Возможно, в этом все дело».

* * *

«Красавец! Наверное, купаешься в славе! Только нахрена такая статья? Ты хуже «укропов»! Ты выстрелил нам в спину!! Какой ты журналист? Учись у россиян!» — такое сообщение в социальных сетях я получил от Горыныча вскоре после публикации интервью. Александр Огренич не смог пояснить, что именно его возмутило в статье. Но догадаться несложно: Горыныч ожидал увидеть материал в духе российской пропаганды, где он бы выглядел народным героем, современным Чапаевым или Котовским. А вместо этого вышла правда, где он — уголовник-рецидивист, убивающий украинцев на их собственной земле. Собственное отражение в зеркале Огреничу не понравилось.

Глава 14 СПЕЦОПЕРАЦИЯ ПРОТИВ ТЕРРОР-МАШИНЫ

«Как стало известно «Нашей Ніве», несколько дней тому задержали белорусского бойца батальона «Азов», 20-летнего витеблянина Стаса. Эту информацию подтвердили в «Азове». Фамилия Стаса мало кому известна, в Азове он служил под позывным Белорус и не афишировал себя, не давал интервью. Но среди сослуживцев имел большой авторитет из-за своей бескомпромиссности». (Из заметки газеты «Наша Ніва» от 18.04.2016.)

* * *

В интервью президентской газете «Советская Белоруссия» от 28 марта 2018 года начальник ГУБОПиК Николай Карпенков рапортовал: в результате слаженных действий правоохранительных органов удалось сбить «вал белорусских добровольцев, характерный для первых лет внутриукраинского конфликта». Среди прочего полковник сообщал: «Около 40 человек, воевавших на стороне «Правого сектора» и других подобных украинских формирований, остаются за рубежом. Сюда они вернуться не могут — в Беларуси против них возбуждены уголовные дела за преступления, которые здесь совершили ранее (хулиганства, нанесение тяжких телесных повреждений, мошенничества, кражи и т. д.)».

Любой критически мыслящий человек наверняка обратит внимание на эту странность в словах Карпенкова. То есть добровольцам, которые сражались за Украину на Донбассе,

дома угрожает уголовное преследование. Но не за то, что они воевали, а за обычный криминал. Откуда взялись эти уголовные дела в момент их отсутствия в стране? Они совершили их до своего отъезда в Украину? Допустим. Но как же их тогда выпустили из Беларуси? Тем более что большинство из них, без сомнения, уезжали не через условную границу с РФ, а реальную украинско-белорусскую.

Напрашивается предположение: может, эти уголовные дела в отношении добровольцев просто сфабриковали задним числом? Не будем голословны — доказательств, что все эти 40 дел сфальсифицированы, у нас нет. Но и безоговорочно поверить в реальность 40 дел о хулиганстве, мошенничестве и кражах, которые чудесным образом возникли после отъезда их фигурантов на войну, — невозможно. Куда правдоподобней выглядит иная версия событий. После того как спецслужбы узнавали, что тот или иной белорус воюет на стороне Украины, он сразу попадал в усиленную разработку, начинался поиск компромата. Его биографию тщательно изучали и находили тот эпизод, который при желании можно раскрутить на уголовное дело. Но не отправься он воевать за Украину — об этом эпизоде никто никогда бы не вспомнил. Именно так произошло с бойцом батальона «Азов» Станиславом Гончаровым. Белорусские спецслужбы не просто припомнили ему старые прегрешения, но и сделали из дела Гончарова показательную акцию устрашения. Эта акция должна была стать уроком для всех добровольцев на стороне Украины.

Информация об аресте Стаса Гончарова по прозвищу Террор-машина (позывной Белорус) появилась 19 апреля 2016 года. Первой об этом написала газета «Наша Ніва». Позже в тот же день эту информацию официально подтвердили МВД и Следственный комитет Беларуси — оказывается, задержание произошло еще 15 апреля. Сообщалось, что 20-летний Стас Гончаров с 2014-го по 2016 год воевал на Донбассе в составе батальона «Азов», был дважды ранен, имел медали «За доблестную службу» и «За мужество». Награды он полу-

чил, предположительно, за бои под Иловайском и в поселке Широкино. «Не исключается его участие в мародерстве и применении насилия к мирному населению», — добавляла пресс-служба МВД.

Однако, по официальной версии, задерживали его не за Донбасс, а за злостное хулиганство в отношении несовершеннолетних, совершенное еще в октябре 2013 года (на тот момент ему самому еще не исполнилось 18 лет). Тогда Гончаров вместе с друзьями под угрозой насилия заставил двух 13-летних подростков отречься от антифашистского движения (сказать «антифа сосут»), извиниться перед «всеми правыми парнями» и продемонстрировать нацистское приветствие. Весь процесс был снят на камеру мобильного телефона. Видео хулиганства, как и кадры оперативной съемки ареста Гончарова, правоохранные органы выложили в интернет. В отношении бойца «Азова» возбудили уголовное дело по статье 339 УК РБ («Злостное хулиганство»).

Судя по видео, во время ареста Гончаров держался подчеркнуто невозмутимо и даже немного рисовался перед камерой. Когда его вели под руки оперативники ГУБОПиК, он не выбрасывал сигарету — ее из зубов вынул один из милиционеров. Когда в управлении его заставляют раздеться и показать татуировки с нацистской символикой — доброволец стоит руки в боки. «Попроще немного стоим», — слышны слова оперативников за кадром.

Друг Гончарова из Витебска Никита Борисов рассказывал: «Когда Стас приехал в Витебск, с ним встретилась наша общая подруга, но я с ним лично увидеться не успел. Он позвонил мне с белорусского номера. Я был в шоке. Он разговаривал очень свободно, как будто ничего не боялся. Я спрашивал: «Ты понимаешь, чем это закончится? Зачем ты сюда приехал?» Он сказал, что у него якобы есть официальная бумага, что он на Донбассе был медиком-волонтером (эту легенду Стас повторял сразу после ареста. — *И. И.*). Бумага действительно присутствовала. Но я сразу сказал, что она тебе не поможет. А на следующий день я узнал, что он был задержан сотрудниками

милиции». По словам Никиты, арестовали Террор-машину, когда тот пришел домой к матери.

В процессе следствия к обвинению Гончарова добавили еще целый букет уголовных дел — разжигание расовой вражды, грабеж, распространение порнографии. Вместе с ним на скамье подсудимых оказались семеро парней в возрасте от 18 до 22 лет — витебские друзья Стаса. По версии следствия, все они составляли неформальную околофутбольную неонацистскую группировку Softline Vitebsk-SxE, лидером которой был будущий боец «Азова». Как позже писал журнал «Спецназ», начиная с 2012 года (Гончарову тогда было 16) члены группировки вымогали деньги, отнимали одежду у студентов в витебских общежитиях, дважды жестоко избили своих жертв и даже нанесли им раны скальпелем. Процесс начался в конце 2016 года и проходил в закрытом режиме. 3 марта 2017 года Витебский областной суд приговорил Стаса Гончарова к 7 годам лишения свободы, а его друзей к различным срокам — от 1 года ограничения свободы до 6 лет колонии. Гончаров свою вину признал частично.

Еще в мае 2016-го глава МВД Беларуси Игорь Шуневич признавался журналистам: Гончаров «шел под номером один в списке тех боевиков, которые подлежат задержанию в случае возвращения в Беларусь». И ничего удивительного здесь нет: из-за своего пристрастия к нацистской символике Стас был идеальным кандидатом для показательного процесса. Все тело Гончарова пестрело татуировками, связанными с историей Третьего рейха. На правой лопатке была набита нацистская свастика и профиль немецкого солдата, на груди — цифра 88 (закодированное приветствие «Хайль Гитлер») и символика дивизии СС «Дирлевангер», известной своими военными преступлениями¹. В соцсети «Вконтакте» Гончаров

¹ «Дирлевангер» комплектовался из уголовников, узников немецких тюрем и лагерей. Подразделение неоднократно участвовало в карательных операциях на территории Беларуси (в том числе в уничтожении Хатыни), подавляло Варшавское восстание 1944 года и восстание в Словакии.

был зарегистрирован под никнеймом Carl Zenner. Это явная отсылка к личности Карла Ценнера — бригаденфюрера СС, одного из руководителей оккупационной администрации. После войны его судили за военные преступления, в том числе за расстрелы минских евреев.

«На нем клейма негде ставить — весь в татуировках с символикой СС, свастиках, на ноге — портрет Гимmlера, — возмущался в интервью «Советской Белоруссии» начальник 3-го управления ГУБОПиК Михаил Бедункевич 25 июля 2016 года. — Всю эту «галерею» набил в Витебске еще до своих походов в «горячей точке» Украины. Окружающие, конечно, видели кощунственные тату, но открыто не возмущались. Видимо, знали, что Гончаров и его стая — люди, способные на все. Могут отомстить, имущество повредить. Вот и предпочитали обыватели проходить мимо, не вмешиваться, чтобы не иметь проблем. Отсюда и безнаказанность нацистов. За любителями атрибутики Третьего рейха, как правило, тянется шлейф преступлений. По делу Гончарова, в частности, установлено несколько фактов, связанных с хулиганскими действиями. Собран материал и для квалификации по статье 130 Уголовного кодекса («Разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни») — в том числе за осквернение еврейских могил нацистской символикой. Такие люди не должны оставаться на свободе!»

Однако в воспоминаниях друзей и знакомых, знавших Стаса до отъезда в Украину, его образ вовсе не такой зловещий. В школе Тася Никитенко сидела со Стасом Гончаровым за одной партой. Девушка признается: «Стас, конечно, был «не сахар». И с преподавателем мог общаться неуважительно, и уроки временами прогуливал, и успеваемостью похвастаться не мог. Но я никогда не чувствовала от него никакой агрессии в отношении окружающих», — добавляет она.

Правые взгляды Гончарова в школьные годы не являлись секретом для одноклассников. Татуировок у него тогда еще

не было, но на своей странице в соцсетях Стас временами выкладывал картинки с нацистской символикой или фотографии, где он «зигует». Ходил бритый наголо, носил берцы, но, признается Тася, визуально не сильно отличался от своих сверстников. «Меня всегда удивляла какая-то глобальная нестыковка. Потому что он вроде бы относился к неофашистам, но при этом наш одноклассник азербайджанец был какое-то время его лучшим другом, и никаких конфликтов у них на этой почве не возникало. Да и вообще у нас в школе училось много детей других национальностей, с ними у Стаса тоже никаких конфликтов не было. Как я уже говорила, это был абсолютно неагрессивный человек, добрый. Он поддерживал нас, угощал шоколадками. Поэтому, по моим ощущениям, его взгляды проявлялись исключительно визуально», — подчеркивает Тася.

Никита Борисов утверждает: «По крайней мере до войны на Донбассе, Гончарова сложно было назвать убежденным сторонником национал-социализма или фашизма. С ребятами правых взглядов общался, но ни в какой организации не состоял. «Он был добрый, отзывчивый. Были в нем маленькие задатки расизма, но это, как и у многих подростков в современном мире. Даже если у него и были нацистские взгляды, то он их тут не афишировал. Может, в нем все это открылось после того как он уже съездил на войну», — рассуждает друг бойца «Азова». Это утверждение Никиты звучит не слишком убедительно. Доброволец Алексей Манчинский, который знал Гончарова как раз по «правой тусовке» в Витебске, говорит: «Стас себе набил нацистские тату еще в Беларуси, до войны. Таким образом парни в их компании хотели подчеркнуть свои правые взгляды, приверженность национал-социалистическим идеям». Так что говорить о том, что Стас мало чем отличался от своих сверстников нельзя — все же не каждый юноша с «маленькими задатками расизма» берется набивать себе нацистскую символику. Кстати, у самого Манчинского, по его признанию, есть татуировка с изображением Гитлера на руке. Евреев он не любит и счита-

ет, что жить они должны «у себя в Израиле». По его словам, схожих взглядов придерживался и Гончаров.

Впрочем, Манчинский подтверждает: ни в какой организации Стас не состоял. Их витебская компания — это не политическая группировка, а скорее, что-то вроде дружеской группы по интересам. Историю с издевательствами над подростками, которая легла в основу уголовного дела, Манчинский называет «глупостями» и описывает как шутку. «Их же даже не били, там больше напридумывали потом. Это делалось просто в угаре: позиговали, поугорали и разошлись», — объясняет знакомый Гончарова.

Можно предположить, что вообще все отношение Стаса к нацизму сводилось к этой шуточнo-хулиганской формуле: «позиговали, поугорали и разошлись». Вряд ли он был фанатиком, радикальным сторонником «расовой чистоты» и «окончательного решения еврейского вопроса». Будучи трудным подростком с хулиганскими замашками, Гончаров просто увлекся внешним антуражем идеологии, которая эксплуатировала столь близкий ему культ силы и борьбы. Причем в самой идеологии он вряд ли пытался всерьез разобраться. Стас публично на тему своих политических убеждений не высказывался, но, скорее всего, у него просто была каша в голове, некая смесь абсурдных установок. Чтобы понять, как выглядит такая каша, процитируем рассуждения белоруса из «Правого сектора» Дмитрия Рубашевского (позывной Ганс)¹. «Можно сказать, что по политическим взглядам я сторонник национал-социализма, но не гитлеровского, не немецкого. А чтобы для всей Европы.

¹ *Дмитрий Рубашевский* (позывной Ганс) — уроженец Бреста. После школы закончил строительное училище, работал на фабрике. Уехал на Донбасс в 2015 году, перед фронтом прошел обучение в тренировочном лагере во Львове. Сначала служил в батальоне ОУН, потом перешел в 1-ю штурмовую роту Добровольческого украинского корпуса «Правый сектор». В 2017 году был награжден орденом, учрежденным украинскими волонтерами, — «Народный герой Украины». В мае 2019 года получил тяжелое ранение под Марьинкой, потерял глаз.

Все модернизируется, и национал-социализм тоже. Нужно, чтобы все жили вместе, страны помогали друг другу, не было империй», — говорил он в интервью «Белсату». Как национал-социализм может быть без империй и «для всей Европы», если Европу населяют в том числе унтерменши, Ганс, вероятно, даже не задумывался.

После 9-го класса пути Таши и Стаса разошлись — Гончаров пошел в ПТУ, а Никитенко закончила среднюю школу и поступила в Московский институт журналистики и литературного творчества. В Москве Тася примкнула к либеральному движению Михаила Ходорковского «Открытая Россия». С Гончаровым девушка больше не виделась — после школы они только несколько раз списывались «ВКонтакте». Из соцсетей она узнала и про то, что Стас поехал воевать. «Скажем так: я не была удивлена, когда про это узнала. Понимаете, у него было очень много энергии и очень много желания столкнуться с какой-то реальной борьбой. И я думаю, что именно из-за этого он туда поехал. Но это только мое мнение — я не разговаривала с ним по этому поводу», — рассказывает Тася.

Никита Борисов вспоминает: Стас учился в ПТУ, подрабатывал на стройке, планировал поступать в вуз. Ездил на украинский Евромайдан, но участвовал ли непосредственно в протестах — точно неизвестно. «Он вернулся беспрепятственно, к нему не было никаких вопросов у силовиков. После Майдана его не дергали. Он сделал все тихо, никто про это не знал — он съездил и приехал. А когда уже начались непосредственно боевые действия на востоке Украины, он поехал в полк «Азов». Где-то 1,5 года он там пробыл. За это время в Беларусь он не приезжал, потому что знал, какие последствия могут быть», — рассказывает Никита.

Отзывы о службе Гончарова в «Азове» противоречивы. Белорусский боец «Азова» с позывным Отто лично Гончарова не знал, но слышал о нем легенды — причем, скорее, отрицательного характера. «Было несколько сомнительных эпизодов с его участием, не очень добрая слава у него оста-

лась, — рассказывал Отто в интервью «Радио Свобода» осенью 2016 года. — Хотя хватало и положительных моментов. Он был пулеметчиком по своей специальности и, говорят, что неплохим пулеметчиком». Инструктор тренировочной базы «Азова» с позывным Иванов рассказывал «Нашей Ниве», что Террор-машина наводил ужас на «сепаров», героически проявил себя в боях за Широкино. «Всегда на передовой, бескомпромиссный, смелый», — описывали его сослуживцы. Доброволец из «Азова» Илья (позывной Литвин) тоже высоко оценивает боевые качества Стаса: хороший и мужественный солдат. В 2014-м он из РПГ лично подбил вражеский БТР. В начале 2016-го в одиночку бесстрашно держал оборону в маленьком полуразрушенном здании под обстрелом техники боевиков.

Слова Шуневича про то, что Гончаров значился под № 1 в списке на задержание, Литвина удивляют. «Глобально Стас не выделялся своими действиями среди других белорусов в Украине», — отмечает он. Но при этом Илья уверен: Гончаров прекрасно понимал возможные последствия своего возвращения в Беларусь. «В последние недели перед отъездом Стас почти ни с кем не общался, тем более на тему возвращения в Беларусь, поэтому для всех это стало неожиданностью. Я точно не знаю, почему он вернулся. Но могу сказать, что на нас всех шло давление со стороны силовиков — частые посещения наших родителей, беспокойство за них. Видимо, на Стаса все это сильно давило, так как кроме мамы у него никого не было, то есть нашли его слабое место», — рассуждает он. По мнению Алексея Манчинского, у Гончарова произошло эмоциональное выгорание: от войны, от трудностей с легализацией в Украине. «Он собирался уехать еще в 2015 году, но мы его отговорили. Однако в итоге он все равно уехал. Стас просто устал», — считает Манчинский. Впрочем, существует версия, что все было несколько сложнее: Гончарова могли выманить в Беларусь под предлогом болезни матери. Его знакомый по Витебску, оппозиционный активист Александр Головань, рассказывал: «Бывшая девушка Стаса

говорила мне, что у него сильно заболела мать и таким образом его выманили сюда. Его тянули, тянули сюда и в итоге выманили. Это мне подтверждали другие люди из правой тусовки в Витебске». Подтверждения этой версии из других источников нет.

Учитывая слова министра Шуневича, логично предположить, что добровольцу должны были надеть наручники еще при въезде в Беларусь. Сами спецслужбы подтверждают, что зафиксировали его появление на границе. «Международная система оповещения о появлении таких лиц на границе сработала четко, в том числе при содействии украинской стороны. Дело в том, что перемещение подобных мерзавцев находится под контролем правоохранительных органов. Ни одной нормальной стране невыгодно, чтобы отморозенные боевики находились на свободе», — сообщали в ГУБОПиК газете «СБ-Беларусь сегодня». Сам по себе намек на то, что выследить Гончарова помогли украинские правоохранители — довольно странный. Член общественного совета при Комитете иностранных дел Верховной Рады, белорус Игорь Щекаревич позже в беседе с «Нашай Нівай» высказывал мысль: некоторые представители украинских спецслужб действительно могут «сливать» коллегам из Беларуси информацию про белорусских добровольцев. Так это или нет на самом деле — сказать сложно. Но в истории с Гончаровым это в любом случае существенного значения не имеет. Засветился Стас явно без помощи спецслужб Украины — он ведь просто выкладывал свои фронтовые фото в социальные сети и нигде не скрывал лица. Чем же украинская сторона могла помочь ГУБОПиК, если в управлении и так следили за судьбой этого человека и наверняка передали соответствующие данные в базу пограничных служб Беларуси? Как бы то ни было, задержали Гончарова не на границе и даже не сразу по приезду в Витебск местные силовики. Задерживали его сотрудники ГУБОПиК из Минска, специально откомандированные в областной центр. Столичные оперативники явно не хотели ни с кем делить подобный триумф — за «фашиствующего

отморозка» (так называли Стаса сами силовики) из «Азова» им наверняка светили новые «звездочки».

Был ли приговор Стасу Гончарову оправдан с точки зрения закона? Из-за того, что процесс проходил в закрытом режиме, ответить на этот вопрос невозможно. Видео запугивания двух подростков в 2013 году, безусловно, производит неприятное впечатление. Однако тянет ли этот эпизод на статью «злостное хулиганство», предусматривающую 6 лет лишения свободы? С учетом того, что и сам Стас был несовершеннолетним тогда — это, как минимум, спорно. Бесспорно другое: не засветись Гончаров на Донбассе, никто бы не откопал этот эпизод трехлетней давности, ставший основанием для уголовного дела.

Бросается в глаза разница между арестом и осуждением Гончарова и пятерых боевиков ДНР и ЛНР (см. главу 21). Вся информация о преследовании боевиков ограничивалась скухими судебными извещениями о вынесенных приговорах. Ни фотографий, ни видео, ни даже фамилий осужденных там не было. Правоохранительные органы и госСМИ не смаковали компрометирующие детали биографий боевиков и не озвучивали предположения, что бойцы «русского мира» на Донбассе могли совершать преступления против мирного населения. Что уж тут говорить про сроки — никто из «ополченцев» больше двух лет колонии не получил.

Однако этих пятерых хотя бы осудили. А что стало с воевавшим в рядах ЛНР жителем Гомеля, задержанным оперативниками ГУБОПиК и омовцами в октябре 2015 года? У него дома при обыске обнаружили целый арсенал: ручную гранату, два самодельных взрывных устройства, самодельный самопал со снайперским прицелом, три детонатора и шесть патронов калибра 7,62 мм. Про его задержание спустя 1 год и 5 месяцев, как бы между прочим, сообщила газета «СБ-Беларусь сегодня» в обзорном материале «Тайна домашних арсеналов», посвященном нелегальному обороту оружия. Однако о том, как сложилась дальнейшая судьба боевика, в статье не было сказано ни слова. Возбудили ли

против него дело за незаконное хранение оружия? Или его просто отпустили, как и многих других бойцов пророссийских НВФ? Неизвестно¹.

Возникает закономерный вопрос: почему же Гончарова нельзя было осудить непосредственно за участие в войне на Донбассе? Да, статья 361-3 («Участие в вооруженных действиях на территории иностранного государства») УК РБ тогда еще не действовала. Но ведь существовала статья «Наемничество», под которую при желании можно было подвести Гончарова. Все так. Однако осуждение Гончарова по данной статье создало бы слишком очевидный политический оттенок акции белорусских спецслужб. Получилось бы, что бойцов батальона Нацгвардии «Азов» белорусские власти официально признают наемниками, а Стаса судят только за то, что он воевал за законную власть Украины против НВФ. Поэтому обвинение в адрес добровольца должно было быть максимально компрометирующим и при этом аполитичным. Расчет спецслужб оказался безупречен. Во-первых, никто не захочет рисковать репутацией, защищая человека, симпатизирующего нацистам. Во-вторых, публичное наказание Гончарова окажется отличным уроком другим белорусам-добровольцам, воевавшим за Украину — больше никому не придет в голову возвращаться в Беларусь. В-третьих, эту историю можно использовать в пропагандистских целях: на примере Гончарова белорусам следовало показать, что за Украину воюют только нацисты и уголовники. Именно этим объясняется ажиотаж, созданный спецслужбами вокруг дела Гончарова.

¹ В статье «Тайна домашних арсеналов» от 13 марта 2017 года рассказывалось также, что летом 2016-го силовики задержали в Минске уроженца РФ, имеющего вид на жительство в Беларуси, ранее воевавшего на стороне сепаратистов на Донбассе. Его разыскивала ФСБ. В квартире боевика нашли самодельное оружие, переделанное из сигнального револьвера. Про дальнейшую судьбу россиянина в статье ничего не сообщалось. Его имя, как и имя жителя Гомеля, воевавшего за ЛНР, не называлось.

Катерина Андреева, Игорь Ильяхи

Глава 15

ВОЛОНТЕРЫ

«Создатель инициативы «Гуманитарный маршрут Беларусь—АТО», гомельчанин Андрей Стрижак награжден Почетной грамотой посольства Украины в Республике Беларусь за свою волонтерскую работу в зоне АТО. [...] Временный Поверенный в делах Украины в Республике Беларусь Валерий Джигун поблагодарил белорусских волонтеров: «Сейчас Украина переживает непростое время. Стоит вопрос о том, чтобы отстоять суверенитет и независимость. И очень приятно, что рядом с нашими патриотами — белорусские друзья, волонтеры». (Из материала «Радио Свобода» от 30 июня 2016 года.)

Катерина Андреева

«Я участвую в войне, но я не воюю»

С Андреем Стрижаком мы встречаемся в кафе в центре Минска. У моего собеседника очень плотный график — в столице он всего лишь на один день. Рядом с ним жена и соратник Евгения. Оба — правозащитники, живут в Гомеле, работают в независимом профсоюзе работников радиоэлектронной промышленности.

Украина заняла огромное по значимости место в жизни Андрея. Ему 34 года, и 5 из них он посвятил волонтерской деятельности. Стрижак — единственный, кто не только смог наладить эффективный канал отправки гуманитарной помощи на Донбасс из Беларуси, но и создал целое комьюнити вокруг этой инициативы. На моей памяти «друзья гум-

маршрута» хотя бы раз в месяц собирались все вместе в одном из минских баров, чтобы обсудить последние новости. Андрей обычно приезжал проведать друзей, вернувшись из командировки на фронт. С «Гуманитарным маршрутом Беларусь—АТО» он поистине оказался в нужном месте в нужное время, попал прямиком в нерв этого времени.

— Когда ты впервые соприкоснулся с украинскими событиями и предпринял попытку как-то поучаствовать в них?

— В начале декабря 2013 года мы с единомышленниками решили организовать поездку на Майдан для белорусов. Выехали из Минска, но под Марьиной Горкой автобус был задержан КГБ. Часть пассажиров вернулась обратно, а часть все же добралась до Майдана. Один человек пересел на рейсовый автобус, доехал до границы, но там его задержали украинские пограничники — внезапно обнаружили наркотики. Собака прошла по салону и прямо под его сиденьем нашла прикрепленный пакетик. Тем временем всех остальных вывели на улицу и заставили подписать документ, что они обязуются не участвовать ни в каких массовых мероприятиях. Да, это была еще Украина Януковича... Человеку форменно подбросили наркотики. Ему сначала говорили: «Признаешься — 8 лет получишь, не признаешься — 12», — но в итоге отпустили, потому что мы подключили украинского омбудсмана по правам человека и журналистов.

— На тот момент уже произошел разгон студентов 30 ноября, но до расстрелов было еще далеко. Какое впечатление от Майдана у тебя сложилось в тот приезд?

— Я увидел мирный протест и живое включение гражданского общества, которое бурлило креативом, придумывало подходы к людям, объясняло, почему ассоциация с ЕС — благо для Украины. Еще никто не представлял, чем все закончится. Потом я оказался в Киеве уже в феврале, в дни расстрелов. Помню, что накануне просмотрел суточный стрим, как горел Дом профсоюзов, и ночью 19 февраля взял билет до Киева в один конец.

— Почему вообще тебе оказалась близка украинская история? Что заставляло тебя ездить на Майдан, и в качестве кого ты отправился туда в последний раз?

— Дело в том, что первые свои шаги я сделал по украинской земле. В 1986 году, в младенческом возрасте, родители вывезли меня из Речицы, черновыльского региона, в город Чигирин Черкасской области к родственникам. Я где-то на четверть сам украинец, это не чужая мне земля. Плюс где-то с 2007 года у меня нарабатывались профессиональные связи с украинскими коллегами-правозащитниками, журналистами, активистами, существовала постоянная связь. Я понимал: они прогрессивные люди и идут в сторону демократии, прав человека. И когда я увидел, какие страшные события начали происходить именно с этими людьми, то просто не смог оставаться в стороне.

Вместе с тем я осознавал, что я не буду на баррикадах — я не боец, не медик. Зато я хорошо умею разговаривать с людьми, связывать их между собой. Поэтому я приехал работать на «горячую линию» волонтерской инициативы Евромайдан-SOS. Рано утром 20 февраля мы вышли из поезда с оператором «Белсата» Александром Борозенко, тот отправился снимать на Институтскую, а я пошел в офис волонтеров. Когда началась бойня, нас в офисе было не более пяти человек. Весь этот долгий день мы вытянули на себе. Очень многие не знали, что происходит с их родственниками, живы ли они, ведь столько людей просто пропадали и не выходили на связь с семьями.

Одним из самых сложных моментов моей работы было не принимать звонки, а перезванивать самому. Волонтеры составили базу погибших (информацию о них собирали по больницам, моргам, ментовским источникам), и если нам поступал запрос о пропавшем без вести человеке и его фамилия значилась в базе, нужно было перезвонить родственникам и сказать: «По нашим данным, он убит. Попробуйте искать в моргах». Эта миссия легла на меня. Я брал маленький черный телефон «Нокиа», перезванивал и сообщал это. Часто

люди звонили, уже понимая, что их родственник погиб, но им просто хотелось услышать еще какое-то подтверждение, хоть пару слов. Эти несколько дней со звонками стали для меня самым травматичным моментом во всей украинской истории.

— Как же ты смог включиться в волонтерство, когда вскоре началась война на Донбассе?

— После Институтской у меня наступил классический посттравматический синдром, стрессовое расстройство. 2014 год в Беларуси был для меня очень тяжелым и в личном плане — распалась моя семья. С первой женой, россиянкой, у нас возникли непреодолимые идеологические расхождения. Конечно, это не единственный фактор, который привел к разрыву, но очень важный. За началом донбасского конфликта я следил по новостям, но делать ничего не мог. Было ощущение, что я должен как-то включаться в эти процессы, но моральных сил не хватало. В таком раздоре я провел 2014 год, глядя на фотографии сбитого «Боинга», Донецкого аэропорта. А в начале 2015-го понял — пора действовать.

В конце января я включился в работу с украинскими волонтерками Ольгой Гальченко и Александрой Алешиной, которые занимались как раз помощью военным. А я тогда выстраивал для себя концепцию моей будущей работы. В первую очередь мне хотелось понять, как можно помочь, не беря в руки оружие. Насильственная развязка событий на Майдане окончательно убедила меня, что я правозащитник, я не беру оружие и могу заниматься исключительно гуманитарным направлением. Так я выстроил для себя два направления помощи: гуманитарка — местному населению, медикаменты — фронту. То есть, я участвую в войне, но я не воюю.

— Когда ты впервые оказался на фронте?

— Первая поездка на Донбасс была с Гальченко и Алешиной, в последних числах января 2015 года. Повез медикаменты. Помню, доехали до Селидова, а я подумал: «Вот, сюда ж может прилететь «Град» даже!» Казалось, это и есть война. Но

позже были поездки и под самый Донецкий аэропорт, в Пески и Авдеевку...

Я понял, что медицина — это приемлемо для человека, который не принимает участия в боевых действиях, для правозащитника. Она направлена на то, чтобы делать людей снова живыми, грубо говоря. Медики были ближе и потому, что давали клятву Гиппократу, обязуясь помогать всем, независимо от политических взглядов — пленным, добробатовцам, солдатам ВСУ, мирным гражданам. Груз с лекарствами доставлялся в госпиталь, а там помощь оказывали всем, кто туда попадал.

— А кто помогал тебе в Беларуси, как появилось сообщество волонтеров?

— В феврале-марте 2015 года я пару раз съездил на фронт, и тогда же возникла идея купить реанимобиль. Это была первая крупная акция, она положила начало белорусской инициативе, вокруг нее начали собираться люди, которые потом составили костяк «Гуммаршрута». Мы нашли в Германии машину за 5400 евро, но половины суммы не хватало. И в последний момент больше двух тысяч евро дал один предприниматель просто из своего кошелька. Он планировал расширять бизнес, но вот, вместо этого пожертвовал деньги. Его имя я не называю. Еще многих, кто помогал, мы не называем. Из публичных людей подключились журналистка Ольга Чекулаева, активисты Андрей Акулич, Денис Ивашин, Александр Киркевич и Евгения (вторая жена Стрижака. — К. А.).

Машину назвали «Ратаўніца» («Спасательница» (рус.) — К. А.), чтобы название было понятно и украинцам, и белорусам. Нашим партнером стал (и остается по сей день) украинский Первый добровольческий мобильный госпиталь имени Пирогова (ПДМШ). В первую неделю работы машина вывезла 50 раненых, нам про это рассказывала командир экипажа, медик из Львова Оксана Романив. Впоследствии «Ратаўніца» спасла тысячи и тысячи жизней. А за последующие годы мы поставили еще три машины: санитарный автобус «Майя»

(он, к сожалению, уже вышел из строя после километров по донбасским дорогам), «скорые» «Зорка» и «Вітаўт». Это очень брендовый момент для Беларуси, на фронте все их знают. Позже в одной из командировок на Донбасс пресс-офицер, который нас сопровождал, говорил, что он был ранен и его вывозили именно на «Ратаўніце».

— Сбор денег на эти машины — как бы отдельное направление твоей волонтерской деятельности. А когда появился сам «Гуманитарный маршрут Беларусь—АТО»?

— Инициатива была создана в мае 2015 года, в течение первого месяца мы уже отправили первую тонну гуманитарки на восток. Груз изначально попал в Чернигов, к украинским волонтерам, а оттуда распределялся на Донбасс. У гуммаршрута сформировались два ответвления: помощь гражданскому населению — продукты, предметы первой необходимости, одежда, и помощь ПДМШ — поставка машин, питание для медперсонала, деньги на ремонт транспорта и топливо.

— Сколько всего ты успел передать гуманитарной помощи за все годы?

— Гуммаршрут передал около 20 тонн гуманитарки в общей сложности к июню 2019-го. Нам активно помогает украинское представительство белорусской компании «Санта-Бремор», они дают до полутонны продуктов. Часть этих продуктов идет в Чернигов семьям переселенцев и погибших военных, а часть в Бахмут, откуда распределяются по разным точкам на Донбассе.

— Послушай, ты постоянно ездил в АТО. И гуммаршрут требовал привлечения внимания общества, то есть приходилось много говорить о проекте, писать в соцсетях. Что ты, собственно, и делал. Такая твоя активность не могла остаться вне поле зрения властей...

— Знаешь, первое, что я сделал, когда решил на сбор гуманитарки — собрал вещи для себя в камеру. На случай, если меня сразу же за это закроют. Мы ведь привыкли к репрессиям. Я ждал, что нечто подобное случится, был морально готов

заплатить своей свободой. Но по какой-то причине власть игнорирует гуммаршрут. Ну и хорошо, пусть лучше не замечают.

— То есть ты хочешь сказать, с попытки собрать людей на Майдан до сегодняшнего дня...

— (Перебивает.) ...Никаких контактов со стороны силовых структур. Я знаю, что вызывали (на беседы и допросы в органы. — К. А.) моих коллег по независимому профсоюзу по другим вопросам, но там никогда не спрашивали про гуммаршрут. Даже когда пограничники останавливали нас с грузом гуманитарки, я отвечал, мол, это мои личные вещи. И они не знали, что с нами делать, никакой ориентировки сверху на нас не поступало.

— Ты списываешь это просто на везение?

— Я прекрасно понимаю, как выстраивать связи так, чтобы мне нельзя было что-то предъявить относительно снабжения войск. Мы ведь правда этим не занимаемся. В публичном пространстве мы всегда подчеркивали: наша сфера интереса — медики и гражданское население. Думаю, именно полная прозрачность и гласность дали безопасность. Нет, я уверен, что властями все внимательно отслеживается и отсматривается. Но ведь и власть в «украинском вопросе» не монолитна. Есть те, кто с началом войны занял сторону Украины, хотя их меньшинство¹.

¹ Мы допускаем, что Андрей был не вполне искренен, когда говорил о полном отсутствии у спецслужб интереса к волонтерам «Гуманитарного маршрута Беларусь—АТО». Все-таки силовики уделяли очень много внимания всем, кто имеет хоть какое-то отношение к АТО. Преследовали не только белорусских добровольцев — на допросы в КГБ таскали и их знакомых, живущих в Беларуси мирной жизнью. Как известно, «шерстили» на предмет связи с добробатами и футбольных фанатов, и оппозиционных активистов. В условиях подобного пристального внимания к теме действительно сложно поверить, что со Стрижаком ни разу не пытались побеседовать. Даже до войны, когда он пытался устроить поездку на Майдан и КГБ развернул автобус, — его закономерно должны были вызвать на разговор. Если Стрижак действительно что-то недогово-

— Тебе лично часто приходилось бывать на фронте?

— Точно больше десятка командировок с 2015 года. Моя отдельная правозащитная активность, вне гуммаршрута — поездки в мониторинговые миссии с украинской волонтерской организацией «Восток SOS». Дело в том, что все международные наблюдатели — ООН, ОБСЕ — выполняют строгий протокол безопасности, который запрещает работать вечером и ночью. Но ведь на Донбассе как раз в темное время суток самые обстрелы! С «Востоком SOS» мы поступали иначе: заезжали в населенный пункт, который подвергается обстрелам, и оставались там на ночь, чтобы зафиксировать точное время обстрела, характер повреждений, направление снарядов.

— Это огромный риск. Ты можешь вспомнить самый опасный момент в таких командировках?

— Было пару таких историй. Первая случилась еще до гуммаршрута, зимой 2015-го. В Песках оставалось много медикаментов — их завезли на передовую волонтеры, но ребятам столько не требовалось. Чтобы лекарства не пропали, военные попросили отвезти их в госпитали. Поехали мы на джипе «Правого сектора»... Тут такой вопрос моей эволюции как волонтера. Тогда я в последний раз воспользовался на фронте не гражданским транспортом, просто ситуация сложилась безвыходная. Водитель остановился поменять колесо, и мы поняли, где находимся. На улице Стратонавтов, которая выходит прямо на донецкие «башни-близнецы», а там — и минометы, и снайперы... В воздухе стояла звенящая тишина. Было предчувствие, что вот-вот начнут крыть минами, но обошлось. Эту замену колеса я никогда не забуду.

Второй случай произошел, когда мы с мониторинговой миссией заехали в поселок Золотое-4. Это такая агломера-

рил, то понять его несложно: какой смысл лишний раз обострять отношения с органами. С другой стороны, нельзя исключать, что Стрижак сказал нам правду. В конце концов, у КГБ могли быть свои источники, близкие к гуммаршруту, и поэтому дергать на беседы известного правозащитника чекисты просто посчитали излишним.

ция поселков в Луганской области. Золотое-5 уже было неподконтрольное Украине. Золотое-4 в ложбинке, а позиции ВСУ находились на ближайшей высоте, и все недолеты, все перелеты с обеих сторон падали прямо в поселок. И линия фронта проходила фактически через жилой квартал. Мы жили в доме у семьи с годовалым ребенком. В 2014 году они выехали в Киев, потратили там все свои сбережения на жилье, но не нашли работу. Потом поехали в оккупированный Крым на сезонные работы, яблоки какие-то собирали, заработали немного. Но в итоге вернулись в Золотое-4 — у них там хороший крепкий дом с подворьем, гуси, ульи, с этого можно жить. Другое дело — как вообще жить?.. Вечером начался бой и выехать оттуда мы уже никак не могли. Там я впервые услышал звук рикошетиющей пули — раньше я его только в кино слышал. Было ощущение нереальности, киношности происходящего. Я понял, что ночь обещает быть непростой, и пошел за угол дома позвонить Жене.

(Женя вступает в разговор.) — ...А я лежала в больнице на плановой операции, ничего серьезного. Вдруг, вижу — звонок из роуминга от Андрея. Ладно, думаю, поговорю. Он стал рассказывать, какая погода хорошая, какие он сливы вкусные ест сейчас, а я слышу в трубке звук «ты-ды-ды-ды-ды». Спрашиваю: «Не мог бы ты зайти в безопасное место?» А он отвечает: «Так я в безопасном, за дом зашел». Через пару лет Андрей признался, что звонил прощаться.

— Не знаю, как мы ту ночь пережили, но она была для меня знаковой...

Игорь Ильяш

«Виноваты те, кто взял в руки оружие»

Пророссийская волонтерская группа «Фонд помощи Новороссии. Беларусь» (ФПН) стала известна не столько благодаря собственной деятельности, сколько из-за материала волонтерского сообщества InformNapalm от 29 апреля 2016 года. InformNapalm обвинил «Фонд помощи Новорос-

сии» в том, что они снабжают амуницией, спецснаряжением и медикаментами некоторые подразделения боевиков на Донбассе. Причем поставки осуществляются через неподконтрольную официально Киеву часть украинско-российской границы, перемещение через которую само по себе является нарушением законодательства Украины. Кроме того, ФПН якобы организовал канал переброски боевиков в Беларусь¹. Руководителями фонда называли белорусских граждан — Александра Бозюкова и Павла Ольшевского. Однако материал InformNapalm давал искаженно-преувеличенное представление о деятельности белорусского ФПН. Действительность была гораздо прозаичнее.

Аутентичный «Фонд помощи Новороссии» находится в Москве. По официальной версии, он занимается доставкой адресной гуманитарной помощи на Донбасс. За три года работы, по данным самого фонда, в зону конфликта было отправлено более 600 тонн гуманитарных грузов и собрано около 90 млн российских рублей (примерно 1,4 млн долларов по курсу на конец 2016 года). Правда, грузы адресовались вовсе не мирному населению, а конкретным подразделениям боевиков и имели весьма специфический характер. Помимо провианта и средств личной гигиены, «Фонд помощи Новороссии» поставлял боевикам военное снаряжение — бронежилеты, прицелы, средства связи, приборы ночного видения, навигаторы, тактические очки и т. д. В интернете можно найти многочисленные снимки руководителя фонда Глеба Корнилова на Донбассе в полной экипировке с оружием. Известно также, что в ноябре 2014 года в Донецком аэропорту он получил пулевое ранение в живот — якобы при раздаче «гуманитарки». Кроме того, сам Корнилов активно занимается пропагандистским сопрово-

¹ InformNapalm утверждал, что в действиях белорусского ФПН присутствует целый букет уголовно наказуемых деяний. Это ст. 132 УК РБ (вербовка, обучение, финансирование и использование наемников), ст. 447 УК Украины (наемничество), а также ст. 332 (незаконное перемещение через госграницу) и 332.1 (нарушение правил въезда-выезда на временно оккупированные территории).

ждением российской агрессии на Донбассе: выступает с концертами на оккупированных территориях, популяризирует идеи «Новороссии» в интернете».

Однако корниловский «Фонд помощи Новороссии» практически никакого отношения к своей белорусской франшизе не имеет. «Мы никак не связаны с «Фондом помощи Новороссии» в Москве. Мы просто позвонили Глебу Корнилову, попросили разрешения использовать их символику — он не отказал. С тех пор мы просто используем их эмблему, — объясняет Бозюков. — Никакой финансовой помощи мы от них не получали. На первых порах они, правда, нам отдавали те вещи, которые им поступали для гражданских, потому что сами-то они специализировались на помощи военным». Фактически белорусский «Фонд помощи Новороссии» — это просто группа волонтеров, часть из которых занимаются непосредственной доставкой грузов в отдельные районы Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО).

Никакой официальной регистрации ФПН в Беларуси не имеет. Единственная их платформа — это группа «ВКонтакте» «Фонд помощи Новороссии. Беларусь». Причем платформа отнюдь не многочисленная — в группе никогда не было больше 500 подписчиков. Активных же волонтеров вообще были единицы. По словам Бозюкова, например, к началу 2016 года актив белорусского ФПН состоял из 12 человек: он с Ольшевским и еще 10 волонтерок в разных городах Беларуси. К 2018 году по различным причинам актив сократился втрое: остался лишь сам Бозюков, две волонтерки в Беларуси и еще одна девушка в Донецке.

— *Началось все очень просто, — вспоминает Бозюков, — Увидели в интернете объявление, что ищут водителя, который бы согласился довезти гуманитарный груз до Донецка. Я согласился довезти его на собственном автомобиле. Так я познакомился с Павлом Ольшевским¹. Он мне рассказал про*

¹ Павел Ольшевский родился в Симферополе в 1988 году. Сейчас проживает в Минске. Его младший брат Антон во время аннексии Крыма Россией входил в так называемую «крымскую самооборону».

саму идею, и мы решили с ним начать этим заниматься. Это был февраль 2015 года.

— И вы так просто согласились лично поехать в зону боевых действий, чтобы доставить гуманитарный груз?

— Во-первых, я мотопутешественник. Езжу далеко и много. Во-вторых, это же не Сирия и не Иран, эта война касается нас напрямую. Там в любом случае наши люди.

К моменту первого рейса на Донбасс Александру Бозюкову — 42 года. Родился он в городе Тольятти, там же был призван на срочную службу во внутренние войска МВД, затем его перевели в конвойные войска в Республике Коми. С 1993-го по 1996 год Бозюков служил в так называемом Владикавказском ОМОНе (49-й ОБрОН¹ ВВ МВД РФ), в рядах которого принимал участие в Первой чеченской войне. Затем переехал в Гродно, где открыл небольшую автомастерскую. Прошлое, очевидно, сильно влияло на восприятие Бозюковым войны на Донбассе.

— Если вы хотели просто помочь людям, то почему решили взять название с однозначной политической окраской? Почему именно помощь «Новороссии», а не Донбассу, например?

— Я русский, и поэтому, наверное, так все и сложилось. Мы думали и через Украину добираться, но не отважились. Не хотели встречаться с «Правым сектором». А ехать через территорию России — там же абсолютно никаких проблем.

— У вас не возникло трудностей, когда вы в первый раз заезжали на территорию, подконтрольную ДНР?

— Российские пограничники нас сразу предупредили, что все данные про нас (ну, что мы заезжаем на территорию Донецкой области со стороны России) пойдут в Комитет госбезопасности. После этого Ольшевский созвонился с ребятами, которые обещали нас встретить и проводить до Донецка — он с ними где-то в интернете познакомился. Эти люди приехали на КПП и встретили нас.

— А в КГБ на беседы вас потом вызывали?

— Беседы были и есть, но я бы не хотел про это говорить...

¹ ОБрОН — отдельная бригада оперативного назначения.

— Насколько я понимаю, вы работаете только с территорией подконтрольной ДНР, а с ЛНР дел не имеете. Почему?

— Были как-то большие очереди на границе, и я решил поехать через ЛНР. На их пограничном переходе нас не пропустили и прямым текстом попросили взятку. Если б попросили деньгами, то еще ладно. А они попросили десятую часть груза отдать им. Я вообще стараюсь не давать взяток, а тут в такой ситуации, и они знали, кому идет груз... Короче, я отказался и вернулся назад. А вообще людям из ЛНР я помогаю, единственное, что я не заезжаю туда.

В группе «Фонд помощи Новороссии. Беларусь» особо подчеркивается: они осуществляют сбор помощи именно для мирных жителей так называемых ДНР и ЛНР. Бозюков утверждает: «ополченцев» они никогда не снабжали. Правда, Бозюков и Ольшевский получали именные благодарности «за активную жизненную позицию» от председателя так называемого народного совета ДНР Александра Пургина и штаба интербригады «Пятнашка». Однако и здесь, говорит Бозюков, речь шла исключительно о гуманитарной миссии.

— *Благодарность мы получили за доставку груза в Горловку. Горловку тогда сильно обстреливали, а у нас было 16 посылок, и парни из одного подразделения решились помочь. Мы туда поехали, а в тот момент Горловку инспектировали лидеры ДНР — Захарченко, Пургин и другие. Нас представили, поблагодарили. А когда приехали в следующий раз, нас пригласили на беседу и вручили грамоту.*

— Вы говорите, что помогаете только мирным жителям Донбасса. Но в феврале 2015 года у вас в группе «Вконтакте» был пост о том, что для «воинов на передовой» идет сбор амуниции, в том числе биноклей, оптических прицелов для винтовок и автоматов, военной формы. Значит, помогли вы еще и «ополченцам»?

— Нет, я могу гарантировать, что за все время только одна адресная посылка была доставлена «ополченцам» — в ней были медикаменты. Человек лежал в госпитале с оторванной

ногой, а сам он белорус (позывной Бармен, кажется), и мама ему собрала посылку. Больше ни разу «ополченцам» мы не помогли. Это принципиальное условие было. Я сам служил в армии, я едва-едва застал чеченскую войну, и я считаю, что люди, которые пошли воевать, они должны отвечать за свои действия. А те, которые страдают по вине людей, которые воюют, — это совсем другое. Что же касается того поста... У нас в группе «ВКонтакте» раньше было много полевых командиров — был Володя Новиков, командир подразделения «Троя», был командир бригады «Пятнашка» Абхаз. Возможно, это кого-нибудь из них был пост, и мы просто его разместили в группе. Но это точно не мой личный пост¹.

— Но в начале 2017 года вы создали «ВКонтакте» группу «Помощь ополченцам белорусам», где речь шла уже о конкретной помощи военным людям...

— Я создал ее когда-то, но сейчас уже не веду. Меня попросили ее вести люди из Москвы. Кто-то из моих бывших сослуживцев, еще по советской армии, и нынешних знакомых кому-то сказал, что ко мне можно обратиться. Люди утверждали, что будут помогать только вещами, продуктами и медикаментами. А потом стали поступать предложения привезти бронезилеты, каски и т. д. И я отказался. Нет, господа, тогда все сами².

— 30 декабря 2015 года в соцсетях вы оставили пост, где поздравляли с 50-летним юбилеем полевого командира Игоря Безлера (Беса) «от всех, кто под его началом воевал». Так вы вместе воевали?

— У меня есть друг Володя Карташев, который служил под руководством Безлера и который меня с ним познакомил. Когда

¹ Возможно, объявление действительно было размещено по просьбе одного из полевых командиров, но это был именно пост группы «Фонд помощи Новороссии. Беларусь», а не репост с другого аккаунта.

² Похоже, здесь Бозюков говорит правду. Группа «Помощь ополченцам белорусам» была не активна — почти за два года там набралось чуть более полутора десятков постов. А в подписчиках значилось всего 12 аккаунтов.

я ездил в Горловку, там как раз был Безлер. Да, я поздравил. Но это не значит, что я служил там. Я ни разу не применил оружие, не брал его в руки.

— **И все-таки, какого рода помощь вы оказываете?**

— *Продукты питания. Вещи, средства гигиены. Временами стройматериалы, когда люди просят, но небольшие грузы, я ведь везу на собственном автомобиле — у меня джип. Нам же никто с транспортом не помогает.*

— **Речь идет исключительно об адресной помощи?**

— *Не обязательно. Есть адресные посылки — ну, например, люди, которые уехали в Беларусь от войны, они собирают посылки для своих родных и отправляют через нас. Ну, и наши девочки ищут, кто нуждается, по интернету, и, исходя из этого, составляем маршрут. Есть конкретные поселки в районе передовой, есть маленькие детские дома на периферии, куда местная власть даже не заглядывает.*

По словам Бозюкова, главные трудности в их работе — финансовые. Денег постоянно не хватает, а спонсоров у белорусского ФПН немного. «В основном это то, что мы сами находим, плюс помогают ребята из России. Питерский фонд помощи периодически подкидывает нам и грузы, и финансы... Белорусы-то не очень стремятся помогать», — признается он. В последнее время Бозюков ездит на Донбасс все реже — говорит, тут и личные обстоятельства, да и схема работы немного изменилась. «У нас на той стороне теперь есть девочка, которая занимается распределением. Поэтому все средства, которые поступают, мы перечисляем ей на закупку грузов на месте. Так экономически выгоднее. А если нам что-то поступает грузом, то я тогда нахожу время, средства на дорогу и еду», — говорит он.

InformNaralrn обвинял «Фонд помощи Новороссии» в том, что они организовали канал переправки боевиков — из Беларуси на Донбасс и из Донбасса в Беларусь. Но оснований для подобного обвинения было немного. Фактически все предположение строилось исключительно на словах 20-летнего боевика из города Торез Игоря Коляды, кото-

рый в интервью газете «Народная воля» в октябре 2015 года рассказал: в Беларусь его привез Александр Бозюков (см. главу 23). Однако Бозюков утверждает, что это был первый и последний случай, когда он доставил в Беларусь «ополченца». «Я был в Донецке, мне звонит парень — мол, меня взрывом оглушило, я почти инвалид, меня нужно вывезти. Я говорю — никаких проблем, давай. Я забрал его, забрал еще двух девчонок, которые хотели уехать в Беларусь. Коляду я выгрузил на минской кольцевой автодороге, там его родственники встретили, на чем наши с ним контакты и закончились. А девчонок — одну в Барановичи, одну в Солигорск. Я ведь много сюда людей привез, у них тут или родственники, или знакомые, или они просто бежали от войны, но ничего противозаконного я не совершал. У людей были на руках паспорта, а как они дальше тут жили — этого я уже не знаю. Вот этот Игорь Коляда оказался «ополченцем», но это был единственный «ополченец», кого я вывез в Беларусь», — утверждал сначала Бозюков. Правда, позже в беседе Бозюков менее однозначно комментировал этот вопрос. Мол, он же с Донбасса многих перевозил — может, среди них и бывшие «ополченцы» были, да только не говорили об этом. «В основном я увожу семьи — это либо женщины с детьми, либо мужчины с женой и детьми. Едет семья — не буду же я спрашивать, воевал ты или не воевал? Я вообще стараюсь поменьше вопросов задавать», — говорит он.

На историю Игоря Коляды обратил внимание не только InformNapalm, но и белорусские спецслужбы. Тем более что боевик в интервью утверждал: Бозюков сам воевал на Донбассе, а ехали они в Беларусь на «отжатом» внедорожнике. После этого Бозюкова вызывали на беседы, к нему приходили с обыском, а по поводу внедорожника проводилась проверка. «Мне даже показывали газету — там был обведен красным абзац, где написано, что я вместе с Колядой воевал, что джип, на котором я передвигаюсь, «отжатый». Но я не воевал, и машину я покупал еще в 2008 году. В итоге я был предупрежден, что меня могут привлечь к ответственности,

если будет доказано участие в боевых действиях. Документ просили подписать, что я не буду участвовать... Меня вызвала и милиция, и КГБ. В Комитете вообще все просто было. Мне задали вопросы, на которые я ответил, они что-то по своим бумажкам согласовали, покивали головами, да и все. А вот ГУБОПиК приходил с обыском», — вспоминает Бозюков.

В конечном итоге InformNapalm и Бозюков предлагают два взгляда на деятельность белорусского ФПН. InformNapalm утверждает, что команда Бозюкова напрямую снабжает подразделения ДНР провиантом и амуницией, они создали целый канал переправки боевиков в Беларусь, да и сами, вероятно, не гнушались брать в руки оружие. Бозюков же утверждает, что снабжали они только мирное население, военное снаряжение не возили, сами не воевали, а если и перевозили кого с Донбасса в Беларусь, то это были отдельные случаи и делалось подобное исключительно из гуманитарных соображений. Правду нужно искать где-то посередине. InformNapalm, конечно, всерьез преувеличил масштабы деятельности белорусского ФПН. Вся эта инициатива принадлежит отдельным энтузиастам, о масштабной организованной помощи боевикам речи не шло. Что касается создания целого канала переправки бывших «ополченцев» в Беларусь, то в нем просто не было смысла. Белорусско-российская граница все время оставалась открытой, и беспрепятственно пересекать ее можно было на любом транспорте — от поезда и автобусов до обычных попутков. Даже если Бозюков перевез в Беларусь не только Игоря Коляду, то это все равно стало лишь каплей в море.

Однако и версия, изложенная пророссийским волонтером, выглядит приукрашенной. Вероятно, изначально все задумывалось не только как гуманитарный проект, но как полноценный белорусский аналог корниловского «Фонда помощи Новороссии» — не зря они взяли их эмблему и название. И помощь поступала как мирным жителям, так и боевикам. Однако проект столкнулся с объективными

трудностями. Во-первых, снабжение «ополчения» требовало масштабных финансовых вливаний — военная амуниция стоит куда дороже, чем зубная паста или быстрорастворимая лапша. Деньги могли прийти только из России, но спонсорам «Новороссии» не было никакого смысла перенаправлять финансовые потоки в Беларусь. Поэтому все ограничивалось скромными подачками. Во-вторых, белорусские спецслужбы совсем не были заинтересованы в том, чтобы у них под носом осуществлялась закупка и транспортировка военного снаряжения для НВФ. С одной стороны, это портило нейтральный имидж Беларуси, а с другой — представляло потенциальную опасность — мало ли кому в руки потом все это попадет. Поэтому команде Бозюкова, вероятно, сделали соответствующее внушение: если хотите работать нормально, то лучше амуницию боевикам не возить, да и вообще особо не высовываться.

Как ни странно, сам Бозюков не повторял штампы путинской пропаганды и вообще старался не давать категоричных оценок происходящему на Донбассе. На лобовом стекле его внедорожника красовался флажок ДНР и эмблема «Пятнашки», но объяснял Бозюков свои взгляды не «распятыми мальчиками», а тем, что он русский. На вопрос о том, кто виноват в войне на Донбассе, выдавал пространственный монолог, в котором читалось сомнение в правоте идеи «Новороссии»: «Виноваты те люди, кто взял в руки оружие. Но конкретно сказать не могу. Вы же понимаете, что если я русский и езжу с той стороны, то я по всем своим понятиям должен винить украинцев и Порошенко. Но я этого не скажу. На самом деле в начале войны я смотрел на это иначе, а теперь... Короче, я действительно не знаю... Понимаете, я как-то вывозил семью, которая жила на украинской стороне. Но волей судьбы они пробрались на территорию ДНР — у них два взрослых сына, которых должны были забрать в армию. Они прошли через МГБ, их отпустили, и вот они попросили их вывезти в Беларусь — то есть жена, муж и двое парней. И вот я их вез к родственникам под

Минском. И я вам скажу, что у них совсем иной взгляд на то, что происходит, они, наоборот, говорят, как плохо на стороне ДНР... Так что это сложный вопрос».

Эти рассуждения о «вине тех, кто взял в руки оружие», предстают в совершенно ином свете, если учесть: по слухам, Бозюков и сам успел повоевать на Донбассе. «Он воевал пару месяцев. Они все (активисты ФПН. — *И. И.*) воевали, а теперь дурачка включают», — говорил автору этой книги боевик ДНР Вадим Шевченко. «Даже если представить чисто теоретически, что кто-то из нас и брал когда-то в руки оружие (не я, а кто-то другой, например), то вы же знаете наше законодательство... поэтому все будут молчать», — многозначительно замечал по этому поводу Бозюков.

* * *

«Фонд помощи Новороссии. Беларусь» — самая известная волонтерская группа в Беларуси, совершавшая регулярные поездки на подконтрольные сепаратистам территории, но не единственная. В социальных сетях действовала также группа «Гуманитарная помощь Новороссии из Беларуси». Ее лидер — минчанин Дмитрий Шилейко, 1971 года рождения. В отличие от ФПН, группа Шилейко не скрывала, что собирает для боевиков грузы военного характера: деньги, горюче-смазочные материалы, спецсредства, бронежилеты, питание. Причем среди сторонников «русского мира» Шилейко имел репутацию «проверенного координатора помощи “ополчению”» — именно так его характеризует пресс-секретарь Союза православных граждан Кирилл Фролов в своей переписке, опубликованной хакерской группой Distributed Denial of Secrets в январе 2019 года. По данным сайта «Миротворец», Шилейко и сам участвовал в боевых действиях на стороне ДНР. Однако в целом о деятельности группы «Гуманитарная помощь Новороссии из Беларуси» известно крайне мало. В отличие от лидера ФПН Бозюкова, Шилейко категорически отказывается общаться с журналистами.

Известны и менее одиозные волонтерские инициативы в Беларуси. Например, в январе 2015 года около 2,5 тонн продуктов отправил на Донбасс военно-патриотический центр «Казачий спас» во главе с Петром Шапко. Гуманитарка состояла исключительно из продуктов питания и официально предназначалась для мирного населения. «Казачий спас» доставлял свой груз не напрямую на Донбасс, а при посредничестве движения «Новороссия» Игоря Стрелкова-Гиркина.

Нельзя исключать, что существовали и иные, не известные до сих пор каналы поставок гуманитарной помощи, снаряжения в ДНР и ЛНР. Однако в любом случае речь идет об инициативе отдельных энтузиастов, которые не объединялись в общественную организацию. «Я знаю, что частные лица из Беларуси помогают ДНР и ЛНР — и деньгами, и обмундированием. А вот организации... Ничего про это не слышал», — признается боевик Александр Шеянов, примкнувший на Донбассе к одному из российских казачьих объединений.

Глава 16

БЕЛОРУССКИЕ ЦИФРЫ ВОЙНЫ

Вопрос о количестве белорусов, прошедших через войну на Донбассе, — один из самых неисследованных. Это неудивительно: какие-то статистические данные засекречены, каких-то в принципе не существует. Понятно, что подсчитать каждого белоруса, принявшего участие в этом конфликте, не удастся никогда. В лучшем случае спустя годы получится назвать приблизительные цифры с погрешностью в десятки. Пока же, на основе анализа обрывистой статистики, сведений самих бойцов и заявлений спецслужб, можно сделать лишь самые общие выводы о количестве белорусов, прошедших Донбасс. Погрешность в оценках здесь может составлять сотни человек. Но уже теперь очевидно: это самое масштабное участие белорусов в войне со времен боевых действий в Афганистане 1979—1989 годов. Наши соотечественники стали третьей по численности национальной группой (после украинцев и россиян), воевавшей на Донбассе.

На стороне Украины

Единственное военное объединение белорусов-добровольцев — это тактическая группа «Беларусь». Группа была создана в июле 2015 года в рамках Добровольческого украинского корпуса «Правый сектор» и со временем стала выступать от имени всех белорусских добровольцев. «Мы считаем, что на украинской стороне воевало несколько сотен белорусов. Точных цифр никто не знает, но, без сомнения, было больше 200 человек. Были те, кто не афишировали свою

национальную принадлежность. Через тактическую группу «Беларусь» прошли несколько десятков», — рассказывали в ТГБ в начале 2018 года.

Так называемый отряд «Погоня», в отличие от ТГ «Беларусь», никогда не собирался вместе на фронте. «Погоня», по сути, выполняла функции мобилизационного центра или центра помощи белорусам, которые решили поехать воевать за Украину. По данным Общественного сектора отряда «Погоня», в войне на Донбассе с украинской стороны приняли участие около 200—250 белорусских граждан. Что касается добровольцев из Беларуси, которые прошли через отряд «Погоня», то их число в Общественном секторе оценивают приблизительно в 20—30 человек. Отсутствие точной статистики в «Погоне» объясняют организационными особенностями. «Люди, которые проходили через нас, позже отправлялись в украинские батальоны и уже на месте присоединялись к отряду белорусов, которых они там встречали. Но структура была неформальной, и сбор, и документирование информации про добровольцев, которые позиционировали себя бойцами отряда «Погоня», мы не вели. В первую очередь для их защиты от белорусских спецслужб. Ну и сам отряд «Погоня» приостановил свое существование в 2016 году — он был переформатирован в Общественный сектор отряда «Погоня», который начал заниматься волонтерской помощью добровольцам», — говорили представители «Погони». С этими оценками согласен и депутат Верховной Рады Украины Игорь Гузь, один из организаторов отряда «Погоня».

Однако 200—250 человек — это не максимальные цифры, которые нам встречались. Один из авторов документальной книги «Добробаты», бывший пресс-офицер батальонов «Днепр-1» и «Донбасс» Василиса Трофимович считает, что белорусов в АТО с 2014-го по 2018 год было значительно больше. «Конкретно граждан Республики Беларусь, — думаю, — около 400—500 наберется. Это именно люди с гражданством. А этнических белорусов — тех, кто получил граж-

данство Украины в 90-х или даже позже — их значительно больше», — говорила она в январе 2018 года. Василиса Трофимович утверждает, что белорусы составляли одну из самых больших иностранных национальных групп среди участников АТО (позже ООС) — наравне с грузинами, чеченцами и россиянами.

Напомним, что белорусы на украинской стороне — это не только бойцы «Правого сектора», «Азова», «Донбасса» или других известных добровольческих батальонов. Это и солдаты обычных подразделений Вооруженных сил Украины, где они служат по контракту. 10 июня 2016 года президент Петр Порошенко подписал Указ № 248, который позволяет иностранцам и лицам без гражданства проходить службу в ВСУ. Аналогичный закон (№ 920-VIII) в декабре 2015 года Порошенко подписал насчет службы в Национальной гвардии.

Все добробаты в Украине (за исключением ДУК «Правый сектор») сегодня принадлежат к той или иной силовой структуре. Василиса Трофимович отмечала, что попасть иностранцу в ВСУ или Нацгвардию не сложнее, чем гражданину Украины. «Требования те же, что и к украинцам. Обычный пакет документов, — рассказывает она. — С МВД сложнее — нужно быть гражданином Украины. Но на самом деле... при желании и в МВД можно попасть иностранцу — например, если перевестись из Нацгвардии».

В мае 2017 года пресс-служба управления связей с общественностью Вооруженных сил Украины сообщала, что только в украинской армии служат около 100 иностранцев — преимущественно граждане Беларуси, Грузии, Литвы, Молдовы и России. Точных цифр насчет белорусов ни ВСУ, ни МВД, ни Нацгвардия не предоставляют.

На стороне России

Если статистика по украинским силовым структурам преимущественно засекречена (это естественно — идет война), то общей статистики по незаконным вооруженным фор-

мированиям ДНР и ЛНР вообще не существует. Участники конфликта со стороны сепаратистов отмечают: отчетность у них всегда велась очень плохо, а в начале войны ее почти не было. Нередко происходило так, что человек успел повоевать (или даже погибнуть), но не оставил в документах боевиков никакого следа.

Вот что рассказывал на этот счет Александр Жучковский — экс-боевик, который позже стал заниматься снабжением вооруженных формирований ДНР и ЛНР: «Статистики в «ополчении» никогда не велось и теперь в войсках не ведется. Точное количество всех добровольцев (из неместных) на Донбассе назвать сложно — разброс в оценках огромный, называют цифры от 30 до 50 тысяч бойцов из России и других стран. А уже из отдельной страны назвать количество почти невозможно. Однозначно могу сказать, что из Беларуси людей было и остается много. В каждом большом подразделении есть граждане Республики Беларусь. По количеству добровольцев после РФ лидирует именно Беларусь, потом идет Казахстан». Жучковский считает, что за ДНР и ЛНР с 2014-го по 2018 год воевали от 700 до 1000 белорусов. Эти цифры полностью совпадают с оценками Александра Огренича (Горыныча) — одного из наиболее известных белорусов-боевиков, командира подразделения разведки в самопровозглашенных республиках. В 2016 году он оценивал количество граждан Беларуси на стороне сепаратистов в 700—800 человек. По словам Горыныча, только в его непосредственном подчинении находилось около 400.

Наиболее компетентный источник в ДНР и ЛНР, с которым удалось поговорить на эту тему авторам, — Михаил Полянков. Он не только является одним из ближайших соратников бывшего «министра обороны ДНР» Игоря Стрелкова-Гиркина, но и лично координировал вербовку бойцов в ряды армии «Новороссии», в том числе среди иностранных граждан. «Точной статистики вам никто не даст. Могу сказать только, что белорусы были на третьем месте среди наций в ополчении на Донбассе. На первом месте — украинцы по

паспорту. На втором — русские, граждане РФ. На третьем — белорусы. Потом в порядке уменьшения: сербы, русские (и не только русские) из Казахстана, чеченцы и т. д. Белорусов, думаю, было в пределах тысячи человек», — считает он.

Тысяча человек — много это или мало в военном плане? С одной стороны, если оценка Полюнкова верна, то де-факто из белорусов на стороне ДНР и ЛНР можно было бы собрать два полноценных батальона. С другой стороны, в общих масштабах конфликта эта цифра выглядит не столь внушительно. По различным оценкам, с конца 2015-го до конца 2018 года силы «ополченцев» и российских войск на Донбассе варьировались от 30 до 41 тысячи человек. То есть можно смело утверждать, что белорусский «контингент» на общий расклад сил на фронте всерьез никогда не влиял. Тем более что одновременно эта условная тысяча белорусов-боевиков на Донбассе никогда не находилась: люди приезжали и уезжали на протяжении всего конфликта.

Примечание. Например, по состоянию на январь 2016 года заместитель министра обороны Украины оценивал количество боевиков и российских военных на Донбассе в 41 тысячу человек. 6 сентября того же года Петр Порошенко, выступая в Верховной Раде, назвал цифру в 38,5 тысячи человек.

Что говорит Киев

Интересно, что официальный Киев старается не акцентировать внимание на масштабах участия белорусских граждан в войне на стороне сепаратистов. Украинские власти неоднократно публично предъявляли претензии к Сербии за то, что в составе формирования на востоке Украины воевало много сербских граждан (по оценкам СБУ, более 300 наемников) и практически никто за это не понес наказания. При этом Украина никогда публично не поднимала аналогичный вопрос насчет белорусов, хотя все наши источники в один голос говорят, что белорусов в ДНР и ЛНР было значительно больше сербов. Судя по всему, Киев просто не хочет на этой теме портить и без того непростые отношения с Минском.

В ответ на обращение в Службу безопасности Украины нам сообщили, что на начало 2018 года было установлено 28 граждан Беларуси, которые воевали на стороне ДНР и ЛНР. При этом в рамках расследуемых СБУ уголовных дел ни одного подозрения белорусам-боевикам не выдвигалось. Очевидно, что подобные цифры СБУ весьма далеки от реальности. Только в СМИ и открытых источниках можно без труда найти имена и фамилии примерно 50—60 потенциальных подозреваемых. В украинской базе «Миротворец» по состоянию на начало 2018 года находились данные 119 белорусов, которых волонтеры центра отнесли к «наемникам и их пособникам».

Что говорит Минск

Несомненно, наиболее точные цифры известны спецслужбам Беларуси. Но власти стараются либо обходить эту тему стороной, либо умышленно занижать статистику. В ходе визита в Жлобин 25 сентября 2015 года Александр Лукашенко утверждал, что на Донбассе воюют «единицы, может, каких-то два десятка» белорусских граждан. К тому моменту конфликт длился 1,5 года и совершенно очевидно, что спецслужбы не могли не знать: счет белорусов идет не на единицы, а на сотни. Поэтому в Жлобине Лукашенко либо сознательно искажил факты, либо его дезинформировали собственные подчиненные (последнее — наименее вероятно).

В декабре того же года Валерий Вакульчик заявил журналистам, что КГБ располагает информацией о 58 гражданах Беларуси, воюющих на Донбассе (34 с одной стороны и 24 с другой). Спустя два месяца, в феврале 2016 года, ГУБОПиК МВД сообщило, что в боях на Донбассе принимали участие уже около 140 человек. Впоследствии белорусские спецслужбы сосредоточатся исключительно на количестве уголовных дел — их цифра вплоть до весны 2018 года варьировалась в пределах 130—140. Поскольку власти с самого начала обещали преследовать всех воевавших, то по умолча-

нию предполагалось, что количество участников конфликта и количество уголовных дел должно совпадать.

Однако самое интересное заявление сделал министр внутренних дел Игорь Шуневич — в апреле 2016 года он заявил, что на одного белоруса, который воюет на стороне Украины, приходится трое на стороне ДНР и ЛНР. Этим словам Шуневича нет оснований не доверять. Во-первых, министр вряд ли заинтересован в том, чтобы искусственно завышать количество сторонников «русского мира» в Беларуси. Во-вторых, ранее МВД уже приводило подобные данные. В программной статье «Советской Белоруссии» «Гастарбайтеры войны» ее автор Андрей Дементьевский, допущенный к материалам ГУБОПиК, писал: «Судя по материалам, собранным в МВД на участников донбасских боев, белорусов, воюющих на стороне ДНР и ЛНР, в несколько раз больше, чем их земляков из украинских «добробатов». Во-вторых, люди, знакомые с реалиями белорусского общества, отмечают, что соотношение 1 к 3 вполне правдоподобно. «Я думаю, это соответствует ситуации в обществе. У нас $\frac{1}{3}$ — это люди, которые выступают за белорусский язык и культуру. Остальные 70 % находятся под серьезным влиянием России. Так что ничего удивительного, все естественно», — отмечает Дмитрий Полойко, экс-боец добровольческого батальона «Донбасс», позднее перешедший на службу в ВСУ.

При этом не замечено какой-либо взаимосвязи между местом жительства участника войны на Донбассе и его политическими предпочтениями. Теперь нет никаких оснований утверждать, что, например, из западных регионов Беларуси чаще ехали воевать за Украину, а из восточных — за Россию. Были случаи, когда в разных окопах оказывались даже знакомые. «Знаю, что один парень был в Луганске — увидел «Вконтакте» его фото с Донбассу с соратниками. Не хочу называть фамилию. Мы вместе учились в 65-м строительном училище в Бресте. Но что с ним сейчас, я не знаю — после того как началась война, я с ним не поддерживал связь», — рассказывал боец «Правого сектора» Дмитрий Рубашевский.

Формула Шуневича

Формула Шуневича на данный момент является ключевой в нашем исследовании.

Таким образом, согласно самым минимальным оценкам, на стороне Украины с 2014-го по 2018 год воевали 200—250 человек. Если использовать формулу Шуневича, то получится, что через отряды сепаратистов за это время прошло минимум 600—750 человек. Это вполне соответствует подсчетам наших источников в ДНР и ЛНР. Итого мы получаем 800—1000 белорусов, воевавших на Донбассе, — и это, подчеркнем, самые минимальные оценки.

То, что число белорусов, прошедших через конфликт на востоке Украины, стремится к тысяче, косвенно подтверждают и данные ГУБОПиК, озвученные в марте 2018 года. Начальник ГУБОПиК полковник Николай Карпенков в интервью «Советской Белоруссии» заявил, что на причастность к наемничеству проверяются 734 белорусских гражданина и лиц без гражданства, проживающих в Беларуси. Он при этом не уточнил, сколько человек спецслужбы уже проверили и признали наемниками.

Чтобы всех окончательно запутать, в том же интервью полковник Карпенков виртуозно жонглировал статистикой. Он заявил, что точно известно: из этих 734 человек 188 воевали на востоке Украины. Уточнение более чем странное. Есть лишь две войны, куда белорусы могли бы поехать воевать — это Донбасс и Сирия. Поверить в то, остальные 546 человек могли сражаться на Ближнем Востоке, крайне сложно — исторически, географически и информационно конфликт в Украине несоизмеримо ближе для белорусов, чем война в Сирии. В декабре 2015 года министр Шуневич оценивал количество белорусов, уехавших воевать за «Исламское государство» всего в 10 человек, и при этом параллельно говорилось примерно о 140 белорусах на Донбассе. То есть, даже по сильно заниженным данным, речь шла как минимум о соотношении 1 к 14, а в реальности, разрыв в цифрах может быть многократно выше. Поэтому, вероятнее всего, из этих

734 человек к другим конфликтам имеют отношение лишь единицы¹.

Но и это еще не все. Ведь Николай Карпенков говорил о проверке 734 белорусов именно на причастность к наемничеству — то есть к уголовному преступлению, предусмотренному статьей 133 УК РБ. Но нужно помнить еще и о ст. 361-3 (участие в вооруженном конфликте на территории иностранного государства), о которой глава ГУБОПиК вообще ничего не сказал — а ведь под нее подпадают абсолютно все белорусы, воевавшие на Донбассе, начиная со второй половины 2016 года. Плюс Карпенков отдельно выделил примерно 40 бойцов украинских добровольческих батальонов, на которых силовики завели уголовные дела по невоенным статьям — хулиганство, нанесение телесных повреждений, мошенничество и т. д.

Если учесть все эти статистические нюансы, то и максимальные оценки масштабов участия белорусских граждан в войне — 1000—1500 человек — кажутся вполне реальными. Во всяком случае, через Донбасс вряд ли прошло менее 1000 белорусов. Однако пока конфликт не закончился, пока не получен доступ к документам белорусских спецслужб и воюющих сторон, получить исчерпывающую информацию невозможно.

Манипуляции белорусских властей с цифрами и желание их занижить имеют ясную политическую цель. Официальный Минск в этом конфликте с самого начала позиционирует себя в качестве нейтрального государства, претендующего на роль миротворца в регионе. Руководство страны могло счесть большое количество белорусов, воюющих на Донбассе, угрозой подобному имиджу Беларуси. Достаточно

¹ Отметим, что цифра в 734 подозреваемых в наемничестве была озвучена уже после публикации на сайте «Белсата» журналистского расследования, где количество белорусов, что принимали участие в войне на Донбассе, впервые оценивалось примерно в тысячу человек <https://belsat.eu/news/kolki-belarusau-prajshli-praz-vajnu-nadatabase-rassledavanne-belsatu/>. До этого спецслужбы в течение нескольких лет говорили о максимум 130—140 подозреваемых.

вспомнить, как Лукашенко назвал присутствие белорусов на фронте «расширением, эскалацией конфликта». А глава КГБ, обосновывая необходимость введения статьи 361-3, говорил, что, согласно Гаагской конвенции, государство теряет нейтральный статус, если его граждане добровольно вступают в армию одной из воюющих сторон. Хотя никому не приходило в голову называть Беларусь участницей конфликта, власть предпочла бы даже малейшего повода для этого не давать. Причем поначалу, кажется, официальный Минск планировал отрицать само наличие проблемы. Когда 23 марта 2015 года посла Беларуси в Украине Валентина Величко спросили, участвуют ли белорусские граждане в боевых действиях на Донбассе, дипломат дал уклончивый и лукавый ответ. «Есть вербовщики, которые предлагают, судя по всему, заработать. Но нормальные люди на войну не поедут. Если у меня есть семья, устроен быт, если у меня есть работа, то извините меня — куда я поеду? Это же война. **Примеров, когда белорусы воевали бы на чьей-либо стороне на востоке Украины и погибли, мы не знаем**», — заявил он в интервью агентству «Українські новини». К тому моменту война длилась уже около года, спецслужбы фиксировали так называемый вал белорусских добровольцев, уезжающих на Донбасс. Некоторые даже успели погибнуть. И вряд ли посол Величко ничего об этом не знал. Вскоре власти Беларуси придут к выводу, что отрицать очевидное бессмысленно. Однако масштабы проблемы будут преуменьшать, специфические особенности умалчивать и в итоге преподносить информацию публике в выгодном для себя свете.

Глава 17 СПЕЦСЛУЖБЫ ПРОТИВ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

«В Минске прошла пресс-конференция родителей добровольцев, воюющих в Украине. В мероприятии участвовали Николай и Елена Скобля — родители Алексея Скобли; Ольга Шавлюкевич, мать Зубра из «Азова», и Виктор Мельников.... У всех родителей прошли обыски, у них изъята техника. Кроме того, спецслужбы ведут прессинг друзей белорусских добровольцев, воюющих в Украине». (Из статьи «Нашай Нівы» от 23 сентября 2016 года.)

* * *

Мы уже говорили, что подавляющее большинство силовиков в Беларуси придерживается пророссийских взглядов. Ничего удивительного в этом нет: Россия уже более 20 лет является главным военно-политическим союзником Беларуси. Поэтому вполне логично, что отношение силовиков к белорусам, воюющим за Украину, было и остается стабильно отрицательным. Как и лично у Лукашенко. В его глазах добровольцы — это в первую очередь сторонники революции, Майдана — самого ужасного кошмара любого авторитарного лидера. Для Лукашенко Майдан — однозначное зло. В марте 2014 года он так комментировал украинские события: «Скажу вам откровенно: всё, что произошло и происходит в Украине, мне категорически противно и не нравится... По-разному это называют — революционный переворот, революция, вооруженный захват власти, неконституционное

свержение власти — короче неконституционный процесс. Может это нравится мне, вам, людям, посвященным в политику? Конечно, нет. Это ненормально, когда таким образом свергают законную власть и устанавливают новую власть». В той же беседе с журналистами, вполне в духе кремлевской пропаганды, Лукашенко рассуждал о том, что некоторые представители власти в Украине считают себя наследниками Бандеры и УПА, а бандеровцы якобы сожгли Хатынь¹. «Скажите, если люди, которые сегодня во власти в Украине, ассоциируют себя с этими нелюдьми, то какое у нас, белорусов, должно быть к этому отношение, да и не только у белорусов? Соответствующее». Лукашенко неоднократно говорил, что не допустит в Беларуси Майдана, и огульно называл всех протестующих «майданутыми». Именно на борьбу с угрозой революции Лукашенко и ориентировал спецслужбы. На заседании Совета безопасности в декабре 2014-го он заявил, что в Украине «накапливается потенциал ненависти и экспорта “цветной революции”». Лукашенко изначально дал силовикам понять, кто здесь враг — и те мгновенно уловили, к тому же такая позиция полностью совпадала с их же взглядами.

Не возникает сомнений, что белорусских граждан в украинских добробатах Лукашенко воспринял как «боевиков», которые в случае возвращения в Беларусь могут представлять прямую угрозу его режиму. В отличие от социально близких белорусов в рядах ДНР и ЛНР. Именно по этой причине преследование добровольцев стало для властей делом первостепенной важности. В то время как аресты четырех боевиков в 2017—2018 годах — лишь сиюминутной уступкой Киеву в погоне за политическими бонусами (см. главу 21). Если бы Лукашенко не видел необходимости действовать с оглядкой на Запад и тот же Киев, госпропаганда еженедель-

¹ На самом деле УПА и Степан Бандера не имеют никакого отношения к уничтожению Хатыни. Карательную акцию проводили особый зондербатальон СС «Дирлевангер» и 118-й батальон шцманшафта. Костяк 118-го батальона состоял из советских военнопленных, в руководстве были бывшие офицеры Красной армии.

но выдавала бы порцию «страшилок» ничуть не хуже российских. Впрочем, в критические моменты, вроде народных протестов или выборов, лукашенковские телеканалы начинали пугать общество то вымышленными «украинскими боевиками» в Минске, то джипом с вооруженными людьми, пытавшимся прорваться через границу из Украины. Каждый раз для нагнетания страха в обществе используется «украинский» контекст, но никогда в подобных целях не упоминается о присутствии в Беларуси «ополченцев».

В статье «Гастарбайтеры войны», опубликованной на страницах газеты Администрации президента «СБ-Беларусь сегодня», анонимный представитель МВД расставляет точки над «i»: «Особую угрозу национальной безопасности представляют белорусские граждане, воюющие в составе подразделений АТО. В большинстве своем это представители криминогенной молодежной среды, придерживающиеся крайне радикальных неонацистских взглядов. Они проповедуют идеологию агрессивных околофутбольных движений и насильственную форму свержения государственной власти, открыто противопоставляют себя правоохранительной системе», — утверждает спикер. Эти приоритеты подтверждают вернувшиеся на родину боевики ДНР и ЛНР. Так, экс-боевик 1-й Славянской бригады Александр Рукавишников вспоминал: «На беседе сотрудник КГБ сказал мне: “Нас больше АТОшники интересуют, чем ты”».

Белорусами, воевавшими по обе стороны, занялись КГБ и ГУБОПиК. Каким образом ведомства распределяли между собой сферу ответственности и задачи — неизвестно. «Мы формируем оперативные учеты белорусских боевиков, которые воевали в Украине, а теперь возвращаются домой. Все это делается для того, чтобы люди, которые могут нести военную угрозу государству, находились под контролем», — рассказывал весной 2016 года в интервью газете «Звязда» глава ГУБОПиК Николай Карпенков. По его словам, на тот момент против «наемников» было возбуждено 135 уголовных дел. В июне 2016-го председатель КГБ Валерий Вакульчик заявил

о 138 делах. Через два года речь шла уже о 734 потенциальных «наемниках». При этом ни Карпенков, ни Вакульчик долго не уточняли, сколько фигурантов дел задержано и на чьей стороне они воевали. Только в марте 2019 года глава ГУБОПиК упомянул о «десяти арестованных наемниках». Учитывая, как белорусские правоохранители любят публично хвастаться успешными операциями, возникает вопрос: где же сюжеты на госканалах и кадры спецопераций, в результате которых задержали «солдат удачи»? Несмотря на повторяющуюся мантру о «наемниках», за весь период войны не сообщалось ни об одном суде по 133-й статье («Наемничество»). Проще говоря, белорусскому обществу так и не показали ни одного пресловутого «солдата удачи».

Говоря о преследовании добровольцев, воевавших на стороне Украины, подчеркнем ключевой момент: их приезд в Беларусь — исключение из правила (см. истории Стаса Гончарова и Дмитрия Полойко). За пять лет известно только четыре таких случая. Приезд же экс-боевиков на родину вполне можно назвать массовым. Причина очевидна: добровольцы почти всегда понимали, что им грозит долгое тюремное заключение. Боевики же несколько раз приезжали беспрепятственно, а впоследствии передавали по «сарафанному радио» соотечественникам на фронте: опасности нет, максимум, что их ждет в Беларуси — вежливая беседа с чекистом и деликатный обыск с подпиской «предупрежден об ответственности...»

Показательный суд над Тарасом

В ночь на 26 ноября 2015 года внимание сотрудников милиции, которые дежурили на третьем этаже здания железнодорожного вокзала в Минске, привлек странный молодой человек. Милиционеры решили проверить у него документы и досмотреть — в процессе под одеждой обнаружили бронжилет. Парня задержали и доставили в участок, где в его вещах нашли пистолет, самодельное взрывное устройство, состоящее из гранаты с вмонтированным взрывателем, бала-

клаву, два паспорта и... справку участника боевых действий в составе «Правого сектора». Молодому человеку предъявили обвинение по ч. 2 ст. 295 УК (незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ).

Так звучит версия правоохранительных органов о задержании 28-летнего уроженца Новополоцка Тараса Аватарова. Его история загадочна, в ней полно пробелов: начиная с того, как ему вообще удалось добраться до Минска с боеприпасами, заканчивая неоднозначными оценками сослуживцев по «Правому сектору». Некоторые даже указывали на то, что Тарас мог быть агентом белорусских спецслужб. Конечно, лучше разобраться в непростом деле Аватарова в будущем нам поможет личное интервью с ним. Но на момент выхода книги доброволец отбывает пятилетний срок в колонии строго режима Витьба-3.

Тарас, младший из трех детей в семье Поспих, вырос в военном городке под Новополоцком, учился на «отлично», любил играть в «Что? Где? Когда?». К службе в армии оказался не годен из-за хронической аллергии. В 2011 году по неясной причине сменил фамилию на замысловатое Аватаров. По словам матери, Людмилы Поспих, он учился в университете на химика-технолога и готовился работать на нефтеперерабатывающем заводе, если бы не отчисление «по собственной глупости». После он подрабатывал то программистом, то грузчиком, потом устроился продавцом компьютеров в Москве — в общем, карьера не сложилась. Он не был женат, но имеет 7-летнего сына. Периодически Тарас приезжал в родительский дом, а в октябре 2015 года сообщил, что «едет устраивать свою жизнь». О том, что собирается на Донбасс, родных не предупредил. Совсем ничего не известно о политических взглядах Аватарова до войны, в общественной жизни он участия не принимал.

На Донбассе Аватаров под позывным Дук присоединился к отдельной тактической группе им. капитана Воловика «Правого сектора». Командир группы Кулибин в интервью

«Белсату» рассказывал, что за полтора месяца белорус не принимал непосредственного участия в боях, не выезжал на передовую. «Считался он у нас поваром. Не знаю, как его душа поперла на родину. Я до сих пор не понимаю, зачем и как. Но что было, то было. Жаль, он не успел сходить на боевые. Я думаю, у него что-то получилось бы там, по крайней мере, с готовкой получалось. Наше подразделение после появления белорусов узнало, что такое картофель. До этого такого количества блюд из картошки я не ел в принципе. Я уже даже сказал: «Дружище, я люблю картошку, но давай разнообразие введем», — вспоминает командир. Он считает белоруса «героем, независимо от того, был тот на передовой или нет».

Иные отклики нам приходилось слышать от белорусских добровольцев. Боец с позывным Феникс заявил журналистам, что подозревает Аватарова в сотрудничестве с белорусскими спецслужбами: «Совал нос, куда не надо, очень большое любопытство проявлял. На 100 процентов утверждать нельзя, но, я даю 90, что Дук был засланцем гэбистов». Феникс обратил внимание: после задержания Тараса чекисты начали приходить с обысками в квартиры других добровольцев. Впрочем, Аватаров сам признался в суде, что рассказывал о некоторых из них на допросах под давлением следователей. Бойцам тактической группы «Беларусь», которые видели Аватарова на Донбассе, он показался «странным». «Вел он себя неадекватно, возможно, употреблял наркотики... Это очень мутная история, какая-то подстава», — описывает свое впечатление доброволец Кастусь Дубатовка. Такую же характеристику — «мутный» — Аватарову дает киевская волонтерка Ольга Гальченко.

Режиссер-документалист Антон Тележников познакомился с Аватаровым на Донбассе во время съемки фильма про добровольцев. «Он говорил много противоречивых, неоднозначных вещей, обо всем и ни о чем. Кто-то думал, он просто неадекватный, но у меня сложилось ощущение, что он не так прост. Больше всего я удивился, когда Аватаров начал

рассказывать, что свободно ездит в Беларусь и спецслужбы знают об этом. Еще он говорил, что сидел в изоляторе КГБ после взрыва на День города¹ в Минске в 2008 году», — вспоминает Тележников. Он готов был списать эти странные откровения на фантазию собеседника, если бы не последующий арест Аватарова. «Этот арест оказался очень болезненным для белорусских добровольцев, так как все обстоятельства истории дискредитировали движение в целом: мол, в Беларусь из АТО приезжают вооруженные “отморозки”»...

Следствие по делу Аватарова длилось полгода — 18 апреля 2016-го доброволец предстал перед судом в Минске. В первый же день он попросил суд пригласить главу КГБ, чтобы рассказать, как его «прессовали в тюрьме». По словам Аватарова, его избивали и заключенные, и оперативники. «КГБ хочет посадить меня на 10 лет!» — выкрикивал Тарас из «клетки». Кроме того, он заявлял о пытках на следствии с применением «определенных препаратов». Допрашивали Аватарова и следователи КГБ, и оперативники ГУБОПиК.

Кроме статьи за незаконный оборот оружия, подсудимому инкриминировали его контрабанду, то есть незаконный провоз через границу. Свою вину он признал частично — только по первому обвинению. Милиционер Шуст, задержавший Аватарова на вокзале, свидетельствовал: тот спал в зале ожидания, а из-под одежды виднелся бронежилет. Когда они с напарником подошли и разбудили Аватарова, увидели у него в руке гранату. При этом «никакой агрессии от Аватарова не исходило», говорил свидетель. Самые противоречивые пока-

¹ Во время празднования Дня Независимости в 2008 году в Минске недалеко от концертной сцены взорвалось самодельное взрывное устройство, находившееся в упаковке от сока. Травмы получили более 50 человек. В ходе расследования инцидента власти массово брали отпечатки пальцев у мужского населения страны. В итоге за этот взрыв осудили витебчан Ковалева и Коновалова, которых суд признал виновными и в теракте в минском метрополитене 11 апреля 2011 года. Обоих приговорили к смертной казни и расстреляли.

зания касались как раз гранаты. Это была самодельная ручная граната 1979 года производства на базе гранатометного выстрела ВОГ-17, получившая название «хаттабка», так как использовалась чеченскими сепаратистами. Сначала Тарас утверждал, что нашел ее в Минске возле метро, потом — что гранату «подкинули» в его вещи по дороге из Киева в Гомель, позже вообще стал утверждать: ее дал ему командир Кулибин для диверсионной работы в России. Последнее звучит наименее правдоподобно. Сам Кулибин заверял журналистов, что Тарас просто взял с собой этот ВОГ-17 в качестве сувенира с фронта. По словам экспертов, граната была в небоевом состоянии на момент задержания Аватарова, но для ее активации якобы могло потребоваться всего 3—4 минуты. Пистолет же, найденный у добровольца, оказался сигнальным. Ранее, на этапе следствия, Тарас Аватаров согласился сотрудничать и написал явку с повинной о том, что «хаттабку» взял с собой с фронта «для самоподрыва в случае провала операции» (о какой операции речь — неизвестно). Кроме того, он зачем-то добавил, что создал в фейсбуке страницу «Правый сектор. Беларусь» и писал статьи для оппозиционного блога, а на войну решил поехать после гибели Алеся Черкашина, чей позывной — Тарас — совпадает с его именем.

Свидетелями на суде выступили попутчики Аватарова, ехавшие с ним из Киева в Гомель, где он пересел на поезд. Жители Минска, два брата и приятель, возвращались в ночь на 25 ноября 2015 года с отдыха в Египте через аэропорт в Борисполе. Оттуда они добрались в Киев и решили ехать в Беларусь на такси (что странно, ведь это гораздо дороже поезда или автобуса). Договориться с таксистами о цене поездки к белорусской границе сразу не смогли. Через некоторое время к ним подошел водитель, сказал, что повезет их на границу, однако будет четвертый пассажир. Им оказался Аватаров. По словам свидетелей, Тарас ехал спереди. По дороге компания с ним не переговаривалась. Тарас насторожил их своими шутками и шапкой, «похожей на балаклаву», которую он то и дело опускал на глаза. Границу прошли без

проблем и досмотра вещей. В Гомеле у компании стояла своя машина, но везти чудаковатого пассажира до Минска они отказались. По крайней мере, такова версия попутчиков. Аватаров подтвердил, что пограничники его не досматривали. Что звучит странно, ведь в первые годы конфликта на украинско-белорусской границе действовали усиленные меры контроля: даже пассажиров рейсовых автобусов выводили для личного досмотра.

Всего суд опросил два десятка свидетелей, в том числе журналиста Владимира Чуденцова¹. Чуденцов рассказал, что познакомился с Аватаровым в соцсетях в марте 2014-го и они начали переписываться на политические темы, при этом у Аватарова, кроме аккаунта «Друг Дук», было как минимум еще два сетевых псевдонима. По словам Чуденцова, Аватаров говорил, что связан с «госструктурами, с ОАЦ» (Оперативно-аналитическим центром при президенте, спецслужбой. — К. А.). При личной встрече на минском вокзале в сентябре 2015-го журналист якобы передал Аватарову 100 долларов на помощь «Правому сектору», а тот позже отчитался ему о расходах. «Тарас заметно хромал, а потом рассказал, что у него осколочное ранение», — свидетельствовал Чуденцов. Получается, боевое ранение у Аватарова уже было в сентябре 2015-го, хотя на фронте он впервые оказался в октябре и не выезжал на передовую? История их приятельства вызывает вопросы. Неясно, что же объединило журналиста, не пишущего о войне в Украине, и будущего бойца «Правого сектора». Причем объединило настолько, что первый не побоялся передать второму деньги на фронт.

Примерно в тот период, когда, по словам Чуденцова, состоялась их встреча, Тарас ездил на свидание с девушкой из Жодино, такой же «подруге по переписке». В суд она сама не явилась по болезни, ее письменные показания зачитывали вслух. «Я обратила внимание, что он хромает. Он сказал, его

¹ Владимир Чуденцов — основатель и главный редактор негосударственного сайта by24.org. Бывший корреспондент крупнейшего информационного ресурса Беларуси TUT.by

ранило осколком. Тарас рассказывал, что воюет в Украине, но я это серьезно не воспринимала», — писала свидетельница. По ее показаниям, взгляд у Тараса был «бешеный», и он оставил впечатление странного, одержимого человека. О «странности» Аватарова говорят многие, но психолого-психиатрическая экспертиза показала: расстройствами тот не страдает и имеет высокий уровень социальной и бытовой адаптации, действия совершал полностью осознанно. Из индивидуальных особенностей Аватарова в экспертизе перечислены «эгоцентричность, инфантильность, стремление привлечь внимание к себе и своим переживаниям».

Характерно, что сотрудники КГБ после ареста Аватарова использовали метод психологического давления не только на него, но и на его мать. «Они позвонили и сказали: «Ваш сын псих и воевал в Чечне!» — когда я пояснила, что это невозможно, Тарасу на тот момент было всего 6 лет, мне показали видео, где четырехлетний мальчишка ползет под растяжкой и кричит: «Аллах Акбар!» Говорили, я тоже могла так своего ребенка отправить в Чечню, представляете? Потом то же самое говорили про Украину, мол, воевал и там», — вспоминает Людмила Поспих. Очевидно, чекисты бросили женщине абсурдные слова про Чечню с целью сбить ее с толку, желая вытащить нечто пригодное для использования в обвинении.

Прокурор Александр Мирончик запросил для Аватарова пять лет лишения свободы в колонии усиленного режима без конфискации имущества — именно такое наказание в итоге назначил суд. В последнем слове Тарас эмоционально настаивал на своей невиновности (хотя раньше частично признал вину). «Единственное преступление, которое я совершил в своей жизни: я гражданин Республики Беларусь. Будучи добровольцем, я являюсь идеологическим преступником! Мне стыдно быть гражданином Беларуси. Если бы об этом услышали мои дед и прадед, они подняли бы на вилы президента. 70 процентов ветеранов Великой Отечественной войны — партизаны и добровольцы. 90 процентов ветеранов

войны в Афгане — добровольцы. К ним также может применяться этот закон. Это также идеологические противники? Почему я должен выслушивать, что я нарушаю закон?» Защита подавала апелляции, но безрезультатно — приговор оставили без изменений.

★ ★ ★

Дело Аватарова запутано, но очевидно одно: случайностью оно не было. Показательный суд над добровольцем, который приехал с Донбасса и якобы разгуливал с гранатой по столичному вокзалу, был крайне необходим спецслужбам. Задача — дискредитировать всех белорусов, воюющих на стороне Украины, и предотвратить дальнейшее присоединение граждан к добробатам. Приговор Аватарову — это ясная декларация о намерениях силовиков и властей в целом: все добровольцы по возвращении в Беларусь сядут в тюрьму. В конце 2015 года поправки в уголовный кодекс, давшие возможность привлечь добровольцев за сам факт участия в войне (статья 361-3), еще не были закреплены в законодательстве. Привлечь его по пресловутой статье «Наемничество» для следствия было затруднительно, ведь оно прекрасно знало, что Аватаров не получал денег на фронте. К тому же это бы выглядело двусмысленно в глазах Киева. Получилось бы, что белорусский суд официально признает «наемниками» людей, которые сражаются за территориальную целостность Украины. Лукашенко, недавно вошедший в роль «миротворца», хотел этого избежать. Поэтому понадобилась обычная и одновременно внушающая остальным гражданам страх статья УК «Незаконные действия с оружием», и задержание Аватарова с поличным хорошо вписывались в эту логику.

«Уголовщина»

Выставлять добровольцев обычными уголовниками стало фирменным стилем спецслужб. 28 марта 2018 года начальник ГУБОПиК Николай Карпенков в интервью

«СБ-Беларусь сегодня» сообщил, что около 40 белорусов, воевавших на стороне «Правого сектора» и других украинских формирований, не смогут вернуться на родину из-за действий правоохранителей. «В Беларуси против них возбуждены уголовные дела за преступления, которые здесь совершили ранее (хулиганства, нанесение тяжких телесных повреждений, мошенничества, кражи и т. д.)», — говорил полковник¹. Имена этих 40 человек Карпенков, естественно, не озвучил. Но ранее, в июле 2016 года, государственный телеканал «Беларусь-1» со ссылкой на данные ГУБОПиК сообщил о двоих гомельчанах из батальона «Азов», которым заочно предъявили подозрение в мошенничестве. Хотя имена «азовцев» в сюжете не назывались, в качестве иллюстрации телеканал выбрал кадры с Евгением Кузьменковым из Гомеля, позывной Маклауд. В сентябре 2015 года ролик, в котором Маклауд рассказывает о своем участии в войне на Донбассе, появился в интернете.

«Первая причина, по которой я приехал в Украину, это борьба с коммунизмом, тем коммунизмом, который был во времена Сталина и перед ним», — говорит молодой человек в камуфляжной форме на видео. Он сообщает, что в батальоне «Азов» воюет с лета 2014-го². Себя называет «белорусским националистом», а Беларусь при Лукашенко — «ярким примером коммунизма». «Мне больно смотреть, как вместо нашего родного бел-чырвона-белага сцяга и герба «Погоня» развевается флаг БССР», — добавляет он. Маклауд рассказы-

¹ Политический характер преследования добровольцев отчетливо виден даже в этих чисто уголовных обвинениях. Напомним, речь идет о работе ГУБОПиК — ведомства, которое занимается борьбой с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. Хулиганство и кражи — не их профиль.

² То, что Маклауд из Гомеля действительно воюет в «Азове» с 2014 года, нам подтвердил белорус-«азовец» Илья (Литвин). Сам Кузьменков на просьбу об интервью не ответил. К слову, это происходит с добровольцами довольно часто: они сами признаются, что недоверие существовало даже между земляками на фронте, а с журналистами старались быть вдвойне осторожны.

вает о плачевном положении белорусского языка, жалуется на «жесткую русификацию» в стране и репрессии. Приехал на войну Евгений не один, а с другом, тоже уроженцем Гомеля. «Как только мы приехали, узнали, что на родине КГБ завел на нас уголовные дела», — говорит Евгений. Эту информацию, по его словам, передал ему знакомый из украинских спецслужб, который якобы назвал белорусским коллегам фамилии двух гомельчан и услышал подтверждение. В видеоролике Маклауд не уточняет, о какой статье УК речь.

Впрочем, в сюжете «Беларусь-1» КГБ не упоминался — там ссылались именно на ГУБОПиК. По версии следствия, с февраля по июнь 2014 года Кузьменков и его друг под предлогом изготовления мебели брали деньги у заказчиков, а сами использовали собранные 3,5 тысячи рублей «для участия в боевых действиях». К такому выводу правоохранительные органы пришли после якобы полученных ими заявлений от «кинутых» клиентов. При этом в сюжете отмечали, что оба фигуранта исповедовали «неонацистские взгляды», а один из них был ранее неоднократно судим. Именно на неонацизме подозреваемых в сюжете делается основной акцент — деталям «мошенничества» посвящено лишь одно предложение. Сообщалось, что белорусская сторона проинформировала украинских коллег об уголовном деле в отношении гомельчан. Однако «азовцев» Украина не выдала — таких прецедентов не было в принципе.

Если политический характер преследования двух добровольцев из Гомеля еще можно поставить под сомнение (все-таки об их жизни в Беларуси мы ничего не знаем), то в случае с Эдуардом Лобовым (см. главу 5) все очевидно. В июле 2015 года он уехал воевать на Донбасс, а в ноябре к его матери в Минске пришли сотрудники уголовного розыска. Они сообщили, что розыскивают «молодофронтовца» по делу о грабеже. На следующий день в квартиру Марины Лобовой снова постучались: теперь из ОБЭПа¹. В марте 2016 года к женщине нагрянули оперативники ГУБОПиК: на этот раз уже официально из-за того, что ее сын уехал воевать

¹ ОБЭП — отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

в Украину. В квартире прошел обыск, компьютер, электронные носители и некоторые книги были конфискованы. «В нарушение закона силой из моего кармана забрали мобильный телефон. Постановление было на обыск в квартире, а не на личный досмотр — поэтому это нарушение. Я уже не говорю о том, что это делали сотрудники-мужчины, да еще с применением физической силы. В протоколе я указала, что имею претензии по поводу мобильного телефона, а также порванной куртки — это случилось при досмотре», — рассказала Марина Лобова «Радио Свобода». Силовики тогда сообщили женщине, что в отношении Эдуарда возбуждено уголовное дело за участие в вооруженном конфликте. Но вполне вероятно, что параллельно на него завели дело и по обычной уголовной статье.

Превентивные меры

Если начиная с 2015—2016 годов белорусские спецслужбы уже думали о том, как не допустить возвращения добровольцев на родину, то в начале конфликта они были сосредоточены на превентивных мерах. Цель на тот момент — помешать отъезду потенциальных бойцов в Украину. Причем подобная практика стала продолжением превентивных мер в отношении потенциальных участников Майдана из Беларуси. Так, в декабре 2013 года более 50 человек, готовых поддержать украинский протест, выехали из Минска на автобусе, но уже через 60 километров их встретили сотрудники ГАИ под предлогом проверки документов. Затем появились чекисты в штатском, начали досматривать салон автобуса и в итоге отвезли его на штрафстоянку без внятного объяснения причины. Кто-то из группы вернулся в Минск, другие продолжили путь до Киева на попутном транспорте. На фоне событий в Украине под особым контролем правоохранителей оказались футбольные фанаты. Даже самые безобидные проявления солидарности с Евромайданом вызывали нервную реакцию КГБ. В январе 2014 года около двадцати фанатов футбольного клуба БАТЭ (Борисов) сфотографировались с лозунгами

в поддержку Майдана («Держись, Украина, мы с вами!» и «Героям слава!») и выложили фото в социальные сети. В течение недели все фанаты на снимке были опознаны спецслужбами, задержаны и брошены на «сутки». Факт сбора людей для снимка расценили как несанкционированное массовое мероприятие (ст. 23.34 КоАП). Кроме того, с ультрас чекисты активно проводили «профилактические беседы».

С началом войны на востоке Украины фанаты и активисты в глазах спецслужб автоматически превратились в потенциальных добровольцев. Следовательно, контроль лишь усилился. Ужесточились проверки на границе — в первые годы конфликта даже пассажиры обычных рейсовых автобусов, курсирующих между Беларусью и Украиной, зачастую подвергались тотальному личному досмотру¹. В некоторых случаях белорусские пограничники просто не выпускали граждан из страны.

Октябрь 2014-го. Пункт пропуска «Новая Гута». Молодой человек двадцати пяти лет в камуфляжной куртке и берцах протягивает паспорт пограничнику. Тот долго что-то сверяет по базе, кому-то звонит и в итоге возвращает паспорт молодому человеку со словами: «Алексей, езжайте домой». Так выглядела первая попытка будущего добровольца Манчинского уехать в Украину. На белорусской границе его просто развернули назад без объяснения причины. Судя по всему, Алексей Манчинский давно находился в поле зрения спецслужб. Он был на Плошчы в 2010 году, дважды сидел на «сутках», выходил на митинги протеста. Позднее в оппозиции Манчинский разочаровался, а его взгляды радикализировались — он набил себе татуировку Гитлера, примкнул к «правой тусовке» в Витебске. «Срочку» на родине он не служил — сам признается, что уклонялся, потому что не видел смысла тратить полтора года, когда «всем этим навыкам можно научиться за пару месяцев». До войны Манчинский работал начальником

¹ Этот контроль мы почувствовали на себе лично. Соавтора книги в январе 2016 года едва не сняли с автобуса на границе из-за того, что в его багаже была книга Сони Кошкиной про Майдан.

отдела менеджмента на СТО. В середине 2014 года несколько его друзей уже воевали в «Азове» и «Правом секторе». Осенью Алексей принял окончательное решение поехать на войну. Он списался в соцсетях со знакомыми ребятами из «Азова», они ждали его на базе в Киеве. Однако на белорусско-украинской границе его развернули — в стоп-лист он попал, видимо, именно из-за своей причастности к «правой тусовке».

«Через две недели после возвращения ко мне домой пришли четыре опера в штатском, не представились, сразу сказали: «Собирайтесь, Алексей». Я не понимал, в каком статусе нахожусь. Если задержан — то задержан, покажите постановление, а если нет — до свидания! Завязалась потасовочка, в итоге меня схватили под руки и затолкали в машину. Часа два я просидел в районном отделении милиции. Потом повезли в изолятор в Оршу. Формальная причина задержания — якобы меня подозревают в какой-то краже двухлетней давности. В общем, сфальсифицировали... На допросе по этому делу мне не сказали ни слова. Вместо этого: «Ну что, где ты воевать собрался?» Я, конечно, стал все отрицать, мол, ехал в Киев к друзьям. Все три дня, что я провел в изоляторе, меня расспрашивали только про Украину: кого из воюющих белорусов знаю, с кем общался и так далее», — вспоминает Манчинский.

Когда истек срок содержания в ИВС (72 часа до предъявления обвинения), его выпустили. По словам Алексея, адвокат предупредил его: «Леша, имей в виду, они больше не отстадут». Манчинский остановился в квартире брата и начал готовиться к отъезду. У него появляется план: проехать в Украину транзитом через Россию. Конечно, он понимал, что есть риск привлечь внимание ФСБ, но иного шанса попасть на фронт не представлялось — белорусская граница для Манчинского «на замке». За пару дней до того, как он покинул Беларусь, по месту прописки пришло письмо — уголовное дело о краже закрыто. В январе 2015 года Алексей сел на поезд до Гомеля, оттуда до Брянска, а потом на автобусе до украинской гра-

ницы. Мать о своих планах он не предупредил — сказал, что нашел работу в Москве. Только находясь на фронте, позвонил и признался. Мать его выбор поддержала...

Теперь Алексей собирался присоединиться уже не к «Азову», а к «Правому сектору». Через пять дней после приезда он с группой таких же добровольцев 1-й штурмовой роты 5-го батальона отправился на передовую, в район Авдеевки. Взял себе позывной Сябар, по-белорусски это означает «друг». «Времени на отдельное обучение не было, нам показывали позиции, как начался сильный обстрел. Вот и первый бой... Так я провел два с половиной месяца, без ротации, весной выехал на полторы недели — и обратно». В составе 1-й штурмовой действовала на тот момент и тактическая группа «Беларусь», однако Манчинский утверждает, что никогда себя к ней не причислял. Хотя его несколько раз звали присоединиться, он всегда отказывался из-за расхождений во взглядах с некоторыми бойцами ТГБ. Летом 2016 года часть бойцов 5-го батальона перешла в состав ВСУ вместе с командиром 1-й штурмовой роты Александром Карасем — другом Подолянином, прошедшим бок о бок с белорусскими добровольцами самые тяжелые бои. Но Алексей остался в Украинской добровольческой армии (УДА), возникшей после выхода из «Правого сектора» Дмитрия Яроша, и присоединился к 8-му отдельному батальону «Аррата». «Для меня украинская регулярная армия — тот же совок, я не видел в их поведении отличия от белорусской, поэтому решил остаться добровольцем», — говорил он. Первая его специальность на войне — штурмовик, позже — снайпер. Всего Манчинский провел на фронте более трех лет, с начала зимы 2015-го до апреля 2018-го. Сейчас Алексей прикомандирован к штабу своего 8-го батальона в Одессе, одновременно работает в «Раде громадської безпеки» на общественных началах.

Но вернемся в 2015 год. Тогда дерзкий отъезд Алексея после превентивного задержания повлек за собой быструю реакцию силовиков. Через полторы недели в дом его матери пришли с обыском чекисты. Как рассказала Алексею мать,

они не показали никаких документов и не объяснили, по какой статье возбуждено уголовное дело, в рамках которого проводится обыск. «Во время обыска ничего не конфисковали, а спустя пару дней вызвали на допрос в витебский КГБ мою сестру. А ее муж — офицер ВДВ. Я сказал ей, чтобы не отрицала, что я воюю, я ведь этого не скрываю». Родным Манчинского так и не смогли внятно сказать, в каком именно преступлении его подозревают. «Было всего несколько допросов. На одном из них матери показали фото, где стоим мы с сослуживцами, причем на мне балаклава, то есть лица не видно. Мама потом рассказывала, что чекисты спрашивали, узнает ли она меня, а она говорила, что нет, хотя по глазам сразу узнала. Я удивился, как же к ним попала эта фотка, если она была только в моем телефоне, я никуда ее не отправлял? Получается, спецсыл плохо работают, раз получили на расстоянии доступ к файлам в мобильном».

История Алексея Манчинского наглядно демонстрирует, как белорусские спецслужбы в начале конфликта пытались действовать на опережение. Под контроль взяли активистов, фанатов, людей, близких к правому движению — всех, кто, по мнению силовиков, априори занимал проукраинскую позицию и мог уехать добровольцем на Донбасс. Заслуживает внимания и момент с фотографией, которая раньше нигде не публиковалась, но оказалась в руках у КГБ: это могло быть или результатом агентурной работы (кто-то знакомый воспользовался телефоном Алексея без его ведома и переслал фото), или же удаленного взлома папки с файлами на устройстве. Про угрозу внедрения агентуры КГБ в ряды добровольцев говорилось неоднократно. Народный депутат Игорь Гузь, который в 2014 году пытался создать отряд «Погоня», рассказал, что тогда новобранцев отбирали в том числе через присланные по почте анкеты. «Некоторые анкеты казались нам странными, как будто заполненными оперативником, а не человеком, который хочет воевать по идейным соображениям», — вспоминал позже Гузь. В 2014-м в интервью «Радио Свобода» он высказывал опасения, что КГБ может

пробраться в ряды добровольцев, поэтому структуру «Погони» хотел выстроить по образцу Украинской повстанческой армии: автономные маленькие группки по 3—7 бойцов, где все знают друг друга досконально. Впрочем, убедительных доказательств того, что КГБ имел хотя бы одного информатора в рядах добровольцев, мы не имеем.

Персональной работой с потенциальными участниками АТО дело не ограничивалось. Многие наши собеседники отмечали, что информацию о добровольческих формированиях на Донбассе получили в основном из тематических групп в соцсетях, через них же находили контакты в Украине и списывались с командованием батальонов перед отъездом. Спецслужбы не могли обойти это вниманием: в августе 2017-го в российских социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» заблокировали страницы тактической группы «Беларусь». В декабре того года Мининформ опубликовал официальный перечень «экстремистских» материалов, куда попали и сообщества добровольцев. При этом группы сторонников «Новороссии» в соцсетях, через которые проходил рекрутинг боевиков, белорусские власти никогда блокировке не подвергали. В сентябре 2014 года тот же депутат Гузь сообщил «Радио Свобода»: аккаунты «Погони» в социальных сетях подверглись кибератакам, а электронную почту отряда взломали.

Деятельности в киберпространстве спецслужбы, очевидно, вообще отводили особую роль. В 2014—2015 годах набор иностранных граждан в ряды добровольцев осуществлялся через онлайн-анкеты: желающие отправляли свои данные ответственному представителю добробата. Такая схема работала, например, в батальоне «Донбасс», через который за все время прошли около 15 белорусов. Среди тех, кто заполнил анкету на сайте «Донбасса» в 2015 году был 24-летний брестчанин Дмитрий Рубашевский. «После этого меня сразу вызвали в КГБ. Там мне объяснили, что воевать нельзя, и дали подписать бумагу, что я предупрежден о том, что в случае, если я приму участие в боевых действиях, то против меня

возбудят уголовное дело». Рубашевский убежден: его анкету спецслужбы отследили через электронную почту. Превентивные меры КГБ парня не остановили: через несколько месяцев он все равно уехал на фронт. Сначала служил в батальоне ОУН, потом перешел в 1-ю штурмовую роту Добровольческого украинского корпуса «Правый сектор». В 2017 году был награжден орденом, учрежденным украинскими волонтерами, — «Народный Герой Украины». Таким орденом до него посмертно наградили Алеся Черкашина.

Отнюдь не факт, что кибератаки на «Погоню» или отслеживание электронной почты «Донбасса» были делом рук КГБ. Подобную услугу белорусским спецслужбам могли оказать их российские коллеги. Де-факто именно так произошло осенью 2014 года, когда хакеры из группы «КиберБеркут,» связанные с российскими спецслужбами, «слили» в интернет список личного состава батальона «Донбасс». Уже тогда там фигурировали шестеро граждан Беларуси, включая Дмитрия Полойко (его удивительная история рассказывается в книге отдельно). В декабре 2014-го КГБ сообщил агентству БелаПАН, что проверяет информацию об участии этих граждан в войне.

Нескольких наших коллег, которые также занимались темой участия белорусов в войне на Донбассе, в течение 2015—2017 годов вызывали в КГБ. Подписка о неразглашении не позволяла им рассказать все детали тех бесед, но один важный момент они все же сообщили. По их словам, чекисты упоминали об общем уголовном деле, где в статусе подозреваемых фигурируют все белорусские добровольцы, а их друзья, знакомые, близкие люди и даже сами журналисты, писавшие на эту тему, проходят как свидетели. Коллеги говорили: «большое дело» заведено по статье 133 УК «Наемничество». При этом подобное обвинение официально не выдвигали никому из задержанных в Беларуси добровольцев.

Об одном большом деле о наемничестве упоминал и оппозиционный активист Александр Головань, знакомый «азовца» Стаса Гончарова. В марте 2016 года сотрудники КГБ

задержали Голованя возле дома и доставили на «беседу» в областное управление. Их интересовали связи с батальоном «Азов», поездки в Украину и знакомства там. Чекисты показывали фотографии белорусских «азовцев» и спрашивали, собирал ли он деньги для батальона. Вскоре КГБ провел обыски в нескольких квартирах фанатов местного футбольного клуба «Витебск». Весной 2016-го прокатилась волна обысков и у родных белорусских бойцов «Азова». В частности, в квартире родителей белоруса с позывным Зубр изъяли компьютер и другие носители информации. Обыски в рамках уголовного дела по все той же статье «Наемничество» проводились и у родственников белорусов из других подразделений. Давление спецслужб заставило их выступить с публичным заявлением и объявить о создании Комитета родителей добровольцев. Отец Яна Мельникова в сентябре 2016 года объяснял: «Идет давление не только на нас, но и на друзей наших сыновей, их знакомых. Вот почему мы также должны защищаться через объединение». В Комитет также вошли родители Алексея Скобли (Тура) и Зубра. Однако больше в публичном пространстве Комитет не появлялся.

Действия спецслужб сопровождалась пропагандистскими материалами госСМИ: белорусам рассказывали про «наемников» и «неонацистов», воюющих на стороне Украины. Наиболее ярким примером такой топорной пропаганды стал сюжет, показанный в эфире канала «Беларусь-1» 13 августа 2015 года — через три дня после того, как под Белокаменкой получил тяжелое ранение белорус Алесь Черкашин, позывной Тарас. Сообщалось, что силовики раскрыли «очередной канал вербовки белорусских наемников в АТО». В ходе совместной операции КГБ и МВД при участии Госпогранкомитета якобы вычислили организатора канала — «украинского националиста с позывным Тарас, который предлагал белорусам присоединиться к «Правому сектору», «Донбассу», «Айдару» и «Азову». По версии спецслужб, он вербовал через социальные сети «молодых радикалов, а также душевно больных, безработных, бывших уголовников и футбольных

фанатов». Причем саму операцию спецслужбы якобы провели за месяц до того, но придали огласке именно в середине августа — «по соображениям следствия». В привычном для госСМИ стиле, не давая высказаться другой стороне, говорилось: «сопровождение вербовки пропагандой» оказывал «Молодой фронт». Лидер организации Дмитрий Дашкевич позже назвал это «полной ахинеей». В сюжете ведущая утверждала, что «аналитики и простые граждане настаивают на жестких мерах против маргиналов и радикалов», от которых звучат призывы к участию в вооруженном конфликте в Украине. «Наемничество смело можно причислять ко второй древнейшей профессии. Воюющие за деньги, землю или возможность мародерствовать после боя существовали еще на заре истории. [...] С первых дней на фронте наемники вольно или невольно становятся военными преступниками», — говорит голос за кадром. В этот момент на экране — украинские военные, выносят на носилках раненых. Под слова о вскрытом канале вербовки зрителям демонстрируют кадры мирных оппозиционных митингов в Минске. Вообще, закадровый текст в этом сюжете феерический. Корреспондент всерьез заявляет, что новобранцам в АТО обещают хорошую оплату и «симпатии украинских девушек». Далее пропагандисты угрожают добровольцам уголовным преследованием, в том числе по расстрельным статьям: «Наемников, как нацистских палачей, сегодня, 70 лет спустя, будут искать по всему миру, невзирая на возраст и новую личину». Кроме того, пропагандисты отмечают, что в таких случаях «в мире практикуются внесудебные аресты, содержание в секретных тюрьмах и ликвидация», а Беларусь может инициировать создание «международного трибунала по преступлениям на территории Украины». Позже о «вербовочном» деле никогда не вспоминали, чем закончилось следствие — неизвестно. Зато хорошо известно, как работает в Беларуси государственная пропаганда: подобные материалы выходят в эфир не по инициативе редактора. Силовики либо «сливают» пропагандистам реальные факты, либо обрисовывают сценарий

фейка-«страшилки», но это всегда тактический ход, приуроченный к конкретным событиям. И таким событием стало ранение Алеся Черкашина. Спецслужбы не могли не отреагировать. К слову, об «ополченцах» в сюжете не упоминалось вообще: как будто белорусы едут только на сторону Украины.

Таким образом, в методах работы КГБ-МВД по белорусским добровольцам можно выделить следующие закономерности:

- спецслужбы старались предъявлять добровольцам обвинения по статьям, не связанным с участием в войне. Именно по обычным уголовным обвинениям осудили Стаса Гончарова и Тараса Аватарова. Еще более 40 дел по такого рода статьям были возбуждены против добровольцев, которые в Беларусь возвращаться не рискнули. Подобная тактика выбрана не случайно: преследование белорусов непосредственно за их участие в войне на стороне Украины спровоцировало бы ухудшение дипломатических отношений с Киевом;
- потенциальных добровольцев (как ранее потенциальных майдановцев) пристально мониторили с самого начала конфликта и пытались не допустить их отъезда на Донбасс. Тематические сообщества в соцсетях блокировались;
- в государственных СМИ добровольцам всегда давали резко негативную оценку, называя их наемниками и повально записывая всех в неонацисты — пропаганда работала на дискредитацию всего движения;
- на семьи и друзей оказывалось давление: проходили обыски и вызовы на беседы;
- с большой долей вероятности можно предположить: существует общее уголовное дело, где в качестве подозреваемых проходят все известные спецслужбам добровольцы, а их близкие — в качестве свидетелей.

Глава 18. СЕКСОТЫ

Катерина Андреева

Агент поневоле

«Я услышал настойчивый стук, а когда подошел, дверь буквально вылетела. Вломились «алмазовцы»¹ в масках, меня сразу на пол положили, подняли мою мать. Стали кричать какую-то бессмыслицу вроде: «За них воевал, а за нас сможешь постоять?» — и сильно бить по ребрам», — вспоминает экс-боец ОРБ «Спарта» Денис Давидович. Именно с этого началось сотрудничество боевика со спецслужбами. 33-летний житель Логойского района Давидович признается: в 2015 году он согласился работать на ГУБОПиК в качестве секретного сотрудника «с привлечением к внедрению».

Всем белорусским «ополченцам», приехавшим на родину, так или иначе приходилось общаться с правоохранительными органами. Чаще всего этот контакт ограничивается обысками по месту жительства и подпиской, что боевики «предупреждены об ответственности». Однако встречались среди наших собеседников и те, кого завербовали белорусские спецслужбы.

На Дениса Давидовича я вышла через группу «Ветераны ОРБ Спарта» в соцсети «Вконтакте». В сообществе было только несколько человек из Беларуси и среди них некто Денис Глазкин. В его аккаунте мало что указывало на боевое прошлое. Однако свое участие в войне на Донбассе он не отрицал и сразу согласился на интервью. Впоследствии стало известно, что реальная фамилия Глазкина — Давидович.

¹ «Алмаз» — антитеррористическое спецподразделение Министерства внутренних дел, элита белорусского спецназа.

Денис говорит, что всегда интересовался военным делом. Но в армии не служил — «откосил». Зато имел судимость: по его словам, в 2005-м ему дали 3 года ограничения свободы за хулиганство. Позже он работал художником-оформителем, занимался отделкой квартир. В мае 2014 года Денис познакомился на интернет-форуме с девушкой из города Лисичанска, который тогда находился в зоне боевых действий. Между ними завязалось тесное общение, и в итоге пара решила встретиться под Ростовом. Приехав на свидание, Давидович увидел лагеря переселенцев. По его словам, общение с девушкой и увиденное на границе с Украиной произвели на него сильное впечатление, и тогда он понял, что хочет присоединиться к «ополчению». В сентябре Денис через КПП «Матвеев Курган» въехал на территорию Донецкой области. «Понакупал себе в Ростове всякой экипировки и поехал в сторону Донецка. Первое подразделение, куда я попал, — это «Беркут», входящий в структуру МВД ДНР. Мы дежурили на блокпосту возле шахты Скочинского в Кировском районе Донецка».

Через несколько недель Давидович перешел в 4-й батальон «Сварожичи» — подразделение внутри «Оплота», бойцы которого считались личной гвардией главаря боевиков Александра Захарченко. По словам Давидовича, в его задачи входило патрулирование улиц и дежурство на блокпостах. Вскоре он перешел в ряды «внутренних войск ДНР», где после непродолжительного обучения ему присвоили специальность пулеметчика. «Я неплохо разбирался в оружии на теоретическом уровне и довольно быстро смог научиться стрелять из пулемета. Нужно сказать, пулеметы иногда попадались совсем новенькие, не пристрелянные даже, российского производства», — говорит боевик.

Он утверждает: во «внутренних войсках» не сдал экзамены по физподготовке и его разжаловали из группы быстрого реагирования в хозяйственный взвод. В декабре он подает рапорт на увольнение и некоторое время просто проводит в съемной квартире в Донецке, выпивая с товарищами. В конце

декабря 2014-го, когда он возвращался пьяный от бывших сослуживцев, его поймали боевики штурмового батальона «Сомали». «Сначала подумали, что я «укр». А потом увидели: паспорт белорусский, опыт уже есть. Решили оставить в подразделении. Гиви не захотел в штурмовую группу меня брать, а назначил старшим наводчиком орудия. У нас была батарея Д-30, гаубицы 122-миллиметровые. Хотя я раньше никогда из пушек не стрелял, Гиви сказал — это просто, как в компьютерной игре «танчики». Стояли мы в Авдеевке, работали по аэропорту».

Белорус утверждает, что до конца 2014 года не получал денег ни в одном подразделении. Из-за постоянной нехватки средств матери Давидовича приходилось присылать ему часть семейных сбережений. После Нового года она категорически потребовала, чтобы сын вернулся на родину. Денис хотел поучаствовать в боях под Дебальцевом, куда как раз направлялся «Сомали», но якобы из-за матери поехал домой. В конце января 2015-го он уже был в родной деревне Плещеницы.

У некоторых боевиков белорусские силовики проводили обыски по месту прописки, пока те были на Донбассе. Но к родственникам Давидовича правоохранители не приходили и его судьбой не интересовались. Потребовалось время, чтобы силовики узнали о его приезде. Ехал он через Россию, и данные о пересечении границы между Донецкой областью и РФ, вероятно, передали своим коллегам в Беларуси российские спецслужбы. Впервые сотрудники КГБ пришли к нему только в марте, через два месяца после возвращения. «Вели себя вежливо, обыск не проводили даже. Просто спросили: «Был?» Я ответил, что в гости ездил. Ну они и свалили», — вспоминает Денис. Но примерно через полмесяца, по словам боевика, к нему «вломился отряд “Алмаз”». Давидовича положили лицом в пол и стали бить по ребрам. «Избивали минут тридцать, пока другие ходили по комнате, — утверждает он. — Кстати, обыск проводился поверхностно, было видно, что просто сверху полазили по ящикам в шкафу».

После этой силовой акции «алмазовцы» просто ушли, не задержав Давидовича. Но через несколько дней ему позвонили и пригласили на беседу в центральный аппарат ГУБОПиК. Зайдя в кабинет, Денис удивился доброжелательному тону оперативников. Он говорит, что по фамилиям те двое не представились, назвали лишь имена Виктор и Андрей. Впоследствии Андрей станет куратором боевика. Давидовичу сразу предложили сотрудничество. Напомнили и про криминальное прошлое, и про ответственность за участие в войне, а также намекнули, что могут случайно обнаружить у него дома «то, чего там раньше не было». Если верить нашему собеседнику, сотрудники ГУБОПиК попросту шантажировали его, добиваясь подписки о сотрудничестве.

Рассказ боевика выглядит правдоподобным. ГУБОПиК действительно зачастую применяет схему «физическое давление — вербовка», некоторые подобные истории ранее уже попадали в СМИ. Например, в феврале 2018 года силовики вывезли в лес жителя Столина, связанного с анархистами, — приставили дуло пистолета к спине, угрожали убить и требовали «стучать» на знакомых активистов. В марте того же года оперативники схватили на улице анархиста из Жлобинского района, увезли в управление, угрожали посадить, но обещали закрыть дело, если тот станет на них работать. Так что припугнуть человека «маски-шоу», а после предложить стать сексотом — вполне в стиле ГУБОПиК.

Боевик утверждает, что тогда не согласился подписывать документ, но пообещал «подумать». Вместо этого он решил уехать из Беларуси, чтобы избежать контактов с силовиками. Ему не нравилась идея быть их агентом. Давидович вышел на связь с еще одним белорусом — Сергеем Савичем из батальона «Спарта» (позывной Белый), и попросил его помочь «найти работу» в ДНР. Поскольку раньше Давидович помотался по различным подразделениям и обрел репутацию человека безответственного и непостоянного, для вступления в «Спарту» ему требовалась протекция. Белый же был в ДНР на хорошем счету и занимал должность командира разведвзвода.

Белый встретил Давидовича на вокзале Донецка 13 мая 2015 года и сразу отвез в расположение «Спарты». Он получил позывной Малевич (по «мирной» профессии художника-декоратора) и специальность сапера. Это достаточно странно, ведь у него не было соответствующей квалификации. В любом случае и здесь незадачливый боевик не задержался. Уже к концу июля у него наметился конфликт с кем-то из командиров (с кем именно и из-за чего — объяснить не может), вследствие которого белорус попал «на подвал»¹ на 30 дней.

«Я сам толком не понял, что произошло. Вроде бы говорили про дезертирство, якобы сбежал зимой с фронта, но ведь я изначально был добровольцем... Причина непонятна мне до сих пор», — удивлялся Малевич. Выйдя из «подвала», он решил: оставаться в подразделении больше нельзя, денег нет, и надо опять ехать в Беларусь. Возвращаться он не боялся. Знал — уголовного преследования не будет, если согласится на сотрудничество с органами. Это позволит ему спокойно пожить на родине, взять паузу и определиться, чем заниматься дальше. К тому же он чувствовал, что начинает проявляться «афганский синдром»². Хотя Давидович не участвовал в серьезных операциях, убивать ему приходилось: «Но я убил немного, меньше десяти человек. В первый раз я выстрелил из автомата и понял, что попал. Между нами было расстояние метров двести, его самого я не видел. Жалко не было, как можно жалеть того, кто пришел с войной?»

6 августа 2015 года он покинул Донбасс и приехал в родную деревню. Осенью с ним связался «Андрей» из ГУБОПиКа и напомнил про обещание подумать о сотрудничестве. Давидович, судя по всему, выбрал путь наименьшего сопротив-

¹ «Попасть “на подвал”» на сленге боевиков ДНР и ЛНР означает быть задержанным по подозрению в чем-либо или попасть на гауптвахту за какую-либо провинность.

² Выражением «афганский синдром» обозначают признаки посттравматического стрессового расстройства — тяжелого психического состояния, возникающего, в том числе, у участников военных действий. С началом войны на Донбассе в ряде источников можно найти выражение «донбасский синдром».

ления и согласился дать подписку. «Мне дали агентурный псевдоним, не могу сказать какой. В документе я был обозначен как внештатный сотрудник с привлечением к внедрению. Одним из первых заданий было внедриться к минским казакам¹ и собирать там информацию, кто хранит дома оружие или боеприпасы».

Результаты работы Давидовича с «казаками» нам неизвестны. Позже силовики попросили его внедриться в сообщество «черных копателей», которые искали оружие времен Второй мировой войны. Сообщение, оставленное Давидовичем в тематической группе «Вконтакте», подтверждает эти слова. В марте 2016-го он и правда писал: «Начинающий копатель... Ищу тех, кто может помочь или пригласит с собой». Он признается, что ему даже нравилась работа агента. Получал ли он при этом материальное вознаграждение от ГУБОПиК — неизвестно.

В первой половине 2016 года на очередной встрече с куратором боевик потребовал дать ему «более серьезное задание». «Тогда Андрей предложил поехать в Польшу, войти в круг лиц, приближенных к отряду «Погоня», к «Правому сектору», и собирать информацию о белорусах, которые воюют на стороне Украины. Вплоть до того, что потом мне нужно было поехать в Украину самому. Фактически, оказаться на стороне врага». Предложение ГУБОПиК выглядит любопытно и заставляет задуматься, чья это была идея на самом деле. Говоря об операциях на территории других государств, привычно подразумевать КГБ или военную разведку. Однако Давидович настаивает: задание ему озвучил именно куратор из ГУБОПиК МВД. Можно допустить, что силовые структуры действовали сообща — ГУБОПиК озвучил идею, ранее предложенную КГБ, ведь там наверняка были в курсе истории Давидовича. Правдоподобным также выглядит те-

¹ В Беларуси есть ряд организаций, которые причисляют себя к «казачеству». Например, РОО «Белорусское казачество» или военно-патриотический центр «Казачий спас». Их публичная риторика носит ярко выраженный пророссийский характер.

зис о взаимодействии белорусских силовиков с российскими спецслужбами — сбор данных об участниках АТО мог заинтересовать Россию. При этом не так важно, работал ли ГУБОПиК напрямую с коллегами в РФ или Москва передала просьбу сначала в КГБ, а уже оттуда задание попало в смежное ведомство. Тесная кооперация белорусских и российских силовиков не является секретом, подобных примеров множество. Так, в конце 2010 года в Москве сотрудники ФСБ схватили белорусского анархиста Игоря Олиневича и с мешком на голове вывезли в Беларусь для передачи местным правоохранителям. Были случаи, когда российские спецслужбы проводили задержания в Беларуси и затем перевозили людей на свою территорию. Например, осенью 2017-го украинского студента Павла Гриба в центре Гомеля похитили ФСБэшники — он нашелся в СИЗО Краснодара и был обвинен в подготовке теракта.

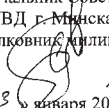
Хотя ранее Давидович не «светился» в СМИ и его данных не было в украинской базе «Миротворец», поездку на противоположную сторону он посчитал слишком рискованной для себя и отказался. Он утверждает, что на этом сотрудничество с силовиками завершилось по его инициативе. Но это вызывает сомнения. Скорее всего, в силу непостоянства и собственной ограниченности, Давидович не был ценным кадром, с заданиями не справлялся. Поэтому силовики решили просто держать на контроле бывшего боевика и периодически наносить ему «визиты вежливости» — по словам Дениса, к нему «примерно раз в полгода приходят домой с проверкой». Выходит, что в статусе сексота боевик провел около года.

* * *

3 января 2019 года я опубликовала на сайте «Белсата»¹ фрагмент нашего разговора с Давидовичем (в тексте он ошибочно

¹ Ссылка на материал «Белсата» — <https://belsat.eu/news/bayavik-dnr-zayaviu-shto-yago-zaverbavau-gubazik-hatseli-adpravits-na-bok-ukrainy/>

фигурировал как Глазкин). В частности, передала его рассказ о вербовке сотрудниками ГУБОПиК. Через девять дней он позвонил мне на мобильный и стал угрожать. «Меняй место жительства! Не я один такой, у кого есть желание скрутить тебе голову». Давидовичу не понравилось, во-первых, то, что в статье я назвала его боевиком, а во-вторых — появление пуб-

УТВЕРЖДАЮ
Начальник Советского
РУВД г. Минска
полковник милиции

С.Л. Калинин
В.С. *Величко* 22
18 января 2019 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об отказе в возбуждении уголовного дела

22.01.2019 г.

г. Минск

Старший оперуполномоченный по ОВД ОУР КМ Советского РУВД г. Минска подполковник милиции Бохан А.А., рассмотрев материал проверки по заявлению Бахваловой Е.А.,

У С Т А Н О В И Л:

15.01.2019 в Советское РУВД г. Минска поступило заявление Бахваловой Екатерины Андреевны, 1993 года рождения, в котором она просит привлечь к уголовной ответственности неизвестного мужчину, который 12.01.2019 по телефону высказывал в её адрес угрозы физической расправы.

Опрошенная Бахвалова Е.А. пояснила, что работает корреспондентом телесканала «Белсат» без аккредитации МИД Республики Беларусь. С 2015 года я стала интересоваться темой участия белорусских граждан в войне на Донбассе со стороны непризнанных республик. Собранный материал публиковала в газете «Народная Воля», на радио «Свобода», в ряде украинских СМИ. Героев интервью она находила в социальных сетях, в основном «Вконтакте». В конце декабря 2018 года в социальной сети «Вконтакте» в группе «Ветераны ОРБ «Спарта» Бахвалова Е.А. нашла аккаунт под именем «Денис Глазкин». Просмотрев информацию аккаунта, она обнаружила одну фотографию, на которой изображен неизвестный ей мужчина в военной каске. Она подумала, что он принимал участие в военных действиях на Донбассе. В связи с этим Бахвалова Е.А. написала мужчине сообщение «Вконтакте» с предложением встретиться и дать интервью на военную тематику. При этом она представилась журналистом из города Минска, автором будущей книги про участие белорусов в войне на Донбассе. Мужчина ответил согласием, сообщив что готов встретиться после Нового года в кафе в г.п. Плещеницы. Однако после этого мужчина попросил перенести встречу без объяснения причин. В связи с этим Бахвалова Е.А. предложила ему дать интервью по «WhatsApp» Мужчина согласился, и 01.01.2019, когда заявительница находилась по месту жительства, на протяжении полутора часов по «WhatsApp» отвечал на ее вопросы. В конце интервью мужчина сбросил ей несколько фотографий, на

которых он изображен в военном обмундировании с оружием в руках. Собранный материал Бахвалова Е.А. оформила в статью, и 03.01.2019 разместила на сайте «Belsat.eu» под названием «Боевик ДНР заявил, что его завербовал ГУБОПиК: хотели отправить на сторону Украины». Мужчине об этом она не сообщила. 12.01.2019 в 17.14 ей на мобильный телефон с абонентского номера 8029 8234645 позвонил вышеуказанный мужчина и стал высказывать ей недовольства, выражаться в её адрес нецензурной бранью по поводу того, что информация в опубликованной статье указана не верно. Также мужчина сказал: «Меняй место жительства». На вопрос Бахваловой Е.А.: «Ты мне угрожаешь?», он ответил: «Да, я тебе угрожаю». В ходе разговора мужчина сказал: «Не я один такой, у кого есть желание скрутить тебе голову». В последующем о данной ситуации Бахвалова Е.А. рассказала своему супругу, который обратился в милицию.

В ходе проведенной проверки установлено, что абонентский номер 8029 8234645 зарегистрирован на Давидовича Дениса Евгеньевича, 1983 года рождения. Мужчина на фотографиях, которые были направлены Бахваловой Е.А., похож на Давидовича Д.Е. Опросить последнего об обстоятельствах произошедшего не представилось возможным, т.к. он находится за пределами Республики Беларусь.

В действиях неустановленного лица, с которым 12.01.2019 по телефону разговаривала Бахвалова Е.А., отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК Республики Беларусь, т.к. у данного лица не было возможности осуществить угрозу.

На основании изложенного,

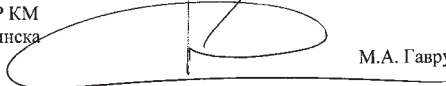
ПОСТАНОВИЛ:

1. В возбуждении уголовного дела по ч.1 ст. 186 УК Республики Беларусь на основании п.2 ч.1 ст. 29, 178 УПК Республики Беларусь отказать.
2. О принятом решении уведомить заявителя, разъяснив право обжаловать принятое решение, и прокурора Советского района г. Минска.

Ст. о/у по ОВД ОУР КМ
Советского РУВД г. Минска
подполковник милиции

СОГЛАСЕН
Вриод начальника ОУР КМ
Советского РУВД г. Минска
майор милиции

А.А. Бохан

М.А. Гаврук

ликации в идеологически чуждом ему СМИ. Я действительно не сообщала боевику, где именно работаю — сказала только, что собираю материал для книги, и это было правдой. Но и он, в свою очередь, не интересовался, журналистом какого медиа я являюсь. После звонка с угрозами, следуя совету коллег и юриста, я обратилась с заявлением в милицию. Участковый

слушал историю с некоторым удивлением и как диковинку рассматривал снимки Давидовича с Донбасса. Милиция начала проверку по статье 186 УК Беларуси — «Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества». Через несколько дней меня вызвал к себе следователь уголовного розыска Алексей Журко. Стены кабинета были увешаны плакатами и календарями с эмблемами разных подразделений силовых структур. Над рабочим столом висела странноватая фотография: Путин, Лукашенко и Назарбаев соединили руки в торжественном жесте. В материалах проверки я увидела распечатанные снимки Давидовича с оружием. «Скажите честно, Катерина, вы правда верите, что он может что-то вам сделать?» — со снисходительной улыбкой спросил Журко. Его напарник рядом посмеивался — видно, случай в их практике попался неординарный. Я объяснила: «Страха не испытываю, но, учитывая прошлое Давидовича и его «афганский синдром», возможно все». Пользуясь случаем, я поинтересовалась мнением милиционера насчет участия белорусов в НВФ. «За свою страну воевать надо», — коротко ответил он, резко нахмурившись. Опрос длился более часа. В конце мне пообещали, что «съездят пообщаться с этим бойцом». Спустя еще пару дней из милиции пришло письменное уведомление об отказе в возбуждении уголовного дела против Давидовича¹. Формулировка не столько удивила, сколько рассмешила. Оказывается, опросить его не представлялось возможным ввиду отсутствия на территории Беларуси. По той же причине не было и примет преступления, предусмотренного статьей 186 УК, так как Давидович якобы не имел возможности реализовать свои угрозы. По логике силовиков, несмотря на то, что звонок поступил с белорусского номера, нахождение Давидовича в Беларуси вообще никак не доказано. А раз он был где-то далеко — то и угрозы не должны восприниматься мной как реальные. Тем не менее оставлять меня в покое Давидович не собирался: он писал сообщения в соцсетях с просьбой «помириться», периодически

¹ Фото постановления — на стр. 310—311. В документе указана фамилия автора по паспорту.

звонил и требовал «просто поговорить», предлагал дать еще одно интервью. Что самое интересное — звонки поступали с белорусского номера. Месяц спустя после подачи заявления в милицию на мой вопрос, разве он до сих пор в стране, бывший боевик ответил: «А надо было убежать?»

Так почему правоохранные органы столь вяло отреагировали на угрозы журналисту? Тут возможно два варианта. Сотрудники уголовного розыска, которые не специализируются на контроле за боевиками и мало в этом понимают, могли обратиться к коллегам из ГУБОПиКа, где им объяснили — кейс надо спускать на тормозах. В итоге, де-юре милиция выполнила свои обязательства, а я получила на руки обыкновенную отписку. Но также возможно, что милиция просто поленилась разбираться в этом деле.

Игорь Ильяш

Троль с Донбасса

В отличие от Давидовича, боевик ЛНР из Витебска Сергей Трофимов сам предложил свои услуги белорусским спецслужбам. Но прежде он попал в поле зрения КГБ в связи со своими поездками на Донбасс. У него дома провели стандартный обыск — забрали нашивки подразделения, военный билет и удостоверение «ополченца».

В первый раз на восток Украины 30-летний Сергей Трофимов поехал в сентябре 2014 года. Российско-украинскую границу перешел в пункте пропуска «Изварино», оттуда отправился в Краснодар. В Краснодаре он явился в военный комиссариат сепаратистов, а уже вечером ему выдали автомат Калашникова и «какую-то синюю ОМОНовскую форму». Так Сергей Трофимов стал боевиком батальона «Русь». Однако пробыл там всего несколько месяцев — в конце 2014 года витебчанин был вынужден уехать домой по семейным обстоятельствам. Вернулся на Донбасс Трофимов уже после битвы за Дебальцево, весной 2015 года. «Русь» к

тому времени расформировали. Как рассказывали сами боевики, «за батальоном было очень много «отжима» бизнеса у людей», разоружать подразделение главари сепаратистов нанимали бойцов российской националистической группировки «Е. Н. О. Т. Corp»¹. В итоге Трофимов оказался в 4-м танковом батальоне. Впрочем, очень скоро боевик заскучал и уже осенью 2015 года вернулся в Беларусь.

Детали своих контактов с Комитетом госбезопасности Сергей Трофимов рассказал во время нашей встречи в Витебске в конце декабря 2016 года.

— **Как на тебя вышел КГБ?**

— *Во-первых, я не прятался. На моей странице в социальных сетях были фотографии с Донбасса. И потом, когда белорус пересекает границу России с Украиной, то информация сразу передается в КГБ. Автоматически.*

— **Это ты так решил, что информация передается автоматически?**

— *Мне это сам кэзэбэшник сказал.*

— **Как выглядела первая беседа с чекистами?**

— *Ко мне пришли на работу. Между первой и второй поездкой на Донбасс я работал в ВГУ имени Машерова столяром. Меня вызвали в кабинет директора, а там сидели сотрудники*

¹ «Е. Н. О. Т. Corp.» — радикальная националистическая группировка из России, близкая к группе «Русич» Мильчакова. До войны в основном занималась преследованием нелегальных мигрантов. С началом войны на Донбассе боевики «Е. Н. О. Т. Corp» активно принимали участие в боевых действиях на фронте, а также выполняли контрразведывательные функции в тылу сепаратистов и разведывательные — в украинском тылу (так описывали свою деятельность сами представители группировки). В 2015-м они покинули Донбасс и сосредоточились на «патриотическом» воспитании молодежи: боевики регулярно проводили военные сборы для подростков (в том числе из Беларуси и Сербии). В конце 2018-го — начале 2019 года группировка была разгромлена российскими спецслужбами и фактически прекратила свое существование. По информации «Новой газеты», руководители «Е. Н. О. Т. Corp» поссорились со своими кремлевскими кураторами, после чего и начались аресты боевиков.

КГБ. Директора при этом выгнали. Ну, и начали спрашивать: ездил ли, воевал ли, убивал ли?.. Сколько, зачем, почему?.. Вели аудиозапись. Предупредили про ответственность — обещали посадить, если снова поеду.

— **Но тебя это обещание не остановило...**

— Не остановило. В следующий раз встречались, когда в 2015-м вернулся. Тогда уже вызвали в управление. Видеозапись вели моих показаний, а показания я давал как свидетель по какому-то делу — не знаю, что за дело.

— **То есть именно как свидетеля вызывали, не подозреваемого?**

— Да¹.

Трофимов рассказывает: в интернете он пытался про-пагандировать идеи «русского мира» — в частности, был администратором группы «АнтиМайдан регулярная армия Новороссии» в социальной сети «ВКонтакте». Из-за подобной активности боевика в интернете КГБ якобы решил использовать его в качестве интернет-тролля.

— Я им сам предложил, — признается Трофимов. — У меня просто авантюрный характер, самому все интересно. Спрашиваю: я же блогер, может, я могу быть чем-то полезен?.. Ну, хорошо, сказали, вот тебе пара квестов — сражаться с оппозицией, с предпринимателями (начало 2016 года в Беларуси было отмечено акциями протеста ИПЭшников. — И. И.), создать десять фейковых страниц и писать комментарии. Троллить, то есть. Я сделал, что просили. Потом спрашиваю: чем могу быть еще полезен?.. Сначала переписывались мы через «ВКонтакте», потом они поменяли гэбэшника, который меня опекал, — переписка пошла через почту mail. ru. Сообщите электронный ящик, говорят, по которым мы можем задавать вам вопросы и присылать некоторые документы...

— **И что дальше?**

— Ну вот, попробовал пару раз, да и все.

¹ Полностью интервью было опубликовано «Радио Свобода» <https://www.svaboda.org/a/28211775.html>

— **Больше ни о чем не просили?**

— Нет. Наверное, слишком жестко отвечал (в комментариях в соцсетях. — И. И.). Им же нужно, чтобы развивалась дискуссия, а у меня были жесткие комментарии — диалоги уничтожались в зародыше.

Биографию Сергея Трофимова нельзя назвать ординарной. Он — единственный боевик, который раньше имел отношение к белорусской оппозиции. В начале 2000-х в Витебске он был активистом молодежной организации «Зубр», а позже — членом либеральной Объединенной гражданской партии (ОГП). Правда, в рассказах Трофимова, его оппозиционная деятельность выглядела как чистая диверсия — мол, по собственной инициативе внедрился к демократам, так как «врага надо знать в лицо». «Да я просто хотел посмотреть, что это за цирк. Я набирал хорошую такую стопку газет в офисе и сдавал их на макулатуру. Получал баллончики с краской и специально писал слова с ошибками, чтобы показать, какая у нас «хорошая» оппозиция». Довелось и в митингах участвовать — и в Витебске, и в Минске», — вспоминал он. Из такого же спортивного интереса он вступил в ОГП. «Но в 2004 году я упал с крыши, когда работал кровельщиком. Пока валялся в больнице, был членом ОГП. А потом написал заявление о выходе. Я понимал, что для Беларуси они ничего дать не могут», — уточнял Трофимов.

Задолго до нашей встречи в Витебске Трофимов в переписке в соцсетях признавался: хочет написать сценарий для фильма о войне. И даже присылал зарисовки, напоминавшие что-то среднее между бредом российской пропаганды и голливудской «клюквой». В некоторых его высказываниях в интервью также явственно проглядывалась буйная фантазия боевика. Например, в материал, опубликованный на сайте белорусской службы «Радио Свобода», не вошли истории о его «снайперских подвигах» — просто потому, что в них верилось с трудом. На фотоснимках в соцсетях Трофимов нигде не показывался со снайперской винтовкой — он либо щеголял с автоматом Калашникова (иногда даже коротко-

ствольным, милицейским), либо вовсе фотографировался без оружия на фоне техники. Не вошло в материал и утверждение Трофимова о том, что он дослужился на Донбассе до звания старшего лейтенанта (слишком уж затюканный был вид у этого «офицера»), и слова о том, что он будто бы убил более 100 украинских солдат. Учитывая, что на фронте боевик пробыл недолго и в крупных сражениях не участвовал, подобная цифра выглядела фантастической.

Но вот его рассказ о том, что среди подразделений сепаратистов существовал устный приказ не брать в плен украинских добровольцев, я передал, ведь эта информация подтверждалась другими источниками. Также в текст вошел намек Трофимова на то, что и лично он в расстрелах пленных принимал участие («ну, я же на передовой был», — усмехался боевик). Включил я в публикацию и слова витеблянина о том, что он много убивал на войне — для него это якобы стало чем-то обыденным, «как кофе выпить». В конце концов, нельзя отказывать собеседнику в праве свидетельствовать против себя самого, рассудил я.

Большое количество фронтовых баек, рассказанных в интервью, заставляло меня с крайним подозрением относиться ко всем словам Трофимова. Однако вскоре выяснилось, что боевик может и любит где-то приврать, но в то же время и фактуры в его рассказах хватало. В ОГП подтвердили: Сергей Трофимов действительно был членом партии около 8 месяцев — с 21 мая 2004 года по 4 февраля 2005-го. И действительно ничем себя там не проявил — он почти все это время лежал в больнице, лечился после падения с крыши.

Бывшая координаторка «Зубра» в Витебске Ольга Карач также подтвердила, что Трофимов был их активистом. Она честно призналась, что была шокирована, узнав об участии Сергея в войне: «Мы познакомились в 2001 году (Сергею было 17 лет. — *И. И.*), он пришел тогда в «Зубр». В то время приходило много активных ребят, которых система Лукашенко по разным причинам не устраивала, в том числе, потому что для них не было места. Многие потом стали

фотографами, журналистами — творческими людьми. А он не туда пошел... Из всех «зубров» я бы на Сергея подумала в последнюю очередь, что он вообще может взять в руки оружие. Сергей был очень добрым, отзывчивым, мягким, бесконфликтным парнем, подкармливал бродячих животных, мечтал путешествовать, мечтал о яркой жизни. Мы с ним ездили на акции в Минск. Я просто не верю, что он убивал! Эти два образа у меня в голове никак не складываются. [...] Мать у него медсестра, очень любила его (он единственный сын), очень хотела, чтобы сын нашел свое место в жизни. Мать даже радовалась, что он в политике участвует, хотя далеко не все родители активистов «Зубра» так реагировали»¹, — говорит она. По словам Ольги, после падения с крыши Трофимов едва выжил — врачи его буквально собирали по кусочкам. «Лечился около года. Ну, понятно, какая тут политическая деятельность может быть, когда такая ситуация».

Вспомнили его и в Комитете госбезопасности. Факт бесед подтвердили. Но от него как от сексота — открестились. «Трофимов С. В. инициативно сообщил в КГБ, что рассматривает возможность выезда в Украину из патриотических целей для оказания помощи силам «ополчения», при этом предложил оказать содействие в получении интересующей информации. От предложения отказались и дополнительно предупредили, что, в случае повторного выезда в Украину, в его отношении может быть возбуждено уголовное дело. В результате Трофимов С. В. ответил, что осознает характер возможных негативных последствий и от поездки, с его слов, отказался. Позже была получена информация о его нахождении на территории Украины. В этой связи, после появления в Витебске, в целях уточнения его пребывания в Украине, в 2016 г. с ним была проведена беседа», — говорилось в записке

¹ Слова Карач наводят на мысль, что Трофимов «вредительский» характер своей деятельности в оппозиции сочинил постфактум. Вполне возможно, что участие в политической жизни — это был вполне искренний порыв молодого человека на том этапе его жизни. А затем он действительно «не туда пошел».

КГБ, переданной в редакцию белорусской службы «Радио Свобода»¹.

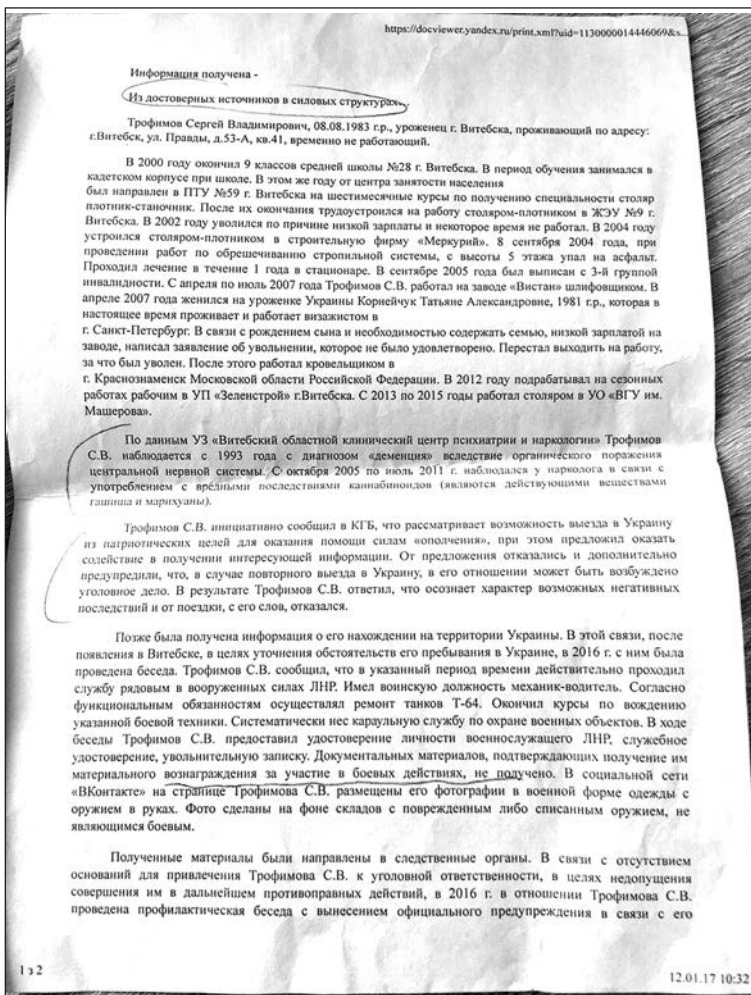
Таким образом КГБ признал: боевик действительно первый предложил чекистам свои услуги, и у них действительно состоялось минимум две беседы. В остальном стороны в своих показаниях расходятся, не подкрепляя при этом свои заявления какими-либо документальными доказательствами. Фактически у нас есть слово против слова. Кто же здесь говорит правду?

Из записки Комитета госбезопасности можно сделать вывод, что первый их контакт с Трофимовым состоялся между двумя поездками на Донбасс (его же предупредили, что в случае «повторного выезда в Украину...»). То есть в конце 2014-го — начале 2015 года. Также в КГБ подчеркивают, что о своих намерениях примкнуть к «ополчению» Трофимов «инициативно сообщил» — т. е. первый рассказал об этом комитетчикам. Выглядит эта сцена не слишком правдоподобно. Сложно себе представить, чтобы обычный человек, зная что на официальном уровне участие в войне на Донбассе не приветствуется, рискнул первым выйти на контакт с КГБ и донести на самого себя. Если же первыми на контакт вышли чекисты, то в чем заключалась «инициативность сообщения»? Далее в записке КГБ говорится: Трофимов «предложил оказать содействие в получении интересующей информации». Сложно поверить, чтобы спецслужба отказалась от подобных услуг. Ведь на высшем уровне тема участия в войне белорусов была отнесена к сфере «национальной безопасности», а, значит, любая информация на этот счет ценилась на вес золота. К тому же потенциального агента сами чекисты не считают преступником (а иначе уже бы арестовали), а поездку на Донбасс оправдывают «патриотическими соображениями».

В записке КГБ речь идет о том, что Трофимов фактически предложил чекистам стать их агентом на Донбассе, а отнюдь не интернет-троллем в борьбе с оппозицией. Так как же было на самом деле? Скорее всего, после первой поездки на Донбасс к Трофимову действительно пришли комитетчики, и он,

¹ Фото записки КГБ — на стр. 320—321.

возомнив себя крутым шпионом, предложил свои услуги на Донбассе. Чекисты, в свою очередь, не стали игнорировать подобное предложение, потому что отказываться от лишнего источника информации в зоне конфликта глупо. Об этом, разумеется, Трофимов в интервью умолчал — стукачество явно противоречило его выдуманному образу «бесстрашного героя войны». Зато он рассказал про свои попытки стать

участием на территории иностранного государства в вооруженном конфликте.

05.01.2017 Трофимов С.В. был допрошен (с применением видеозаписи) по факту размещения на сайте www.svaboda.org статьи «Як были активіст «Зубра» і были сябра АПІ стаў баевіком «ЛНР», а потым прапанаваў свае паслугі КДБ». Допрашиваемый сообщил, что в декабре 2016 года давал интервью журналисту Ильяшу Игорю, с которым с лета 2016 года поддерживал контакт через социальные сети.

Трофимов С.В. сообщил на допросе, что предоставил журналисту ложные сведения о своем участии в боевых действиях на территории Украины и оказании содействия органам госбезопасности для придания себе значимости. В действительности указанных действий не совершал.

В ходе общения вел себя спокойно, доброжелательно, агрессии не проявлял, давал развернутые ответы на поставленные вопросы, рассказывает в совершенном поступке. При этом, мимика и жесты не всегда соответствуют происходящему (непроизвольные улыбка и жестикация рук без повода). Производит впечатление человека, ведущего асоциальный образ жизни.

06.01.2017 назначена судебно-психиатрическая экспертиза Трофимова С.В. в УГКСЭ по Витебской области.

Трофимов С.В.

*у даче, пренебреж-
но і дэмонізац-
ію на прат, вост, вост-
нац.*

интернет-троллем под присмотром КГБ — это в его собственных глазах уже выглядело милой авантюрой в рамках идейной борьбы с прозападной оппозицией. Только, судя по всему, толку от Трофимова — и как от источника информации на Донбассе, и как от интернет-тролля — не было никакого. Поэтому в КГБ просто махнули на него рукой и новых «квестов» не подбрасывали.

Оснований для возбуждения уголовного дела против Трофимова белорусские правоохранители тоже не нашли. В Украине, правда, к рассказам боевика отнеслись более серьезно. Вскоре после публикации интервью, 12 января 2017 года, Новоайдарский отдел Северодонецкой городской прокуратуры Луганской области начал расследование уголовного дела в отношении Сергея Трофимова по ч. 5 ст. 260 Уголовного кодекса Украины (участие в НВФ, приведшее к гибели людей)¹. Основанием стали слова белоруса об его участии в боевых действиях против батальона «Айдар» в районе города Счастье и поселка Великая Гора.

Что касается самого Трофимова, то он на момент написания книги продолжал спокойно жить в Беларуси. При всей оригинальности его биографии сам по себе Трофимов — личность ординарная. Он всячески изображает прожженного авантюриста, супер-солдата и «штирлица», но тем самым просто старается скрыть неприятную правду. Сергей Трофимов — обыкновенный лузер. Который в юности мечтал о путешествиях и яркой жизни, а теперь ему за тридцать, и нет ни денег, ни работы, ни будущего. И этот лузер вынужден самоутверждаться, выдумывая себе мифические подвиги на войне, в которой он участвовал на стороне агрессора.

★ ★ ★

Безусловно, кейсы Давидовича и Трофимова — лишь ничтожная толика агентурной работы спецслужб в контексте войны на Донбассе. Да и работали с белорусами наверняка не только отечественные спецслужбы. Совершенно удиви-

¹ По состоянию на ноябрь 2018 года следователи следственного отделения Новоайдарского отдела полиции Главного управления Национальной полиции в Луганской области продолжали досудебное расследование по делу Трофимова. Какие следственные действия совершались в рамках расследования и сотрудничают ли белорусские правоохранители с украинскими следователями — неизвестно.

тельная история возникла в уже упоминавшейся ранее статье «Гастарбайтеры войны». Журналисту президентской газеты в МВД рассказали: в 2014 году 50-летний житель Малориты выехал к родной сестре в город Стаханов, захваченный ЛНР, а по дороге он якобы был завербован Службой безопасности Украины «в качестве негласного источника». Однако де-факто никаких сведений СБУ с территории ЛНР белорус не передавал, а затем выехал в Донецк, где сам зачем-то сдался боевикам. За это боевики ДНР бросили его «на подвал» и пытали — переломали руки, ноги и ребра. Пробыв в плену 8 месяцев, 27 августа 2015-го житель Малориты «был обменен как боец правительственных войск Украины», утверждали в МВД. В статье «Гастарбайтеры войны» сообщалось, что побывавший в плену белорус — бывший «афганец», уволен из вооруженных сил «по дискредитирующим основаниям как лицо, страдающее психическим заболеванием», трижды судим.

К сожалению, ни идентифицировать героя этой истории, ни проверить опубликованные в газете данные нам не удалось. Также остается неизвестной и дальнейшая судьба самого жителя Малориты. «СБ-Беларусь сегодня» утверждала: 5 октября 2015 года его задержали на белорусско-украинской границе. За что задержали и где он находился на момент публикации статьи — не уточнялось.

Глава 19 ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФРОНТ

Катерина Андреева

Давление: явное и скрытое

Взаимодействие госорганов, и тем более спецслужб, с прессой в Беларуси имеет свою специфику. Почти для всех государственных ведомств характерна тотальная закрытость от СМИ. Власть воспринимает журналистов, по сути, как обслуживающий персонал. С прессой общаются не тогда, когда у общества возникают вопросы к власти, а когда сама власть хочет распространить какую-то информацию. Даже получение рутинного комментария чаще всего становится для журналиста огромной проблемой: вам не ответят не в силу секретности сведений, а потому, что не считают нужным с вами в принципе разговаривать. Плюс нужно учитывать общую атмосферу страха, созданную в стране политическим режимом Лукашенко. Понятие «источник» в том или ином ведомстве (особенно силовом) просто потеряло смысл — никто не рискнет самостоятельно контактировать с прессой без санкции начальства. За редким исключением инсайдерская информация может быть получена белорусским журналистом исключительно в виде одобренного сверху «слива».

Власть в Беларуси стремится полностью контролировать информационное поле. В сфере традиционных СМИ — ТВ, радио, печатных изданий — в течение всего правления Александра Лукашенко позиции государства были доминирующими. На телевизионное вещание у пролукашенковских СМИ всегда имелась монополия: все белорусские телекана-

лы, включенные в обязательный общедоступный пакет, — государственные. И если массивной госпропаганды, атмосферы страха, «сливов» и манипуляций начинает не хватать, спецслужбы переходят к прямому давлению на независимых журналистов. При освещении войны на Донбассе такое тоже не раз случалось.

* * *

Журналист Евгений Волошин начинал свою карьеру в 2000-х в государственной газете «Звезда». Там он специализировался на расследованиях, связанных с наркотрафиком в Беларуси. В тот период Волошин обзавелся связями в ГУБОПиК: по мере надобности он общался с представителями силовой структуры для получения комментариев. «Мы преследовали одну цель — борьбу с наркотиками», — объясняет он. Чаще всего журналист встречался с источниками в помещении самого ведомства, но иногда встречи носили неформальный характер и проходили в кафе. «Это бывает так: человек рассказал все, что мог, по интересующему меня вопросу, а после беседы, не под запись, говорит: слушай, тут есть такая тема... И начинает предлагать что-то свое», — объясняет Волошин. На первых порах такое взаимное сотрудничество казалось Волошину хорошим способом получить достоверную и эксклюзивную информацию. Но позже, по его словам, он стал разочаровываться и понимать, что в итоге силовики больше используют журналиста в своих целях, чем искренне делятся важными для общества сведениями. «Обычно я приходил в пресс-службу с диктофоном, но, бывало, и в кулуарах что-то на ушко шепнут. Я это использовал в материалах, не ссылаясь на фамилию и должность источника. Старался делать все в рамках журналистской этики», — рассказывает он.

На вопрос, пытались ли его завербовать, Волошин говорит: «Да, причем четыре раза, в том числе Комитет госбезопасности». Один из таких случаев произошел с ним, во время

работы в «Звезде». Чекист пригласил его в кафе и начал расхваливать — мол, какой он талантливый журналист. Конечно, предлагал сотрудничать. Волошин говорит, что отказался, но спустя пару дней встретился с этим человеком еще раз (по просьбе последнего). В машине КГБист громко спросил у Волошина: «Ну, так давать вам наши материалы?» Я специально громко ответил: «Да, давайте через вашу пресс-службу, официально». Ну, закосил под дурачка, мне грамотные люди так сделать посоветовали. После этого больше он на меня не выходил». Волошин рассказывает про попытку вербовки КГБ, хотя по работе контактировать приходилось с иным ведомством — ГУБОПиК. Там же, по словам Волошина, на волне популярности его расследований по наркотикам, вообще предлагали работать штатным аналитиком «с офицерскими погонами», но он отказался. В 2012 году Волошин устраивается на польское «Еврорадио», которое имеет корпункт и аккредитованных корреспондентов в Минске. Когда начался конфликт на Донбассе, редактор поручил эту тему Волошину. В том числе, предложил подготовить интервью с белорусами, воюющими на стороне ДНР и ЛНР. «Конъюнктура была такова: давай, делай материалчики про этих дурачков. И я стал делать, потом заинтересовался сам, — рассказывает Евгений. — Когда в 2015 году пошли материалы про украинских «киборгов» в Донецком аэропорту, в интернете появилось видео, как ДНРовцы вешают свой флаг над одним из терминалов¹. Позже выяснилось, что там были белорусы. Я начал искать их в соцсетях, изучал базу «Миротворца». Тогда про это мало писали, и было интересно копнуть. А еще была гипотеза, что белорусских военных туда переправляют, но доказательств такой версии я не нашел. Самым простым казалось выйти персонально на боевиков и записать интервью».

Однако, работая над темой белорусов-боевиков, Волошин рано или поздно должен был столкнуться с интереса-

¹ Речь про белорусов Дмитрия Макаревича и Сергея Савича, которые воевали в батальоне «Спарта» и участвовали в боях в Донецком аэропорту.

ми спецслужб. И вскоре они были озвучены ему напрямую давними знакомыми — высокопоставленными сотрудниками ГУБОПиК. В августе 2015 года Волошин опубликовал на «Еврорадио» материал про бывшего офицера Сил специальных операций Андрея Шинкевича из Орши, которого украинский «Миротворец» назвал инструктором боевиков на Донбассе. Волошин нашел Шинкевича «Вконтакте», и, хотя в аккаунте не было фото, прямо указывающих на его участие в войне, оршанец оказался «подозрительным». В первую очередь потому, что в списке друзей у него оказались боевики ДНР и ЛНР. В статье «Еврорадио» (авторство Волошина там не указывалось) этот человек был обозначен как «Андрей Ш.», а лицо на фото замазано в графическом редакторе. Как объясняет журналист, это понадобилось, чтобы избежать возможных претензий и обвинений в клевете со стороны героя материала. Пообщаться с самим Шинкевичем у Волошина тогда не получилось — тот не реагировал на сообщения в соцсетях, поэтому журналист решил связаться с матерью и сослуживцами предполагаемого боевика. И если мать, по словам Волошина, стала отрицать участие сына в войне, то сослуживцы по Донбассу в один голос называли его «бойцом высокого класса» и «крутым разведчиком». Через некоторое время после выхода статьи¹ в редакцию «Еврорадио» пришло уведомление из Министерства иностранных дел (именно это ведомство отвечает за аккредитацию корреспондентов зарубежных СМИ в Беларуси): поступила жалоба на Волошина. «Я понял, что Шинкевичу не понравился материал и он пожаловался в МИД. Тогда как-то отговорились, главред сходил в МИД, и вопрос закрыли. И вот, через несколько месяцев, в офис вбегает милиционер и кричит: «Ну что, дописались? На вас жалоба, поехали в участок!» Но я попросил самостоятельно прийти в милицию на следующий день, чтобы дать объяснения», — вспоминает Евгений.

¹ Материал о Шинкевиче вышел 04.08.2015 года https://euroradio.by/ru/chempion-mogilyovshchiny-po-prakticheskoy-strelbe-voyueta-na-storone-dnr-foto?fbclid=IwAR3EUd4r3bfBEnLBqVJfAINvtHAV41Vj_WC2_Vq0eAkVKjnmdZR5osPV8ww

Одновременно с этими событиями Шинкевич сам, первым вышел на связь с Волошиным. Он позвонил на личный мобильный журналиста, намекнул, что сейчас как раз приехал в Могилев «подлечиться после травмы» и готов лично встретиться. Волошин согласился, рассчитывая на эксклюзивное интервью с боевиком. И Шинкевич действительно пришел на встречу. Только вот вести аудиозапись журналисту он не позволил и на протяжении всей беседы заверял его, что никогда не был на Донбассе и нигде не воевал. При этом, по словам Евгения, его собеседник сам записывал разговор на диктофон и «в случае чего угрожал затаскать по судам». Вытащить хоть какую-то ценную информацию для печати из Шинкевича не получилось. Тут нужно вспомнить, что и мы общались с Андреем Шинкевичем, найдя его точно так же — «Вконтакте». История похожая: Шинкевич два часа сидел с нами в могилевском кафе и доказывал, что никогда не был на войне, а просто «ездил по делам в Ростов». Позже мы отправили официальный запрос в СБУ, где нам сообщили: Шинкевич воевал на Донбассе в рядах подразделения боевиков «Корса» в качестве диверсанта-инструктора.

Волошин утверждает, что всю цепочку событий — жалоба в МИД, ворвавшегося в редакцию милиционера и обещания Шинкевича в случае чего засудить — он расценил как прессинг со стороны боевика. Поэтому журналист воспользовался знакомством с людьми из ГУБОПиК и пожаловался им на Шинкевича. Придя в ведомство, Волошин узнал от начальника одного из отделов, что Андрей Шинкевич действительно воевал на Донбассе, этими сведениями располагает ГУБОПиК. По словам Волошина, там ему «помогли урегулировать конфликт» с Шинкевичем, который после нескольких звонков силовиков «сдулся» и больше не беспокоил журналиста. Волошин тогда подумал, что неплохо было бы, пользуясь моментом, вытащить из силовиков больше информации о воевавших белорусах. «Прямо находясь в ГУБОПиК, я предложил сделать материал про белорусов, погибших на Донбассе. И силовики, не прося ничего взамен,

Прим. № __

СЛУЖБА БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

Департамент
інформаційно-аналітичного
забезпечення

**Управління
взаємодії із засобами масової
інформації та громадськості**

вул. Володимирська, 33, м. Київ, 01601
Тел./факс (044) 279-30-40
E-mail: prasanfo@smi.gov.ua
Код ЄДРПОУ 10034074

28.01.19 № 4/4/1-16-н/215

На № _____ від _____

Журналісту телеканалу «Белсат»
К. Андрєєвій
email: katyaand17@gmail.com

Шановна пані Катерино!

На Ваш запит від 22.01.2019 року повідомляємо таке.

За наявними даними запитувана особа входила до підрозділу «Корса» у якості диверсанта-інструктора та кінолога, брала участь у бойових діях проти сил АТО на території Волноваського району Донецької області.

На теперішній час його місцезнаходження не відомо.

Слідчими органів безпеки станом на 25.01.2019 року повідомлення про підозру вказаній особі не здійснювалось.

Службою безпеки України на постійній основі у рамках відповідних міжвідомчих та міжурядових угод здійснюється інформування партнерських спецслужб інших держав щодо участі їх громадян у незаконних збройних формуваннях.

З повагою

Керівник Управління

О. Гітлянська

согласились дать мне эти сведения. Раньше имена семерых погибших еще не называли в СМИ. Так что да, это фактически получился «слив», но «слив» по моей просьбе», — признается Волошин.

О намерении подготовить статью по материалам силовиков он сообщил редактору постфактум. Между тем происходили очень странные вещи. «Получив имена и фамилии, я начал проверять информацию, как того требуют стандарты журналистики. Поехал и нашел могилы боевиков на разных кладбищах, связался с родственниками погибших. Дозвонился до брата Александра Мельникова из Могилевской области,

а тот внезапно признался, что и он воевал. Брата похоронил, а сам вернулся в Беларусь. Кладу трубку и через минут пятнадцать мне звонит заместитель главы ГУБОПиК, Михаил Бедункевич, и начинает орать: «Нахера ты к людям лезешь, будоражишь семьи?!»

По версии Волошина, брат Мельникова позвонил в ГУБОПиК и пожаловался, мол, его допекает журналист. Но нам это кажется маловероятным, учитывая, что чаще всего боевики предпочитают добровольно не контактировать с правоохранительными органами и уж тем более вряд ли имеют с ними прямую телефонную связь. Скорее всего, прослушивался редакционный телефон, с которого Волошин обзванивал родных погибших и по которому общался с братом Мельникова.

Итак, собрав необходимую фактуру, журналист написал материал. Когда все было готово, он решил отнести текст на визу в ГУБОПиК. Такой шаг он объясняет желанием проверить, не допустил ли он ошибок. «Это нормальная практика давать материал на вычитку, если тебе предоставили какие-то данные»¹, — говорит он.

Волошин признается: он знал, что обычно силовики не просто «солят» информацию, но и захотят отредактировать текст до выхода в свет. Поэтому не удивился, когда процесс растянулся на несколько недель. «ГУБОПиК и раньше часто наседали таким образом на топовых белорусских журналистов, причем не обязательно по «политическим» темам — иногда это касалось обычного криминала. Дело не

¹ Необходимость дополнительно визировать в ведомстве готовый материал кажется нам надуманной. Ведь если силовики дали журналисту конкретные сведения, значит, они в достаточной мере доверяют ему. И вряд ли Волошин с многолетним опытом в профессии перепутал бы фамилии погибших. Однако то, что Волошин по собственной воле понес показывать статью в ГУБОПиК, хорошо показывает, в какой атмосфере вынуждены работать белорусские журналисты. Они настолько приучены к давлению и контролю со стороны спецслужб, что стараются бдительно, даже когда не нужно.

в том, чтобы быть каким-то сексотом, ты не подписываешь бумаг о сотрудничестве... Им важно именно дать «слив» и проконтролировать, чтобы все было написано четко. В этот материал про погибших на Донбассе они буквально клещами вцепились, три раза правили! Все тянулось около месяца. В итоге требования выставили такие: вместо полных фамилий погибших, которые должны были впервые появиться в СМИ, оставить только инициалы, «заблюрить» их лица¹, не ссылаться на источник — высокопоставленного силовика. И убрать комментарий брата Мельникова в обязательном порядке».

Статья Волошина вышла на «Еврорадио» 22 февраля 2016 года² в таком виде, в каком ее отдали автору после долгого «редактирования». Сегодня он не жалеет, что пошел на компромисс, но отмечает: это был последний его неофициальный контакт с силовиками. Позже журналист старался не возвращаться к теме боевиков, по причинам, известным лишь ему. Что касается отношения руководства ГУБОПиК к тому, что белорусские граждане воюют в рядах НВФ, Волошин вспоминает характерный диалог между ним и высокопоставленным сотрудником этого силового ведомства: «Я спросил не под запись, как он относится к белорусам, которые воюют за ДНР и ЛНР». Он ответил: «Да, мы против них, — и задумался. А через пару секунд добавил: — Но вообще, по-хорошему, можно было бы поехать и помочь»».

¹ У читателя, вероятно, возникает вопрос: почему ГУБОПиК не хотел раскрывать фамилии ранее неизвестных погибших. Причина, на наш взгляд, кроется в опасениях силовиков, что другие журналисты могут начать «копать» и наткнутся на неожиданные открытия. Например, узнают, что погибшие были не единственными боевиками в семье, как это произошло с братом Александра Мельникова. Такой нежелательный эффект власти получили, опубликовав статью «Гастарбайтеры войны»: журналисты нашли героев статьи, чьи рассказы сыграли далеко не на руку силовикам.

² Статья вышла под заголовком «7 историй белорусов, погибших на войне в Украине» <https://euroradio.fm/ru/7-istoriy-belusov-pogibshih-na-voyne-v-ukraine-foto>

В случае журналиста Волошина спецслужбы действовали подчеркнуто скрытно — об их манипуляциях не должно было стать известно обществу. Но белорусская власть прибегала и открытым атакам на СМИ из-за Донбасса.

Вадим Замировский — фотокорреспондент самого популярного белорусского интернет-ресурса TUT. BY, с 2014 года освещал события в Украине. Майдан, Крым, Донбасс — в «горячих точках» Вадим бывал не по одному разу. Кроме того, Замировскому удалось освоить жанр текстового репортажа, что для фотокорров редкость.

Зима 2017 года. Авдеевка на чрезвычайном положении после длительных обстрелов. Боевики применяют тяжелое вооружение, запрещенное Минскими договоренностями. Гражданская инфраструктура частично разрушена: в городе перебои с водоснабжением и электричеством, людей эвакуируют. Бойцы тактической группы «Беларусь» в составе «Правого сектора» удерживают позиции на передовой. Замировский едет туда, проводит с белорусскими добровольцами трое суток и по возвращении выдает большой материал под заголовком «Родители написали сначала, что я фашист. Как белорусы воюют в Украине». Главные герои материала — совсем молодые ребята с позывными Якуб и Талер — рассказали журналисту о своих буднях на войне, политических взглядах и отношении семей к их выбору. Вместе с подразделением Замировский передвигался по улицам поселка, простреливаемого боевиками, падал на дно окопа при близкой канонаде — и при этом успел поговорить с бойцами «по душам». В итоге получился талантливый, объективный репортаж. Отдельным примечанием редакция напоминала, что уголовный кодекс запрещает белорусам участвовать в военных конфликтах за рубежом, и уточняла, что текст не отражает позиции TUT. BY по войне на Донбассе в целом и участию в ней белорусских граждан в частности. В репортаже Замировского не было ни слова «восхваления» добровольцев, чего так боялись власти. В нем вообще не было

никаких оценок, только жизнь и война в чистом виде. Ниже приведем короткий фрагмент.

«...Следующим вечером на линии фронта заходим на другое подворье. Седой мужчина с острым взглядом и без знаков отличия, очевидно — командир, сразу интересуется, почему сегодня нас больше.

— С нами журналист, — отзываются солдаты.

— Сегодня тут будет не до журналистов. Уводите.

Остаюсь на другой позиции, где нет командования ВСУ. Примерно через час прогноз седого незнакомца сбывается. Канонада и взрывы слышны уже гораздо ближе. Небо периодически озаряется сигнальными ракетами. Оглушительный взрыв раздается совсем близко, все моментально падают на дно окопа. Второй, третий взрывы, над окопом свистят пули. «Оказывается, они и правда свистят», — ловлю себя на мысли. Инстинктивно хочется вжаться поглубже.

— 120-ка прилетела, точно вам говорю, — солдаты обсуждают калибр упавшего снаряда.

— Да нет, свиста не было, наверное, это СПГ, — отвечает другой.

В окоп практически влетают с разбегу солдаты ВСУ.

— Ну, как тут? Сегодня горячо? Ща мы им ответим.

У ВСУ на такой случай припасена «Дашка»: крупнокалиберный пулемет ДШК, через несколько секунд мы услышим ее.

— Слушай, а тебе сколько лет? — спрашивают у меня бойцы.

— 35.

— А, так тебе должно быть не страшно, пожил же уже, — мрачный армейский юмор странным образом разряжает обстановку».

Репортаж был опубликован на TUT.BY 15 февраля, а 17 марта редакция получила от Министерства информации Беларуси письмо с официальным предупреждением. В документе говорилось, что содержание материала «способно нанести вред национальным интересам страны». Каким именно образом — непонятно. «Наличие среди лиц, воюющих в Украине, приехавших туда по собственной инициативе

белорусских граждан (как и граждан иных государств), не является тайной. Об этом неоднократно публично заявляли в том числе представители белорусских правоохранительных органов. Ряд граждан уже привлечены за подобные действия на территории Республики Беларусь к ответственности. Участие таких лиц в боевых действиях не является частью внешней политики нашего государства, подобные действия являются уголовным преступлением, о чем мы также неоднократно писали», — заявила тогда гендиректор ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА» Людмила Чекина.

Однако TUT.BY все же не стал бескомпромиссно отстаивать права своего журналиста на публикацию, а читателя — на получение объективной информации. В Беларуси такому решению редакции есть оправдание. Согласно Закону о СМИ, если Мининформ вынесет изданию два и более письменных предупреждения за год — государство ограничит к нему доступ. Проще говоря, самый популярный новостной сайт в стране окажется под угрозой закрытия. В итоге редакция удалила с сайта репортаж Вадима Замировского о добровольцах.

В 2018 году с этим материалом Замировский занял первое место на «Вольном слове» — конкурсе для журналистов независимых СМИ.

Игорь Ильяш

Монополия Кремля

Описанные выше случаи давления на негосударственные СМИ Беларуси по украинской теме приобретают откровенно одиозный вид с учетом того, что российскую пропаганду в Беларуси никто ограничивать даже не пробовал. Спецслужбы прекрасно знали о «вале белорусов», уезжающих на Донбасс, и понимали, какое значение для этого процесса имеет соловьевско-киселевская истерия. Власти не пытались ограничить ее даже по имиджевым соображениям (хотя Минск и объявил о своей нейтральности, но транслировал у себя только российскую точку зрения на события и никогда —

украинскую). Сколько жизней мог сохранить запрет на вещание российских телеканалов в Беларуси — вопрос риторический. Но вместо такого запрета власти скрывали масштабы участия белорусских граждан в войне на Донбассе.

Нельзя сказать, что Александр Лукашенко совершенно не понимал, какую угрозу для страны и для него лично несет господство российского ТВ в Беларуси. Однако первые (и безнадежно робкие) шаги в этом вопросе он стал предпринимать только зимой—весной 2018 года. 10 апреля, встречаясь с представителями госСМИ, глава Беларуси уже прямо заявил: дальше работать по-старому нельзя. «Если мы не овладеем умами и душами белорусов, мы суверенную и независимую страну в таком классическом виде никогда не построим», — сказал он. Лукашенко поставил задачу «не дать себя в обиду в информационном отношении». Кому не дать в обиду — не уточнил. Но тема российского информационного присутствия в Беларуси была лейтмотивом выступления Лукашенко: он заявил, что хочет смотреть только белорусские каналы («я слишком националистичен в этом плане»), а само белорусское ТВ должно развивать собственный контент, а не заимствовать зарубежный. «Именно информационные войны стали отличительной чертой XXI столетия. Средства массовой информации превратили в оружие. И, знаете, это оружие мощнее, чем ядерное», — заметил он.

Война России против Украины, которая сопровождается тотальной информационной агрессией, произвела на Лукашенко неизгладимое впечатление и заставила задуматься о том, как встретила бы аналогичные вызовы Беларусь. Судя по всему, белорусский лидер пришел к неутешительному выводу: если на военное сопротивление российским захватчикам еще можно будет рассчитывать, то на информационном фронте его государство окажется безоружным. Дело в том, что сами белорусские государственные телеканалы в той или иной степени работают на российской платформе — заимствуют контент российского ТВ, начиная от сериалов и развлекательных телешоу и заканчивая пропагандистскими программами.

Согласно новому Закону о СМИ, принятому в 2018 году, белорусские телеканалы обязаны иметь в эфире не менее 30 % собственного контента. Эта норма — попытка хоть немного стабилизировать уровень российского информационного влияния на страну (именно стабилизировать, а не существенно ограничить). Слабость и беззубость принимаемых мер становятся очевидной, если учесть, что в 2016 году тогдашний замглавы Администрации президента Беларуси Игорь Бузовский говорил, что белорусские СМИ на 65 % состоят из российского контента (то есть нероссийская доля лукашенковских СМИ и так составляла более 30 %). Таким образом, новый Закон о СМИ не имел цели создать правовую базу для отвоевания информационного пространства Беларуси — он лишь должен был сохранить статус-кво, не допустить полного поглощения госСМИ российским контентом.

Согласно исследованию Белорусской ассоциации журналистов, по состоянию на ноябрь 2018 года около 49 % передач, которые демонстрируются в прайм-тайм телеканалами, включенными в обязательный общедоступный пакет, — российского производства. Доля кремлевской пропаганды в общем количестве общественно-политических передач в прайм-тайм составляет почти треть — 30,57 %. Если добавить к этому кино и сериалы, то цифры будут еще более впечатляющими. Из восьми телеканалов, входящих в утвержденный правительством Беларуси пакет телепрограмм, четыре показывают в прайм-тайм более 60 % продукции российского производства. Даже на главном государственном канале «Беларусь-1» доля российского контента составляет 38,18 %. И это — после всех заявлений руководства Беларуси о необходимости защищать свое информационное пространство. Таким образом, белорусское телевидение в ходе всего конфликта на Донбассе в значительной степени являлось российским по содержанию.

Необходимо учитывать, что белорусская госпропаганда априори не может тягаться с российской — она слишком архаична, их ресурсные базы несопоставимы. Москва использует в своей информационной политике самые современные методы

манипуляций и фальсификаций. Белорусские же госСМИ не далеко ушли от приемов брежневской эпохи. Информационные программы в Беларуси — это скучное описание президентских визитов и совещаний, обзор посевной и новостей спорта. Их цель — успокоение населения и консервация существующего порядка вещей. Цель российской пропаганды — мобилизация на агрессию как против внешних, так и против внутренних врагов. Единственным реальным выходом из ситуации мог быть полный запрет кремлевских телеканалов или хотя бы ограничение их вещания в части общественно-политических программ. Однако на подобные революционные меры глава Беларуси не решился. Власть позволяла себе цензурировать контент российского ТВ только в тех случаях, когда он содержал прямые выпады против Лукашенко¹.

Естественным союзником белорусской власти в деле обеспечения информационной безопасности должны были бы стать негосударственные СМИ. Тем более что практически вся негосударственная пресса в Беларуси по своим взглядам — антипутинская. Но допустить свободное ее функционирование Лукашенко не может — это противоречит самой сути режима. Спустя 4 месяца после публичных рассуждений Лукашенко об информационной безопасности в Беларуси прогремело «дело БелТА»²: в августе 2018 года в течение

¹ С 2014-го по 2019 год единственными официальными ограничительными мерами в отношении пророссийской пропаганды была блокировка Министерством информации Беларуси откровенно маргинального, экстремистского сайта «Спутник и погром».

² «Дело БелТА» — уголовное дело о несанкционированном подключении к платной подписке государственного агентства БелТА, фигурантами которого стали независимые журналисты. С 7 по 9 августа 2018 года СК задержал 18 журналистов и редакторов. Обыски прошли в редакциях TUT.BY, БелаПАН, Realt.by, газет «Культура» и «Наука», а также в офисе провайдера «АйТиВи». Дела против всех подозреваемых журналистов, кроме главного редактора TUT.BY Марины Золотовой, были закрыты до конца 2018 года. Правозащитники и журналисты однозначно оценили «дело БелТА» как политически мотивированное.

трех дней Следственный комитет задержал 18 журналистов негосударственных СМИ, обыски прошли в редакциях единственного независимого информагентства страны БелаПАН и крупнейшего информационного портала TUT.BY. Главного редактора TUT.BY Марину Золотову 4 марта 2019 года признали виновной по ч. 2 ст. 425 УК (бездействие должностного лица) и приговорили к штрафу в размере 7650 рублей (более 3800 долларов). Это были, по сути, самые решительные действия белорусской власти на информационном фронте с начала войны на Донбассе. Но только вот направлены они были против тех, кто с российской пропагандой пытался бороться.

Что касается белорусских госСМИ, при освещении войны на Донбассе они тщательно старались имитировать беспристрастность — мол, мы просто за мир во всем мире. Но в действительности их позиция была гораздо ближе к Москве, чем к Киеву. Наиболее одиозных штампов (вроде «хунты», «бандеровцев» или «карателей») госСМИ, конечно, избегали. Самые абсурдные фейки (про «распятого мальчика» и «двух рабов») старались не повторять. Но и про роль России в развязывании войны не сообщали ровным счетом ничего. Термины «армия Новороссии» и «ополченцы» лукашенковская пресса использовала вполне серьезно. А вот Александрова и Ерофеева¹ могли назвать бойцами ГРУ только с использованием кавычек.

Вместе с тем, про войну на Донбассе государственные СМИ говорили не так много. События на востоке Украины освещались как нечто третьестепенное, преимущественно

¹ Граждане РФ, бойцы ГРУ Александр Александров и Евгений Ерофеев, попали в украинский плен 16 мая 2015 года в результате перестрелки недалеко от города Счастье Луганской области. В ходе допросов бойцы сообщили, что они служат в 3-й отдельной бригаде спецназа в Тольятти. За месяц до задержания они были отправлены в Луганскую область в составе группы из 220 военнослужащих ГРУ и дислоцировались в Луганске. Голосеевский райсуд Киева 18 апреля 2016 года приговорил Ерофеева и Александрова к 14 годам лишения свободы. В мае того же года их обменяли на Надежду Савченко.

посредством сводок российских информагентств. Когда же привластным журналистам позволялось высказать какое-то мнение, то обычно сводилось оно к простой мысли: Украина сама виновата, ведь все происходящее на Донбассе — это гражданская война (где совсем чуть-чуть маячит тень России). Подобное отклонение от сухих сводок должно было убедить всех, кто хотел бы смены власти в Беларуси, в опасности подобных мыслей. «Горько, конечно, из спокойного и благополучного Минска видеть телекадры бомбардировок, рыдающих женщин и испуганных детей. Но, вспомним, сколько раз из Минска в разгоряченный Киев летели дружеские предостережения: одумайтесь, разожмите кулаки, перестаньте считать Майдан панацеей для решения всех проблем — площадная ярость порождает только ответное озлобление и насилие. Нас не очень-то слушали, даже ухмылялись... А уж как разливались некоторые уличные соловьи и их минские подголоски. Майдан, мол, «это исполнение украинской мечты», «ах, как прекрасны лица на Майдане», «почему нет Майдана в Минске?..» И кто оказался прав? Сейчас все стало на свои места. Майданные «мечты» обратились кровью и смертоносными стальными осколками», — говорилось в материале президентской газеты «СБ-Беларусь сегодня», опубликованном в разгар боев за Иловыйск 15 августа 2014 года. Статья так и называлась: «Истоки кровопролития — на Майдане». А во время битвы за Дебальцево та же газета выпустила откровенно тенденциозную подборку «писем читателей», где рассказывалось, что в Украине идет «страшнейшее зомбирование против России» и притеснение русскоязычных, а украинское правительство обвиняли в неуважении к памяти жертв гитлеровской Германии (статья «Люди из Дебальцева. Их-то за что?» от 5 февраля 2015 года).

Был, конечно, и другой взгляд на события на Донбассе — негосударственной прессы. Белорусская служба «Радио Свобода» и «Белсат», «Наша Ніва» и «Еврорадио», TUT.BY и БелаПАН. Все они старались бороться с кремлевской пропагандой. Часть независимых СМИ прямо называли про-

исходящее российской агрессией. Остальные избегали однозначных формулировок, но настойчиво сообщали своей аудитории правду — про псковских десантников, бурятских танкистов и сбитый «Боинг». Негосударственная пресса обладала куда меньшими возможностями, чем лукашенковские СМИ, а тем более российская пропагандистская машина¹. Но она делала многое: то, что не все белорусы верили в «распятых мальчиков» и «бандеровцев» — именно ее заслуга.

И все же проукраинский взгляд на эту войну всегда был в меньшинстве. Согласно опросу, проведенному в сентябре 2016 года Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ)², более 52 % белорусов верили, что в результате Евромайдана к власти в Киеве пришли «фашисты». Около 60,6 % опрошенных считали АТО на юго-востоке Украины «преступлением и войной против своего народа». В декабре 2014 года почти половина белорусов (49,5 %) поддерживали идею независимости «Новороссии» и только 18,4 % считали, что никакой «Новороссии» нет — есть российская агрессия против Украины. По состоянию на март 2016 года 75 % белорусов были убеждены в том, что конфликт на Донбассе — это гражданская война. И только 15,5 % с этим были не согласны. Более половины белорусов

¹ В сфере традиционных СМИ — ТВ, радио, печатные издания — в течение всего правления Александра Лукашенко позиции государства были доминирующие. На телевизионное вещание у пролукашенковских СМИ всегда имелась монополия: все телеканалы, включенные в обязательный общедоступный пакет вещания, — государственные. Единственный негосударственный белорусский телеканал «Белсат» вещает из Варшавы и доступен только владельцам спутниковых антенн.

² *НИСЭПИ* — старейший негосударственный исследовательский центр в Беларуси, созданный еще в 1992 году. Долгое время *НИСЭПИ* являлся единственной негосударственной организацией, которая проводила социологические опросы граждан Республики Беларусь. При Александре Лукашенко институт постоянно подвергался давлению со стороны властей. В итоге в 2016 году *НИСЭПИ* был вынужден прекратить социологические опросы.

(51,3 % опрошенных) возлагали на официальный Киев вину за продолжение войны. 57,8 % белорусов считали аннексию Крыма «восстановлением исторической справедливости». Учитывая, что $\frac{3}{4}$ белорусов верили в гражданскую войну на Донбассе, может показаться удивительным, что целых 44 % согласились: война идет между Россией и Украиной.

Аналитики НИСЭПИ подчеркивали: то, что большинство белорусов разделяют российскую точку зрения, обусловлено не только эффективной пропагандой, «но и идеологическими установками, которые сформировались у белорусов задолго до начала конфликта». Установки эти (пророссийскость, антизападничество, антидемократизм, ностальгия по СССР) активно и постоянно культивировались режимом Лукашенко. По данным того же НИСЭПИ, начиная с 2006 года не менее 65 % граждан Республики Беларусь были убеждены в том, что белорусы, украинцы и русские — это не три отдельных нации, а ветви одного народа.

Справедливости ради отметим: хотя большинство белорусов поддерживали Россию, в обществе не было замечено и намек на милитаристскую истерию. Поддержка эта оказалась пассивной — мол, русские, конечно, правы, но это все равно не наша война. Доминировал принцип невмешательства. Согласно исследованию НИСЭПИ, по состоянию на сентябрь 2014 года почти 77 % опрошенных были против участия белорусских граждан в войне на Донбассе вне зависимости от того, на чьей стороне они воюют. В остальном мнения разделились примерно поровну: 6 % положительно оценивали участие белорусов в войне на стороне украинской армии, а 8,3 % положительно оценивали участие в войне на стороне ДНР и ЛНР. Если бы Путин захотел вторгнуться в Украину через территорию Беларуси, то только 15,2 % поддержали такой сценарий — $\frac{3}{4}$ были бы однозначно против. Большинство белорусов оказались едины в своих антивоенных настроениях и выступали категорически против втягивания страны в конфликт в любой форме. Но все же были те, кого российская пропаганда заставила взять в руки оружие.

Глава 20 «САМЫЙ ОПАСНЫЙ И ЖЕСТОКИЙ»

«Оболонский районный суд г. Киева приговорил к различным срокам лишения свободы 12 бывших бойцов расформированной спецроты «Торнадо» ГУ МВД Украины в Луганской области за совершение преступлений во время исполнения служебных обязанностей против мирного населения в зоне АТО». (Из материала УНИАН от 7 апреля 2017 года.)

★ ★ ★

Батальон милиции особого назначения «Шахтерск», состоявший преимущественно из жителей Донецкой области, сражался под Иловайском в августе-сентябре 2014-го, но уже через несколько недель был расформирован указом главы МВД Арсена Авакова. Причина, по словам министра, в «неоднократных случаях мародерства в Волновахе и других местах» со стороны бойцов «Шахтерска». На базе расформированного батальона создали новое подразделение МВД под названием «Торнадо». Официально это была добровольческая рота патрульной милиции особого назначения. Командиры спецроты говорили, что видят свою задачу в «противостоянии сепаратизму на востоке Украины». Однако практика разошлась с публичными декларациями. Впоследствии главный военный прокурор Анатолий Матиос отмечал, что действия «торнадовцев» на Донбассе настроило местных жителей против всех украинских силовиков. «Теперь нам еще долго придется работать в этом регионе для возвращения доверия населения», — говорил он.

Фактически сразу после появления спецроты попала в скандал. Местом ее постоянной дислокации решили сделать Запорожье. Однако в ноябре бойцы сообщили, что мэр Александр Син отказался выполнять приказ Авакова о размещении спецподразделения в городе, несмотря на то, что запорожский департамент жилищно-коммунального хозяйства уже нашел помещение, а волонтеры доставили предметы первой необходимости. По словам представителей «Торнадо», в ходе переговоров с мэром их пытались арестовать. По версии же пресс-службы мэра, вооруженные «торнадовцы» ворвались в его кабинет, и Син был вынужден вызвать полицию. В итоге местом постоянной дислокации конфликтной спецроты стал Бердянск, в зоне АТО часть «торнадовцев» базировалась в городе Приволье, а часть — в Станице Луганская.

Командиром спецроты «Торнадо» был Руслан Онищенко, фигура крайне колоритная. Как писал известный украинский журналист Денис Казанский, Онищенко — «это типичная история из Донбасса и о Донбассе». В 90-х будучи командир «Торнадо» занимался рэкетом, за что получил срок и отсидел 7 лет (всего он был судим минимум трижды). Когда вышел, занялся главным бизнесом региона — угольным. Он держал небольшие копанки (места самопальной добычи угля) в Торезе. В 2008 году Онищенко перешел дорогу неким более влиятельным персонажам и попал под пресс — его обвинили в хранении оружия. Позже Онищенко заявлял, что на допросах его пытали током, избивали, подвешивали вверх ногами, душили пакетом. Как писали СМИ, чтобы выйти на свободу, ему пришлось заплатить силовикам 30 тысяч долларов. Тогда казалось невероятным, что всего спустя шесть лет он сам станет милиционером. Казанский в своей статье дал меткую характеристику биографии Онищенко. «Она отлично подходит под стереотипный образ жителя востока Украины, который сформировался еще в довоенные времена, — бритый наголо здоровяк с уголовным прошлым, имеющий дело с копанками и колесящий по дорогам на огромном джипе с битой в багаж-

нике. Его история — это история всего региона, прошедшего в 1990-х через криминальную мясорубку и породившего тысячи таких же, как он». Личный состав «Торнадо» был под стать его командиру: более 40 бойцов (почти треть роты) имели судимости, а некоторые — и не одну. «Мы — стая волков, а волки никого не жалеют», — неоднократно говорил Онищенко, по воспоминаниям одного из бойцов.

В июне 2015 года тогдашний глава Луганской военно-гражданской администрации Геннадий Москаль заявил, что подразделение фактически вышло из подчинения украинских властей. Он пожаловался, что бойцы «Торнадо» блокировали проезд транспорта в зоне АТО — они остановили поезд, который вез уголь на Алчевский коксохимический завод и имел все необходимые документы. «Торнадовцы», в свою очередь, настаивали: поезд — контрабандный и ехал в АТО с подконтрольной боевикам территории. Москаль отметил, что «торнадовцы» никогда не принимали участия в боевых операциях и «превратились в организованную преступную группировку», в связи с чем потребовал от властей разоружить спецроту и вывести за пределы области. Опальное подразделение забаррикадировалось на базе под Лисичанском, угрожая применить оружие против военных, однако до стрельбы дело не дошло. 17 июня 2015 года Онищенко и еще 7 бойцов «Торнадо» задерживают по подозрению в похищении людей, пытках и изнасилованиях (в том числе несовершеннолетних). По версии следствия, «торнадовцы» устроили в подвале своей базы настоящую пыточную камеру, где задержанных избивали палками, били электрошокером, совершили групповое изнасилование мужчины, а затем, предположительно, убили его. На следующий день после задержаний, 18 июня, глава МВД расформировал «Торнадо». В декабре 2015-го главная военная прокуратура завершила досудебное расследование и передала материалы в суд. Процесс начался в январе и был закрытым из-за специфики вменяемых «торнадовцам» преступлений — всего 15 тяжких и особо тяжких статей. Дело насчитывало 80 томов, более сотни человек проходили как свидетели, 13 — как потерпевшие. На суде в

Киеве рядом с комбатом Онищенко в клетке стоял его заместитель Моджахед, он же Даниил Ляшук, — белорус родом из Бреста.

Ляшука, в отличие от Онищенко, смогли задержать лишь 9 сентября 2015 года, несколько месяцев он успешно скрывался от уголовного розыска. Силовики взяли его в гостиничном комплексе под Киевом. Главный военный прокурор Анатолий Матиос назвал белоруса «самым опасным и жестоким из всех подозреваемых» по делу спецроты «Торнадо». «Именно Моджахед-Ляшук с чрезвычайным цинизмом и дерзостью, жестокостью и безжалостностью совершал наиболее жестокие пытки местного населения Луганской области, организовывал и принимал непосредственное участие в изнасиловании задержанных, которых он вместе с другими подозреваемыми похищал из корыстных побуждений», — заявил Матиос. По данным следствия, Ляшук снимал на видео групповое изнасилование жителя города Приволье. База «Торнадо» располагалась на территории местной заброшенной школы.

Сергею Юрченко было 39 лет, он работал шахтером, как и многие мужчины в этих краях. Бойцы «Торнадо» пришли за ним прямо в квартиру матери. Последние, кто видел в живых пропавшего Юрченко, — двое потерпевших, которые были похищены раньше и удерживались в подвале школы. На следственном эксперименте один из них рассказал, что Онищенко заставил его насиловать Юрченко под страхом расстрела. «Он сказал: «Возьми его за голову и засунь ему в рот». И я взял его за голову и засунул один раз. Потом засунул в анус», — говорил свидетель. В это время Ляшук не только снимал все на свой айфон, но и придумывал сюжеты. Один из бывших бойцов спецроты (к нему у следствия претензий нет) рассказал журналистам «Новой газеты»: «Моджахед придумал снимать кино на подвале с участием пленных, он так и называл это — «кино». Придумывал сюжет, например: Гиви и Моторола, сепарские комбаты, насилуют своего начальника Александра Захарченко. Расписывал роли

и реплики. И заставлял пленных все это проделывать, а если они отказывались — их били, пока не согласятся. А потом снимал видео. Это видео он показывал половине батальона. Еще он любил разрисовывать стены свастиками и языческими символами и рассказывать о превосходстве белой расы. Фримана (один из позывных Руслана Онищенко. — К. А.) все это забавляло». Домой Юрченко не вернулся, но тело изнасилованного мужчины до сих пор не нашли, поэтому следствие не смогло доказать факт убийства.

Свою вину Ляшук (как и Онищенко) категорически отрицал. Утверждал, что Юрченко никогда в глаза не видел. В отличие от подчиненного, командир Онищенко вспомнил Юрченко и даже признался, что бойцы «Торнадо» приезжали к нему домой. Но похищение и пытки он опроверг: «Несколько раз сосед вызывал наряд, чтобы этого парня (Юрченко) успокаивали. Потому что он пьяный, чудил и бил соседей. Не знаю. Там пропавших без вести очень много... Я вам скажу там, в зоне АТО, одни уходят в ЛНР, другие приходят из ЛНР, третьи воюют за ЛНР, погибают. Четвертые просто едут непонятно куда, пропадают. Это зона АТО. Такое бывает». Свою линию защиты «торнадовцы» строили на «борьбе с контрабандой». Они утверждали, что силовики занялись ими, чтобы те не мешали дальше возить контрабанду из ЛНР. Одним из первых защищать «торнадовцев» брался заслуженный юрист Украины Игорь Черезов, но, ознакомившись с материалами дела, с видеозаписями и фотографиями, изъятыми из телефонов, решил выйти из процесса.

Судебное разбирательство длилось до середины апреля 2017-го, и чуть ли не каждое заседание заканчивалось скандалом. Под зданием суда собирались сторонники Онищенко, которых, к слову, поддерживал и бывший комбат «Донбасса» Семенченко, возникали стычки с полицией. Сами бойцы вели себя неадекватно и агрессивно: однажды они напали на охрану СИЗО, а один из подсудимых в знак протеста отрезал себе ухо. Как выяснилось из показаний засекреченного следствием свидетеля, бывшего бойца спецроты, кроме ис-

тизаний «торнадовцы» успели создать на Луганщине схему рэкета. «У «Торнадо» была «черная» цель, об этом знали не все: надо было забирать дань два раза в неделю из ломбардов, обменов и кафе. В Станице Луганской орудовало две группы бойцов. Каждая ежемесячно должна была отдать Онищенко по 5 тысяч долларов. Где возьмут — на блокпостах как взятку, по домам найдут что-то, металлолом... Это Онищенко не интересовало. Пять тысяч надо было принести комбату. Все, что выше, мы могли оставить себе», — говорил он. В спецроте, по его словам, существовала жесткая иерархия — тех, кто выбивался из установленных Онищенко правил, начинали буквально травить. В деле фигурирует статья «Доведение до попытки самоубийства». Юрия Ч., который ранее воевал в «Шахтерске», но увидел, что там творился беспредел и бросил службу. «Торнадовцы» позвали его к себе, ведь Юрий в «Шахтерске» пользовался авторитетом у бойцов, но тот отказался, и тогда бывшие сослуживцы решили его наказать. Юрия похитили и несколько дней избивали железными палками по гениталиям. От адских болей он разрезал вены куском ржавого металла, но Онищенко зашил ему руку по живому, без наркоза. Уже после задержания Онищенко в интернете появилась запись его телефонного разговора с Ляшуком, где последний признавался командиру: «Без пыток жизнь была бы не жизнь. Ничто так не поднимает тонус». На суде Ляшук утверждал, что запись была сфальсифицирована. Была в спецроте особая, высшая каста, ее называли «пятая группа» — приближенные командира. Им, судя по всему, принадлежало «право» пытать задержанных, они же получали наибольшие материальные бонусы, и их не трогали. Именно к этой группе относился Даниил Ляшук. Но как 19-летний парень из Бреста оказался в «Торнадо», да еще стал заместителем одиозного командира?

Ляшук родился и вырос в Бресте, где в 2011 году присоединился к группе футбольных фанатов No Comments — эта «фирма» (как говорят ультрас) поддерживала брестский клуб «Динамо» не только на трибунах во время матчей, но и

устроивала массовые драки с соперниками. Парень, знавший его по тем годам, рассказывал «Радио Свобода», что Ляшук быстро влился в самое активное ядро группировки и уже спустя пару месяцев старшие фанаты брали его на «бои»: «Он хотел адреналина. Говорят, это круче, чем секс. Адреналин отравляет кровь. Он, как наркотик. Человек, который попробовал один раз драться, и ему это понравилось — будет продолжать». Однако тогда, по словам собеседника РС, Ляшук не проявлял особой жестокости. В 2012 году Даниил начинает читать рэп, записывает несколько клипов. Тексты к ним он писал сам. Лейтмотив — культ физической силы, возведенной в абсолют, идея «своей миссии в мире», откровенно правые взгляды, симпатии к нацистам. «Мой дед воевал во Вторую мировую в отрядах СС», — утверждал рэпер в интервью изданию «Спектр». При этом в начале 2013 года он был замечен в компании антифашистов. Летом Ляшук уезжает в Крым, в Севастополь, где продолжает участвовать в уличных потасовках. В соцсетях он рассуждает о славянском единстве, проповедует стрэйтэдж — отказ от табака, алкоголя и наркотиков. В то же время, по информации журнала «Такие дела», выпустившего о белорусе большой репортаж, в Севастополе Ляшук активно употребляет гашиш, амфетамин, всевозможные медикаменты, продолжая тренироваться. Товарищи по спортзалу говорили, что нюхал наркотики он прямо в раздевалке. К окончанию севастопольского периода Ляшук, увидев референдум в Крыму, начинает воспринимать Россию как врага. «Я увидел самооборону Севастополя с русским оружием и русскими флагами, в «горке» и сразу все понял. Стало ясно, что референдум куплен. Туда согнали местных алкоголиков и наркоманов, которым дали флаги, чтоб махали и кричали лозунги», — рассказывал он журналистам о своем впечатлении от появления «вежливых людей». Ляшук набивает на левом бицепсе свастику и носит футболку с эмблемой дивизии СС «Мертвая голова». Но уезжает он из оккупированного Крыма не в Киев, а в Санкт-Петербург. Там устраивается работать охранником в баре, сближается

с местными ультраправыми. Иногда он ездит в Беларусь читать рэп. Последнее его выступление состоялось 22 ноября 2014 года в Бресте — концерт назывался White Side. Примерно в то время Ляшук, пару лет увлекавшийся язычеством, окончательно определяется с вопросом веры. Он принимает ислам и отныне просит называть его Даниял Аль-Такбир. Отсюда появится и позывной — Моджахед. Белорус часами смотрит в интернете видеоролики «ИГИЛ». Имея явную склонность к агрессии, он впитывает радикальные тезисы террористов. «Я, безусловно, считаю идеалом то, что делает «Исламское государство», Альхамдулиллах! Это люди, совершающие праведные вещи. Пророк нарекал своим сподвижникам, что должен халифат воцарить везде на земле. И в этом для меня главная прелесть «Исламского государства» — все будут жить по законам шариата. Я хочу, чтоб кафиры вовсе не было на земле, и в самом деле воцарится любовь, мир и спокойствие. Да все ведь идет из-за кафиры, из-за неверующих, тех, у кого нет Бога!» — говорил он «Таким делам». С такой мешаниной в голове долго усидеть на месте молодому человеку было сложно. Даже странно, что он не уехал воевать на Донбасс раньше, ведь война к концу 2014 года шла не первый месяц. Его питерское окружение поговаривало, что он мог быть связан с криминалом, но серьезных фактов на этот счет у нас нет. Как невозможно подтвердить слухи о знакомстве Ляшука с его «альтер-эго» на стороне боевиков — неонацистом Алексеем Мильчаковым из «Русича».

Анатолий Матиос признавал, что военная прокуратура не смогла расследовать все преступления «торнадоцев», так как многие потерпевшие были слишком запуганы. «Очень много потерпевших не захотели рассказывать о тех событиях. Мы не установили до конца местонахождения людей, которые пропали без вести. Но пусть это будет на их совести. Все, что мы могли сделать — сделали», — говорил главный военный прокурор. 7 апреля 2017 года Оболонский суд Киева вынес приговор бойцам «Торнадо». Командир Онищенко получил 11 лет лишения свободы, его заместитель Ляшук — 10 лет.

Другим фигурантам дали меньшие сроки. Главная военная прокуратура, которая настаивала на максимальном сроке — 15 лет, подала апелляцию, посчитав наказание слишком мягким, однако дело пересмотрено не было. Судьи и прокуроры во время процесса подвергались колоссальному давлению со стороны отдельных политиков и представителей добровольческого движения, сами «торнадовцы» угрожали расправой лично им и свидетелям обвинения. «У нас общество такое. Как только начинаешь прессовать военных преступников, сразу начинается крик: как же так, преследуют добровольцев, патриотов! Люди часто не вдаются в подробности, и начинаются спекуляции. Это обстоятельство много в чем повлияло на оперативность решения властей», — комментировала один из авторов книги «Добробаты» Василиса Трофимович реакцию правоохранительных органов на преступления «Торнадо». По так называемому закону Савченко, один день предварительного заключения в СИЗО засчитывается за два дня лишения свободы, а значит, срок каждого осужденного будет сокращен на 4 года. Осенью 2018-го Беларусь потребовала экстрадиции Ляшука — якобы на родине он проходит по статье «Злостное хулиганство». Кроме того, издание «СБ-Беларусь сегодня» писало, что ранее при обыске в квартире Ляшука в Бресте обнаружили две гранаты и мину. Нардеп от фракции «Народный фронт» Юрий Тимошенко утверждал, что обсуждал этот вопрос с генпрокурором Украины Юрием Луценко и тот «пообещал отказать в экстрадиции». В 2023 году Даниил Ляшук должен выйти на свободу. И менее опасным к тому времени он вряд ли станет. Когда в августе 2018 года «торнадовцы» подняли бунт в Лукьяновском СИЗО против этапирования в колонию, в сеть попало фото из камеры Ляшука: на стене виднелась надпись «История меня оправдает»¹ и подпись — «Моджахед».

¹ «История меня оправдает!» — заключительные слова речи, произнесенной Фиделем Кастро 16 октября 1953 года на суде после неудавшегося штурма казарм Монкада. Эти слова стали крылатым выражением.

Преступления «Шахтерска» и «Торнадо» стали возможными из-за хаоса, царившего в первые месяцы АТО, в условиях которого не всегда проводился должный отбор личного состава. Анатолий Матиос позже отмечал, что руководству МВД следовало хотя бы извиниться перед потерпевшими за своих подчиненных и их поступки. «Сколько жизней можно было спасти, сколько слез не было бы пролито, если бы в структурах МВД принимались верные кадровые решения и ранее осужденных не брали бы в состав вооруженных подразделений, а тем более не назначали бы на руководящие должности», — говорил прокурор в эфире «112 Украина».

Однако, если посмотреть на проблему шире, подобное могло произойти (и происходило) на любой войне. В зоне боевых действий обязательно появлялись и мародеры, и ожесточенные «люди войны», практикующие пытки мирного населения. Потому что тот, у кого в руках оружие, априори имеет физическое преимущество над беззащитным гражданским, а психика — вещь хрупкая, и очень трудно уследить, когда сила будет использована во зло.

Один из питерских ультраправых, воевавший за ЛНР под позывным Норманн, дал любопытную характеристику Даниилу: «Он скорее хейтер, чем кто-либо еще. Антифашизм, правая тема, ислам... все, что ему в этом нравилось — возможность ненавидеть».

Война — лучшее место для романтиков с «комплексом героя», движимых светлыми идеалами. А еще — для авантюристов с темным прошлым. А еще — для садистов, которые сбиваются в стаи. Донбасс — лучшее место, чтобы ненавидеть. В этом Моджахед не ошибся.

Глава 21. ОСУЖДЕННЫЕ

«Угрозу национальной безопасности представляет участие белорусских граждан в вооруженных конфликтах на территории иностранных государств. В Беларуси принимаются меры по недопущению вербовки белорусских граждан. В прошлом году возбуждено пять уголовных дел по статье, касающейся участия на территории иностранного государства в вооруженном конфликте, военных действиях, вербовки либо подготовки лиц к такому участию, осуждено 4 человека, 12 лицам вынесены официальные предупреждения». (Из выступления министра иностранных дел Беларуси Владимира Макея на международной конференции «Предотвращение и борьба с терроризмом в цифровую эпоху», 9 октября 2018 года.)

На момент написания этой книги в Беларуси за участие в войне на Донбассе были осуждены пятеро боевиков. Их привлекли к уголовной ответственности по статье 361-3 УК («Участие в вооруженном конфликте на территории иностранного государства»). В четырех из пяти случаев об этом стало известно из сообщений судов постфактум. Заранее информацию о заседаниях по значимым для общества делам власти не распространяли.

Впервые приговор боевику вынесли осенью 2017 года. 26 сентября на сайте Витебского областного суда появилось

сообщение: 29-летнего Алексея Ершова наказали 2 годами «домашней химии». «Домашняя химия» не предусматривает направления в места лишения свободы. Осужденный всего лишь обязуется регулярно отмечаться в милиции, не совершать административных правонарушений, в его отношении действует комендантский час и запрет на выезд. То есть к Ершову применили одну из самых мягких форм наказания за уголовное преступление, при том что вообще суды в Беларуси достаточно суровы.

На следующий день после вынесения приговора мы связались с Алексеем Ершовым по телефону. В отличие от других наших собеседников, Ершов держался скрытно. По его словам, он был уверен, что после суда выйдет на свободу.

До войны Алексей Ершов жил в городке Поставы на Витебщине, работал трактористом и разнорабочим. Женился на девушке значительно младше себя, у них родился ребенок. Однако отношения с молодой женой вскоре разладились. Когда начались боевые действия на Донбассе, он следил за событиями по российским телеканалам, которые пользуются большой популярностью в Беларуси. К марту 2016-го Ершов решил оставить семью и поехать на фронт. Объясняя свой поступок, он сыплет фразами, явно почерпнутыми у кремлевских пропагандистов. «Наши деды воевали, боролись с фашизмом — я тоже должен был», — говорит Ершов.

Боевик утверждал, что в ДНР он служил в разведке, но назвать конкретное подразделение отказался, ссылаясь на «секретность информации». Всего он пробыл на Донбассе год и два месяца. Вернулся в Беларусь в апреле 2016-го, а чекисты пришли с обыском только в конце следующего месяца. 31 мая ему сказали явиться на допрос в Витебское областное управление КГБ. Прямо в кабинете следователя его взяли под стражу, на двое суток поместили в ИВС, а затем перевели в СИЗО № 2 Витебска. «Все СИЗО гудело от такой новости! Со следствием я сотрудничал, сам предоставил все доказательства, даже отдал военный билет ДНР, его

присоединили к материалам дела. А от кого мне бегать?» — рассказывал Ершов.

Боевик был убежден, что не совершил ничего предосудительного. Однако он не только не возмущался арестом и приговором, но и положительно отзывался о следователе КГБ, мол, «нормальный мужик». Позже на суде Ершов признал участие в войне и отказался обжаловать приговор. Такая покорность контрастирует с поведением других боевиков, с которыми нам приходилось общаться. Обычно они считают несправедливой саму возможность их уголовного преследования в Беларуси.

Станным кажется то, что у Ершова было две страницы «ВКонтакте»: одна старая, без фото с Донбасса, а вторая новая, где были исключительно снимки из ДНР — на фоне военной техники, в форме и с оружием в руках. Дата создания второго аккаунта совпадает по времени с возвращением Ершова в Беларусь, все военные снимки были загружены в социальную сеть 18 и 23 апреля 2017-го. Эта новая страница с шестью друзьями и одной записью на стене выглядит так, как будто была создана под арест Ершова. Некоторые из этих снимков попали в уголовное дело. Позже он утверждал, что страница в соцсети с фотографиями с Донбасса — фейковая, якобы кто-то взломал его гугл-диск, где хранились фото и залил их во «ВКонтакте». «Эти же фото и в СМИ пошли. Значит, привлекали внимание к моей личности. Ведь есть другие [боевики], которые тихо сидят, и их не трогают», — говорил он в интервью «Нашай Ніве».

Следствие длилось около четырех месяцев. «Суд был закрытым, потому что там было много секретных данных. Практически все данные были секретные. Они касались как работы КГБ, так и моей поездки на Донбасс, и не должны были получить огласку. Но я не могу много об этом говорить, так как давал подписку о неразглашении», — утверждал Ершов. По словам боевика, прокурор запросил для него мягкое наказание. «Я хорошо понимал, что после суда меня освободят», — признавался он.

В том нашем разговоре на вопрос, планирует ли он после окончания срока «домашней химии» вернуться в ДНР, боевик ответил: «Не могу сказать, пока не знаю». 31 октября 2017-го с нами связалась подруга Ершова и сообщила: «Алексей опять уехал на Донбасс». На следующий день «Наша Ніва» опубликовала интервью со сбежавшим боевиком. Ершов сам вышел на связь с редакцией по электронной почте, а потом по «вайберу». «Сбежал я шесть дней назад. Почему? То короткое время в Беларуси было тяжелее года на войне. В основном, это семейные вопросы. А как сбежал? Да элементарно — кто меня стережет? Да, был какой-то человек, приходил, проверял меня. Но не все же время. Я быстренько через Россию за два дня доехал до ДНР», — признался он журналисту.

* * *

Три ареста по статье 361-3 произошли в достаточно сжатые сроки — с конца мая по конец июня 2017 года. Арестованные не были единственными боевиками, приехавшими в Беларусь, и спецслужбы прекрасно об этом знали. Так почему же силовики вдруг решили отправить за решетку несколько «ополченцев»? Объяснение этому кроется в белорусско-украинских отношениях, которые к лету 2017 года, накануне визита Лукашенко в Киев, официальный Минск стремился упрочить. Лукашенко и Порошенко уже встречались в апреле и, скорее всего, обсуждали проблему участия белорусов в войне на Донбассе. Чтобы укрепить доверие Киева, в Минске вполне могли дать отмашку на аресты.

«Это было чисто политическое решение, принятое в угоду Порошенко. Мол, посмотрите, мы их наказываем. Осудили по этой статье только четверых, хотя раньше ребята спокойно приезжали домой, никто их не трогал. Одному дали «домашнюю химию» (имеется в виду Ершов. — К. А.), так он обратно уехал. Мне прокурор запрашивал то же самое, но, видно, сверху был указ закрыть, чтоб не сбежал», — считает

Виталий Митрофанов из Речицы, осужденный на два года «химии»¹.

42-летний Митрофанов работал строителем-плиточником в Москве. Оттуда он уехал воевать на Донбасс в начале апреля 2017-го. По словам боевика, к отъезду его подтолкнула встреча с двоюродным братом из Украины, который якобы сказал: «Вас, «ватников», убивать надо». До того Митрофанов следил за событиями по российским новостям и вбил себе в голову, что «ВСУ обстреливают мирных жителей». Вооружившись этой фейковой догмой, белорус самостоятельно отправился в Донецк. В тот же день его увезли в расположение 9-го Мариупольско-Хинганского полка с дислокацией вблизи села Безыменное в Новоазовском районе².

«Сначала меня взяли в пулеметчики, потом я был оптическим разведчиком. Эту специальность я получил еще на «срочке» в белорусской армии в 90-е», — рассказывал Митрофанов.

По приезду в Безыменное взвод Митрофанова отправили на высоту «Дерзкая» (высота 73) возле Коминтерново (переименовано в Пикузы). Весной 2017-го там велись одни из самых ожесточенных боев на мариупольском направлении. Тогда украинские морпехи при поддержке одного разведывательного батальона пытались выбить боевиков с господствующей высоты, расстояние между позициями противни-

¹ «Химия» — ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа. В таких учреждениях осужденные работают, обеспечивая себя самостоятельно, им разрешено пользоваться телефонами и интернетом. Осужденных, не склонных к побегу, администрация может на несколько часов отпускать в город, в магазин.

² 9-й Мариупольско-Хинганский отдельный штурмовой полк (встречаются также варианты «отдельный мотострелковый», «особый штурмовой», «полк морской пехоты») был создан в ноябре 2014 года на основе Семеновского батальона, боевики которого участвовали в захвате Славянска шестью месяцами ранее. 9-й полк входит в состав 1-го армейского корпуса «Минобороны ДНР».

ков было не более ста метров. Однако взять «Дерзкую» ВСУ удалось только спустя два года.

В июле 2017-го Митрофанов получил травму: «взрывной волной задело руку». Рука распухла, и понадобилась операция. «Мне предлагали сделать ее там, на Донбассе, но я решил приехать в Беларусь. Подумал, ничего страшного, ведь раньше ребята приезжали без проблем, наши власти не трогали никого...»

25 июля в дом Митрофанова в Речице пришли сотрудники ГУБОПиК. Во время обыска у него изъяли все электронные носители: ноутбук, планшет, флэш-карты. Процессуальный статус Митрофанова тогда ему не озвучили. Через две недели силовики вернулись уже за ним. «Вежливо и культурно все объяснили, мол, пройдемте с нами. Даже наручники не надели. Отвезли в гомельское управление КГБ. Там отношение тоже было нормальное. Из материалов дела мне показали всего лишь две фотографии с Донбасса и несколько видео из Ютуба, где мы на 9 мая «салют» в воздух даем. В КГБ я написал чистосердечное признание, потому что понял — увилить смысла нет, а уменьшить срок это поможет».

У Митрофанова изъяли карточку российского банка, где хранились деньги, полученные в ДНР. В разговоре со мной он нарочито иронически говорил, что заработал их «на стройке в Москве». По его словам, факт получения им денег в ДНР силовикам якобы не удалось доказать. Хотя у белорусских органов были все основания привлечь Митрофанова за наемничество: известно, что с конца 2015-го во всех НВФ регулярно выплачивали жалованье. Скорее всего, силовики и не собирались доказывать факт наемничества. «Допрос следователи вели доброжелательно. Просили показать на карте позиции, где я стоял и где «укропы» стояли. Их чаще всего так и называли — «укропы», — рассказывал боевик. На вопрос, как ему показалось, какую сторону конфликта поддерживают белорусские силовики, боевик ответил: «Они все находятся под давлением. Если б не было давления сверху, этих политических манипуляций, то пожурили бы просто и отпустили».

Мы разговаривали с Митрофановым в январе 2019 года, в мае он освобожден. По его словам, в КГБ ему посоветовали не афишировать свое участие в войне — никто, кроме начальства, на «химии» так и не узнал, за что осужден Митрофанов. В будущем он не исключает возвращения на Донбасс. «Я от этой идеи не отказываюсь. Надо будет — поедем снова».

* * *

В СИЗО Митрофанов встретился с еще одним белорусом, обвиняемым по статье 361-3. Виталия Котлобая задержали тем же летом — в комплекте с Ершовым и Митрофановым. Особенность истории Котлобая в том, что он: а) скорее всего, не принимал непосредственного участия в боевых действиях, не держал в руках оружия; б) стал первым белорусом, получившим реальный тюремный срок за участие в войне на стороне боевиков — два года колонии. Однако Котлобай отсидел только половину этого срока и в декабре 2018 года освобожден условно-досрочно.

В конце лета 2015 года 29-летний гомельчанин приехал на Донбасс и вступил в «Казачий полк ЯрГа» на территории ЛНР. Под позывным Шопен он исполнял функцию штатного программиста, занимаясь компьютерным обеспечением полка, обработкой информации. Он также изготавливал пропагандистские видеоролики с призывами вступить в подразделение, указывая при этом оплату для бойцов — 15 тысяч рублей. В интернете до сих пор можно найти такие посты, оставленные юзернеймом «Шопен Батькович». Сам Котлобай, по словам однополчан, тоже получал 15 тысяч в звании рядового. «На срочке в белорусской армии он был связистом, поэтому его и взяли компьютерами заниматься. На передовую он не выезжал ни разу, вообще не принимал участия в боевых действиях», — утверждает боевик с позывным Минус.

По его словам, летом 2017 года Котлобай захотел повидать родителей в Беларуси — «думал, что безопасно». Вскоре его задержали. Обстоятельства задержания мы не знаем,

но известно, что дело Котлобая вел тот самый следователь, который занимался Митрофановым. Минус рассказал, что на суде прокурор потребовал для Котлобая более сурового наказания, но дали в итоге два года колонии общего режима. Суд состоялся в декабре 2017 года в Гомеле. На процессе обвиняемый признал, что присоединился к «Казачьему полку ЯрГа» с «гуманитарной миссией», но отрицал участие в боевых действиях. По версии следствия, Котлобай, кроме выполнения хозяйственно-бытовых задач и информационного сопровождения, якобы участвовал в проведении военных учений и обучающих стрельб. Характерно, что доказательств для привлечения белоруса к ответственности за наемничество, у силовиков опять не нашлось. В феврале 2018 года Котлобай подал апелляцию, однако Верховный суд оставил приговор без изменений.

Когда Котлобай вышел из колонии, мы связались с ним, однако тот отказался от интервью. Позже его родные сообщили, что Виталий уехал из страны.

* * *

Таким образом, складывается парадоксальная картина: наиболее жесткое наказание получает белорус, наименее вовлеченный в боевые действия на Донбассе. После третьего приговора стала очевидна тенденция силовиков наказывать самых «безобидных»: Митрофанова, воевавшего неполных три месяца, компьютерщика Котлобая, и «мутного» Ершова, который в итоге сбежал обратно в ДНР. При всем этом на свободе оставались гораздо более опытные экс-боевики (стоит вспомнить того же Шелехова).

В мае 2018-го два года колонии общего режима получил еще один боевик, приговор вынес Могилевский областной суд. Ивана Ярового арестовали зимой, когда он в очередной раз приехал на побывку в родной город Круглое. До того в течение нескольких лет Яровой регулярно бывал дома и уезжал на Донбасс, а в один из приездов его даже задерживали, но

потом отпустили (подробнее об этом в главе 11). Суд проходил в закрытом режиме. По белорусскому законодательству, в соответствии с ч. 2 статьи 23 Уголовно-процессуального Кодекса, процесс делают закрытым по следующим причинам:

- в интересах обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны;
- по делам о преступлениях, совершенных лицами не достигшими шестнадцатилетнего возраста;
- по делам о половых преступлениях и в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство;
- в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или членов их семей.

Проведение закрытого процесса допускается только при наличии этих оснований, во всех остальных случаях действует принцип гласности, особенно — когда рассматриваются дела, обладающие общественной значимостью. Почему Ярового и Ершова судили в закрытом режиме? Где же в их делах была государственная тайна, разглашение которой может повлечь за собой «тяжкие последствия для национальной безопасности»? Видимо, спецслужбы не хотели, чтобы их сомнительные методы работы с боевиками стали достоянием общественности. Например, Яровой ранее в СМИ рассказывал, как его задерживали, отпускали и фактически позволяли многократно уезжать на Донбасс. Но одно дело дать интервью «Радио Свобода» и совсем другое — официально повторить то же самое в зале суда под протокол. То есть, «гостайной» являлось как раз подобное попустительство спецслужб.

Уже когда подготовка книги подходила к концу, стало известно о процессе над еще одним боевиков ДНР — 44-летним уроженцем Березы Вадимом Шевченко. Рассмотрение дела по статье 361-3 началось 1 июля 2019 года в Брестском областном суде. Уехал белорус на Донбасс в 2015-м, воевал в 9-м Мариупольско-Хинганском полку морской пехоты ДНР

под позывным Ветерок, был дважды ранен. Сам Шевченко в беседе с авторами книги признавался: он также участвовал в операциях в Сирии и в Судане — вероятно, в рядах «ЧВК Вагнера». В декабре 2018 года боевик вернулся в Беларусь. А уже в следующем месяце, согласно официальной версии, сам пришел в КГБ и написал явку с повинной. С 12 по 29 января его продержали в СИЗО, а затем перевели под подписку о невыезде. Освобождение из-под стражи обвиняемого — удивительно либеральный шаг для белорусских реалий, особенно учитывая криминальную биографию самого Шевченко (у него три судимости за кражи и хищения). В беседе с нами он признавался, что уверен: приговор не будет связан с лишением свободы.

Что скрывалось за делом Вадима Шевченко, можно только догадываться. В отличие от четырех судов в 2017—2018 годах, здесь политический расчет официального Минска не прослеживался. Возможно, власти решили осудить боевика просто в «воспитательных целях». Известно, что вел он себя в Беларуси довольно вызывающе, хвалился своими «командировками» на Донбасс и в Сирию¹. Угрожал известному оппозиционному блогеру Александру Кабанову, обещал «натравить на него КГБ». Излишняя шумность боевика не могла не раздражать спецслужбы: его следовало припугнуть. Но не исключено, что все было куда сложнее. Сам Шевченко в разговоре с авторами книги намекал на некую сделку с КГБ, в рамках которой он и написал явку с повинной: «Если я до суда раскрою все карты, для меня все закончится плачевно. А мне неохота сидеть». В любом случае КГБ с боевиком действовал подчеркнуто мягко. О наемничестве на суде речи не шло, о войне в Сирии тоже. Сам Шевченко нам рассказывал:

¹ В начале октября 2018 года на «Белсате» была опубликована статья о белорусах в «ЧВК Вагнера». В тот же день Вадим Шевченко написал в соцсетях автору этой книги: «Как это ты пропустил меня... Я тоже был в Сирии, в Северном Судане, а ты меня пропустил». Он также прислал свое фото с оружием на фоне песков. Все это сопровождалось многочисленными личными оскорблениями.

когда на «Белсате» опубликовали информацию о его участии в боевых действиях на Ближнем Востоке, боевику позвонили из КГБ и отчитали за излишнюю болтливость в разговорах с журналистами. «Наехали, что я впутываю их», — говорил он.

Ветерок обещал автору этой книги откровенно рассказать о «командировке» в Сирию и взаимоотношениях с КГБ после суда, когда он уже будет в безопасности. Но расчеты боевика не оправдались. 10 июля его неожиданно приговорили к 2 годам колонии общего режима, Шевченко взяли под стражу в зале суда. Болтливость «ополченца» в итоге стоила ему свободы.

Наивно полагать, что эти точечные приговоры свидетельствуют о каких-то сдвигах в политике Минска относительно боевиков ЛНР и ДНР». «Ополченцы» попадали в тюрьму и в самой России — в основном за нелегальный оборот оружия и наркотиков¹. Известна и совсем уж абсурдная история: житель Владивостока Алексей Филиппов², который стал шпионом группировки ДНР на подконтрольной Киеву территории Украины, в России в итоге отсидел за «украинский экстремизм». И в случае России, и в случае Беларуси можно однозначно утверждать: систему характеризует не наличие нескольких уголовных дел против боевиков, а полное попустительство спецслужб в отношении всех остальных участников НВФ.

★ ★ ★

Когда в белорусских СМИ появились первые публикации об участии белорусов в войне, в экспертном сообществе и среди журналистов, занимающихся темой, начали распространяться слухи: боевиков в Беларуси сажают по «бытовым» статьям, чтобы не вызывать негативной реакции у России. «Самые отмороженные уже давно получили спо-

¹ <https://meduza.io/feature/2015/06/22/s-voiny-vozvrashchalis-boytsy>

² <https://meduza.io/amp/feature/2018/08/21/kak-v-filmah-proshpionov>

ки», — делился с нами один коллега. Но после наших встреч в Беларуси с боевиками, которые открыто признавали свою причастность к убийствам десятков украинцев, в подобную версию сложно поверить. Не исключено, что эти слухи распространялись сознательно с целью обелить силовые структуры в глазах общественности.

Единственным известным нам случаем преследования боевика по «бытовой» статье стала история жителя Бобруйска Дмитрия Макаревича, осужденного в ноябре 2018 года за пьяную драку. Незадолго до событий на Донбассе Макаревич демобилизовался со срочной службы в элитной 5-й бригаде спецназа в Марьиной Горке. На войну приехал осенью 2014-го. Боевику дали позывной Макар и определили в разведроту «Спарты». Там он пробыл два года, пока не получил ранение в ногу в бою под Песками в декабре 2016-го. Несколько месяцев он находился на реабилитации в Ростове, затем перебрался в Москву, а в апреле 2018-го вернулся в Беларусь, чтобы заменить паспорт с истекшим сроком годности. «Сын не то чтобы сильно пьяный был. Просто за друга вступился, подрался с одним человеком. Я думала, условный срок дадут, а ему дали полтора года колонии», — рассказала нам мать Макаревича. Она утверждает, что сын не воевал, а жил на Донбассе мирной жизнью с семьей. Однако это неправда: Макаревич сам выкладывал в соцсети свои фото в форме с шевроном «Спарты» и с оружием в руках. Его принадлежность к «Спарте» подтверждают сослуживцы. По словам матери, по окончании срока Дмитрий останется жить в Беларуси.

Нет никаких оснований считать, что осуждение Макаревича по статье «Хулиганство» имеет политическую подоплеку и связано с его участием в конфликте на Донбассе. Так не считает даже его семья. Скорее всего, это было чистое совпадение. Тем более что другие случаи преследования боевиков по обычным уголовным статьям неизвестны. При этом, несомненно, у следствия был весь объем информации об участии Макаревича в войне. Задержав боевика за хули-

ганство, силовики могли бы инициировать в отношении него параллельное разбирательство по статье 361-3. Но этого не произошло.

★ ★ ★

Случаев осуждения белорусских боевиков в Украине не было. Однако известно, что 10 августа 2018 года на подконтрольной Киеву территории арестовали 30-летнего бывшего командира танка из батальона «Сомали». По данным прокуратуры Донецкой области, белорус попал на войну в ноябре 2014-го, принимал участие в штурме ДАП. В следующем году боевик покинул Донбасс, однако вернулся в 2017-м, был зачислен в 11-й полк в качестве стрелка-гранатометчика. Воевал под Ясиноватой. Ему инкриминировали «участие в террористической организации» (ч. 1 ст. 258-3 УК Украины), «развязывание и ведение агрессивной войны» (ч. 2 ст. 437) и «незаконную переправку лиц через государственную границу» (ч. 2 ст. 332-1). Впоследствии стало известно, что речь идет о ранее судимом уроженце Витебска Дмитрии Новикове.

В деле Новикова немало загадок. Правоохранители заявляли, что боевика задержали «в результате слаженной и профессиональной работы сотрудников СБУ и прокуратуры», когда тот приехал на территорию Украины «для продолжения своей противоправной деятельности». Однако адвокат белоруса утверждал в интервью «Радио Свобода», что его подзащитный «добровольно прибыл в органы СБУ» — то есть сдался властям. Обе версии вызывают вопросы. Как сообщили авторам книги в прокуратуре Донецкой области, Новикова задержали при попытке перейти украинскую границу на КПП «Гоптовка»¹. Но зачем белорус поехал через Харьковскую область? Новиков был в группировке ДНР несколько лет и прекрасно знал, как безопасно «заходить на Донбасс».

¹ «Гоптовка» — пограничный пункт пропуска на украинско-российской границе в Дергачевском районе Харьковской области Украины.

Сознательно поехать на подконтрольную Киеву территорию он мог только в том случае, если у него было конкретное диверсионное или разведывательное задание. Однако следствие не называло его диверсантом и вообще никак не объясняло столь странный маршрут боевика. Версия адвоката и вовсе выглядит абсурдно: неужели Новикова настолько замучила совесть, что он специально поехал сдаваться СБУ?

Прокуратура України
ПРОКУРАТУРА ДОНЕЦЬКОЇ ОБЛАСТІ

вул. Університетська, 6, м. Маріуполь, Донецька область, 87500 факс: 52-97-32

04.04.2019 № 19-312/вч-19

На № _____ від _____

Кореспонденту телеканалу
«Белсат»
Ільяшу І.В.
igor.ilyash@gmail.com

Прокуратурою області розглянуто Ваш запит, який надійшов на електронну адресу прокуратури Донецької області, щодо надання інформації у кримінальному провадженні за фактом затримання громадянина Республіки Беларусь.

Повідомляю, що кримінальне провадження № 2201805000000163 від 10.08.2018 за обвинуваченням громадянина Республіки Беларусь Новикова Д.А., 05.05.1988 року народження, у вчиненні кримінальних правопорушень, передбачених ч. 1 ст. 258-3, ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 437, ч. 2 ст. 332-1 КК України (участь у терористичній організації, ведення агресивної війни, порушення порядку в'їзду на тимчасово окуповану територію України та вїзду з неї з метою заподіяння шкоди інтересам держави) знаходиться на розгляді в Дружківському міському суді Донецької області.

Досудове розслідування здійснювалось слідчим відділом 2 управління (з дислокацією у м. Маріуполь, Донецької області) ГУ СБУ в Донецькій та Луганській областях.

09.08.2018 Новиков Д.А. намагався перетнути державний кордон України на КПВВ «Гоптівка» Харківської області, однак його дії припинили співробітники Служби безпеки України та Державної прикордонної служби.

Також повідомляю, що правоохоронні органи Республіки Білорусь допомоги у викритті та затриманні Новикова Д.А. не надавали.

Інформація надається згідно з п. 1 ст. 20 Закону України «Про доступ до публічної інформації» протягом п'яти робочих днів.

Перший заступник прокурора області

О. Лівочка

Прокуратура Донецької області
19-312/вч-19 від 04.07.2019

Есть и еще одна версия событий, согласно которой к аресту Новикова имел непосредственное отношение белорусский КГБ. Об этом авторам книги рассказал сам Дмитрий, с которым нам удалось связаться при помощи пророссийских волонтеров. В своих письмах из СИЗО белорус утверждал, что в октябре 2016 года он был завербован витебским КГБ. Боевика якобы вынудили подписать официальную бумагу о сотрудничестве, присвоили оперативный псевдоним и дали указания собирать информацию об участниках боевых действий на Донбассе. Однако вместо этого Новиков просто уехал в Россию на заработки. По его словам, летом 2018-го белорусские чекисты нашли его в РФ и путем шантажа (якобы оказывалось давление на родственников боевика в Беларуси) заставили выполнить спецзадание, которое предусматривало командировку в Украину. «Мне необходимо было попасть в Харьков, забрать там какие-то вещи и с ними приехать в Беларусь. В Белгороде меня встретил человек, который представился сотрудником КГБ Беларуси: сказал, что его зовут Игорь и он будет со мной в паре. После пересечения КПП «Гоптовка» меня задержали», — рассказывал нам в письме Новиков. Боевик утверждает, что его арест — это будто бы совместная операция КГБ и СБУ, его «слили» целенаправленно.

В то, что Новикова пытался завербовать КГБ, поверить нетрудно, тем более прецеденты нам уже известны (см. главу 18). Чекистское задание, которое предусматривало поездку в Харьков, также не кажется чем-то фантастическим. Во всяком случае это самое разумное объяснение того, что бывший «сомалиец» вдруг решил отправиться на подконтрольную Киеву территорию. Однако совместная спецоперация КГБ и СБУ с использованием российской территории выглядит откровенно неправдоподобно. Белорусские чекисты не стали бы ссориться с ФСБ ради того, чтобы помочь спецслужбам Украины.

Весь рассказ о «следе КГБ» можно было бы списать исключительно на бурную фантазию Новикова, если бы не одна любопытная деталь. Как отмечало «Радио Свобода»,

следователи обосновали подозрение в отношении белоруса в том числе «материалами, собранными оперативными подразделениями согласно части 2 статьи 99 Уголовно-процессуального кодекса Украины». В статье 2 УПК говорится о материалах, «полученных в результате осуществления в ходе уголовного производства мероприятий, предусмотренных действующими международными договорами». То есть речь идет о правовой помощи иностранного государства, и вполне логично предположить, что этим государством оказалась Беларусь. Впрочем, в ответ на запрос авторов книги в прокуратуре Донецкой области категорически заявили: правоохранительные органы Беларуси никакой помощи «в раскрытии и задержании» Новикова не оказывали. Адвокат боевика Александр Горелов дело комментировать наотрез отказался.

В конце мая 2019 года материалы дела Новикова направили в Дружковский городской суд, летом начался судебный процесс. Однако приговор белорусу так и не вынесли. В конце декабря 2019 года, после более чем 16 месяцев нахождения под стражей белоруса передали ДНР в рамках обмена пленными.

Игорь Ильяхи, Катерина Андреева

Глава 22 БИЗНЕС НА ВОЙНЕ

«Мы предупреждаем белорусскую сторону официально: если белорусские компании напрямую поставляют продукцию боевикам, то против них будут введены санкции. Причем не только со стороны Украины: мы постараемся сделать все, чтобы эти санкции были введены Евросоюзом тоже. Нужно понимать, что работают не только дипломаты — работают спецслужбы. И в случае наличия соответствующей информации таким предприятиям будет закрыт украинский рынок — это 100 %». (Из интервью посла Украины в Беларуси Игоря Кизима агентству БелаПАН от 02.08.2017 года.)

* * *

Донбасс — это не только истории людей, которые убивали и умирали, геройствовали и предавали, получали ранения и попадали в плен. Это еще и истории людей, которые на войне зарабатывали. Как и в любом вооруженном конфликте в современной истории, во время войны на Донбассе находились те, кто увидел в этой бойне новые возможности для себя и своего бизнеса. Среди таких были и белорусы.

До лета 2017 года — когда авторы этой книги опубликовали журналистское расследование, посвященное торговле белорусских предприятий с ОРДЛО, — в публичном пространстве эта тема не поднималась¹. Конечно, информация

¹ Расследование было опубликовано на сайте «Белсата» и украинской службы «Радио Свобода».

о том, что некоторые белорусские продукты замечены в магазинах Донецка и Луганска, периодически всплывала в сети. Но воспринималось это, скорее, как досадное недо-разумение: на основании обрывистых сведений было тяжело оценить масштабы бизнеса. А они поражали: так, в сентябре 2016 года донецкий деловой портал DNR-live оценивал долю белорусской продукции на потребительском рынке ДНР примерно в 25 %. Местные жители подтверждали большое количество белорусских товаров на полках супермаркетов Донецка и Луганска. «Алкоголь, сыры, мясо глубокой заморозки... Причем до войны таких белорусских продуктов мы не видели — мясо или пиво белорусское.... никогда! Этот поток уже потом пошел. Спрос на них теперь очень большой — российские продукты сильно уступают по качеству и цене», — рассказывала нам жительница Луганска в июне 2017 года.

Белорусские товары в «отжатых» супермаркетах

Торговые сети и оптовые компании в ДНР и ЛНР максимально закрыты для прессы. Большинство таких компаний не имеют даже сайтов, имена и контактные номера руководства найти сложно, как и перечень продукции. Хотя бывают и исключения. Например, на сайте донецкой торговой сети «Амстор» летом 2017 года можно было найти товары восьми белорусских предприятий. Руководство торговой сети «ЛНРПродторг», созданной на базе «отжатых» боевиками украинских супермаркетов «Лелека», в интервью местной газете «Жизнь Луганска» еще в августе 2015 года хвалилось прямыми контрактами с Беларусью. Директор Алесь Полтавченко озвучила тогда названия девяти белорусских предприятий, среди которых — завод «Пять континентов», табачная фабрика «Неман», агрокомбинат «Дзержинский» и «Санта-Бремор» (все они, правда, публично не признают поставки в ЛНР и ДНР). В самом «ЛНРПродторге» нам подтвердили наличие торговых связей с Беларусью, но детали сообщить отказались.

Закрытость торговых сетей и оптовых компаний ЛНР и ДНР объяснить не трудно. Во-первых, это обусловлено общей атмосферой страха и шпиономании, созданной сепаратистами в ОРДЛО. Во-вторых, в этом бизнесе присутствуют интересы и непосредственно главарей боевиков, которые не хотят «светить» источники своих доходов. Например, ту же торговую сеть «Амстор»¹, по данным российской «Новой газеты», в Донецке контролировала семья главара боевиков Александра Захарченко. А сеть «Первый республиканский супермаркет» (бывшую АТБ, «отжатую» боевиками) возглавляла его жена. В Луганске продукты из Беларуси попадали на прилавки «Универсама 1» и сети социальных супермаркетов «Народный» — «отжатые» боевиками «Лелека» и АТБ соответственно. Они контролировались приближенными главара ЛНР Игоря Плотницкого вплоть до ноября 2017 года.

Пункты назначения — Донецк и Луганск

Белорусские заводы обычно стараются не афишировать сотрудничество ЛНР и ДНР, но некоторые этого все же не скрывают. «Да, мы работаем с Донецком, — признавалась заместитель генерального директора фабрики «Коммунарка» по коммерческим вопросам Лилия Сивакова. — Это прямые поставки. Поставляем шоколад, шоколадные конфеты. Никаких проблем у нас там нет, работаем по предоплате. Рассчитываются они российскими рублями. Насколько там существенные объемы для «Коммунарки»? Ну, каждая поставка очень важна, потому что это предоплата. Конечно, Россия

¹ Сеть «Амстор» по состоянию на 2017 год являлась одной из крупнейших торговых сетей в ДНР. К весне 2019 года «Амстор» практически полностью обанкротился, большинство супермаркетов закрылись. По данным СМИ, во многом это связано с ликвидацией Александра Захарченко и бегством Александра Тимофеева — то есть людей, которые де-факто владели этим бизнесом и «крышевали» его.

у нас занимает 80 % от общего объема экспорта. Столько, сколько съедает Россия, не съест никто — ни Донецк, ни Луганск. На Донецк у нас приходится несколько процентов экспорта».

Не скрывают факта торговли с ЛНР и ДНР и компании, входящие в государственный концерн «Брестмясо-молпром». «Мы поставляем сыры (твердые и плавленые) и творог через российскую фирму, которая является нашим официальным дистрибьютором. Но пункт назначения в документах конкретно прописывается — Донецк, Луганск. В документах это помечается не как территория Украины, как-то иначе... Сейчас уже не помню. Примерно 20 тонн в месяц мы туда поставляем», — заявил первый заместитель директора ОАО «Кобринский маслодельный-сыродельный завод» Николай Токарь. Торгует кобринский завод и с аннексированным Крымом — причем не через посредников на территории РФ, а напрямую с крымскими компаниями. Березовский сыродельный и Пружанский молочный комбинаты также подтверждали факт торговли с ЛНР и ДНР. «Мы торгуем с Донецком и Луганском, но не нужно это афишировать. Работаем успешно, с двумя фирмами, претензий нет. Объемы поставок для нашего комбината довольно скромные, хотя для некоторых, может, и серьезные. Все идет хорошо, по плану», — говорил директор березовского комбината Владимир Попеня.

Торгово-экономические связи Беларуси с ЛНР и ДНР попали в поле зрения украинских властей задолго до того, как тема бизнеса на войне стала достоянием общественности — просто публично политики и дипломаты об этом не говорили. Еще в апреле 2017 года официальный Киев направил в МИД Беларуси ноту, в которой выражал обеспокоенность торгово-экономическим сотрудничеством белорусских предприятий с фирмами сепаратистов. После этого правительство Беларуси разослало по компаниям письма с предупреждением, что за торговлю с ОРДЛО Украина может ввести

против них санкции¹. Например, на Пружанском молочном комбинате к этим словам прислушались, тем более что объемы поставок были небольшие — по словам директора Владимира Микитича, весной 2017-го они свернули торговлю с Донецком и Луганском. Однако большинство предприятий предупреждение Киева проигнорировали.

Разумеется, далеко не все предприятия, которые так или иначе засветились в Донецке и Луганске, открыто признают прямые поставки на подконтрольные боевикам территории. Но нервная реакция их руководства на вопросы журналистов о такой торговле заставляет усомниться в том, что их товары в ОРДЛО — это результат обычного реэкспорта. Кондитерская фабрика «Спартак», компании «Савушкин продукт» и «Санта-Бремор», «Брестское пиво» и «Полоцкие напитки и концентраты» просто отказались от любых комментариев на эту тему, не последовало и опровержения. Однако, по данным базы ImportGenius.com, фабрика «Спартак» еще в ноябре 2014-го отгружала на адрес донецкого ООО «Белсвит» шоколад и конфеты. А полоцкий завод успешно поставлял пиво на подконтрольные боевикам территории, работая через бизнесменов из Красного Луча Сергея Шершнева и Геннадия Гонтаря².

Анатомия контрабанды

Если вы обратитесь на белорусские предприятия под видом бизнесмена из ДНР или ЛНР, то названия сепаратистских группировок там точно никого не смутят. Вам почти наверняка скажут, что готовы работать с Донецком и Луганском напрямую, вежливо предложат ознакомиться с прайсом и попросят реквизиты для подготовки проекта договора. Уже после того как украинские дипломаты публично пригрозили санкциями белорусским компаниям, торгующим с ЛНР и ДНР напрямую, мы связались с десятью разными предприятиями в Беларуси

¹ Информацию о письмах мы получили сразу от нескольких белорусских государственных предприятий.

² Сергей Шершнев подтвердил эти сведения авторам.

под видом коммерсантов из Донецка или Луганска. Во всех десяти случаях топ-менеджеры сразу согласились работать без посредников. Лишь предупредили: напрямую с ЛНР и ДНР заключить контракт невозможно — «нужно, чтобы контракт был с Украиной или РФ». То есть в РФ или на подконтрольных Киеву территориях у покупателя из ОРДЛО должна быть фирма-«прокладка», с расчетного счета которой будет производиться оплата за белорусскую продукцию.

Фирмы-прокладки, зарегистрированные обычно на территории Российской Федерации, — системообразующий элемент всей нелегальной торговли Беларуси и ЛНР и ДНР. Белорусские компании не могут указать в официальных документах фирму из непризнанного государства, а компании из ОРДЛО не могут рассчитаться с Беларусью через собственную банковскую систему. «В ДНР возможна оплата только в российских рублях. Когда нужно заплатить в валюте — в ДНР делается разрешение на вывоз валюты, а дальше оплата идет, как получится. Правда, в «ДНРовском» банке разрешение на вывоз валюты в Беларусь не дают. То есть легальных способов рассчитаться с Беларусью не существует», — объясняют нам в одной из донецких консалтинговых фирм, которая работает с Беларусью.

В результате схема выглядит следующим образом. Белорусская компания ведет прямые переговоры с оптовой фирмой из ЛНР и ДНР, напрямую поставляет в Донецк и Луганск свой товар (исключительно по предоплате), но формально имеет контракт, например, с российской «прокладкой», которая в свою очередь связана с сепаратистами. Деньги на счет российской фирмы попадают или через ЦМР-банк¹,

¹ Небанковская кредитная организация (НКО) «Центр международных расчетов» была создана в апреле 2015 года специально для расчетов россиян с ЛНР и ДНР. В апреле 2016-го НКО получила банковскую лицензию и превратилась в «ЦМР-банк». Структуру собственников банк не раскрывает. По данным газеты «Ведомости», «ЦМР-банком управляют люди с опытом работы в украинских представительствах российских банков, близкие к руководству группировки ДНР».

или через банки Южной Осетии¹, или просто наличными в сумках. Попав на счет российской фирмы-«прокладки», деньги за товар перечисляются белорусским заводам. Таким образом, формально белорусские предприятия не нарушают законы Республики Беларусь. Но, с точки зрения украинского законодательства, поставки товаров в ОРДЛО и Крым — самая настоящая контрабанда.

По данным газеты «Ведомости», после начала войны на Донбассе в Ростовской области случился бум внешнеторгового и логистического бизнеса: количество зарегистрированных там оптовиков и перевозчиков увеличилось более чем вдвое. Аномальные цифры демонстрировала и белорусская статистика: экспорт в приграничную с Донбассом Ростовскую область в 2016 году вырос на 20,5 %, достигнув уровня 201 млн долларов (при том, что общий товарооборот Беларуси и России в этот период снизился).

Тень сына Януковича

Наибольший интерес представляют не поставки на Донбасс белорусских сыров, молочных продуктов и конфет, а алкогольный бизнес. Белорусские заводы не только экспортируют свою продукцию в ОРДЛО, но также производят пиво и водку под торговыми марками компаний боевиков. Непосредственными бенефициарами этого бизнеса являются люди, которых Киев подозревает в финансировании терроризма.

В мае 2017 года СМИ облетела новость: пивоваренный гигант ОАО «Крыніца» разливает на своем оборудовании пиво под торговой маркой «Юзбир», которая принадлежит донецкой компании «Мастер-торг». На «Крыніце» признали, что производят «Юзбир», но отрицали наличие прямых контрактов с «Мастер-торгом» и любыми другими фирмами ЛНР и ДНР. «Что касается «Мастер-торга», то перего-

¹ Южная Осетия признает ДНР, а Россия признает Южную Осетию, поэтому через ее банковскую систему можно проводить деньги из Донецка и Луганска в РФ.

воров по производству пива мы не вели и не имеем контрактов с этой компанией. Мы производим продукцию по заказу третьей стороны и уважаем право наших партнеров на конфиденциальность», — заявил заместитель гендиректора «Крыніцы» Валерий Столяров. Начальник управления маркетинга и рекламы Сергей Решетников в свою очередь сообщил: у «Крыніцы» контракт с канадской компанией, которая представляет интересы «Мастер-торга» в Беларуси. Название ее топ-менеджер не раскрывал, сославшись на коммерческую тайну. Появление компании из Канады в торговой цепочке между белорусским заводом и фирмой боевиков не должно удивлять. Речь идет об обычной «прокладке», просто зарегистрированной не в Ростове, а в другом полушарии.

Сложная схема с Канадой вполне соответствует масштабам «Мастер-торга». Компания не только владеет почти 40 % рынка в ОРДЛО, но и поставляет продукцию своих торговых марок в оккупированный Крым. «Мастер-торг» снабжает НВФ боевиков военной амуницией и горючим, публично дарит структурам МЧС ДНР автомобили, выступает постоянным спонсором различных спортивных турниров. С 2015 года «Мастер-торг» работает с Беларусью. В том же году СБУ начала расследование деятельности донецкой компании в рамках уголовного дела от 1 апреля 2015 года по ч. 2 ст. 258-5 (финансирование терроризма) УК Украины.

Директор ООО «Мастер-торг», некто Николай Мусяненко, категорически отказывается общаться с прессой. Имена учредителей в открытых источниках не фигурируют. Между тем, по информации от самих боевиков, эта фирма может быть связана с Александром Януковичем — сыном экс-президента Виктора Януковича. «Мастер-торг» находится под патронажем Стоматолога (прозвище А. Януковича. — *И. И.*). Любая наша структура будет прямо и косвенно связана с Захарченко (разговор состоялся летом 2017-го, когда главарь боевиков был еще жив. — *И. И.*), а

«Мастер-торг» еще и с Януковичем», — сказал бывший полевой командир ДНР Александр Ходаковский. Теперь Александр Янукович живет в России: в 2014 году СБУ объявила его в розыск, а в 2015-м одну из подконтрольных ему фирм («Мако-Трейдинг») украинские правоохранители обвинили в финансировании терроризма. Подтверждения информации о том, что компания «Мастер-торг» подконтрольна Александру Януковичу, из других источников нет. Однако очевидно: «Мастер-торг» имеет очень влиятельных покровителей. Иначе столь масштабный бизнес в условиях ОРДЛО не состоялся бы.

Полки донецких и луганских супермаркетов заполнило не только пиво «Юзбир», но и продукция собственных торговых марок «Крыніцы». Улицы оккупированного Луганска украшают билборды с рекламой белорусской продукции: «“Крыніца” — бренд № 1 в Луганске». На этих билбордах указан местный оптовик «СВ-торг». На сайте «СВ-торга» в разделе «наши партнеры» летом 2017 года значились данные не только «Крыніцы», но еще пяти белорусских предприятий. Но на заводе «Крыніца» утверждают: они не занимаются поставками в ЛНР и ДНР и никакого отношения к рекламе в Луганске не имеют. «Пиво под брендом «Крыніца» на полках местных супермаркетов — результат сотрудничества с коммерческими организациями. А детали такого сотрудничества я не имею права разглашать», — подчеркнул топ-менеджер «Крыніцы» Решетников. Надо полагать, под «сотрудничеством с коммерческими организациями» подразумевается работа через те же «прокладки».

Из Беларуси через Гонконг

Использование канадской фирмы для торговли ЛНР и ДНР с Беларусью — не единственный экзотический вариант. Мозырский спиртоводочный завод на этикетках своей продукции, поставляемой в Донецк, указывает в качестве импортера компанию Huge Sky Limited с регистрацией в Гонконге. А в качестве заказчика — макеевское ООО «Интер-Торг», ко-

торое, предположительно, аффилировано с «Мастер-торгом». Связь Huge Sky LTD. с «Мастер-торгом» прослеживается в статистике, опубликованной российской службой аналитического контроля за экспортом на сайте tamozhna.ru. В реестре компаний Гонконга указано, что Huge Sky LTD была создана в июне 2014-го. Ее учредители скрыты, но в интернете есть информация о контактном лице — это Дмитрий Кононенко из Донецка. В разговоре с нами он не отрицал, что работает на гонконгскую фирму, но на вопрос, кто владельцы Huge Sky LTD., Кононенко ответить отказался.

«Мы работали с ДНР, но уже прекратили. На данный момент не договорились по цене. Эта фирма, «Интер-торг», закрылась, открылась новая. Нашим партнером был Huge Sky LTD. Теперь мы временно не работаем с этим направлением, но тема окончательно не закрылась, ведутся переговоры. Они (представители фирмы из подконтрольной группировке ДНР территории. — *И. И.*) приезжали в Беларусь на выставку «Продэкспо» в прошлом году», — рассказал нам летом 2017 года заместитель директора мозырского завода Сергей Македонский.

Ответ на вопрос, зачем боевикам торговать с Беларусью через Гонконг и Канаду, кроется в полуофшорном законодательстве этих территорий: налогами здесь облагаются только те доходы, которые были получены в Гонконге и Канаде соответственно. Все финансовые операции за пределами Гонконга и Канады налогообложению не подлежат. При этом репутации офшорной зоны у Гонконга и Канады нет.

Госмонополия на водку

Мозырский спиртоводочный завод входит в состав концерна «Минск Кристалл Групп», который был создан по указу Александра Лукашенко 17 июля 2015 года. В пояснении к указу отмечалось: все 8 предприятий холдинга объединяются с целью «выработки единой стратегии» продвижения продукции на внутреннем и внешнем рынках. Де-факто сегодня холдинг является монополистом на рынке алкоголя в

Беларуси. Продукция как минимум 6 из 8 заводов концерна идет в супермаркеты «ЛДНР»: это Гомельский ликеро-водочный завод «Радамир», Витебский ЛВЗ, Климовичский ЛВЗ, Брестский ЛВЗ «Белалко», Гродненский ЛВЗ и Мозырский спиртоводочный завод.

«Мы продаем нашу продукцию всем, кто берет. Появились на горизонте эти две республики — и мы с ними работаем. Поймите, сегодня любая ниша будет заполнена сразу. Когда Украина запретила торговать с этими областями, на их место сразу пришли Россия и Беларусь. Мы уже около двух лет работаем с ДНР. Особенной популярностью пользуется дешевая водка — «Житняя», «Золото полей», «Золотой урожай», — говорил в 2017 году начальник сектора внешнеэкономической деятельности Гродненского ЛВЗ Петр Калесник. Проблем с контролирующими органами на заводе не боятся. «А какие у нас могут быть проблемы? Наши органы никому не мешают. Когда приходит предоплата, мы отгружаем продукцию. Мы контракт заключили, в котором есть предоплата. Расплачиваются с нами в долларах, частично — в российских рублях. По экспортной декларации отгрузка идет в Украину», — рассказывал Калесник.

Большинство предприятий концерна не отрицают, что торгуют с Донецком и Луганском. На заводе «Белалко», который уже на протяжении нескольких лет является крупнейшим налогоплательщиком Брестской области, на просьбу рассказать о сотрудничестве с ЛНР и ДНР отреагировали агрессивно. «Не знаю, может, и идет продукция в ДНР. А вам зачем это знать? И кто сказал, что там террористы в Донецке? Лучше закончить интервью, пока ситуация не дошла до чего-то нехорошего», — оборвал беседу заместитель гендиректора по логистике и обеспечению Владимир Ремизонов. Подтверждение поставок брестской водки в ДНР мы получили в частном разговоре в отделе внешнеэкономической деятельности на заводе «Белалко». Мы обратились туда под видом предпринимателей из ДНР, которые хотят приобрести партию алкоголя. Новым опто-

викам предложили работать через постоянного партнера «Белалко» в Донецке — «Торговый дом Плюс». Представительница «ТД Плюс» подтвердила, что брестский завод напрямую поставляет свою продукцию в ДНР, и добавила: «Это эксклюзивный контракт».

Руководители Климовичского ЛВЗ и гомельского «Радамира» также пытались сделать вид, что ничего не знают о поставках на Донбасс. Но после того как мы связались с заводами под видом донецких предпринимателей, желающих поставлять белорусскую продукцию в ОРДЛО, результат был совсем иной. Представители предприятий не только согласились работать напрямую с Донецком, но и дали контакты своих нынешних партнеров в ЛНР и ДНР. Климовичский завод работает с оптовой компанией «Лаверна групп», которой отгружает водку торговой марки «Серебряные ключи». Кроме того, что донецкая «Лаверна групп» является крупным поставщиком алкоголя в ДНР, никакой информации об этой компании в открытых источниках нет. Зато можно найти данные о микропредприятии «Лаверна групп», которое в 2017 году было зарегистрировано в Ростове и специализируется на торговле напитками. Судя по всему, она является буфером между ОРДЛО и внешним миром. «Радамир», в свою очередь, работает с ООО «Визит». На сайте последнего гомельский завод фигурирует в разделе «партнеры».

В руководстве «Минск Кристалл Групп» на условиях анонимности нам подтвердили факт поставок белорусской продукции в ЛНР и ДНР и дали понять, что речь идет именно о согласованной внешнеэкономической политике госконцерна. «А чем отличаются Луганск, Донецк от других территорий? От «материковой» части Украины? В политику мы не лезем. У нас буквально недавно была встреча здесь с президентом Молдовы. Он очень хорошие слова сказал, что политика политикой, а бизнес есть бизнес. Деньги не пахнут», — заявил топ-менеджер ОАО «Минск Кристалл» — управляющий компании холдинга.

Эксклюзив для боевиков

Удобнее всего для белорусской стороны, если партнер в ОРДЛО имеет параллельную украинскую регистрацию. Вероятно, в первые несколько лет войны на Донбассе ее сохраняло и частное предприятие «Содействие» — именно поэтому оно попало на этикетки водки «Belsweet», которую производит белорусский завод «Славпродукт».

Небольшой частный завод «Славпродукт», учредителем которого является российское ООО «Нортимер», расположен в городском поселке Шумилино Витебской области. В 2016 году экспорт предприятия резко вырос: с 38,6 тысячи дал (1 дал = 10 литров) до 46,7 тысячи. Подобный рост стал прямым следствием конфликта на Донбассе. С 2016-го на «Славпродукте» начали производить и разливать водку премиум-класса под торговой маркой «Belsweet» по заказу донецкого ООО «Белсвит». Последнее, по данным бизнес-портала «DNR-Live», главный поставщик белорусского алкоголя в ДНР. А в качестве импортера на этикетках указано ЧП «Содействие», зарегистрированное в подконтрольном боевикам Торезе. «Сначала они закупали нашу водку «Сяброўка», а потом решили, почему бы не раскрутить собственный бренд. В принципе, это произошло с нашей подачи. Водка продается на «ура», иногда даже не успеваем производить в нужных объемах. Поставки в Донецк идут прямые, расчет по предоплате», — рассказала главный технолог «Славпродукта» Валентина Солдатова.

По ее словам, обычно «Белсвит» нанимает белорусского перевозчика, который доставляет партию алкоголя через Ростов в Донецк. При этом водка под торговой маркой «Belsweet» идет только в ОРДЛО — в магазинах Беларуси ее не продают. Также «Славпродукт» экспортировал в ДНР¹ и свою обычную продукцию — водку «Новая» и «Сяброўка».

¹ Позже «Славпродукт» наладил отдельный канал поставок своей продукции в ЛНР — партнером белорусского предприятия стала луганская фирма ПКФ «Каменный дом». Правда, там шла речь о незначительных объемах поставок. А в январе 2019 года у

«Никаких проблем в работе с этим регионом не возникает, несмотря на войну. Единственное — теперь импортер, ЧП «Содействие», проходит перерегистрацию, мы ждем. Но на дальнейшее сотрудничество это никак не повлияет», — объясняла летом 2017-го Валентина Солдатова.

Это действительно никак не могло повлиять на бизнес, ведь ЧП «Содействие», равно как и ООО «Белсвит» — лишь винтики в бизнес-империи «угольного короля» и «кошелька боевиков» Дмитрия Автономова.

ЧП «Содействие» было основано еще в 1999 году отцом Дмитрия, коммерсантом Игорем Автономовым. Директором ООО «Белсвит» в Донецке является Дмитрий Заставнюк. Учредитель «Белсвита» на территории ОРДЛО в открытых источниках не фигурирует, так как фирма появилась уже после начала войны. Зато в ЕГРЮЛ Минюста Украины можно найти данные фирмы в Харькове с идентичным названием («Белсвит») и тем же директором (Заставнюком), учрежденной еще летом 2013 года. Основатель — все тот же Игорь Автономов. С началом российской агрессии реальная деятельность «Белсвита» была перенесена в Донецк, однако счета и реквизиты в Харькове продолжали активно использоваться.

Дмитрий Автономов начинал карьеру под крылом отца как классический представитель «золотой молодежи», но впоследствии вырос в самостоятельную фигуру. Война на Донбассе позволила ему значительно приумножить свой капитал: с самого начала конфликта 28-летний Дмитрий Автономов снабжал боевиков провиантом и топливом, обслуживал бизнес-интересы их главарей, а те в свою очередь стали его «крышей» и обеспечили фантастические преференции. Главный бизнес Автономова-младшего — угольный. Он владел предприятиями «Донбассуголь», «Восток-углемент» и аффилированными с ними структурами. Основал благотворительный фонд «Возрождение Донбасса», финансировал пропагандистские инициативы Захарченко и

«Славпродукта» появится новый партнер и в ДНР — фирма «Дон-эксим» (г. Донецк).

его движения «Оплот Донбасса». Бизнесмен стал влиятельной фигурой в ДНР и фактически «кошельком» боевиков. Главным покровителем Автономова считался Александр Тимофеев (Ташкент) — ближайший соратник Захарченко, а также «министр по налогам и сборам ДНР», прославившийся рейдерскими захватами бизнеса на оккупированных территориях. Ушлость Автономова вызывала острое раздражение даже в стане боевиков, его называли «мошенником» и «пижоном». Бывший полевой командир Александр Ходаковский характеризовал бизнесмена как человека, который «обогатился несказанно» на войне, «нажился на крови и страданиях людей». По неподтвержденной информации, Автономов в ОРДЛО также представлял интересы семьи Виктора Януковича. По крайней мере, такая мысль проскользнула в переписке «прокуратуры» и «МГБ ДНР», слитой в интернет хакерской группой «Анонимный интернационал» в сентябре 2015 года.

По данным СБУ, Дмитрий Автономов организовал масштабную схему по незаконной продаже угля из оккупированных районов Донбасса, средства от которой шли на финансирование боевиков ДНР. Причем поставлялся уголь в том числе и на подконтрольные Киеву территории — на электростанции ПАО «Центрэнерго». А средства от этих сделок шли на закупку военной техники, боеприпасов и инженерного оборудования. В определении Октябрьского районного суда Мариуполя от 11 августа 2015 года говорится, что Автономов обеспечивает до 20 % валовых поступлений в «бюджет» группировки ДНР. Вместе с Дмитрием в финансировании терроризма СБУ подозревает и его мать Татьяну Автономову — владельца ЧП «Содействие» (Константиновка). Отмечается, что финансирование ДНР осуществляется Дмитрием Автономовым «с использованием комплекса субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных как в Украине, так и за границей». Все эти фирмы фактически принадлежат Автономову, но оформлены на подставных лиц. В этот комплекс входит и ЧП «Содействие» из

Тореза (Чистяково) и «Белсвит» (Донецк-Харьков), которые импортируют белорусский алкоголь¹.

В схеме контрабандных поставок угля из ОРДЛО фигурировал и некто Евгений Теплов. После продажи товара фирмы Автономова перечисляли деньги на адрес компании «Торговые системы» в Ростове, основателем и директором которой был Теплов. После этого, по данным украинских спецслужб, деньги обналичивались и через границу с РФ перевозились в ДНР, где шли непосредственно на финансирование боевиков. Тот же Евгений Теплов в конце 2015 года учредил в Ростове ООО «Квазар», которое позже стало «прокладкой» при закупках «Белсвитом» продукции белорусского завода виноградных вин «Пять континентов».

Схема работы «Белсвита» с «Пятью континентами» — типичная для «серого» бизнеса. «Белсвит» вел прямые переговоры с «Пятью континентами», но официальный контракт оформлялся на ООО «Квазар» в Ростове. Далее «Белсвит» через ЦМР-банк перечислял деньги «Квазару», а «Квазар» — на счет «Пяти континентов». Однако белорусская продукция шла не в Ростов, а прямо в Донецк. Причем прямые поставки на подконтрольные боевиками территории официально прописывались в контракте. В проекте типового для таких случаев соглашения, которое нам удалось получить от представителей «Пяти континентов», отмечалось: «Товар производится за границами Российской Федерации и идет транзи-

¹ Когда в 2017 году авторы этой книги вышли на ЧП «Содействие», нам удалось связаться и с основателем фирмы Игорем Автономовым. Отец «угольного короля» утверждал, что на данный момент не имеет отношения к «Содействию» и не в курсе коммерческих вопросов. Ранее, летом 2015 года, депутат Верховной Рады от «Радикальной партии» Игорь Мосийчук в интервью Цензор.нет утверждал, что Игорь Автономов прикрывает схему нелегальной торговли углем из ОРДЛО на подконтрольных Киеву территориях. «Сейчас главе клана отведена почетная роль «решения» всех вопросов с украинскими правоохранителями. Справляется успешно. Жалоб нет», — говорил народный депутат. Подтверждения подобной роли Игоря Автономова в других источниках нам найти не удалось.

том через территорию РФ, не предназначен для оборота на территории РФ. Грузополучателем товара является... (здесь должно быть указано название фирмы, которая получит товар. — *И. И.*); пункт разгрузки: Украина, г. Донецк».

Судя по всему, Евгений Теплов минимум с 2015 года занимается отмыванием торговых схем Автономова¹. К началу 2019 года на его имя были зарегистрированы две фирмы в Ростове и одна в Москве. Все они появились в 2015—2016 годах, вероятно, с целью обслуживания финансовых операций с ДНР и ЛНР. По данным Федеральной налоговой службы РФ, ООО «Квазар», которое работает непосредственно с Беларусью, в 2017 году в общей сложности получило доход в размере более \$ 2.650 млн (расходы — \$ 2.584 млн). Директор «Пяти континентов» Павел Винцентович факт сотрудничества с ООО «Квазар» признает, но вместе с тем утверждает, что про «Белсвит» якобы даже не слышал. На наше замечание, что продукция «Пяти континентов» напрямую шла в ДНР транзитом через РФ, Винцентович ответил уклончиво: «Ну, может быть». В феврале 2019-го он также утверждал, что последние поставки по контракту с «Квазаром» состоялись весной 2018-го.

И «Белсвит», и ЧП «Содействие» Служба безопасности Украины подозревает в финансировании ДНР. Деятельность компаний расследуется в рамках уголовного дела от 1 апреля 2015 года по ч. 2 ст. 258-5 (финансирование терроризма) УК Украины. В определении Октябрьской районного суда Мариуполя от 22 октября 2015 года, который санкционировал проведение обыска в офисе «Белсвита» в Харькове, отме-

¹ Евгений Теплов в донбасском бизнесе фигура неслучайная. Алексей и Светлана Тепловы наряду с «угольным королем» числятся совладельцами ООО «Специальные грузовые перевозки» в Торезе (Чистяково), Алексей также какое-то время был совладельцем Торгового дома «Донбассуголь». Вряд ли речь идет об однофамильцах — скорее всего, ответственным за отмывание торговых схем в РФ назначили родственника одного из бизнес-партнеров Дмитрия Автономова.

чалось, что финансирование боевиков Автономов осуществлял по предварительному сговору с все тем же Александром Тимофеевым (Ташкентом) и главой «Республиканского банка ДНР». Счет харьковского «Белсвита» в «Банке Софийском» арестовали еще в июле 2015 года.

Сам Дмитрий Автономов публично отрицал свою причастность к ЧП «Содействие» и «Белсвиту». В беседе с нами летом 2017 года он утверждал, что в последние годы вообще бизнесом не занимается — якобы сфера его интересов ограничивается исключительно благотворительностью. Еще он рассказал, что его фонду оказывают помощь «коммерческие структуры» из Беларуси, название которых он озвучить отказался — дескать, такая публичность им ни к чему. Также Автономов признавался, что после начала войны он многократно по делам приезжал в Беларусь, где встречался с разными людьми, в том числе с представителями власти. «Встречи были по делам фонда, но они носили частный характер. То есть личные знакомства, личные контакты», — пояснял он. В беседе Автономов честно признавался, что придерживается пророссийских взглядов, а в ответ на вопрос о нуждах его фонда и региона в целом «благотворитель» иронизировал: «Нам нужен мир. И желательно весь».

После убийства главаря группировки ДНР Александра Захарченко и прихода к власти Дениса Пушилина покровитель Автономова Ташкент оказался в опале. Ташкенту пришлось бежать в Россию, а его заместитель в «министерстве» Александр Михайлов 21 сентября 2018 года был арестован «МГБ ДНР». Накануне нового 2019 года боевики арестовали и самого «угольного короля» Дмитрия Автономова, а также несколько его ближайших родственников и около десятка руководителей подконтрольных ему предприятий. Поговаривали, у Автономова решили просто «отжать» его бизнес в рамках нового передела собственности. Соратник Стрелкова-Гиркина Михаил Полинков прокомментировал произошедшее с Автономовым кратко: идет «переразграбление награбленного».

Не только экспорт, но и импорт

Торговля Беларусу и ДНР и ЛНР — это в 99,9 % случаев белорусский экспорт. Пока что известен лишь один пример, когда продукты питания перемещались в обратном направлении — из ОРДЛО в Беларусь. В начале 2019 года выяснилось, что крупная частная компания СООО «Белвингрупп» импортирует из Донецка и Горловки печенье фабрики «Конти», переименованной в ходе войны в дочернее предприятие «Тор». С декабря 2018 года и как минимум до марта 2019-го «Белвингрупп» ежемесячно поставлял в Беларусь около пяти тонн печенья торговой марки «Кариба», принадлежащей «Тору».

«Конти» — это бизнес вице-премьера времен Януковича, экс-депутата и одного из лидеров «Оппозиционного блока» Бориса Колесникова. Сам Колесников утверждал, что с началом войны фабрику «отжали» боевики. Но по неофициальной версии, история с «отжимом» была прикрытием, а в действительности Колесников остался владельцем фабрики. Информацию о том, что бизнес Колесникова в ОРДЛО не национализировали, в частности, подтверждает бывший полевой командир Александр Ходаковский. По данным популярного местного телеграм-канала «Донецкий абориген», все имущество одного из лидеров «Оппозиционного блока» в Донецке остается в полной сохранности, боевикам дана команда его активы не трогать. В качестве благодарности Колесников якобы взял на себя некоторые расходы боевиков. По слухам, олигарх полностью содержит официальную резиденцию главаря ДНР на бульваре Пушкина, 76.

История с поставками донецкого печенья в Беларусь только подтверждает версию о неприкосновенности бизнеса Колесникова в ОРДЛО. Как заявил владелец «Белвингрупп» Сергей Тюшкевич, его компания заключала контракт с российским представительством фабрики «Конти», и он очень удивился, когда на этикетках печенья красовались данные донецкого ДП «Тор», а местом производства были указаны

Донецк и Горловка. То есть, если верить бизнесмену, «Белвин-групп» просто обманули. Тюшкевич назвал произошедшее «досадным недоразумением» и пообещал прекратить всякое сотрудничество с этим поставщиком. «Мы в эти игры не играем. Наша задача — быть подальше от политики», — подчеркнул бизнесмен¹. Таким образом, получается, что под прикрытием российского представительства компании Колесникова был организован сбыт продукции фабрики с территории ДНР в третьи страны. Если бы «Конти» действительно потеряла контроль над своими заводами в Горловке и Донецке, организовать такую схему было бы практически невозможно.

Однако импорт из ОРДЛО — это все же исключение из правила.

Последствия

Всего, начиная с 2015 года, в торговых сетях ДНР и ЛНР были замечены продукты более чем тридцати белорусских предприятий — и это еще умеренная оценка масштабов сотрудничества. Поставляется в ОРДЛО также косметика и бытовая химия. Разумеется, не во всех случаях белорусские товары в Донецке и Луганске — это результат прямых поставок. Иногда речь может идти о чистом реэкспорте. Но как минимум в половине случаев авторы этой книги получили подтверждение прямых поставок от одной или сразу от двух сторон.

«Расследование о торговле Беларуси с ДНР и ЛНР» мы опубликовали 24 июля 2017 года, и почти сразу оно получило международный резонанс. Уже 2 августа посол Украины в Беларуси Игорь Кизим заявил в интервью БелаПАН, что Киев отслеживает поставки белорусской продукции на временно оккупированные территории и если информация

¹ Цитата из материала «Белсата» <https://belsat.eu/news/yak-produktsyya-z-fabryki-eks-paplechnika-yanukovicha-u-dnr-padmanam-traplyae-u-belarus/>

о прямых поставках подтвердится, то против предприятий из Беларуси будут введены санкции. Но официальный Киев не торопился с решительными шагами. Первые (и пока что единственные) ограничительные меры против белорусских предприятий были введены только 24 мая 2018 года — в обновленный санкционный список, утвержденный Петром Порошенко, включили два юридических лица из Беларуси.

В «черный список» попал практически обанкротившийся Мозырский спиртоводочный завод (ограничения были введены сроком на 1 год) и частная, мало кому известная фирма ООО «Мир пива» (3 года). Публично украинские власти не объясняли причины введения санкций, однако все было и так очевидно. Мозырский завод засветился в расследовании авторов этой книги. А «Мир пива» фигурировал в решениях судебных органов Украины как фирма, при посредничестве которой одна из компаний украинской «SGroup» поставляла свою продукцию (снеки, сухарики, чипсы) в ОРДЛО. В самом «Мире пива», который на тот момент являлся дистрибьютором украинской «Оболони» в Беларуси, комментировать ситуацию с введением санкций категорически отказались. Что касается Мозырского завода, то новый замдиректора Василий Ноздрин лишь пожимал плечами: в последнее время предприятие на Донбасс продукцию не поставляло, а что было раньше — не знает.

Крупных предприятий, которые торговали с сепаратистам и имели все основания попасть под санкции, в «черном списке» не оказалось. Украинские власти специально выбрали самые малозначительные предприятия, чтобы не навредить двусторонним экономическим отношениям и не спровоцировать импульсивную реакцию Лукашенко. Однако сам факт введения санкций создавал прецедент. Киев слал Минску однозначный месседж: Украина готова не только к компромиссам, но и к решительным действиям.

Лишь осенью 2018 года стало известно, что после публикации журналистского расследования о бизнесе на войне украинское посольство в Минске снова обратилось с офи-

циальной нотой в МИД Беларуси. «Мы попросили предупредить производителей об ответственности и провести расследование нелегальных поставок», — заявил журналистам заместитель министра иностранных дел Украины Василий Боднар 20 ноября в Киеве.

Предостережения украинских дипломатов не остановили белорусский бизнес на войне. Как уже отмечалось, в начале 2019 года мы провели эксперимент: произвольным образом выбрали 10 предприятий в разных частях страны и связались с ними под видом донецких предпринимателей, желающих поставлять белорусскую продукцию в ОРДЛО. Названия группировок ДНР и ЛНР никого не испугали — все десять предприятий сразу согласились работать с оккупированными территориями напрямую.

Уголь и промышленность

Разумеется, торговые связи Беларуси и боевиков ДНР и ЛНР не ограничивались алкоголем и продуктами питания.

В феврале 2019 года широкий резонанс вызвали данные Национального статистического комитета РБ: оказывается, экспорт каменного угля из Беларуси в Украину всего за год вырос почти в 981 раз! В 2017-м Беларусь отправила туда 0,6 тонн угля, а уже в 2018-м — 588,5 тыс. тонн на общую сумму в \$50,3 млн. Экспорт антрацита за год вырос почти в 340 раз — с 0,3 тыс. тонн до 102,2 тыс. тонн на общую сумму \$ 8,8 млн. В целом в 2018 году Беларусь экспортировала (в том числе в страны ЕС) на 689 тыс. тонн угля больше, чем в 2017-м. Фантастические цифры, учитывая, что в Беларуси нет угольных месторождений.

Сложно поверить, что подобный аномальный рост экспорта мог произойти без угля из ОРДЛО. Но ни одна из сторон в этом не признается. В отчетах Государственной службы статистики Украины за тот же период угля из Беларуси и вовсе нет. По утверждению ведомства, поставки полезного ископаемого в официальной статистике отнесены к странам происхождения — т. е. Казахстану и России.

Министр энергетики и угольной промышленности Украины Игорь Насалик однозначно заявил: это точно уголь не из ОРДЛО. Он подчеркнул, что украинским компаниям категорически запрещено покупать уголь с оккупированных территорий. По данным украинской таможенной статистики, главными поставщиками через территорию Беларуси являются четыре компании: гомельские ООО «Бизнес-Альянс» и ООО «Транс-Уголь», а также ООО «Экойл Кемикл» из Полоцкого района и ООО «ЭколайнСистемс» из Минска. Все они были созданы в период с 2014-го по 2018 год, их владельцы — малоизвестные бизнесмены. И все они в один голос утверждают: схемы законные и углем из ОРДЛО они не торгуют.

Впрочем, как нелегальный донбасский уголь превращается в легальный российский — хорошо известно. Еще в 2017-м польское издание *Dziennik Gazeta Prawna* писало: боевики ДНР и ЛНР организовали контрабанду донбасского угля в Польшу транзитом через Россию и Беларусь. Сертификаты просто подделывались — так уголь из ОРДЛО становился углем из России. Экспортом занималась зарегистрированная в Катовице фирма *Doncoaltrade*, главой которой был экс-заместитель «министра энергетики и угольной промышленности» луганских сепаратистов Александр Мельничук. К тому же упомянутый ранее белорусский трейдер «Бизнес-Альянс», наряду с брестским ООО «Вестек», весной 2015 года засветился в уголовном деле о контрабанде донбасского угля группировкой ДНР. Согласно СБУ, боевики продавали уголь предприятиям в РФ, те — белорусским посредникам, белорусы — эстонцам, а эстонцы — частной киевской компании «Авалон-трейд». Хотя белорусы де-факто участвовали в «отмывании» донбасского угля, деньги от продажи которого шли на финансирование ДНР, статуса подозреваемой или обвиняемой стороны «Бизнес-Альянс» и «Вестек» в Украине так и не получили. Здесь уместно вспомнить схему Дмитрия Автономова, умудрявшегося продавать на электростанции ПАО «Центрэнерго» уголь с подконтрольных боевикам тер-

риторий¹. Так что сбыть уголь из ОРДЛО — вполне реальная задача.

Беларусь в контексте контрабанды угля с Донбасса светилась и ранее. В мае 2017 года внимание белорусских СМИ привлекло заявление Плотницкого (на тот момент еще лидера группировки ЛНР — *И. И.*) в интервью газете «Известия»: «Мы ведем переговоры с Беларусью, Турцией, Китаем. В первую очередь речь идет о покупке угля. Возникают сложности с вывозом продукции, с оформлением сертификатов. Мы ищем пути решения проблем, уверен, что выход найдем. Здесь тонкая грань между экономикой и политикой. Выход нового игрока на рынок всегда неоднозначно воспринимается другими участниками», — говорил он. Разумеется, к словам Плотницкого следовало относиться весьма критически — понятно, что это был прежде всего пиар. К тому же спрос на уголь внутри Беларуси невелик. Государству и крупным компаниям он почти не нужен — у них практически нет станций и мощностей, которые работают на угле. Белорусское правительство поспешило откреститься от подобных переговоров с боевиками. 23 мая 2017 года в кулуарах Белорусского промышленного форума вице-премьер Беларуси Владимир Семашко опроверг слова Плотницкого. Вскоре представитель «министерства топлива, энергетики и угольной отрасли ЛНР» Виктор Ткаченко в интервью «Белсату» уточнил: с белорусскими госструктурами Беларуси никаких дел они действительно не имеют. По крайней мере, пока что. Однако уголь в Беларусь поставляется.

¹ Как уже говорилось, в беседе с авторами книги Дмитрий Автономов утверждал, что после начала войны неоднократно приезжал в Беларусь по делам. В то, что это были дела его благотворительного фонда, поверить абсолютно невозможно — фонд был лишь прикрытием его бизнеса. Сомнительно и то, что Автономов ездил в Беларусь для того, чтобы договориться о поставках алкоголя — с этой задачей вполне справились бы и его топ-менеджеры. Так что самой правдоподобной целью таких поездок представляются все же угольные схемы, в которых должна была быть задействована Беларусь.

«Частные фирмы из Беларуси уже неоднократно покупали в ЛНР партии продукции: угля, антрацита», — заявил он. Одну из таких частных фирм мы тогда же без особого труда нашли в интернете. ООО «Белкарботранс» предлагала на продажу антрацит с Донбасса. Правда, в самой фирме утверждали: закупки антрацита из зоны конфликта прекратились еще в октябре 2015 года. «До конца 2016 года вся партия была реализована. Среди основных потребителей — Скидельский сахарный комбинат и сахарный завод в Городее», — сообщил нам специалист по продажам «Белкарботранс».

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют предположить, что белорусы в схемах контрабанды донбасского угля находятся все же на второстепенных ролях. Беларусь скорее выполняет функцию посредника и транзитной территории, но никак не организатора сомнительного бизнеса. Совсем иной интерес у белорусского государства в вопросе поставок собственной промышленной продукции на Донбасс. Ведь здесь речь идет о росте экспорта и валютных поступлениях в бюджет.

23—24 августа 2018 года в Донецке состоялась выставка-ярмарка «Потенциал Донецкой народной республики-2018», организатором которой выступило «министерство промышленности и торговли ДНР». Как сообщала местная пресса, там была продемонстрирована продукция более чем сотни предприятий из России, ЛНР и Беларуси. Одна из целей выставки — «активизация делового сотрудничества» с зарубежными инвесторами. Состав белорусской делегации полностью не раскрывался, но известно, что среди ее членов был Сергей Петров — представитель Нижегородской области в Беларуси. Он — один из тех, кто координирует неофициальные контакты между Беларусью и ДНР в промышленной сфере.

В сюжете новостей на донецком телеканале «Юнион» рассказывалось, что Торезский электротехнический завод (ТЭТЗ) представил на выставке «совместный проект с одним из белорусских заводов». По словам директора ТЭТЗ

Игоря Неваленного, речь идет об экскаваторе-погрузчике, снежный отвал (ковш) которого собран по чертежам белорусского разработчика. Директор отмечает: вскоре планируется наладить выпуск мусоровозов «по аналогичной схеме». В материале донецкого телеканала Сергей Петров говорит следующее: «Я договорился с директором МАЗа, это бывший министр промышленности РБ, через соответствующие структуры могут поставлять шасси на ростовские фирмы и прочее, а здесь собирать мусоровозы». Петров говорил это Александру Тимофееву (Ташкенту), который был «правой рукой» Захарченко.

Рассказать об особенностях этого бизнеса согласился сам Сергей Петров. Мы встретились в представительстве Нижегородской области в Минске. По словам Петрова, схема поставок белорусских товаров тяжелой промышленности в ДНР сформировалась в 2016 году. «Официального сотрудничества между МАЗом и ДНР нет. Хотя, конечно, автомобили МАЗа имеют место там быть. Завод в Минске поставляет продукцию в московский Торговый дом МАЗ, потом ее покупает компания в Ростове, а оттуда МАЗы попадают в Донецк. Насколько мне известно, теперь в планах руководства ДНР на базе шасси МАЗа производить мусоровозы на Торезском электротехническом заводе», — рассказал чиновник в октябре 2018 года. Подобная схема была выбрана, разумеется, по политическим соображениям. «В силу политических обстоятельств белорусские предприятия не могут напрямую торговать с непризнанной республикой. В случае прямых поставок в ДНР Беларусь испортила бы отношения с Украиной, а МАЗ попал бы под санкции. Но частный российский бизнес имеет такое право. Естественно, МАЗ ничего не нарушает, когда продает свою продукцию, например, в Ростов». Петров отмечал важную деталь: среди акционеров ростовских компаний чаще всего есть жители ОРДЛО. Кроме того, он признает, что по аналогичной схеме с Донбассом работают Минский тракторный завод и ОАО «Амкадор».

Таким образом, бизнес-схема в сфере тяжелой промышленности принципиально не отличается от того, что мы наблюдали в сфере продуктов питания и алкоголя. Разница лишь в том, что деньги и товары проходят здесь двойную очистку — используется не только российская фирма-«прокладка», но и представительство белорусского завода в России. Фактически одно юрлицо на территории РФ торгует с другим юрлицом. В этих условиях доказать причастность Минска к поставкам продукции в ОРДЛО без инсайдерской информации невозможно.

Не на камеру Петров показал оригинал запроса на очередную поставку продукции МАЗа — письмо пришло в Минск из «министерства промышленности и торговли ДНР». В верхнем левом углу документа стояла виза Петрова, из написанного успеваем разобрать слова «Катериничу... без указания ДНР». Дмитрий Катеринич — гендиректор МАЗ и экс-министр промышленности Беларуси. Вероятно, про специфическую договоренность с ним Сергей Петров и говорил Ташкенту на выставке «Потенциал Донбасса» в августе. «Лишнего сбыта не бывает. Когда МАЗы идут на Россию (улыбается), Дмитрий Степанович очень это приветствует». Названия ростовских фирм-«прокладок» Петров озвучивать не стал. Позже он сообщил, что те «категорически отказались» общаться с прессой.

Как можно догадаться, Петрову не приходилось сталкиваться с противодействием подобной торговле со стороны спецслужб Беларуси. «Как представитель Нижегородской области я содействую выходу как государственных, так и частных белорусских компаний на рынки РФ и ДНР в том числе. Почему должен быть какой-то негатив? Это же не товары двойного назначения. Я не вижу никакого негатива относительно нашей работы», — говорит он. На вопрос, знают ли белорусские власти про схему торговли с Донцом, Петров говорит, что это «секрет Полишинеля».

Заместитель коммерческого директора по реализации грузовой техники МАЗа Сергей Захаревич, который кури-

рует поставки в Россию и Украину, отметил, что про донецкое направление ему ничего не известно и среди официальных покупателей Торезский завод не фигурирует. «МАЗ — производитель широкой гаммы техники, и, работая в рамках антимонопольного законодательства, мы не обязаны отслеживать путь каждой отдельной единицы. Техника — товар движимый, она может оказаться в любой части света и использоваться там в тех или иных целях. В том числе, я не исключаю, что кто-то реализовывает ее в этом регионе», — подчеркнул он. В пресс-службе «министерства промышленности и торговли ДНР» нам подтвердили, что получают технику и комплектующие от МАЗа. «Обычно про это все молчат — и та сторона, и мы. Иначе будут санкции, мы же непризнанная республика. Даже в случае непрямых поставок — сразу санкции. Вопрос очень деликатный. Работаем, конечно, но молчим. И названия ростовских компаний вам никто не скажет — коммерческая тайна».

Одновременно следует признать: масштабы сотрудничества МАЗа с Украиной и с ДНР и ЛНР несопоставимы. МАЗ имеет в Украине свой торговый дом и ряд официальных представительств, в том числе в регионах. На сегодняшний день предприятие — среди лидеров на украинском рынке грузовой техники. Причем сотрудничество МАЗа с Украиной распространяются и на продукцию, которая в том числе может использоваться в военных целях. Белорусские грузовики МАЗа закупались для украинской Нацгвардии с начала вооруженного конфликта на Донбассе. А в марте 2016 года корпорация «Богдан» заключила с Минским автомобильным заводом соглашение, согласно которому из белорусских комплектующих в Черкассах началась сборка армейской версии МАЗ-5316, МАЗ-6317, а также тягачей МАЗ-6425. Часть грузовиков делается в бронированном варианте. Впоследствии «Богдан-МАЗы» стало закупать Минобороны Украины.

Глава 23 ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ПОПУЛИСТ

В докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, подготовленном по результатам работы мониторинговой миссии ООН, сообщается: с середины апреля 2014 года по середину февраля 2019-го на Донбассе в связи с вооруженным конфликтом погибли не менее 3023 гражданских лиц, а с учетом сбитого Россией рейса МН17 «Малайзийских авиалиний» общее количество погибших среди мирного населения составило как минимум 3321 человек. Число раненых нон-комбатантов превысило семь тысяч. Больше всего мирных жителей (81,9 %) погибло в первые 10 месяцев войны.

В июле 2014 года еще работало железнодорожное сообщение между Донецком и остальной страной. 16-летний Степан Чубенко возвращался в родной Краматорск из Киева, где гостил у друга. Поезд прибыл в оккупированный Донецк. Прямо на перроне школьника задержали боевики батальона «Керчь». Это были матерые мужики, командовал ими 46-летний Вадим Погодин, позывной Керчь. Мальчишку он со своими подчиненными Бубой и Жорой (Сухомлиновым и Москалевым) заметил из-за желто-голубой ленточки, прицепленной к рюкзаку и фирменного шарфа львовского футбольного клуба «Карпаты». Боевики окружили подростка плотным кольцом, стали называть «правосеком», а потом затолкали в машину и увезли в село Горбачево-Михайловка. Домой Степа не вернулся. «Пинали с ноги, пока сидел связан-

ный под комендатурой. Зубы выбили. Повели к берегу реки. Руки скрутили за спиной скотчем, футболку — на голову. Кроссовки с него перед расстрелом сняли мародеры. Керчь выстрелил в затылок. Всего выстрелов было пять», — вспоминал очевидец расправы в интервью «Новой газете». Мать месяцами безуспешно искала сына по прифронтовому селу, обошла все кабинеты новых властей в Донецке... Тело нашли только в октябре. Уголовное дело на Керчь завели даже сами боевики, Украина три года спустя заочно приговорила его к пожизненному заключению, Погодина объявляли в розыск по линии «Интерпола»... Но каждый раз он избегал суда. И сегодня убийцы Степы Чубенко остаются на свободе, по данным украинских правоохранителей — скрываются на территории РФ.

Боевики не пожалели ребенка с ленточкой. Неудивительно, что они держали в страхе целые города. В том же Краматорске, захваченном группировкой Стрелкова-Гиркина, летом 2014 года исчезновения людей стали обыденным делом. Кроме участия непосредственно в столкновениях, боевики мародерствовали, пытали задержанных в подвалах, мужчин насильно, под угрозой расстрела забирали «рыть окопы». Логично, что в первую очередь «зачистили» местных с выраженной проукраинской позицией: не согласных на сотрудничество чиновников, журналистов, деятелей культуры. Но чтобы попасть в плен, вовсе необязательно было высказываться против ДНР и ЛНР. Любого человека могли схватить на улице и подвергнуть пыткам за что угодно: нарушение комендантского часа, разговор по мобильному (из-за этого записывали в корректировщики огня), отказ дать деньги или просто сигарету. «Трагедия людей в том, что механизма защиты от произвола не существует. Внутри серой зоны нет ни адвокатов, ни прав, ни законов, в обычном понимании этого слова. Любую жертву боевиков всегда можно обвинить в вымышленных преступлениях, и жителям подконтрольных боевикам районов Донбасса не останется ничего другого, кроме как согласиться с «официальной» версией событий», — писал

«Тиждень» в мае 2015-го. В правовом смысле мирное население оказалось абсолютно незащищенным.

Очень быстро в плачевное состояние пришла инфраструктура серой зоны. До войны вклад Донецкой и Луганской областей в ВВП Украины составлял примерно 15 %. В результате боевых действий были разрушены многие заводы тяжелой промышленности, в два раза снизилась добыча угля, закрылись шахты. Как следует из ряда докладов ООН, гражданское население остро страдало от сложностей с доступом к медицинской помощи. К тому же ощущалась серьезная нехватка продуктов, в середине 2017 года Совет Безопасности ООН получил следующую цифру: 26 % жителей подконтрольных боевикам районов умеренно или серьезно не обеспечены продовольствием, что расценивалось как продовольственный кризис. В холодное время года он усиливался, но и летом заниматься земледелием, держать огороды стало практически нереально из-за мин — сегодня Донбасс является одним из самых заминированных регионов в мире, на окончательное разрешение этой проблемы уйдет не меньше десятка лет. Обстрелы, бесчинства боевиков, разруха вокруг — все это стало причиной самого масштабного оттока людей из региона за всю его историю.

Термин «внутренне перемещенное лицо» (ВПЛ) или «переселенец» ООН ввела в практику в 70-е годы XX века, когда в результате кровопролитных войн в Анголе, Камбодже, Судане у мирного населения возникла острая необходимость стихийно сменить место жительства. В отличие от беженцев, которые вынужденно покинули свою страну и получили за границей официальные документы, подтверждающие их статус, переселенцы продолжают оставаться на территории своего государства и являются его гражданами. В октябре 2014 года в Украине был принят закон «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещенных лиц». Согласно документу, статус ВПЛ подтверждает бессрочная справка переселенца, которую выдают подразделения Министерства социальной политики. На основе выданных справок то же Минсоц-

политики регулярно фиксирует количество переселенцев, к ним также относят выехавших из аннексированного Крыма. Эта цифра с 2014 года по объективным причинам колебалась, каждое обострение приносило тысячи новых ВПЛ. Уже к началу 2016 года Минсоцполитики заявило об 1,7 млн переселенцев из Донбасса и Крыма. То есть пик вынужденной миграции пришелся на 2015 год.

На миграционную статистику в том числе повлияло решение украинских властей прекратить социальные выплаты жителям оккупированных территорий. Получить пособия и пенсии теперь можно было лишь после регистрации в качестве ВПЛ. Многие донбассовцы решали эту проблему своеобразно. Выезжали в ближайший населенный пункт под контролем Украины, регистрировались как внутренние перемещенные лица и сразу же возвращались обратно. Весной 2015 года власти ДНР начали выплачивать пенсии в российских рублях. Таким образом, некоторые предприимчивые граждане годами получали две пенсии: от легитимной власти и от боевиков. То есть де-факто они оставались жить в ОРДЛО, но попадали в статистику Минсоцполитики Украины, увеличивая число зарегистрированных переселенцев. Порой среди таких граждан оказывались сами боевики. В Киеве это не могло не вызвать раздражения. Министр социальной политики Андрей Рева в апреле 2019-го предложил ввести дифференцированный подход к выплатам переселенцам. «Именно эту категорию украинских граждан я считал, считаю и буду считать негодьями, которые сами себя поставили за пределы правового поля. Я считаю негодьями тех наших сограждан, кто ради двойной пенсии способствовал оккупации украинской земли, а теперь ожидает получения российского паспорта вместе с двойной пенсионной выплатой, анонсированной оккупантами. Но я ни в коем случае не считаю тех украинских граждан, кто сознательно не помогает оккупантам и кто просто стал их заложниками, виновными в сложившейся ситуации. Я делал и буду делать все от меня зависящее, чтобы помочь этим людям», — комментировал

ситуацию Рева в интервью Би-би-си. По последним сведениям (июнь 2019-го) в Украине зарегистрированы чуть более 1 млн 386 тысяч ВПЛ из Донбасса и Крыма.

Что касается направлений перемещения украинцев с оккупированного Донбасса, первое место здесь занимают подконтрольные Украине города в Донецкой и Луганской областях: в основном, это Краматорск (с октября 2014-го — областной центр), Славянск и Мариуполь. На втором месте — Запорожская, Днепропетровская и Харьковская области, то есть Восточная Украина. На запад страны бывшие жители Донбасса ехали неохотно (отчасти из-за расстояния, отчасти из-за стереотипов), во Львове по состоянию на осень 2018-го их было всего чуть больше 11 тысяч. Киев же притягивал в основном людей из обеспеченных социальных групп и интеллигенцию — там обосновался донбасский креативный класс.

«Люди не понимали, что на самом деле пришла Россия»

К концу 2013 года на Луганщине еженедельно выходило около 15 общественно-политических изданий. С началом войны только одна газета в Луганске поддержала боевиков — главреду даже выделили должность в квази-государственных структурах ЛНР. Все остальные издания либо закрылись, либо переехали на подконтрольные Украине территории. Андрей Дихтяренко до последнего старался сохранить свою «Реальную газету». «Но когда в редакции уже дважды появлялись люди с автоматами и приходилось все чаще работать из дома, я понял, что выпускать газету не получится, а мое существование в Луганске закончится «подвалом». Мы уезжали в состоянии аффекта», — говорит он. В июле 2014-го Дихтяренко с семьей перебрался в Киев, в декабре начал работать на «Радио Свобода», на проекте «Донбасс. Реалии». По его словам, первая волна переселения пришла еще на апрель-май. «Изначально покидать охваченные войной территории стали проукраинские активи-

сты — люди, которые остро чувствовали опасность. Боевики уже неоднократно приходили к ним с угрозами, некоторых захватывали и пытали в подвалах. Тем не менее в Луганске митинги за единую Украину длились до конца апреля. Как правило, такие переселенцы сразу же начинали заниматься волонтерской деятельностью — собирали одежду, деньги, продукты, помогали с переездом землякам. Чаще всего эти активисты ехали в Киев. Наверное, потому, что это центр Украины... С каждым днем ручеек уезжающих превращался в мощный поток», — вспоминает журналист. Вторая волна, самая массовая, выпала на лето 2014-го, когда на Донбассе развернулись масштабные боевые действия. Дихтяренко работал «в поле», освещая бои на Луганщине. «Приехав на следующее утро после обстрела в один из поселков, я заметил, что гражданские начинают быстро собирать вещи. Уезжали куда угодно, к родственникам, лишь бы «пересидеть войну». Им хотелось надеяться, что это ненадолго. Те, кто так и не смог найти работу и жилье за пределами родных городов, впоследствии вернулись обратно. Имевшие же финансовую подушку, профессию, которая могла их обеспечить, осели в Киеве. Основная масса киевских переселенцев — это ай-тишники, журналисты, предприниматели. Как ни цинично звучит, для тех, кто давно мечтал сменить жизнь в провинции на столицу, война стала своеобразным толчком», — рассказывает Андрей.

Третья волна переселения с оккупированных территорий оказалась растянута на несколько последующих лет. Как считает Дихтяренко, в 2015—2019 годах уезжали те, кто в первый год войны не имел такой возможности по бытовым причинам, люди скорее аполитичные. Со временем они увидели, что ЛНР и ДНР — это надолго и перспективы перемен нет. «Проблема в том, что у многих в голове долго оставалась картинка довоенного противостояния: вот есть Донбасс, он поддерживает Януковича, и есть Майдан — его устроили «оранжевые». Многие люди жили этим прошлым и не успевали осознать глобальность изменений, не понимали, что

на самом деле пришла Россия. Они просто однажды вышли на работу и увидели над своей шахтой новые флаги, а потом шахта вовсе закрылась. В итоге ехали туда, где просто будет работа».

В европейские страны переселенцы отправлялись редко и, в основном, либо те, у кого там живут родственники, либо люди с достатком. Чаще всего речь шла о переезде в Польшу, Германию, Францию, Италию, Швецию. Но, безусловно, направлением номер один зарубежом для переселенцев стала Россия. Во-первых, она обещала упрощенную процедуру получения статуса беженца (а в 2019 году Путин вообще вознамерился дать паспорт РФ каждому жителю Донбасса), во-вторых, притягивала людей с соответствующими взглядами. Сложно отрицать, что с помощью пропаганды России удалось взрастить определенную лояльность у части населения этого региона. В 2016 году премьер РФ Дмитрий Медведев заявлял, что с начала конфликта с Донбасса в Россию переселилось 250 тысяч человек. Год спустя Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев подсчитало, что всего с заявлением о получении убежища в РФ обратились более 420 тысяч украинцев. Еще через год, в 2018-м, МВД России сообщил о 450 тысячах граждан Украины, которым официально был предоставлен статус беженца. По данным представителя России при ОБСЕ, за четыре года войны убежища попросили 1,7 млн человек. Отдельные прокремлевские ресурсы завышали цифру, говоря о 2,5 миллионах.

Игра цифрами

Вторым по популярности направлением миграции для жителей Донбасса стала Беларусь. В апреле 2014 года Александр Лукашенко впервые сообщил о готовности принять украинцев из охваченного конфликтом региона. «Он (украинский народ) просится к нам. Поэтому надо думать. Никуда не денешься, придется кого-то из братьев наших и сестер забирать. Будем смотреть. Заберем, если придется». 30 августа

2014 года Лукашенко подписал Указ «О пребывании граждан Украины в Республике Беларусь». Документ был принят «в целях сохранения и развития дружественных отношений между Республикой Беларусь и Украиной, а также оказания помощи гражданам Украины, оказавшимся в трудной жизненной ситуации». В соответствии с указом для жителей Донецкой и Луганской областей упрощалась процедура получения разрешения на временное или постоянное проживание в стране — его выдавали бесплатно и без необходимых документов, если предъявить их невозможно (например, сгорели при обстреле). Переселенцам с Донбасса государство предоставляло бесплатные медицинские услуги, образование, платило пособия многодетным семьям и инвалидам. Индивидуальных предпринимателей, желавших принять на работу таких переселенцев, освобождали от уплаты налога. Местные власти Лукашенко обязал содействовать размещению граждан, прибывших с Донбасса. То есть давать им бесплатное жилье. Следить за целевым расходованием средств из госбюджета он поручил Комитету государственного контроля. Никакой официальной статистики по этим расходам опубликовано не было, но сам Лукашенко в феврале 2018-го говорил: «Я предоставил всем равные условия с белорусами: бесплатная медицина, вы знаете, она у нас бюджетная, бесплатное образование, детские сады, прочее и коммунальные услуги — все, как в Беларуси. Вы думаете, нам дешево это обошлось? Нет».

Большинство мигрантов с Донбасса находились в Беларуси на основании вида на жительство или временного разрешения на проживание. Де-юре они являлись обыкновенными трудовыми мигрантами, ведь, чтобы прожить в Беларуси долгое время, необходимо трудоустроиться. В городах (больше всего переселенцев — в приграничных Гомеле и Бресте) работать шли, в основном, на государственные предприятия. Те, кому не приходилась по душе жесткая дисциплина на заводах, устраивались на стройки или переезжали в агрогородки — лукашенковские колхозы.

С одной такой семьей я познакомилась весной 2015-го. Александр и его беременная жена Анна переехали из оккупированной Горловки в агрогородок Куково в Брестской области. Власти выделили им двухэтажный дом с отоплением и горячей водой, в то время как местные жители были вынуждены колоть дрова и ходить за водой к колодцу. Обоим дали вид на жительство и предоставили работу в телятнике, платили около 300 долларов каждому — для белорусской глубинки это приличные деньги. Соседи-белорусы, часто не имеющие таких привилегий, поглядывали на новоселов с завистью. Сами переселенцы себя не считали ни русскими, ни украинцами. «Мы — Донбасс», — говорила Анна. Официально становиться беженцами они и не планировали, главное было просто выехать из зоны боевых действий.

Следует признать: указ от 30 августа действительно был серьезным шагом навстречу мигрантам с Донбасса. Их обеспечили необходимым минимумом прав, который существенно облегчал процесс интеграции в белорусское общество. Успехи властей признавал и представитель Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Беларуси Жак-Ив Бушарди. «Я считаю, что правительство неплохо справилось с притоком украинцев», — комментировал он ситуацию в октябре 2015-го. Временами местные власти относились к нуждам мигрантов из Украины даже более внимательно, чем к нуждам самих белорусов. Однако Лукашенко не был бы самим собой, если бы даже на этой гуманитарной теме не скатился в популизм и самопиар.

Он начал виртуозно жонглировать цифрами. В январе 2016-го президент впервые озвучивает цифру в 160 тысяч беженцев, повторяя этот тезис несколько раз в течение года. На пресс-конференции 3 февраля 2017-го Лукашенко говорит, что Беларусь за два года приняла 170 тысяч беженцев из Украины. Но уже 21 апреля 2017 года цифра вдруг снижается. «Мы приняли у себя более 160 тысяч переселенцев», — утверждает президент. 24 мая 2018 года Лукашенко опять понижает цифру. «Мы приняли у себя, вдумайтесь только,

за короткий промежуток времени более 150 тыс. беженцев, украинских переселенцев и их семей. Помогаем им в трудоустройстве, медобслуживании, социальной и психологической адаптации. Оказываем гуманитарную помощь людям по обе стороны «линии размежевания» на Донбассе»¹.

В апреле 2019 года он продолжал настаивать на цифре в 150 тысяч беженцев, при этом подчеркивая их «равные права с гражданами Беларуси». «150 тысяч человек! У вас беженцев больше, и вы знаете, что такое беженцы. И они у нас в лагерях не жили. Они сразу были адаптированы в наше общество, потому что многие здесь имели родственников, многие вообще из Беларуси, этнические белорусы. Друзья-украинцы приехали сюда, и это на нас очень влияло», — говорил Лукашенко в интервью турецкому агентству «Анадолу».

Однако каждый раз, называя разное количество беженцев, глава государства был как минимум неточен в терминологии. Беженец и мигрант — это понятия разные. Официальный статус беженца предполагает невозможность депортации (так как на родине человеку угрожает опасность), а также специальные выплаты. Подобных привилегий переселенцы с Донбасса в Беларуси не имели. Вместо этого указ от 30 августа давал им определенные льготы, которые правильнее охарактеризовать как особые условия трудовой миграции. В июне 2015 года начальник департамента по гражданству и миграции (ДГиМ) МВД Алексей Бегун прямо заявил, что приезжающие в республику из-за конфликта в Донбассе жители Украины не попадают под критерии для получения статуса беженца, но Беларусь продолжит их принимать без ограничений. «Эти лица не попадают под критерии для

¹ Беларусь в сотрудничестве с Красным Крестом действительно отправила два гуманитарных конвоя в Киев, откуда представители международной организации распределили помощь для жителей подконтрольных Украине территорий Донецкой и Луганской областей, а также ОРДЛО. В первом конвое летом 2017-го было около 60 тонн продуктов и предметов первой необходимости, год спустя — еще 80 тонн.

статуса беженца, потому что они не преследуются на территории Украины за политические взгляды, национальную принадлежность и так далее», — говорил Бегун. Однако, по его словам, гражданам Украины предоставляется дополнительная годовая защита от высылки из страны. Летом 2018-го замначальника департамента Александр Татура заявил: «С 2014 года в связи с событиями в юго-восточных регионах Украины и вооруженными конфликтами в ряде стран Азии и Африки количество вынужденных мигрантов, которые обратились за защитой в нашу страну, увеличилось в 4—6 раз». Согласно статистике департамента, за период с 2014-го по конец первого полугодия 2018 года за получением статуса беженца или дополнительной защитой обратились 3318 украинских граждан, из которых дополнительную защиту получили 2690 человек. Пик этих прошений пришелся на 2015 год, затем цифра уменьшалась. Как сообщил МВД, за первое полугодие 2019-го прошение подали 331 человек, из них 92 % — украинцы. Официально же статус беженца за весь период войны получили только 4 гражданина Украины. Среди них — министр обороны времен Януковича, он же бывший посол в Беларуси Михаил Ежель. Против него на родине заведено уголовное дело — экс-чиновника подозревают в уничтожении тылового обеспечения армии. Кто остальные трое — неизвестно, но, учитывая тенденцию, можно предположить, что это люди, скрывающиеся от украинского правосудия.

Таким образом, настаивая на том, что в Беларусь приехали 150 тысяч беженцев из Украины, Лукашенко преувеличивал реальные цифры в 45 раз, если брать за основу количество поданных прошений о статусе беженца. Если же вести отсчет от количества удовлетворенных прошений (4), то глава Беларуси и вовсе завышал данные в космические 37,5 тысячи раз. Было бы глупо списывать все на небрежность, будто Лукашенко не разделяет понятия «беженец» и «мигрант». Очевидно, что делалось это с конкретной политической целью: создать себе позитивный имидж на международной арене.

«Я иногда смотрю на Европу, и мне больно становится из-за того, что там происходит, и за тех руководителей. Стенают, плачут, делят этих беглецов по 500 человек, по тысяче человек... Хотя Прибалтика, страны Восточной Европы упираются: нет, мы не пустим тысячу человек. А я сижу и думаю: боже мой, мы за два года из Украины приняли 170 тысяч!» — говорил он в феврале 2017-го. Играя на контрасте, Лукашенко посылал очевидный сигнал Западу: если бы не его готовность разместить у себя беженцев с Донбасса, весь поток хлынул бы в Евросоюз. А так Беларусь якобы сыграла роль буфера в этом миграционном процессе. Кроме того, он стремился закрепить за Беларусью имидж «островка стабильности и безопасности», что в глазах мирового сообщества, по его мнению, должно было перевесить проблемы с демократией и правами человека.

Цифра в 150 тысяч украинских мигрантов выглядит спорной. Посол Украины в Беларуси Игорь Кизим летом 2017-го в интервью «Главкому» говорил: «Я обращался к официальным органам Беларуси — в Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Любое лицо, которое приезжает в том числе в Беларусь, должно быть зарегистрировано. Всего в настоящее время зарегистрированы около 45 000 граждан Украины, проживающих в Беларуси. Это люди, которым предоставлено разрешение на постоянное и временное проживание. Часть из них — примерно половина — переехала из Луганской и Донецкой областей Украины. Однако мы знаем, что эти люди украинцы, и наше государство ими должно заниматься». То есть, по данным украинской стороны, сама цифра в 150 тысяч мигрантов завышена более чем в три раза. Разумеется, многое зависит от методики подсчета: считать ли мигрантами только тех, кто имеет разрешение на пребывание, или вообще всех, кто приехал на какое-то время в Беларусь. Последняя категория, очевидно, должна быть крайне велика, ведь у многих украинцев в Беларуси есть родственники или друзья, у которых они могут погостить,

а затем вернуться в Украину. «Помню, в 2015 году звучали цифры, 100 тыс. украинцев пересекли границу с Беларусью. Но это не значит, что они остались в стране, с таким же успехом эти люди могли вернуться назад так же, как заехали в Беларусь», — отмечал Кизим.

Временами у белорусских властей возникало недовольство гостями с Донбасса. Начальник ДГиМ МВД Алексей Бегун в июне 2015 года констатировал, что жители Донбасса ведут себя в Беларуси, «мягко говоря, далеко не идеально». Это, по его мнению, «связано с понятиями о порядке и свободе, которые в силу определенных обстоятельств закладывались в их менталитет». По словам Бегуна, некоторых «привычных к вольностям» даже приходилось депортировать обратно. «Когда бывшие жители Донбасса прибывают в Беларусь, то они, особенно в начале своего пребывания, просто не понимают, что такое жить по установленным правилам и законам. Они не считают, что эти законы и правила не должен нарушать никто. Например, то, что в Беларуси нельзя пить пиво на улице. Они пытаются утвердить здесь какой-то свой маленький мир и даже педалировать его, воздействуя на белорусские правоохранительные органы с упором на то, что мы должны закрывать глаза на их мелкие правонарушения лишь потому, что они не знали требований законодательства и приехали из зоны вооруженного конфликта. Поэтому, мол, мы не должны принимать решения об их депортации. Впрочем, нельзя сказать, что ситуация сильно ушла из-под контроля. Были бытовые конфликты, конфликты на почве различных политических взглядов». Милиция, утверждал Бегун, старалась еще при регистрации знакомить переселенцев с белорусским законодательством. Однако правоохранительные органы явно недостаточно внимательно изучали гостей. Ведь в потоке переселенцев с Донбасса встречались и боевики ДНР и ЛНР.

Для раненых и просто уставших воевать Беларусь была оптимальным местом, чтобы восстановиться, наладить жизнь и мало-мальски заработать. Игорь Коляда из Торе-

за, как многие его ровесники, после школы пошел на шахту. Началась война, шахта закрылась, и Коляда вступил в ряды НВФ. «Помню, мы еще на Майдан ездили — помогать «Беркуту». Денег нам за это не давали, мы просто с пацанами сели и поехали... А когда у нас все началось, на блокпостах ребята иногда с обычными палками стояли. Хорошо, Россия стала помогать, сейчас у нас своего оружия хватает. А воевать я пошел в декабре 2014-го, сначала был снарядным, потом наводчиком, а под конец командовал боевой машиной. Дебальцево — как раз наше направление было», — рассказывал боевик во время нашей встречи в полесском городе Иваново. В боях за Дебальцево Коляда получил контузию и «уволился из ополчения». Вспомнил, что еще подростком бывал в Беларуси, в деревне Сухое Брестской области, у родственников отчима. К ним-то он и отправился в сентябре 2015-го. Добраться ему помог белорус, волонтер на стороне боевиков, Александр Бозюков из Гродно (подробно о нем в главе 15). «Когда подъехали со стороны Могилева к границе, я удивился, что границы-то нет! Так здорово: просто едешь и все, как будто одна страна», — вспоминал боевик. Коляда в Беларуси сначала вознамерился получить «политическое убежище» из-за преследования по закону на родине, но родные советовали. В итоге он так и не зарегистрировался в милиции и несколько месяцев жил в Сухом только с украинским паспортом и миграционной карточкой. Впрочем, парня это не особо беспокоило. На несколько лет мы потеряли Коляду из виду. Судя по фото в соцсетях, в 2017-м он снова воевал в ДНР. Через некоторое время на его странице появилась траурная картинка — свеча на черном фоне. Подтвердить его гибель через близких нам не удалось.

Александр Бозюков, который помог Коляде уехать с Донбасса, признавался, что в Беларусь охотно едут многие бывшие боевики. «Приезжают, конечно. Очень много. Это действительно так. Люди шли воевать за идею, а потом разочаровались в этой идее. Оставаться на территории Донца не с руки. Жить в России — проблематично. Вот и

уезжают в Беларусь — здесь более лояльно к ним относятся, наверное», — рассуждал он. «Наших тут на самом деле много», — констатировал боевик Роман Джумаев, который так же, как и Коляда приехал в Беларусь после Донбасса (см. главу 6). Кроме рядовых боевиков, перевести дух в Беларусь приезжали и совершенно одиозные, известные фигуры. Яркий пример — экс-офицер советского КГБ Владимир Павленко, которого 13 июня 2014 года назначил «народным мэром» Славянска Стрелков-Гиркин. 5 июля город заняли украинские военные, и Павленко с женой бежал. В качестве места, где можно «переждать бурю» и определиться с планами на будущее, он выбрал не Россию, прихода которой на Донбасс так желали сепаратисты, а тихую Беларусь. С 22 августа 2014 года он жил в Минске и искал работу. В Украине же на Павленко было заведено уголовное дело по ч. 2 ст. 146 УК («Похищение человека с отягчающими обстоятельствами»), его объявили в розыск. «Понимаю, что [украинские власти] могут потребовать моей выдачи, но уверен, что Беларусь меня не предаст», — говорил Павленко в интервью газете «Народная воля». Тогда же беглый сепаратист делился намерениями: его жена почти сразу устроилась секретарем в государственную структуру, а себе он подыскивал кресло чиновника. Сколько времени он провел в Беларуси и требовал ли Киев его экстрадиции — неизвестно. Очевидно одно: Павленко не только не предстал перед украинским судом, но благополучно вернулся в ДНР, где уже в декабре 2015-го указом Захарченко был назначен главой местного МГБ. Он остается на этой должности на момент написания книги. Беларусь стала пристанищем не только для беглого пособника Стрелкова, но и для бывших бойцов спецподразделения «Беркут», принимавших участие в столкновениях с протестующими на Майдане. В июне 2017 года волонтерское сообщество InformNapalm опубликовало расследование, где сообщалось, что в Беларусь перебравлись «беркутовцы» Сергей Гавриляк, Сергей Панасенко и Николай Стогорняк. Причем последний устроился в бело-

русский ОМОН и в марте 2017-го свидетельствовал в суде против задержанных политических активистов.

...Наше интервью с Колядой в сентябре 2015-го закончилось далеко за полночь. Мы беседовали в фойе гостиницы в городе Иваново, куда боевик специально приехал из деревни. Когда консьержка попросила из-за позднего времени выпроводить гостя, Коляда возмутился: «За такое в Торезе давно сожгли бы эту гостиницу! Еще указывать будет! — и добавил на прощание, как бы оправдываясь за резкость: — Понимаете, я родился там, где с детства «имели» закон».

Глава 24 «ЧВК ВАГНЕРА»

«Глава СБУ Василий Грицак заявил, что Украина считает членов «ЧВК Вагнера» бойцами вооруженных сил Российской Федерации... Глава СБУ отметил, что «группа Вагнера» финансируется из закрытой части государственного бюджета РФ, и в 2017 году финансирование увеличено на 185 млн рублей. Что касается этнического состава группы, то, по словам В. Грицака, Службой безопасности Украины установлено около 40 бойцов — граждан Украины, а 95 % ЧВК — это граждане РФ. «У нас есть данные о том, что 95 % членов «ЧВК Вагнера» — граждане Российской Федерации. Как правило, это бывший спецназ, «ГРУшники», десантники и так далее», — сказал он». (Из заметки «Интерфакс-Украина» от 7 октября 2017 года.)

Наемники Путина

Начиная рассказ про «ЧВК Вагнера», следует сразу определиться с терминологией. Частные военные компании — это негосударственные коммерческие предприятия, которые предлагают услуги в сфере охраны и обеспечения безопасности, что нередко предполагает участие в вооруженных столкновениях. Хотя их подрядчиком вполне может выступать правительство, легальные ЧВК не используются для выполнения исключительно военных задач, тем более в наступательных операциях — в противном случае их сотрудники однозначно подпадают под статус наемников. ООН приняла Конвенцию о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников еще

в 1989 году. Хрестоматийным примером современной частной военной компании является американская Blackwater, выполнявшая правительственные заказы в ходе войны в Ираке и в Афганистане.

Однако «ЧВК Вагнера» — вовсе не частная военная компания в классическом понимании. Она не является коммерческой и негосударственной структурой. Это засекреченное подразделение российской армии, финансируемое государством и выполняющее особые боевые задачи. И за успешное выполнение этих задач «вагнеровцы» получают государственные награды. Поэтому мы будем использовать наименование «ЧВК Вагнера» лишь как условное обозначение. В то же время самих «вагнеровцев» можно называть наемниками, так как они соответствуют классическим признакам этого понятия, закрепленным в ст. 47 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 1977 года. А именно: воюют за деньги, их заработки существенно превышают жалованье в вооруженных силах, но при этом частью регулярной армии «ЧВК Вагнера» официально не считается.

«ЧВК Вагнера» непосредственно подчиняется Главному управлению Генштаба Вооруженных сил Российской Федерации. По данным Службы безопасности Украины, в войне на Донбассе «вагнеровцы» принимали участие с июня 2014-го по август 2015 года. Они сбили Ил-76 с украинскими десантниками на борту (тогда погибли 49 человек), штурмовали аэропорт в Луганске и участвовали в боях за Дебальцево. Также «вагнеровцы» ликвидировали ряд строптивых полевых командиров боевиков — Александра Беднова (Бэтмена), Алексея Мозгового, Павла Дремова и других. В конце 2015 года «ЧВК Вагнера» была переброшена в Сирию, где участвовала в штурме Пальмиры и других операциях.

Ряд российских СМИ утверждают, что к финансированию «вагнеровцев» имеет отношение близкий к Путину олигарх Евгений Пригожин. Вероятно, это действительно так. Однако преувеличивать влияние Пригожина на проект в любом случае не стоит — цели и задачи для «ЧВК Вагнера»

ставит точно не он. «Это же армия фактически, — отмечает Бондо Доровских¹. — Если мы говорим, что их перекидывают в Сирию большими транспортными кораблями и военной авиацией, значит, Минобороны не просто в курсе, они этим занимаются напрямую».

В подразделение вливались огромные деньги. По данным российских СМИ и наших источников, близких к «ЧВК Вагнера», в начале сирийской кампании средняя зарплата рядового вагнеровца составляла 250 тысяч российских рублей (более 4.300 долларов по курсу на начало 2016 года), но с разными бонусами могла достигать 450 тысяч (более 7.800 долларов). Бонусы за взятие Пальмиры для командного состава варьировались от 800 тысяч (для командиров взводов) до 1,5 млн рублей (для командиров рот). Отдельно были предусмотрены выплаты раненым и близким убитых бойцов. По разным оценкам, компенсация за убитых составляет от 3 до 5 млн российских рублей. Плюс «вагнеровцев» щедро осыпают государственными орденами и медалями: за Пальмиру ряд наемников были представлены к званию «Герой России».

Идея создать нечто среднее между ЧВК и спецподразделением Вооруженных сил вытекала из самой сути гибридной войны, которую Кремль начал против Украины в 2014 году. Вооруженные формирования, созданные в России и переброшенные на Донбасс под видом «шахтеров и трактористов», — явление далеко не единичное весной-летом 2014 года. Интересно, что один из бойцов подобного формирования — батальона «Степь» — россиянин Святослав Голиков вообще все подобные подразделения условно называет «частными военными компаниями». Там же, в «Степи», служил и будущий «вагнеровец», российский гражданин Алексей Савко

¹ Бондо Доровских — российский предприниматель, который в 2014 году под воздействием пропаганды поехал воевать за ДНР и ЛНР, но разочаровался и затем неоднократно выступал с публичной критикой сепаратистов и российских властей. Со времен Донбасса у Доровских осталось много знакомых среди наемников.

(позывной Мемфис). Мемфис погибнет в марте 2016 года при штурме Пальмиры и будет посмертно награжден орденом Мужества 1-й степени. «Мы познакомились, когда набирались на донбасскую войну. Нет большой тайны в том, что значительная часть добровольческих батальонов формировалась в Ростовской области фактически в виде «частных военных компаний». В одном из таких (батальоне «Степь») в июне 2014 года мы с Мемфисом и познакомились. Вместе заходили на Донбасс. Были на южном участке фронта, в Дмитровке. Вели бой в районе Кожевни. В конце июня после неудачной операции нас вывели на переформирование», — вспоминает Голиков.

В составе аналогичного отряда был переброшен в Украину будущий «вагнеровец» с позывным Омен. «Я служил по контракту в 76-й десантно-штурмовой дивизии, проще говоря, псковский десант. Официально уволился я в феврале 2014-го, звание — капитан. Через несколько месяцев, в мае, мы уже находились «за бугром», то есть в Украине. Первая командировка была в составе сводного отряда в ЛНР, большинство участников — недавно уволенные кадровые военные», — рассказывал он. Финансировались такие батальоны наемников неплохо, особенно в сравнении с подразделениями, возникшими непосредственно на Донбассе. Омен в интервью «Белсату» утверждал, что в его сводном отряде летом 2014-го платили 100 тысяч рублей чистыми (на июнь 2014-го — это около 3 тысяч долларов). Голиков упоминает, что в «Степи» платили примерно в два раза меньше той суммы, что фигурировала в СМИ в качестве сирийских зарплат «вагнеровцев» (получается — 100—120 тысяч).

СБУ называет конкретную дату создания «ЧВК Вагнера» — 29 мая 2014 года. Уже в июне вагнеровцы оказались на Донбассе. К концу августа в группу входило более 300 человек. При этом так и неясно, как именно выглядело подразделение в первые месяцы своего существования. Не исключено, что в самом начале «ЧВК Вагнера» мало чем отличалось от той же «Степи» или других сводных российских отрядов,

забрасываемых на украинскую территорию. Однако затем в российском Генштабе решили довести идею подобных «частных военных компаний» до совершенства — усилить секретность, ужесточить требования при отборе личного состава и существенно повысить оклады¹. Так и появилось то, что теперь во всем мире называют «ЧВК Вагнера». Россия создала подразделение, способное выполнять деликатные боевые задачи, но при этом официально не имеющее отношение к государству. Получились классические «ихтамнеты», но с преференциями.

«ЧВК Вагнера» нужна, чтобы скрыть российские потери и официально не участвовать в наземных операциях, — объясняет боевик Павел Ш. — Парни воюют за путинские деньги, ФСБ их прикрывает. Но насколько я знаю — у всех параллельно есть удостоверения российских военных. Ответственность они будут нести только когда в России власть сменится. А пока много кто мечтает туда попасть — там платят реальные деньги. Я знаю парней, которые повоевали у «Вагнера» и теперь очень неплохо себя чувствуют: в России кризис, а у них дорогая машина и по 2—3 квартиры». Разумеется, сами наемники ничего зазорного в этом не видят и обычно утверждают, что воюют все-таки не за деньги. «В армии офицеры и контрактники также получают надбавки за участие в боях, — рассуждает Святослав Голиков. — А тут фактически — неофициальное подразделение вооруженных сил России, которое выполняет опасные задачи. Если родина платит за выполнение задачи — это прекрасно. Но это не главный фактор».

Тем, кто уже поучаствовал в российской интервенции на Донбасс, попасть в «ЧВК Вагнера» было не сложно.

¹ Уже упомянутый Омен утверждает, что к моменту битвы за Дебальцево зарплаты рядовых специалистов у «Вагнера» в зависимости от сложности операции составляли от 100 до 350 тысяч рублей. Павел Ш., который как раз под Дебальцевом впервые столкнулся с «вагнеровцами», говорил, что наемникам платили по 10 тысяч рублей в день — т. е. 300 тысяч в месяц.

«Я не знаю, как точно у «Вагнера» оказался Леша Мемфис. Но вообще после того как мы уже попали в эту систему сбора добровольцев по линии «ЧВК» летом 2014 года, какие-то завязки у парней оставались — выйти на нужных людей не было проблемой», — объясняет Голиков. Российский боевик Павел Ш. вспоминает, что в начале сирийской кампании вербовка в «ЧВК Вагнера» шла прямо в Краснодаре Луганской области. Набирали небольшими группами по 20—25 человек и только тех, кто воевал — причем не просто в окопе, а в контактном, стрелковом бою. Эти группы отправляли в Краснодарский край, а оттуда — в Сирию. И для многих «ополченцев» это был отличный шанс заработать. «Выйти на «Вагнера» было несложно. Достаточно подойти к своему ротному или комбату и сказать, что хочется в Сирию, что денег нет. Ведь «ополченцам» если и платили, то небольшие суммы. Много у кого, особенно у коренных жителей Донбасса, не хватало денег свою семью прокормить, и они соглашались ехать в Сирию», — говорит Павел.

Оценки количества наемников в «ЧВК Вагнера» разнятся. Российская «Новая газета» писала, что по состоянию на 2017 год речь шла о нескольких тысячах бойцов, в том числе в составе артиллерийского дивизиона и танковой роты. СБУ осенью того же года сообщала, что общее количество «вагнеровцев» может достигать 5 тысяч человек. Командир подразделения — подполковник запаса, бывший офицер 2-й отдельной бригады спецназа ГРУ Дмитрий Уткин. По данным «Фонтанки», из-за своего увлечения идеями Третьего рейха Уткин взял себе позывной Вагнер — отсюда и название формирования.

Тренировочной базой «ЧВК Вагнера» считается поселок Молькино под Краснодаром. Там же дислоцируется 10-я бригада краснодарского спецназа ГРУ. Омен впервые попал в Молькино в декабре 2014 года. «В то время база выглядела как площадка с бараками, всю инфраструктуру построили потом, в начале 2016 года, когда началось активное вливание капитала в ЧВК», — вспоминает он.

Павел Ш. поехал устраиваться в «ЧВК Вагнера» весной 2017 года. По его словам, чтобы попасть к «Вагнеру» потенциальный наемник должен пройти несколько КПП, причем случайному человеку сделать это невозможно — только через личные знакомства и предварительные договоренности. «В Молькино ни в коем разе нельзя говорить, что едешь в «ЧВК Вагнера» — между своими их так никто не называет. На КПП надо сказать, что ты в «компанию». Они вызывают специального человека, тот спрашивает, откуда узнал про «компанию», проверяет документы. Если все нормально, то ты проходишь дальше. Если проходишь все КПП — видишь мужиков, которые сильно отличаются от обычных военных, у них форма и машины песочного цвета, все с бородами», — рассказывает Павел Ш. о внешнем виде базы времен сирийской кампании.

По словам Павла Ш., звания в «компании» не упоминаются. Есть только группы и командиры групп. «Вагнеровцы» обращаются друг к другу по позывным, имена называть не принято даже в частных разговорах (чаще всего имен просто не знают).

Омен акцентирует внимание на том, что в «ЧВК Вагнера» к потенциальному наемнику предъявляются крайне высокие требования. «Распорядок дня и физические тренировки в Молькино более жесткие, чем в обычной армии... Я хочу подчеркнуть, ЧВК — это спецы, а не пушечное мясо, это не добровольцы. Туда действительно можно приехать и оставить свои данные в заявлении, но человека без опыта боевых действий не возьмут. Это может быть Чечня, Донбасс или экс-бойцы спецподразделений вроде «Витязя» и «Альфы», — рассказывает он и дополняет: — По ситуации на 2017 год среди обязательных требований также было наличие заграничного паспорта и отсутствие задолженностей (штрафов и кредитов)».

Если по всем параметрам наемник подходит — с ним заключают контракт и берут подписку о неразглашении, которая строго соблюдается. «В этой сфере в принципе нет

привычки распространять слухи, а тем более насчет тех фактов, которые могут тебя раскрыть», — говорит один из наших собеседников. В отличие от обычных боевиков, что воевали за ДНР и ЛНР, «вагнеровцы» в интернете с оружием не позируют. Если их и можно найти в соцсетях, то зарегистрированы они обычно под фейковыми именами. Рассказывают, что на базе в Молькино в принципе запрещается пользоваться телефонами и ноутбуками. «Если контракт подписал, то пути назад нет. А если ты подписал, а потом решил, что это не твое, то можешь и не вернуться, как нам сказали. Я так понял, что просто в спину стреляют», — рассказывает Павел Ш. Сам он в последний момент от подписания контракта отказался — он хотел попасть в «ЧВК Вагнера» в качестве снайпера, но набирали на тот момент только бойцов штурмовых групп, где традиционно очень высокий процент потерь.

Высокие потери среди «вагнеровцев» — обычное дело. При штурме Пальмиры в 2016-м и в боях за Дейр-эз-Зор количество убитых и раненых исчислялось сотнями. Под Дебальцевом, по словам Омена, «вагнеровцы» потеряли около 40 бойцов убитыми. Однако большого общественного резонанса в России эти потери не имеют — в этом как раз и заключается смысл подобных формирований. «Ну, погибли и погибли — это же «ЧВКашники», — комментирует Павел Ш., который был свидетелем гибели группы «вагнеровцев» под Дебальцевом. — А российские военные, которые непосредственно участвовали в боях с украинской армией (там заходили российские войска без нашивок) — мне говорили, что где-то в районе 800 человек тогда погибли. Эти потери списали на суициды, ведь они не могут сказать, что те участвовали в войне на Донбассе, потому что Россия официально с Украиной не воюет. Да, российская армия на Донбассе воевала под видом ополченцев. Но когда в Россию идут трупы, то Минобороны должно как-то объяснить, откуда они. Именно поэтому наемники значительно выгодней правительству, чем обычные контрактники».

Периодически российские СМИ сообщают, что «ЧВК Вагнера» вот-вот ждут большие потрясения. То пишут, что проект могут свернуть — мол, слишком сильно «вагнеровцы» засветились в медиапространстве и не все башни Кремля им благоволят. То рассказывают, что «ЧВК Вагнера» скоро легализуют — не зря же Дмитрия Уткина пригласили на прием в Кремль, а потом появилось его фото с Путиным. К тому же Путин еще 29 декабря 2016 года подписал закон о краткосрочных военных контрактах (до 1 года), который может быть заключен, в частности, в целях «пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации». Однако какие бы трансформации не переживал в будущем данный проект, ясно одно: как широкое явление, подразумевающее скрытое участие российских вооруженных формирований в конфликтах за рубежом, «ЧВК Вагнера» никуда не денется¹. Ведь это краеугольный камень стратегии гибридных войн путинской России.

Белорусы у «Вагнера»

О присутствии белорусских граждан в рядах «ЧВК Вагнера» говорили задолго до того, как СБУ начала публиковать свои доклады о наемниках. Еще в мае 2016 года об этом упоминал белорусский казак-вербовщик Александр Шеянов. Подтверждал, что у «Вагнера» воюют белорусы и Бондо Доровских — причем якобы отметились они как «хорошие специалисты». В обоих случаях имена не назывались. В сентябре 2017 года стало известно о гибели в Сирии гомельчанина Алексея Ярошевича, который предположительно воевал в составе российской ЧВК.

Существенный прорыв в освещении этой темы случился летом 2018 года. 26 июля Служба безопасности Украины

¹ Вероятно, «ЧВК Вагнера» — это не единственное формирование наемников. В 2018 году впервые в медиапространстве заговорили о «ЧВК Патриот» и других подразделениях. Теперь зачастую наименование «ЧВК Вагнера» используется как общее обозначение формирований российских наемников на службе Кремля.

презентовала доклад, посвященный наемникам «ЧВК Вагнера». Среди прочего, спецслужбам удалось идентифицировать 11 белорусских «вагнеровцев». Имена шестерых из них были озвучены сразу: Константин Гирс, Вадим Юшкевич, Руслан Бобинин, Эдвард Давыдов, Александр Ступницкий и Сергей Сазанов. Чуть позже «Белсагу» сообщили данные остальных пятерых бойцов (Андрей Бакунович, Владимир Куриненко, Сергей Кузнецов, Вадим Василевский и его полный тезка¹), а потом — еще одного, двенадцатого (Алексей Берговин). Вскоре выяснилось: как минимум 9 из 10 живых «вагнеровцев», уже имея за плечами войну на Донбассе, засветились на территории Беларуси без каких-либо последствий для себя. Они либо приезжали домой повидать родных, либо и вовсе здесь жили. Некоторые без всяких проблем получили на родине новые паспорта.

Выступая на брифинге 26 июля 2018 года, руководитель аппарата главы СБУ Игорь Гуськов подчеркнул: все сведения о белорусских гражданах — наемниках «Вагнера» и бойцах НВФ на Донбассе — были переданы спецслужбам Беларуси. «Есть информация, что власти Беларуси принимают соответствующие меры, но конкретных данных на этот счет нет», — добавил он. На момент написания книги о каких-либо реальных попытках белорусских правоохранительных органов поймать наемников «Вагнера» и привлечь их к уголовной ответственности неизвестно.

Друзья из Новополоцка

Близкие «вагнеровца» Константина Гирса живут в панельной девятиэтажке в городе Новополоцке. Глава семейства — бывший военный, десантник. У подъезда их дома припаркована машина с флажком ВДВ на лобовом стекле. Мы поднимаемся на нужный этаж и звоним в квартиру. Двери открывает Гирс-старший. Вместо ответа на вопрос, можно ли увидеть его сына Костю, пожилой мужчина резко захлопывает дверь.

¹ Оба Василевских на тот момент уже погибли.

Константин Гирс родился и вырос в Новополоцке. В 2005—2006 годах отслужил «срочку» в 103-й отдельной гвардейской воздушно-десантной бригаде. Судя по фотографиям в его профиле «ВКонтакте», Гирс периодически встречался со своими бывшими сослуживцами, они вместе с отцом ежегодно отмечали День ВДВ. Вероятно, в семье существовал определенный культ военной службы, отец рассчитывал на преемственность поколений и прививал сыну свои идеалы. Несмотря на это, после «срочки» Константин не остался в армии по контракту, а открыл небольшой бизнес, о чем свидетельствует запись в реестре индивидуальных предпринимателей Новополоцка. К 2016 году фирма уже была в состоянии ликвидации, так как не осуществляла никакой деятельности в течение 12 месяцев. В декабре 2015 года Гирс появился на фото рядом со своим земляком и товарищем Вадимом Юшкевичем. Мужчины в тельняшках и камуфляжных штанах стояли рядом на берегу моря. На Юшкевиче — краповый берет (как у спецназовцев), на Гирсе — голубой, с триколором. По данным украинских спецслужб, к осени 2015-го оба белоруса состояли в «ЧВК Вагнера» и совместное фото сделали в районе Новоозовска.

В августе 2018 года, когда мы приехали в Новополоцк, чтобы отыскать следы «вагнеровца», соседи Гирсов рассказали: время от времени он заходит к родителям. Значит, после «командировки» на Донбасс Гирс вернулся в Беларусь. Сразу после нашего визита к его родителям Константин сам вышел с нами на связь через соцсети и даже оставил белорусский номер телефона. В разговоре Гирс категорически отрицал не только принадлежность к «ЧВК Вагнера», но и участие в каком-либо военном конфликте.

— С чего вообще вы это взяли? — спросил он.

— СБУ опубликовала доклад, в котором есть ваше имя и ваша фотография.

— А еще украинцы говорят, что они были первыми людьми на планете и так далее...

— Но как вы попали в доклад? Вы же понимаете, что там нельзя просто так оказаться?

- Почему вы так думаете?
- На фото вы с Вадимом Юшкевичем.
- Да, я дружу с Вадиком...
- Я так понимаю, вы были вместе на Донбассе.
- (Перебивает.) А дружба между мужчинами — подсудное дело?
- Скажите, к вам приходили из КГБ с вопросами по Донбассу?
- Да, приходили. Точнее, я сам к ним пришел, когда приехал из России, с работы. Мы с ними поговорили и друг друга поняли.
- А почему вы пошли в КГБ?
- Потому что меня вызвали.
- Вы не задавались вопросом, почему вас вдруг вызвали, если вы просто работали в России?
- ...У них своя работа — у меня своя. Каждый занимается своим делом.
- Что у вас спрашивали в КГБ?
- Я уже не помню, если честно. Это было довольно давно — года два-три назад.

По словам Гирса, летом 2018 года он работал в России, в сфере строительства, и не приезжал на родину. На замечание, что его недавно видели у дома родителей, предложил «пообщаться с тем, кто видел». На момент разговора он якобы тоже был в России. Тем временем соседи Гирса утверждали, что он с женой и ребенком выехал на дачу, под Верхнедвинском (Витебская область), где у них строился дом.

С тех пор Гирс больше не выходил на связь. Через пару дней он сменил в профиле «ВКонтакте» свою настоящую фамилию на псевдоним Двинский, а вскоре вообще удалил страничку. Номер телефона, по которому мы общались, стал недоступен. И наша беседа с Гирсом, и резкая негативная реакция его родителей на появление журналистов, и странная история вызовом в КГБ указывают на то, что информация в докладе СБУ, скорее всего, соответствует реальности. Примечательно, что после беседы с Гирсом свои аккаунты в соцсетях удалил и Вадим Юшкевич — еще один белорус, который попал в доклад СБУ по «ЧВК Вагнера».

Как и Гирс, Вадим Юшкевич жил в Новополоцке. Он немного старше своего друга и срочную службу во внутренних войсках закончил еще в 2000 году. С тех пор Вадим связал свою жизнь с силовыми структурами: отучившись в милицейском колледже в Могилеве, он поступил в Академию МВД. Учебу закончил в 2009 году, после чего работал в Новополоцком ГОВД. В соцсетях указывал должность — «начальник наркоконтроля», сокращая полное название, так как официально такой должности нет. Сослуживец Юшкевича по Донбассу, россиянин Ярослав Мурадов, рассказал нам, что до войны Юшкевич был майором МВД. «Вадим показывал на телефоне видео какого-то задержания, в котором он участвовал. Говорил, что по наркотикам работал». Боевую подготовку белоруса Мурадов называет «отличной». Что же касается личностной характеристики, то сослуживцу Юшкевич показался «безжалостным». «Он казался жестким, без принципов — как говорят, отмороженный. В бою вел себя очень отважно. Я иногда думал, что ему вообще не страшно», — рассказывает Мурадов.

По сведениям «Миротворца», первая зафиксированная дислокация Юшкевича на Донбассе — Новоазовский район, осень 2015 года. Именно там, предположительно, и было сделано фото с Гирсом. В комментариях под снимком Юшкевич говорил друзьям, что «продолжает отдыхать на море». Он позирует с белорусским краповым беретом и Мурадов подтверждает: да, у Юшкевича действительно он был. Причем со времен «срочки» в белорусском спецназе, где он получил специальность снайпера. Какие должности и звания Юшкевич и Гирс имели на Донбассе, их друг отказывается говорить, ссылаясь на подписку о неразглашении. Такой документ подписывают все «вагнеровцы». «Это были два брата-акробата. Знаю, что Вадим приехал первым, а Костя через пару месяцев. Мы познакомились в мае 2015 года. В 2016-м Вадим уже уволился [из ЧВК]», — говорит Мурадов.

Из-за скрытности «вагнеровцев», узнать, когда точно они впервые приехали на Донбасс, сложно. Сразу ли они попали

к «Вагнеру», пройдя обучение на известной базе в Молькино под Краснодаром, или сначала вступили в какое-то другое формирование боевиков? Никакой информации о деятельности Юшкевича и Гирса до упомянутого фото на берегу Азовского моря нет.

«Миротворец» также указывает, что в 2016 году Юшкевич стал командиром группы в батальоне «Хан»¹, который проводил учения на полигоне под Моспино в Донецкой области. Украинские СМИ писали: боевиков «Хана» под Моспино тренируют, в том числе российские инструкторы. Скорее всего, среди этих инструкторов был и белорус Юшкевич. Но ни он сам, ни его семья не дают интервью.

Снайпер

Командир группы снайперов в «ЧВК Вагнера» Андрей Бакунович родился в Беларуси в 1977 году, его родственники по линии матери живут в Калинковичах. Родственники по линии отца — в России, а сам он, если верить сайту «Миротворец», прописан в городе Лянтор Тюменской области. По данным СБУ, он одновременно имеет белорусское и российское гражданство.

В 2017-м в интернет попал рапорт командира снайперского взвода от марта 2015 года, где Андрея Бакуновича представляют к российскому ордену Мужества за «выполнение боевых задач» под Дебальцевом. Правда, на этом документе имя Бакуновича и еще одного бойца вычеркнуто — возможно, именно потому, что они не из России. Неизвестно, когда Андрей Бакунович присоединился к «ЧВК Вагнера». Но еще в 2014 году он, судя по всему, служил по контракту в российской армии. Как писали российские СМИ, на армейских

¹ «Хан» был ротой специального назначения в составе полка «Восток». В декабре 2014-го, с увеличением численности роты, был создан батальон СпН «Хан». Фактически — это спецназ «внутренних войск» ДНР. Первая крупная операция, в которой участвовал «Хан», — это бой у села Логвиново в нескольких километрах от Дебальцева в феврале 2015 года.

соревнованиях по стрельбе в июне 2014 года снайпер Андрей Бакунович с первого выстрела попал в 5-рублевую монету со 100 метров.

Родные Бакуновича тщательно соблюдают меры секретности — очевидно, они изначально получили исчерпывающий инструктаж на этот счет. Отвечать на любые вопросы относительно Андрея близкие категорически отказываются. «Вся информация засекречена, он военный. Никто вам ничего не расскажет, это бесполезно. Его жена была в «Одноклассниках», и то ей сказали убрать все данные», — пояснила родная тетя Бакуновича. Аккаунты в соцсетях Андрея Бакуновича, его жены, брата жены и тещи были удалены вскоре после того, как ссылки на них появились на «Миротворце». При попытке связаться с женой Бакуновича Лилией через ее новый аккаунт «ВКонтакте» авторы этой книги сразу попали в «черный список».

Где теперь находится снайпер — неизвестно. Однако время от времени в Беларусь он приезжает. На странице его матери в «Одноклассниках» можно найти общее семейное фото с участием Андрея Бакуновича, сделанное в сентябре 2015 года в Калинковичах. То есть уже после того, как он принял участие в дебальцевской операции.

Семейный подряд «Вагнера»

Из 11 белорусов, попавших в доклад СБУ летом 2018 года, двое — Владимир Куриненко и Эдвард Давыдов — родом из маленького полесского городка Иваново. Они оказались не только земляками, но и родственниками.

Владимир Куриненко — командир 1-го взвода 3-й разведывательно-штурмовой роты. На одном из фото в соцсетях на мужчине можно разглядеть характерный «вагнеровский» жетон с личным номером М-0275. В списке друзей «ВКонтакте» — трое «вагнеровцев» из России, чьи данные ранее также опубликовало СБУ. Среди них — Андрей Лебедев из Ярославской области. По сведениям украинских спецслужб, Лебедев 14 июня 2014 года сбил под Луганском

самолет Ил-76 с украинскими десантниками на борту. Тогда погибли 49 человек.

В телефонном справочнике в городе Иваново фамилия Куриненко значится только по двум адресам. Один из них (на улице Советской) совпадает с адресом, где прописан еще один «вагнеровец» — Эдвард Давыдов. Как выяснилось, Куриненко — родной дядя Давыдова.

«Я в шоке! Куриненко воевал в Сирии? За русских? Скорее поверил бы, что он за моджахедов воевал, — смеялся знакомый Куриненко, которого мы встретили во дворе его дома в Иваново. — Насколько я знаю, у него тут были проблемы с законом, поэтому он еще лет семь назад уехал работать в Россию, на Север. Если бы что-то связанное с криминалом, с тем, чтобы напаскудить, жульничать — это на него похоже. А вот, чтобы воевать за Россию — я сильно сомневаюсь». Вероятно, ни профессии, ни постоянной работы Куриненко никогда не имел. В Иваново в последнее время его видели редко, но домой он все же приезжал. «Где-то в сентябре к нему приходила милиция. Не знаю, по какой причине. Но не арестовывали. Уже потом, недели 2—3 назад, я его снова тут видел»¹, — вспоминает сосед, с которым мы беседовали в конце октября 2018 года.

Про то, что Куриненко воевал в Сирии, его соседи впервые услышали от авторов книги. А вот про Эдварда Давыдова такие разговоры ходили — его имя знакомые увидели в интернете, в июльском заявлении СБУ. «Эдик потом приехал и сказал нам, что это все неправда. Мол, это его девушка просто пошутила. Мы знаем, что после школы он служил в белорусской армии, вернулся сержантом. Потом в училище получил специальность сварщика, работал на газопроводе. А несколько лет назад поехал на заработки в Россию, в Краснодарский край», — рассказывала соседка Давыдова. Как мы помним, именно под Краснодаром, в Молькино, находится

¹ Цитата из статьи «Белсата» <https://belsat.eu/news/baeviki-pvk-vagnera-pryazdzhali-u-belarus-i-zrabili-tut-novyua-dokumenty-rassledavanne-belsatu/>

база «вагнеровцев». В ряды «ЧВК Вагнера» Эдвард Давыдов вступил в апреле 2015 года под позывным Гусар.

«Разве воевать в Сирии запрещено? — удивилась еще одна соседка. — Ходили слухи, что после того, как про Давыдова написали в интернете, прокуратура начала проверку. Но точно скажу: соседей никто из правоохранителей не опрашивал. Не знаю, правда ли это, что про него говорят. Обычно туда едут воевать за деньги, чтоб квартиру, например, приобрести. А у него квартира есть, он ремонт недавно сделал». «Ничего плохого про Эдика сказать не можем, — рассказывают жители дома на улице Советской. — Вежливый, тихий, всегда здороваётся. Он, на самом деле, несчастный парень, фактически сирота, все родные умерли. Один родной человек у него — Владимир Куриненко».

Все соседи подтверждали: Эдвард Давыдов преимущественно находится за границей, но в Беларусь приезжает регулярно. В последний раз его видели буквально за неделю до нашего приезда в Иваново — в двадцатых числах октября 2018 года.

От правоохранителей Давыдов никогда не скрывался. В феврале 2016 года, то есть уже в статусе наемника «ЧВК Вагнера», он получил в Иваново новый паспорт.

Из Донецка с любовью

Новый белорусский паспорт в октябре 2016 года выдали и Александру Ступницкому. На тот момент он уже успел повоевать на Донбассе и в Сирии, получить боевое ранение и государственную награду РФ.

Александр Ступницкий родился в 1989 году в Орше. О его жизни до войны известно немного. В открытых источниках нет информации про его место учебы, работы и срочной воинской службы. Мать наемника работает в местном отделе Департамента охраны Министерства внутренних дел Беларуси. Соседи утверждают, что и Александр «работал в охране». Нельзя исключать, что речь идет именно про данное подразделение МВД.

В «ЧВК Вагнера» Ступницкий, вероятно, вступил еще в 2014 году. Как сообщал сайт «Миротворец», оршанец получил позывной Малик, имел специальность «разведчик-связист». В Донецке он встретил будущую жену Анастасию. Вскоре после свадьбы пара переехала в Оршу, в 2015 году у них в Беларуси родился ребенок. Александр и Анастасия Ступницкие проживали в Орше на улице 1-й Молодежной вплоть до конца июля 2018 года. Проблем с правоохранительными органами не имели. В конце июля СБУ опубликовала доклад про «ЧВК Вагнера», где среди прочего было названо имя Ступницкого. В это же время Ступницкие покидают Беларусь. Анастасия в социальных сетях постит фото с геолокацией в Крыму, позже появляются ее фото из Донецка. Соседи говорят: уехали отдыхать, а когда вернуться — неизвестно. «Дети поехали погулять по России, пока молодые. Конечно, они собираются вернуться в Оршу. Когда — тяжело сказать», — подтвердила тетя Ступницкого. Про участие своего племянника в войне на Донбассе она говорить категорически отказалась. Аналогичной была реакция матери наемника. «Оставьте нас в покое», — бросила она журналистам. Анастасия на попытки связаться с ней через социальные сети отреагировала стандартно для родственников «вагнеровцев» — либо закрыла, либо удалила свои аккаунты.

Как утверждали наши источники, уже перевезя молодую жену в Оршу, Александр Ступницкий отправился воевать в составе «ЧВК Вагнера» в Сирию. 2 марта 2016 года он получил ранение в районе Пальмиры. Позже вместе с наемниками из России белоруса наградили орденом Мужества с формулировкой «за участие в оперативно-разведывательных и специальных мероприятиях в районе Пальмиры».

Легионер и сыщик

Руслан Бобинин родился в Минске в 1967 году. В 2003-м он стал героем документального фильма телеканала «Россия-1», посвященного бойцам Французского Иностранного

легиона. Впоследствии человек с таким именем открыл в Париже частную фирму по прокату туристических автобусов и ретроавтомобилей. Но компания просуществовала всего несколько лет и была ликвидирована в 2015 году. Вероятно, примерно в это время Бобинин попал к «Вагнеру». Анализ страничек Бобинина в соцсетях позволяет сделать вывод, что он часто приезжал в Россию.

«Руслан не живет в Беларуси 23 года, но прописан тут, в Минске. А до того имел прописку в Могилеве... Ничего больше не скажу, не лезьте в чужую семью», — нервно отвечала нам мать наемника. Бобинины действительно долго жили в Могилеве, куда переехали из Казахстана.

В сентябре 2015 года Руслан Бобинин сменил адрес прописки. Разумеется, чтобы поставить штамп в паспорте с новым адресом регистрации, Бобинину необходимо было приехать в Беларусь, что он и сделал осенью 2015 года.

Сергей Сазанов родился в Речице в 1972 году, 17 лет отработал в милиции. Считался одним из лучших сыщиков в городе, раскрыл десятки уголовных дел. Местная газета «Дняпровец» неоднократно посвящала ему восторженные статьи. Что стало причиной его увольнения из органов — неизвестно. Сам Сазанов говорил журналистам, что «не захотел больше быть в системе». В 2015 году, уже после увольнения из милиции, бывшего сыщика лишили в Беларуси водительских прав, так как в его анализах обнаружили следы психотропных веществ. Правда, сам Сазанов вину не признал: утверждал, что за психотропы могли принять следы корвалола, и пытался доказать свою правоту в суде. Про этот инцидент писал крупнейший белорусский информационный ресурс TUT.BY.

Дочь бывшего милиционера Сергея Сазанова рассказала авторам книги, что теперь отец живет в России, но регулярно приезжает в Беларусь, чтобы навестить детей. По словам девушки, спецслужбы в Беларуси не проявляли никакого интереса к Сергею — к родным не приходили ни с обысками, ни с вопросами. Она не верит, что ее отец —

наемник. «Все знают, что в 2014 году он ездил на Донбасс, перевозил гуманитарную помощь. Возможно, из-за этого и пошли слухи», — говорит она. (Как мы увидим далее, подобную легенду про «гуманитарку» использовали и другие «вагнеровцы».)

Единственный фигурант белорусского списка «Вагнера», о котором вообще никакой информации собрать не удалось, — это Сергей Кузнецов 1973 года рождения. На момент написания книги мы не знаем даже, как выглядит этот наемник. По данным СБУ, Кузнецов — разведчик 1-го отделения 2-го разведывательного-штурмового взвода 1-й разведывательно-штурмовой роты. Родился он в Ивацевичах. В справочной службе на человека с таким именем зарегистрирован домашний телефон, однако все попытки связаться с Кузнецовым по этому номеру были безуспешны. Услышав, что мы хотим поговорить с Сергеем Михайловичем, женщина на другом конце провода сразу бросила трубку.

Погибшие

Про смерть двух белорусских граждан с одинаковыми именами и фамилиями — Вадим Василевский (они не родственники, а просто тезки) — белорусские СМИ писали еще в 2014—2015 годах. Однако тогда еще никто не подозревал, что речь шла о «вагнеровцах». Что неудивительно: широкая аудитория впервые услышит про «ЧВК Вагнера» только в марте 2016 года.

Вадим Климентьевич Василевский родился в Минске, но долгое время жил в Калининграде, служил в российском Специальном отряде быстрого реагирования (СОБР). Имел два гражданства — белорусское и российское. На Донбассе получил позывной Маршал. Погиб в возрасте 44 лет во время боев в Луганском аэропорту 31 августа 2014 года. Его похоронили под Минском, на Западном кладбище.

Вадим Александрович Василевский не менее пяти лет прослужил в 5-й отдельной бригаде спецназа в Марьиной Горке, был уволен в запас в звании майора. Работал ин-

структором в физкультурно-оздоровительном товариществе «Динамо», затем продавал автозапчасти. Похоронили Вадима Василевского в деревне Заречье Столбцовского района. У него осталось двое детей.

Известно, что в «ЧВК Вагнера» семьям погибших полагаются денежные выплаты — от 3 до 5 млн российских рублей (около 45—75 тыс. долларов). Но получили ли подобные компенсации семьи белорусских наемников — неизвестно. Во-первых, не факт, что на момент гибели Василевских практика подобных выплат уже существовала — о «похоронных премиях» сообщалось лишь в контексте сирийской кампании. Во-вторых, не факт, что семьи Василевских вообще знали о том, что их близкие воевали в «ЧВК Вагнера». Родители Вадима Александровича Василевского разговаривать с журналистами отказались. Его мать, Людмила, объяснила, что смерть сына до сих пор остается огромной болью и она просто не может говорить об этом. Когда мы спросили у отца, знает ли он о причастности сына к ЧВК, Александр отреагировал так резко, что стало понятно: он знает, о чем идет речь. «Я не хочу больше слышать эти сказки! Кто вы, чтобы задавать мне такие вопросы?» Первая жена Вадима Василевского Анастасия признается: хотя после развода они поддерживали дружеские отношения, про поездку Вадима на Донбасс она узнала уже после его смерти. «Мне позвонили его родители и сказали, что Вадим погиб. Мать рассказала, что он вез на Донбасс гуманитарную помощь и по дороге его машина взорвалась, — вспоминает Анастасия. — А про «ЧВК Вагнера» я слышу впервые, про денежную компенсацию тоже. Ко мне точно никто не обращался с этим вопросом. Может, родители что-то знают?..»

То, что Вадим Василевский возил на Донбасс «гуманитарку» — версия, которой стараются придерживаться все его близкие. Но друг Вадима Алексей Шабуневич, сам бывший силовик, не сомневается в том, что Василевский на Донбассе воевал. Правда, в каком именно подразделении —

не знает. «Я узнал, что Вадим поехал воевать, не сразу. Он звонил мне несколько раз, и из разговора я понял, что он на Донбассе. Я не расспрашивал подробности — в наших кругах не принято задавать много вопросов в таких случаях, тебя же могут слушать и свои, и чужие. Как я отнесся к решению Вадима? Многие из тех, кто служил, потом не нашли себя в гражданской жизни. Вот он решил найти себя в «горячей точке». Поэтому отнесся к этому спокойно». Бывшая супруга Анастасия говорит: Василевский был чуть ли не помешан на военном деле. «Ему нужен был экстрим какой-то, что-то интересное. Ходить на работу каждый день с утра до вечера — это не его тема», — вспоминает она. В последний раз она с бывшим мужем виделась примерно за месяц до его гибели — Вадим тогда навещал свою дочку в Минске, оставил для нее деньги.

Наемник погиб 3 июля 2015 года возле села Раевка Луганской области в возрасте 34 лет. Обстоятельства смерти Вадима Шабуневич узнал от его товарищей по Донбассу: «Они ехали по трассе, украинские беспилотники навели артиллерию, и он попал под обстрел. Было прямое попадание — от него ничего не осталось. Останки Вадима опознали по куску наколки ВДВ, которая была у него на теле».

К тому, что родители Василевского не захотели разговаривать с журналистами, Шабуневич относится с пониманием: «В Беларуси есть статья о наемничестве. Не знаю, попадали ли действия Вадима под эту статью. Но я понимаю родителей, которые не хотят очернять имя своего сына уголовным преследованием — пусть уже и посмертно».

В Судан через Донбасс

В январе 2019 года СБУ обнародовала очередной доклад о бойцах «ЧВК Вагнера». По данным спецслужбы, с августа по декабрь 2018 года в Судан, ЦАР и Ливию самолетами Минобороны РФ Ту-154М была переброшена как минимум тысяча «вагнеровцев». Среди прочих, защищать режим диктатора и военного преступника Омара аль-Башира в Судане отпра-

вился некогда образцовый белорусский офицер — Алексей Берговин¹.

К «ЧВК Вагнера» Берговин присоединился не раньше осени 2017 года. Прежде воевал на Донбассе в 100-й бригаде (так называемой Республиканской гвардии ДНР) под позывным Берг. Первый раз нам удалось побеседовать с Берговиним осенью 2017 года, второй — когда стало известно о его отправке в Судан. Про Судан и «ЧВК Вагнера» Берговин говорить категорически отказался. А вот о своем участии в войне на востоке Украины рассказывал довольно подробно.

Алексей Берговин в течение семи лет (с 2003-го по 2010-й) был бойцом элитного подразделения Внутренних войск МВД Беларуси — 3-й отдельной бригады спецназа (войсковая часть 3214). Командовал взводом. В 2010-м офицер решил попробовать себя в бизнесе. Но контакты с бывшими сослуживцами не обрывал — продолжал ходить на тренировки по рукопашному бою в родную бригаду. Был членом ассоциации ветеранов спецподразделений МВД «Честь» и лично дружил с ее председателем, полковником Дмитрием Павличенко — одной из самых зловещих фигур режима Александра Лукашенко, бывшим командиром «эскадрона смерти»². «Я лично

¹ По данным СБУ, в Судан также был перебросен Александр Ступницкий (Малик).

² «Эскадрон смерти» — группы белорусских силовиков, которые занимались внесудебными убийствами неугодных Лукашенко лиц. Во второй половине 90-х «эскадроны смерти» специализировались в основном на физической ликвидации криминальных авторитетов. Позже они были использованы для устранения политических оппонентов Александра Лукашенко. В 1999—2000 годах были похищены экс-министр внутренних дел Беларуси Юрий Захаренко, бывший депутат и экс-глава ЦИК Виктор Гончар, поддерживавший оппозицию бизнесмен Анатолий Красовский и телеоператор Дмитрий Завадский. Их тела до сих пор не нашли. Правозащитники считают, что непосредственно в политических похищениях участвовал Дмитрий Павличенко — первый командир белорусского СОБРа и командир в/ч 3214 на тот момент. Александр Лукашенко признавал, что внесудебные казни криминальных авторитетов в 1990-х происходили по его личному указанию, но свою причастность к политическим убийствам отрицает.

с ним общаюсь, он за меня переживает по-отцовски», — признавался Берговин. Боевик очень высоко оценивал заслуги полковника Павличенко в развитии спецподразделений МВД Беларуси, а насчет внесудебных казней оппонентов Лукашенко высказывался сдержаннее — это, мол, «обратная сторона медали».

С бизнесом у Берговина не заладилось. По словам боевика, его «задушила лукашенковская бюрократия». Он проиграл несколько судебных тяжб по своей предпринимательской деятельности, на нем повисли большие штрафы. К этому добавились семейные проблемы — ссора с бывшей женой, с которой у Берговина было двое сыновей. Тут офицер спецназа вспомнил, что он «русский человек», его дед «дошел до Берлина», а «Россия поднимается с колен»¹. Впрочем, посвящать всю свою жизнь «Новороссии» он не собирался: признается, что с самого начала планировал вернуться осенью 2015 года домой, чтобы успеть на осеннюю сессию. На тот момент он учился на заочном отделении в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.

Алексей Берговин готовился к отъезду основательно. Продал другу старую машину за 2 тысячи долларов и другу же отдал деньги — чтобы тот ежемесячно, по частям, присылал их семье Берговина. Остальные вещи оставил дома с запиской, поясняющей, что с ними делать в случае его смерти. Купил на рынке форму «Горка», хорошие берцы. И с двумя сотнями долларов отправился воевать за «русский мир». До подконтрольной ДНР территории Берговин добирался вместе со своими знакомыми переселенцами, которые незадолго до этого перебрались в Беларусь, но теперь решили навестить родной Иловайск. «Выехали 13 апреля 2015 года из Минска, утром на легковой машине, втроем. Ехали через Смоленск, потом Брянск, Орел, Курск (заблудились), Воро-

¹ Все эти штампы — точные цитаты самого боевика. Разумеется, про США, НАТО и фашизм он тоже говорил. Этот набор идей кадрового офицера Алексея Берговина дает представление об идеологической подготовке белорусских силовиков.

неж, Ростов... За рулем ехали поочередно, я ночью. Примерно в 8 утра 14 апреля пересекли границу в Успенке. Скоро были в Иловайске», — вспоминает он.

На Донбассе Берговин попал в 5-ю роту 5-го батальона «Республиканской гвардии» ДНР, которым тогда командовал уроженец Могилева Евгений Кононов (позывной Кот). Впоследствии Кононов возглавит 100-ю бригаду («Республиканскую гвардию») и погибнет от пули киллера 9 января 2016 года.

Весной 2015 года рота Берговина занимала позиции в районе очистных сооружений поселка Пески. Война на том участке — это регулярные минометные обстрелы, вылазки ДРГ и работа снайперов. «Сидишь на позиции и прислушиваешься, чтобы понять, куда летит мина, в тебя или над тобой — дальше к соседям. Если она близко, то слышен характерный шелест стабилизаторов, есть пара секунд, чтобы быстро упасть в любое укрытие ниже уровня земли, иначе смерть. Постоянно прятаться надоедает, вот и ходишь так под этот весь рев, свист и вспышки. Привыкаешь, держишь ухо востро. Иногда минометный расчет в нашем тылу дает залпы, тогда слышно, как мины, совсем близко, с характерным звонким хлопком летят прямо над головой на запад. Под это и засыпаешь. Часам к 3 ночи обычно все затихает, и так каждый день», — вспоминал Берговин.

Фронтные премудрости белорусский офицер освоил не сразу. Признается: в первые дни не умел засекал вспышки при минометных обстрелах и быстро прятаться в укрытие. В итоге на пятый день своего пребывания в поселке Пески получил осколок в левую скулу в сантиметре от глаза. Однако ранение оказалось не тяжелым — через две недели боевика выписали из госпиталя. В мае 2015 года Берговин вернулся в строй. Какое-то время поработал инструктором по тактической подготовке, но уже в июне попал в 6-ю роту того же 5-го батальона. Командирский состав гвардейской роты, по воспоминаниям белорусского офицера, состоял сплошь из бывших эков. Командир роты — Девятка, отсидел 6 лет в

тюрьме. Заместитель командира — Мытя, провел на «зоне» 12. По признанию Берговина, рота жила «по понятиям», «про устав здесь никто не вспоминал». «Если в 5-й роте достаточно было гаркнуть на взлетке и в течение 30 секунд все были в сборе, то здесь это занимало минут пятнадцать. Утром рота вставала неспешно, никаких подъемов по команде. Просто к 8 утра все спускаются вниз, смотрят друг на друга и идут за угол на школьный стадион, там по желанию кто-то висит на турничках, большинство же просто беседует и наслаждается прогулкой, потом завтрак», — описывает Берг порядки в «ополчении».

На Донбассе Берговин пробыл недолго. 17 сентября 2015 года он уволился в должности заместителя командира 1-й группы 1-й роты разведки отдельной бригады специального назначения 5-го батальона «Республиканской гвардии», в звании «лейтенанта». Сразу из окопов Донбасса он попал на студенческую скамью — как и планировал, успел вернуться к началу осенней сессии в БГСХА. «Однозначно, человек, впервые побывавший на войне, никогда не возвращается в прежний мир. Совсем другое восприятие жизни, смерти и окружающих. Как и при любой резкой смене обстановки, некоторое время было чувство нереальности, но не мирной жизни, а поездки в ДНР.. Никаких кошмаров по ночам мне не снилось, и поведение стало наоборот более спокойным. Втянулся в учебу, прочие дела, жизнь пошла своим чередом», — вспоминал Берговин.

Возможность уголовного преследования в Беларуси бывший спецназовец учитывал, прокручивал в голове разные варианты развития событий. Думал так: если почувствует, что есть вероятность сесть — вернется в ДНР. Если же к нему придут, дадут понять, что все знают, но не будут трогать — останется в Беларуси. Предсказуемо сработал последний сценарий. «Сотрудник пришел ко мне на третий день (респект, хорошо работают) прямо на занятия. Затем был допрос в КГБ, на котором гнул миротворческую линию: разгружал гумконвои и т. п. Этот вариант я пред-

видел заранее, поэтому в начале мая в Донецке вступил в миротворческую гуманитарную организацию и имел подтверждающее удостоверение волонтера. Беседовали корректно, без нажима, часа четыре», — говорил Берговин. На Донбасс Берговин не вернулся. Спокойно доучился в БГСХА, в декабре 2016 года получил диплом по специальности «экономика и управление на предприятии». А в 2017 году уехал в Россию.

В первый раз мы беседовали с Берговиним в октябре 2017 года. Бывший спецназовец тогда признавался, что находится в Краснодаре и планирует вот-вот уехать туда, «где не будет связи». Можно предположить, что в «ЧВК Вагнера» он записался примерно в это время. Однако в каких операциях Берг принимал участие с осени 2017-го по осень 2018-го (когда его перебросили в Судан) — неизвестно.

Свое участие в конфликте на Донбассе он к тому времени уже не скрывал. В конце 2016-го — начале 2017 года в сети были опубликованы списки личного состава «Республиканской гвардии», где в том числе фигурировали данные Берговина. Это не помешало экс-спецназовцу периодически посещать Беларусь. «В Беларусь пару-тройку раз приезжал, но, поскольку себя не обнаруживал, с органами общаться не приходилось. Проблем с КГБ не имел», — сообщил нам Берговин в апреле 2019 года.

Как и для других наемников, служба у «Вагнера» для Алексея Берговина — закрытая тема. О своей командировке в Судан он наотрез отказался говорить. Близких в детали своей службы он также предпочитал не посвящать. Когда СБУ опубликует информацию об отправке Берговина в Судан, его отец Владимир, проживающий в Горках, будет утверждать: сын все скрывает, ничего не говорит. Где он теперь — не знает. «Сам он не выходит на связь. Что-то узнаю через его друзей. Знаю, что он где-то в России, в Краснодарском крае. Я так понял, у него там какая-то секретная миссия», — рассказывал отец Берговина «Белсату» в январе 2019 года.

По словам Берговина-старшего, 22 февраля 2018 года к нему с обыском приходили сотрудники КГБ. «Какую-то статью Лукашенко придумал, уже не помню. Не наемничество, что-то другое было в протоколе... Но мне это все стоило микроинсульта», — жаловался отец журналистам. Впрочем, внимание комитетчиков несколько не помешало наемнику навестить родных в конце 2018 года, а затем отправиться в Судан.

Мы не знаем точно, что подтолкнуло Берговина записаться в «ЧВК Вагнера». Скорее всего, причина банальна: общая неустроенность жизни. Но наверняка сам бывший спецназовец оправдывал свои действия высокими идеалами. По крайней мере, его рассуждения об участии в войне на Донбассе преисполнены пафоса. «Я не жалею о своем решении поехать на Донбасс, считаю что это было необходимо и правильно. Каждый из нас, приняв для себя маленькое решение и сделав свой вклад, стал частью немалой армии, в итоге решившей задачу, которую не смогли решить дипломаты и политики, слишком зависимые от системы не ими созданной и от нее зависящих. Беспредел, фашизм и американская экспансия на этой русской земле остановлена».

* * *

КГБ впервые прокомментировал ситуацию с белорусами-«вагнеровцами» лишь 10 марта 2019 года — спустя почти 8 (!) месяцев после первого упоминания граждан Республики Беларусь в докладе СБУ. Официальный представитель комитета Андрей Ярош заявил агентству БелаПАН, что по факту сведений, распространенных украинскими спецслужбами, ведется проверка: «Мы проводим необходимые оперативно-розыскные мероприятия. Пока это вся информация».

Слова представителя КГБ выглядели чем-то средним между пустой отговоркой и троллингом. Журналистам ведь почти сразу удалось выяснить, что наемники-«вагнеровцы»,

упомянутые в докладе СБУ, находились вовсе не на Луне — они свободно посещали Беларусь даже после того, как их имена стали известны СМИ. Чекисты же восемь месяцев якобы искали их, проверяли, но никакими результатами похвастаться не могли. Впрочем, наивно было бы думать, что они действительно хотели «закрыть» «вагнеровцев». КГБ и обычных «ополченцев» практически не трогал, а тут речь шла о бойцах, которые де-факто подчиняются российскому ГРУ. То есть о коллегах в спецслужбе главного военного-политического союзника Лукашенко.

Глава 25 ВОЙНА ЛУКАШЕНКО

«Мы можем взять на себя ответственность за обеспечение мира в восточных регионах Украины и контроль на российско-украинской границе, а также сопроводать проведение выборов на Донбассе, исходя из понимания того, что эти регионы являются неотъемлемой частью Украины». (Из заявления Александра Лукашенко на открытии встречи основной группы Мюнхенской конференции по безопасности 31 октября 2018 года.)

* * *

Сегодня многие откровенно комплиментарно высказываются о политике официального Минска в отношении российско-украинского конфликта. Даже люди, не симпатизирующие режиму Лукашенко, признают: он искусно лавирует между противоборствующими сторонами, сумел избежать втягивания Беларуси в конфликт и заметно улучшил имидж страны на международной арене. Политическая линия белорусского руководства действительно эффективна — Минск выжал максимум из минимума. Однако Лукашенко не сразу понял, какие возможности для него открывает война в Украине, а образ миротворца во многом стал результатом стечения обстоятельств.

Судя по всему, вплоть до сентября 2014 года Александр Лукашенко вполне допускал, что Беларусь станет участником большой региональной войны, причем на стороне агрессора — Российской Федерации. Первой публичной реакцией

Лукашенко на российскую интервенцию в Украине были во все не призывы к диалогу и введению миротворцев. 12 марта 2014 года, то есть за шесть дней до аннексии крымского полуострова, глава Беларуси собрал заседание Совета безопасности, где констатировал эскалацию конфликта в Украине и увеличение активности НАТО в Восточной Европе. «Это уже у наших границ. Это уже затрагивает наши интересы, и мы, как мыши под веником, сидеть не имеем права», — заявил он. С точки зрения риторики выступление, следует признать, было очень сдержанным. О сути российско-украинского противостояния, кто прав и кто виноват в Крыму, не было сказано ни слова. Мобилизацию Лукашенко не объявлял и в повышенную боеготовность армию не приводил — мол, не следует суетиться, это еще не война. Но при этом напомнил, что существует совместная группировка войск России и Беларуси и «эта группировка имеет план действий, в том числе на подобные случаи». Лукашенко в ходе заседания Совбеза поручил Минобороны: а) начать второй этап проверки Вооруженных сил, б) провести «соответствующие учения», в) предложить начальнику Генштаба РФ перекинуть в Беларусь 12—15 самолетов для дополнительного патрулирования. Разумеется, речь на Совбезе шла о потенциальной угрозе НАТО, а не о наступлении на Украину. И разумеется, эти меры следует воспринимать прежде всего как проявление лояльности Кремлю. Но факт остается фактом: первой публичной реакцией Лукашенко на путинскую интервенцию в Крыму стала просьба перебросить в Беларусь российские военные самолеты. И это при том, что четыре истребителя ВВС России на тот момент и так были размещены на ротационной основе в Барановичах для охраны белорусско-российского воздушного пространства. Четыре Су-27 авиационного подразделения 1-го командования ВВС и ПВО Западного военного округа ВС России перебазировались на аэродром в Барановичах еще в декабре 2013-го. 13 марта 2014 года, то есть на следующий день после заявления Лукашенко на Совбезе, еще 6 истребителей и три военно-транспортных самолета

Россия перебросит в Бобруйск. Плюс на тот момент активно обсуждался вопрос размещения в Беларуси российской авиабазы — Лукашенко откажется от этой идеи только в конце 2015 года. Поэтому вовсе не удивительно, что украинские власти всерьез опасались российского наступления на Киев через территорию Беларуси.

29 марта 2014 года Лукашенко встретился в Гомельской области с Александром Турчиновым, тогда — и. о. президента Украины и спикером Верховной Рады. Отчеты о той встрече были максимально скупыми: политики при журналистах говорили про близость народов Украины и Беларуси, а Лукашенко заверил, что со стороны белорусов «каких-то нехороших устремлений» ждать не следует. Спустя четыре года Турчинов в интервью изданию «Гордон» опишет события куда более откровенно. По его словам, он поехал на встречу с Лукашенко, чтобы выяснить: следует ли ждать удара российской армии со стороны Беларуси. «Чтобы сократить количество возможных направлений удара, я выехал в Беларусь на встречу с президентом Лукашенко. Он пообещал, что с территории его страны русские нас атаковать не будут. Но когда мы прощались, он сказал: “Но в крайнем случае я предупрежу за сутки...”» — рассказывал Турчинов.

Сложно сказать, насколько точно передал эпизод в своих воспоминаниях Турчинов. Но выглядит его рассказ вполне реалистично. Разумеется, Лукашенко категорически не хотел любого (даже косвенного — в виде предоставления территории) участия Беларуси в военной агрессии России против Украины — это имело бы фатальные последствия для государства на международной арене. Но он, вероятно, также прекрасно понимал, что при масштабной эскалации конфликта может получить от Путина ультиматум, проигнорировать который будет невозможно. Эта шаткость позиции сквозила во многих высказываниях Лукашенко в ту пору.

8 мая 2014 года, спустя шесть дней после трагедии в Одессе, Александр Лукашенко летит в Москву, где тет-а-тет встречается с Владимиром Путиным. До того как переговоры

продолжились за закрытыми дверями, белорусский лидер публично обратился к президенту России: «Мне хотелось бы, так сказать, за кадром откровенно поговорить о ситуации на Украине и как-то *скоординировать наши действия*». В тот же день на неформальной встрече глав ОДКБ¹ Лукашенко комментирует одесские события почти буквально словами российской пропаганды — он проводит параллель между сожжением Дома профсоюзов и сожжением Хатыни в годы Второй мировой войны. «Мы помним Хатынь, когда несколько сотен деревень на территории Беларуси были сожжены фашистами вот по такому принципу», — говорит он. Дальше — больше: «Неприемлемы подобные действия в любых государствах, и тем более неприемлемо будет, если мы спокойно будем взирать на то, что происходит. Это прежде всего касается Российской Федерации и Беларуси. *Мы, естественно, не можем спокойно на это взирать, потому что там наши люди и они взывают о помощи и требуют реагирования на подобные вещи*». Звучит подобная риторика недвусмысленно: словами о «наших людях, которые взывают о помощи», обычно оправдывают собственную агрессию. Именно так делал Кремль в 2008 году во время войны в Южной Осетии, именно этим объяснял Путин аннексию Крыма². Наконец 8 мая Лукашенко прямо заявляет Путину: «Вы, Владимир Владимирович, должны знать, что мы будем рядом, плечом к плечу, и я говорю это не только потому, что здесь мы собрались перед СМИ, у нас просто выхода другого нет, как быть вместе».

¹ ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности.

² Схожесть слов «миротворца» Лукашенко и риторики Кремля удивительная. «Сейчас в Южной Осетии гибнут... граждане Российской Федерации», и «мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников» — это Медведев о войне с Грузией. «В Крыму живут наши люди», и «мы не могли оставить Крым и его жителей в беде» — это слова Путина в 2014-м. «Не сможем спокойно взирать», и «наши люди взывают о помощи» — это уже Лукашенко.

Позже Лукашенко вспоминал один из своих разговоров с президентом РФ весной-летом 2014 года: «Тогда я, встречаясь с Путиным, а в дружеских мы таких, добрых отношениях, говорю: «Володя, нас втягивают в эту войну, втягивают. Нам создают вот эту мясорубку, чтобы мы друг друга убивали...» Тут, конечно, главное именно это местоимение «нас». «Нас» — то есть Беларусь и РФ. Но какое отношение Беларусь имеет к войне на Донбассе? Ведь у Беларуси и Украины никаких претензий друг к другу не было. Так что втянуть Лукашенко в войну мог только Путин. Втянуть на том основании, что у Беларуси и России «единое оборонное пространство», как сам неоднократно говорил Лукашенко. «У нас создана, если хотите, единая армия, основу которой здесь, на этом направлении, составляет белорусская армия и части Московского военного округа, другие (по плану министерств обороны Беларуси и России) в случае конфликта немедленно подключаются. Не дай бог произойдет столкновение в Беларуси, наша армия начинает по плану немедленные действия (ну, ясно, если это не дай бог НАТО позволит себе...) — и по времени, по дням расписано, какие части из России немедленно подключаются к конфликту», — говорил он на пресс-конференции 17 октября 2014 года.

Разумеется, такой сценарий Лукашенко обуславливал возможным широкомасштабным столкновением с Западом. Но, как известно, угроза со стороны НАТО — это тема для бесконечных спекуляций. Путин в свое время заявлял, что и на Донбассе, по сути, воюют «натовские легионы». Угрозой размещения баз НАТО в том числе объясняли и аннексию Крыма.

«Когда в России начали, «а вот Лукашенко не поддерживает (читай: оголтело) Россию по Украине и так далее и тому подобное», я опять же высказывался, свою позицию излагал, а потом говорю, и Путину об этом говорил, ребята, вы успокойтесь, если случится так, что нам надо встать спиной к спине с россиянами или мне с Путиным, мы это сделаем... И тут мы даже не будем думать: ошибки, не ошибки?.. Мы с Россией союзники, и мы будем свято соблюдать наши договоренности. Вот и все. Это — наша позиция», — говорил Лукашенко

на той же пресс-конференции 17 октября 2014 года. «Я всем западникам скажу прямо: «Не дай бог, что случится — мы будем плечом к плечу с Россией! Это наш союзник». И привожу пример: вы помните, как в Ираке бомбили, ломали, нашли якобы ядерное оружие и повесили Саддама Хусейна? Помните? Весь мир знал, что это несправедливо, неправильно поступают Соединенные Штаты Америки. Но вся Европа, натовские страны выстроились в затылок и поддерживали Америку. Почему? Потому что они союзники. Конечно, не дай бог нам попасть в такую ситуацию, когда надо вопреки всему поддерживать наших партнеров! Но все должны понимать: мы были с Россией вместе и мы будем всегда!» — выражал Лукашенко ту же мысль уже во время обращения к народу и Национальному собранию 29 апреля 2015 года. Параллель с войной в Ираке более чем характерна. Если уж Лукашенко просто хотел угодить своему союзнику обещанием поддержки, то, учитывая сакральность Великой Отечественной войны для Беларуси, можно было сослаться именно на те исторические события. Мол, и теперь, как в 41-м, ляжем под танки, защищая Москву. Но вместо этого он привел в пример вторжение в Ирак в 2003 году — самую одиозную военную кампанию США в новейшей истории. То есть Лукашенко прямо говорил: если действительно понадобится, он будет воевать на стороне России, даже если Россия в этом конфликте будет агрессором¹. А сейчас, мол, мы «оголтело» не вы-

¹ Параллель с войной в Ираке Лукашенко проводил многократно. Что он хотел этим сказать — понятно. Однако ирония заключается в том, что во время вторжения в Ирак в 2003 году США как раз не получили полной поддержки своих союзников. Так, например, президент Франции Жак Ширак и канцлер Германии Герхард Шредер выступили резко против политики администрации президента Буша в отношении Ирака и военную кампанию не поддержали. Аналитики почти единодушно отмечают, что война в Ираке привела к крупнейшему расколу в НАТО между США и их европейскими союзниками с момента создания альянса. Так что тут одно из двух: или Лукашенко настолько тонко троллил Путина, или, по своему обыкновению, искажал реальные факты.

ступили на стороне Москвы просто потому, что в этом нет необходимости — русские и сами могут справиться.

Вне всяких сомнений, Лукашенко не стремился воевать. Но можно смело предположить, что они с Путиным действительно обсуждали возможные варианты совместных действий в случае перерастания войны на Донбассе в крупный региональный, а то и мировой конфликт. К счастью, до глобального конфликта дело не дошло. Теперь нет смысла фантазировать на тему, что было бы, если бы ситуация пошла по апокалиптическому сценарию. Разумеется, вовсе не факт, что Беларусь действительно стала бы воевать на стороне России. Лукашенко не раз уклонялся от выполнения тех или иных своих обещаний. Да и история знает массу примеров, когда военно-политические союзники в день X не оказывались в одних окопах. Франкистская Испания, хоть и сотрудничала с гитлеровской Германией, но в войну так и не вступила. А Италия в 1914 году и вовсе переметнулась на другую сторону баррикад: вышла из Тройственного союза с Германией и Австро-Венгрией и воевала на стороне Антанты. Так что отождествлять обещания с реальными делами, конечно, не стоит. Удивительно другое: как главный военно-политический союзник Путина вдруг столь успешно стал создавать себе имидж регионального миротворца?

К этому, казалось, изначально не было никаких предпосылок. Риторика Лукашенко по поводу конфликта в Украине в 2014 году — это однозначная поддержка России и критика Запада. Майдан он называет государственным переворотом, который произошел при поддержке западных стран. Войну на Донбассе раз за разом называет гражданской. Аннексию Крыма оправдывает: мол, Россия «не могла не реагировать», русскоязычное население «душили», а на полуострове могла появиться база НАТО. «Я не знаю, если бы Путин не защитил людей и Крым не поднялся, что бы там было», — говорил он в апреле 2014-го в интервью НТВ. Ответственность за эскалацию конфликта Лукашенко возлагает на Запад. «И, знаете, Россию обвиняют, что она Крым захватила, что россияне участвуют в

войне в Донецке и Луганске... Ну, может быть, и можно обвинять Россию, но ведь повод для этого не из Беларуси и не из самой России появился. Власти Украины, как минимум, дали повод к тому, чтобы россияне насторожились и предприняли превентивные меры к защите русскоязычного населения в Крыму», — утверждал он в интервью «Евроњьюс» 1 октября 2014 года. В том же месяце, выступая уже перед российскими журналистами, Лукашенко говорит: Россия была вынуждена защищать и поддерживать жителей Донбасса, без России дни ДНР и ЛНР были бы давно сочтены.

Конечно, нужно отдать Лукашенко должное: «красную черту» он старался не переходить. Не стал поздравлять Путина с аннексией Крыма. Киевскую власть не называл «хунтой», украинцев не называл «фашистами». Майдан хоть и считал антиконституционным переворотом, но легитимность новой украинской власти под сомнение не ставил. Российских журналистов даже переубеждал: мол, не верьте, что люди с Западной Украины — это нацисты. «Да нормальные там люди», — говорил он. Заявлял, что поддерживает территориальную целостность Украины, не хочет разрушения украинского государства и не собирается признавать ДНР и ЛНР. «Референдумы» боевиков называл юридически ничтожными, выступал против идеи федерализации Украины. Приехал на инаугурацию Петра Порошенко, где на вопрос журналистов о том, что Украине делать с боевиками ДНР и ЛНР, ответил однозначно: «Боевиков, которые воюют против украинцев, надо уничтожать». Лукашенко с самого начала прекрасно понимал, что допустить полного слияния с позицией Путина на международной арене никак нельзя — это лишит его пространства для маневра и может погубить государство. Но внешнеполитическая концепция официального Минска, согласно которой Беларусь является региональным миротворцем и донором стабильности, тогда еще не созрела.

Более того, на саму идею стать посредником и миротворцем в украинском конфликте Лукашенко реагировал край-

не раздраженно. «Никогда мне такую роль не предлагайте. Я ненавижу посредников и миротворцев, — говорил Лукашенко журналистам в день инаугурации Порошенко. — Это тот, кто хочет себе политические дивиденды нажить, дутый авторитет получить — вот он рвется в посредники и миротворцы. Я этого не хочу». Эту мысль весной-летом 2014 года глава Беларуси повторял неоднократно. Однако к этому же периоду относится первая инициатива Лукашенко касательно российско-украинского конфликта. «Когда начался конфликт, позвонили мне поляки сразу. Я говорю: хорошо, если вас интересует план «диктатора», мы можем предложить. И им сказал: если вы не примете этот план, я буду считать, что вам не надо нормализация в Украине. Туск (премьер-министр Польши на тот момент. — *И. И.*) со мной согласился. Они не приняли этот план. И сейчас стыдливо прячут глаза», — вспоминал Лукашенко в январе 2019 года¹. В чем конкретно состоял тот первый «план диктатора», неизвестно до сих пор. Лукашенко многократно и очень многословно рассказывал об этом эпизоде, но никогда не детализировал. Обычно подчеркивал: дескать, Запад отвергнул план, никому в Украине мир не нужен. Впрочем, одновременно добавлял: Россия тоже этот план отклонила. Правда, однажды Лукашенко все-таки намекнул на сущность того предложения — оказывается, речь якобы шла о возможном участии белорусской армии в событиях на Донбассе. «Я готов был очень далеко пойти, когда речь шла о том плане, о котором рассказывали, вплоть до ввода... вплоть до использования своих вооруженных сил, для того чтобы развести конфликтующие стороны. Я готов был, так тогда заваруха только начиналась, — утверждал Лукашенко в беседе с российскими журналистами 17 октября 2014 года. И тут же добавил еще более странную ремарку: —

¹ ГосСМИ Беларуси сообщили о телефонных переговорах Лукашенко с Туском 17 апреля 2014 года, но в тот же день информация была удалена из интернета. Почему — неизвестно. Сам Лукашенко впервые публично упомянул о своем предложении по Донбассу только в августе 2014-го.

Я готов бы был использовать свои вооруженные силы. *Не в качестве миротворцев, не ввести, а использовать свои вооруженные силы.* Как, в каком качестве — это, когда бы план реализовывался, мы бы смотрели: надо-не надо, нужно-не нужно».

В этой странной истории обращают на себя внимание два момента. Во-первых, примечательна дата телефонного разговора Туска и Лукашенко — 17 апреля 2014 года. То есть спустя всего четыре дня после того, как Турчинов подписал указ о начале АТО. Линии фронта как таковой еще не существует, о полномасштабной и затяжной войне речи нет. А Лукашенко уже предлагает отправить на Донбасс белорусских солдат и «развести конфликтующие стороны». Во-вторых, сложно понять, как можно ввести белорусскую армию на Донбасс «не в качестве миротворца». Обычно, если вооруженные люди в зоне боевых действий не являются миротворцами, то они — участники конфликта, экспедиционный корпус. Действительно ли использование армии на Донбассе обсуждалось руководством Беларуси? Или это была чистая импровизация Лукашенко, за которой абсолютно ничего не стояло? Сложно сказать. Но, как минимум, эта ситуация свидетельствует о том, насколько весной-летом 2014-го был дезориентирован сам Лукашенко. Как максимум — демонстрирует нам, какая тонкая грань отделяла Беларусь от участия в войне.

То, что именно Минск дважды стал местом подписания мирных соглашений по Донбассу, если и можно назвать заслугой Лукашенко, то весьма косвенной. В действительности это стало результатом стечения обстоятельств. К сентябрю 2014 года большая часть мирового сообщества однозначно осуждала действия России в отношении Украины, уже были введены первые пакеты санкций. Кремль, очевидно, не согласился бы вести переговоры в стране, выступившей против РФ на международной арене, так что выбор был изначально ограничен. Минск же казался наиболее удобной площадкой с точки зрения логистики. Вариант был приемлемым и для Украины: Беларусь хоть и считалась союзником Москвы, но

все-таки не запятнала свою репутацию прямой поддержкой путинской агрессии.

Что же касается хода переговоров, то влияние на них официального Минска было равно нулю. В этом смысле назвать Лукашенко посредником действительно нельзя: он являлся администратором, ответственным за техническое обеспечение переговоров, и не старался преувеличить свою роль в тех событиях. «Когда я спросил в очередной раз: «Что мы можем, белорусы, помочь, где мы можем подставить свое плечо?» — президент России и прежде всего президент Украины Петр Порошенко меня попросил: «Помогите собрать людей, мы хотели бы, чтобы это в Минске было. Название этой группы — контактная группа (вы это знаете), помогите провести». Мы сделали все, что они хотели. То есть мы не рвались в это миротворчество. Мы никакие не миротворцы», — говорил впоследствии Лукашенко. «То, что Минск стал некоей столицей миротворчества, это заслуга прежде всего президентов России и Украины. Мы сыграли свою роль, ту роль, которую нас попросили сыграть», — подчеркивал он в апреле 2015 года.

Действительно, 29 июля 2014 года Петр Порошенко позвонил Александру Лукашенко и попросил содействовать в проведении в Минске заседания Трехсторонней контактной группы с представителями Украины, России и ОБСЕ. Первое заседание группы прошло 31 июля, и его результат был нулевой. В августе российская армия и боевики перешли в наступление, украинские подразделения попали в Иловайский котел. Следующее заседание Трехсторонней группы состоялось 1 сентября, а 5 сентября в здании минского «Президент-отеля» был подписан так называемый Минский протокол, предусматривающий прекращение огня на территории Донецкой и Луганской областей. Документ со стороны Украины подписал экс-президент Леонид Кучма, со стороны РФ — посол в Украине Михаил Зурабов, со стороны ОБСЕ — Хайди Тальявини. Впрочем, встреча в Минске 5 сентября была скорее формальностью: о прекращении

огня на Донбассе договорились Порошенко и Путин в ходе телефонных переговоров 3 сентября. Встреча 5 сентября, на которую приехали лидеры боевиков Александр Захарченко и Игорь Плотницкий, была необходима для создания имитации самостоятельности ДНР и ЛНР — мол, не может же Кремль решать судьбу народа Донбасса без их представителей. «Договариваться о прекращении огня Россия не может физически, поскольку не является стороной конфликта», — лицемерно утверждал пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков. 19 сентября соглашение о перемирии было закреплено подписанием Минского меморандума.

По-настоящему центром мировой политики, где решалась судьба войны на востоке Украины, Минск стал всего на два дня — 11—12 февраля 2015 года. В начале 2015-го российская армия и боевики снова перешли в наступление, взяли Донецкий аэропорт, блокировали украинские подразделения в Дебальцеве и обстреливали Мариуполь. На этот раз Путин пожелал, чтобы мировые лидеры с ним договаривались лично. О том, что готовится встреча в Минске в «нормандском формате», стало известно 8 февраля в ходе переговоров Путина и Лукашенко в Сочи. Российский лидер в присутствии журналистов обратился к своему коллеге из Беларуси с просьбой «помочь нам провести эту встречу». «Я в курсе дела. Петр Порошенко позвонил мне несколько минут назад», — отреагировал Лукашенко и заверил, что на счет мероприятия в Минске можно не беспокоиться.

11 февраля в столицу Беларуси прилетели президент Франции Франсуа Олланд, канцлер Германии Ангела Меркель, президент Украины Петр Порошенко и российский лидер Владимир Путин, который в своем фирменном стиле опоздал на переговоры почти на час. Судьба конфликта на Донбассе решалась в величественном и помпезном Дворце Независимости, переговоры продолжались всю ночь с 11-го на 12 февраля. Соглашение удалось достигнуть только спустя более чем 15 часов. Порошенко, Путин, Олланд и Меркель подписали декларацию в поддержку Комплекса мер по вы-

полнению Минских соглашений¹. А Кучма, Зурабов, Тальявини, Захарченко и Плотницкий — собственно соглашение о Комплексе мер по выполнению Минских соглашений. Режим прекращения огня должен был вступить в силу в 00.00. 15 февраля.

«Вопросы войны и мира решаются месяцами, а то и годами, а здесь удалось достичь согласия о приостановлении войны в течение всего лишь 15 часов. Молодцы!» — хвалил Лукашенко участников «нормандской четверки» по итогам саммита. Он вполне успешно вошел в образ радушного хозяина, не только организовавшего теплый прием высоких гостей, кормившего и поившего их, но и нашедшего для каждого свое доброе слово. Журналисты случайно запечатлели момент, когда Порошенко в кулуарах Дворца Независимости признается Лукашенко: «Он (Путин) нечестно, грязно играет». На что глава Беларуси понимающе отвечает: «Я знаю, знаю. Да все это поняли». Но собственно в переговорах он участия не принимал никакого. «Белорусский президент несколько раз заходил, интересовался процессом, но изначально было четкое понимание относительно того, что мы обеспечиваем условия проведения переговоров, а непосредственными участниками являются лидеры «нормандской четверки», и то, о чем они договорятся, мы воспримем как данность», — объяснял спустя несколько лет министр иностранных дел Беларуси Владимир Макей в интервью TUT.BY. При этом к своему статусу гостеприимного хозяина Лукашенко относился ужасно ревностно. Когда в 2018 году выйдут мемуары Олланда, где он назвал атмосферу Дворца Независимости бездушной, а бутерброды — ужасными, все тот же Макей посчитает слова бывшего президента Франции «возмутительными» и фактически

¹ Комплекс мер также предусматривал: отвод тяжелых вооружений, обмен пленными по принципу «всех на всех», восстановления полного контроля над границей со стороны правительства Украины, вывод иностранных вооруженных формирований с территории Донбасса и ряд других мер.

обвинит Олланда в непорядочности. Макей будет с серьезной миной объяснять журналистам, что питание в ходе саммита на самом деле было хорошее, на него потратили около 50 тысяч долларов, и потому ему обидно слышать такие слова Олланда (как будто министр иностранных дел лично готовил те бутерброды).

Как бы комично ни выглядела подобная раздраженная реакция главы белорусского МИД, столь ревностное отношение ко всем деталям функционирования минской площадки понять несложно. Ведь в том числе благодаря этим организационным, по сути, абсолютно не политическим усилиям Беларуси удалось сколотить внушительный политический капитал. «За последние 4—5 месяцев Минск уже совсем по-другому звучит в мире», — говорил Петр Порошенко, только прилетев в Беларусь на саммит «нормандской четверки». И с этим сложно было не согласиться. К весне 2015 года окончательно сложилась та благоприятная конъюнктура, которая в скором времени позволит Беларуси избавиться от западных санкций, выйти из международной изоляции и взять курс на постепенную нормализацию отношений с ЕС и США. Запад теперь был готов вести диалог с белорусским диктатором и закрыть глаза на фальсификацию результатов выборов и нарушение прав человека.

Самое парадоксальное, что Лукашенко ничего для этого не сделал. В Минске были подписаны соглашения о перемирии на Донбассе? Но заслуги Лукашенко в том не было — он вовсе не был посредником, он просто предоставил площадку для этих переговоров по просьбе Порошенко и Путина. Лукашенко не стал признавать ДНР и ЛНР? Но этого от него и не требовалось: даже Россия не признавала эти фейковые образования. Он не признал Крым российским? Но оккупация, в отличие от акта провозглашения независимости, вообще не предусматривает процедуру официального признания. В своих многочисленных публичных выступлениях Лукашенко как раз оправдывал действия России в Крыму. Де-факто присоединение полуострова к РФ Минск признал:

белорусский лидер открыто заявлял, что будет сотрудничать с администрацией оккупированного Крыма, в том числе на правительственном уровне¹. Да, в Москве хотели, чтобы Лукашенко открыто приветствовали аншлюс и однозначно называл Крым русской землей. Но на деле Лукашенко и так всегда поддерживал Путина: в ООН Беларусь регулярно голосовала против резолюций, осуждающих действия РФ в Крыму. В том числе Беларусь оказалась в числе 11 стран, проголосовавших против ключевой крымской резолюции № 68/262 от 27 марта 2014 года, которая подтверждала территориальную целостность Украины и признавала незаконными любые изменения статуса Автономной Республики Крым и города Севастополь.

В сущности, заслуга Лукашенко на тот момент была лишь в том, что он не стал участником российской агрессии против Украины и не допустил полного слияния своего внешнеполитического курса с внешнеполитическим курсом Кремля. В условиях глобального геополитического противостояния это уже немало. Запад при этом вовсе не претендовал на то, чтобы перетянуть Беларусь на свою сторону — его устраивало сохранение статус-кво в этом регионе.

Таким образом, в условиях обострения отношений с Россией Запад был готов стать менее требовательным к авторитарной Беларуси. Спорить с этой логикой сложно: на фоне безумного агрессора с ядерными боеголовками локальный

¹ Об этом Лукашенко сказал на пресс-конференции 17 октября 2014 года: «Посылаю туда (в Крым. — *И. И.*) на правительственном уровне делегацию, для того чтобы изучить ситуацию. Аховая ситуация... Я говорю: ну, конечно, надо помогать людям. Я это не скрывал. Ваши бизнесмены (он обращался к журналистам из России. — *И. И.*), я их многих знаю, ваши руководители отдельные, и немало их, боятся вообще Крым произносить, потому что у многих там деньги, на Западе, собственность и так далее, они боятся вообще поставлять необходимое в Крым. «Да, пожалуйста, берите, но я к этому не имею отношения, нигде не говорите (потому что мгновенно попадут под санкции)». А я — на правительственном уровне. Что важнее — болтовня или конкретные дела?»

диктатор Лукашенко выглядел однозначно меньшим из зол. Впрочем, в нормализации отношений был заинтересован не только Брюссель, но и официальный Минск — увидев на примере Украины, на что способен Кремль, Лукашенко вовсе не хотел оставаться один на один со своим восточным союзником. Однако первые реальные шаги навстречу предпринял все-таки Евросоюз. Еще 31 октября 2014 года Совет ЕС сократил санкции против белорусских властей: из «черного списка» выбросили имена 24 чиновников и 7 компаний. 31 июля 2015 года произошел второй этап сокращений — еще с 24 чиновников были сняты санкции. Пришла пора делать ответные шаги и официальному Минску: 22 августа 2015 года Лукашенко помиловал всех шестерых политзаключенных, в том числе экс-кандидата в президенты Николая Статкевича. Одновременно заметно изменилось отношение властей к несанкционированным уличным демонстрациям: теперь такие акции не разгоняли, а их участников не арестовывали — только лишь штрафовали лидеров. Смягчилась и официальная риторика: оппозиция в какой-то момент перестала быть сборищем «отморозков», а наиболее умеренные представители гражданского общества даже стали изредка появляться на телевидении. Национальный герб «Погоня», бело-красно-белый флаг и лозунг «Жыве Беларусь» получили частичную амнистию и даже в отдельных случаях стали использоваться сторонниками власти в качестве доказательства широты своих взглядов. Некоторые политологи называли происходящее «либерализацией» или «оттепелью». «Все, что Запад пожелал, все, что Запад захотел видеть в канун президентских выборов в Беларуси, признаюсь честно, мы сделали», — говорил Лукашенко в октябре 2015 года. Мяч снова оказался на стороне ЕС. Сразу после президентских выборов, которые обычно (но не в 2015 году) в Беларуси сопровождались новыми витками политических репрессий, Совет Евросоюза заморозил практически все санкции против режима Лукашенко на 4 месяца. Это решение было принято 12 ноября, а

в феврале 2016 года санкции полностью были отменены. Ограничительные меры остались лишь в отношении четырех чиновников, напрямую связанных с исчезновением политических оппонентов Лукашенко в 1999—2000 годах. Вашингтон в сравнении с Брюсселем был более сдержан, но и он предпринял демонстративные шаги навстречу: в октябре 2015 года частично приостановил действие санкций в отношении 9 белорусских компаний.

В белорусском экспертном сообществе существует убеждение, что главным лоббистом так называемой оттепели 2015 года был министр иностранных дел Владимир Макей — якобы именно он убедил Лукашенко отпустить политзаключенных и ослабить репрессии. Но «либерал» Макей никогда бы не добился успеха, если бы не сложилась для этого благоприятная ситуация. Сущность внешней политики Александра Лукашенко всегда сводилась к бесконечной спекуляции: проще говоря, он привык продавать за рубль то, что стоит одну копейку. А к 2015 году условия для такой спекуляции сложились идеальные. Полное снятие санкций ЕС было куплено не значительной демократизацией общественно-политической жизни, а лишь помилованием шестерых политзаключенных, которые большую часть своих сроков к тому моменту уже отсидели. Избавление от статуса страны-изгоя было де-факто обеспечено лишь неучастием в российской агрессии против Украины и техническим предоставлением площадки для мирных переговоров.

Именно в 2015 году Лукашенко окончательно осознал, какими политическими сверхприбылями может обернуться для его режима конфликт на Донбассе. Именно в тот период, судя по всему, стала оформляться внешнеполитическая концепция, согласно которой Беларусь — это не только площадка для переговоров, но и активный миротворец. Начиная с 2015 года редкое публичное выступление белорусских дипломатов обходилось без слов о том, что Беларусь является «донором стабильности и безопасности». Имидж донора требовал и эффективных инициатив. В июле 2017 года

на открытии сессии ПА ОБСЕ в Минске Лукашенко выдвинул идею нового Хельсинкского процесса. «В конечном итоге такой процесс содействовал бы заключению ведущими мировыми державами некоего глобального документа. Он поставил бы жирную точку в давно завершившейся «холодной войне», исключив возможность ее возобновления и перерастания в более трагическую форму. Обозначил бы стратегическое видение новых конструктивных отношений в регионе ОБСЕ», — заявил тогда он. Разумеется, конкретные принципы такого переговорного процесса Лукашенко не обозначил. А мировое сообщество восприняло столь абстрактное предложение без особого энтузиазма. Но идея «Хельсинки-2» стала постоянно повторяться в заявлениях главы Беларуси.

С формированием своего нового имиджа на международной арене возникала необходимость и скорректировать свою риторику по Донбассу. Так, улетучилась куда-то идея субъектности ДНР и ЛНР. Еще в марте 2015 года в интервью «Блумбергу» Лукашенко утверждал: он «абсолютно уверен», что Киев должен вести прямые переговоры с сепаратистами. Дескать, нужно договариваться с людьми, многие из которых «идейно защищали свою землю». «Захарченко, Плотницкий, как бы к ним не относились... а вдруг они от души?» — рассуждал белорусский лидер уже в интервью НТВ. К 2018-му ничего от этой идеи не осталось: договариваться должны Путин и Порошенко, да к тому же США нужно привлечь. Еще в сентябре 2015 года, выступая на саммите ООН по устойчивому развитию, Лукашенко однозначно называет события на востоке Украины «гражданской войной», участие регулярных российских войск отрицает. Потом он перешел к более нейтральным формулировкам, а к 2019 году Лукашенко едва ли уже не буквально проговаривал, что война идет между Украиной и Россией. «В последнее время нас начали упрекать, что мы заправляем танки (украинские. — *И. И.*) дизельным топливом. Я поручил разобраться, какое там дизельное топливо. Когда мне доложили (я только что справку второй

раз прочитал), там же все дизельное топливо российское. И россияне поставляют, постоянно наращивая объемы этих поставок — бензинов и дизельного топлива, — в Украину. Так как же так? **Мы воюем с Украиной или Россия?**» — задавал риторический вопрос Лукашенко на встрече в преддверии 100-летия белорусской дипломатической службы. Конечно, о кардинальной смене дискурса речи не шло, но имидж миротворца требовал выдавать более гибкие формулировки.

Впервые о возможной отправке белорусских миротворцев на Донбасс Лукашенко заговорил еще в 2014-м. «Я готов был бы использовать и свои вооруженные силы для того, чтобы развести конфликтующие стороны», — заявил он в интервью «Евроньюс» 1 октября 2014 года. Мысль тогда была высказана крайне осторожно — Лукашенко даже не решился это назвать полноправной миротворческой миссией. «Я не знаю, как будет называться эта миссия, но что-то на это похоже...» — скромно оговорился он тогда. Позже он и вовсе отмахивался от этой идеи — мол, его не так интерпретировали. Однако, как уже говорилось выше, идея «активного миротворчества» начиная с 2015 года постепенно оформилась и окрепла в сознании руководства Беларуси. 11 июля 2017 года Лукашенко на совещании по приоритетам внешней политики страны поставил перед МИД задачу выработать конкретные инициативы, направленные «на укрепление безопасности в регионе и повышение авторитета Беларуси на международной арене». «Нас должны видеть», — добавил он.

Возможность показать себя появилось в скором времени. В августе 2017 года Петр Порошенко заявил, что планирует представить предложение «по введению миротворцев ООН на оккупированные территории Донбасса» на ближайшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пытаясь перехватить инициативу, 5 сентября 2017 года Владимир Путин на саммите БРИКС¹ публично выступил в поддержку идеи отправки миротворцев ООН на Донбасс. Кремлевская концепция,

¹ **БРИКС** — группа из пяти стран: Бразилии, России, Индии, КНР и ЮАР.

правда, была изначально неприемлема для Украины: Путин настаивал на том, что «голубые каски» должны разместиться исключительно на линии разграничения и обеспечивать безопасность сотрудников ОБСЕ. Возможность размещения миротворцев по всей территории ОРДЛО и уж тем более на неподконтрольном Киеву участке российско-украинской границы Россия категорически исключала.

В эту битву концепций и решил вклиниться официальный Минск. 15 ноября 2017 года министр иностранных дел Владимир Макей заявил, что Беларусь готова «выделить соответствующий миротворческий контингент, если это будет приемлемо всем заинтересованным сторонам». Что характерно: это заявление Макей сделал в Москве по итогам встречи с главой МИД РФ Сергеем Лавровым, который в свою очередь обвинил Украину в саботаже миротворческих инициатив. Однако было ясно, что амбиции Минска простирались дальше одиозной путинской концепции.

18 февраля 2018 года Лукашенко уже однозначно заявил, что Беларусь готова отправить своих миротворцев в Украину. «Я даже говорил обоим президентам, Порошенко и Путину: вы не рассчитывайте на то, что я чей-то буду. Я буду четко выполнять то, о чем вы, два президента, договоритесь: стать между — я стану, договоритесь вывести 10 тысяч вооруженных сил Беларуси — мы поставим их на границе, где вы скажете», — отметил он. В тот же день по инициативе белорусской стороны на полях Мюнхенской конференции прошли переговоры Владимира Макея и Курта Волкера — специального представителя Государственного департамента США по вопросам Украины. Как позже рассказывал министр, в ходе встречи обсуждалась возможность сблизить миротворческие концепции Украины («голубые каски» на всей территории ОРДЛО, включая границу) и России (только на линии разграничения) и «найти, возможно, какое-то компромиссное решение». Впрочем, США здесь не видели шанса для компромисса — Волкер впоследствии неоднократно будет выступать в под-

держку украинской концепции и говорить о неприемлемости предложений Кремля¹.

Идея миротворцев с мандатом ООН, очевидно, зашла в тупик. Но Лукашенко не то что не отложил свою миротворческую инициативу, но стал еще активнее ее продвигать. Он пытался претендовать не просто на роль одного из участников миротворческой миссии под эгидой ООН, а на роль ключевого, эксклюзивного миротворца. 26 октября 2018 года, встречаясь с Порошенко в Гомеле, Лукашенко снова заявил: если Киев и Москва договорятся, то Беларусь «готова включиться в этот конфликт там, где сложно и нет того доверия, которое должно быть». «Мы готовы сделать это только ради мира. Эту проблему, с моей точки зрения, должны решать мы, три славянских народа», — подчеркнул он. Спустя пять дней, на открытии встречи Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности, Лукашенко прямым текстом заявил: Беларусь готова «взять на себя ответственность за обеспечение мира» на Донбассе. Правда, Лукашенко не был бы собой, если бы подобные миротворческие декларации не следовали параллельно с тезисами, которые прямо им противоречат. За пять дней до заявления о 10 тысячах белорусских миротворцев и его исключительной непредвзятости в конфликте на Донбассе, Лукашенко на заседании Совета безопасности назвал Беларусь «основным форпостом» России и призвал Москву помочь Беларуси модернизировать свою армию. Как можно быть чьим-то форпостом и при этом набиваться в миротворцы (тем более ключевые)? Ничего удивительного в этом двоемыслии нет: слова о миротворчестве — для укрепления имиджа Беларуси на Западе, слова о форпосте России — для успокоения Путина.

¹ Справедливости ради отметим, что США не сбрасывали белорусских миротворцев со счетов. В интервью «Эхо Москвы» от 24 сентября 2018 года Волкер говорил, что о готовности отправить миротворцев на Донбасс заявили Швеция, Финляндия, Австрия, Беларусь, Сербия и Турция. «На мой взгляд, это хороший диапазон стран», — отметил дипломат.

Саму мысль, что украинские события были удачно использованы в интересах существующего политического режима в Беларуси, Лукашенко всегда категорически отвергал. И даже обижался: мол, кощунственно даже думать об этом. «Какой рейтинг, какое миротворчество, какое посредничество?! О детях нужно думать, о стариках, которые там гибнут! Вот в чем вопрос. А они (те, кто считает, что Лукашенко воспользовался событиями в Украине. — *И. И.*) смотрят на это через призму рейтингов, что Лукашенко стал уже не последним диктатором, а Путин, уже он пальму первенства передал и прочее... Негодяи и подонки, нельзя так мыслить», — говорил Лукашенко на пресс-конференции 17 октября 2014 года.

Может быть, Лукашенко и небезразличны страдания гражданского населения, но временами его высказывания и инициативы по Донбассу носили откровенно популистский характер. Например, чего стоит предложение отправить 10 тысяч белорусских миротворцев и «взять на себя ответственность за обеспечение мира в восточных регионах Украины и контроль на российско-украинской границе». Во-первых, у Беларуси просто нет 10 тысяч миротворцев — есть лишь одна миротворческая рота. Все Вооруженные силы Беларуси, с учетом небоевой составляющей — это 46 тысяч человек. Личный состав боевых подразделений, разумеется, существенно меньше. То есть Лукашенко предложил отправить на Донбасс значительную часть своих сухопутных сил, оставив страну беззащитной. И даже этого не хватило бы: по подсчетам экспертов, в Донецкой и Луганской областях требуется не менее 20 тысяч военных и 4 тысяч полицейских. Во-вторых, изначально было ясно, что на белорусскую миротворческую миссию никто не даст согласия. В Киеве союзнику России не доверяют, а в Москве в принципе не заинтересованы в деэскалации конфликта. Таким образом, ни малейшего шанса на реализацию этой инициативы просто не было — и Лукашенко это прекрасно понимал. Еще более сказочным выглядело предложение вывести окруженных

под Дебальцевом украинских солдат под гарантии президента Беларуси. «Мы готовы не просто быть посредником, а достойно прекратить этот конфликт в районе Дебальцева и вывести всех военнослужащих Украины оттуда под наши гарантии, что они больше никогда воевать не будут», — сказал он 18 февраля 2015 года. Здесь популизм Лукашенко был смешан уже с откровенным цинизмом. Даже в чистой теории невозможно себе представить, каким образом он собирался выводить украинских военных из окружения. А самое главное, что выдвинуто это предложение было уже после завершения битвы: примерно через час после заявления Лукашенко президент Петр Порошенко объявил о завершении операции по выводу украинских войск из Дебальцева. Так что говорил это Лукашенко только с одной целью: пропиарить свой политический режим и укрепить его позиции на внешней арене. «Активность в отношении мирного урегулирования в Украине способствует дальнейшему упрочению международных позиций Беларуси», — признавал Лукашенко еще в апреле 2015 года.

Донбасс для внутреннего пользования

Разумеется, тема Донбасса использовалась Лукашенко и для внутреннего потребления — в диапазоне от запугивания («хотите, чтобы было как в Украине?») до радостной констатации, что белорусский народ стал менее критично относиться к действующей власти. Еще в марте 2014 года председатель КГБ Валерий Вакульчик докладывал главе государства: под влиянием трагических событий в Украине люди начали больше ценить стабильность в Беларуси. Потом об этом говорил и сам Лукашенко.

Власть пыталась внушить людям простую мысль: мир в Беларуси на фоне войны в Украине доказывает истинность курса, взятого страной в 1994 году. Порой подобная риторика принимала откровенно гротескные формы. «Мы видим, что происходит вокруг, мы видим хаос, порой беспорядок, — говорила пресс-секретарь Лукашенко Наталья Эйсмонт в

интервью ОНТ 7 марта 2019 года. — И знаете, иногда мне кажется, что не сегодня так завтра в мире может возникнуть запрос на диктатуру. Потому что за диктатурой в нашем сегодняшнем понимании в первую очередь мы видим порядок, дисциплину и абсолютно нормальную, спокойную жизнь. Что говорить, мне кажется, уже мы так часто произносим это слово, что **диктатура — это уже наш бренд**».

В том, что украинские события повлияли на общественно-политическую жизнь в Беларуси, — сомнений нет. Однако оценить степень этого влияния не так просто. Первоначально Майдан и российско-украинская война вселили в белорусов страх тотальной дестабилизации, почти полностью заслонив собой внутренние проблемы страны. В 2014 году рейтинг Лукашенко рос как на дрожжах. По данным Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), с декабря 2013 года по сентябрь 2014-го рейтинг доверия Лукашенко вырос с 37,7 до 53,5 %. Одновременно выросли симпатии к евразийской интеграции (с 37,1 до 49,8 %) и негативное отношение к Западу. Однако уже к концу 2014 года, как отмечают социологи, события в Украине перестали гипнотизировать белорусов — они все больше думали о собственных проблемах. А проблем хватало: за 2014 год белорусский рубль девальвировал почти на четверть (его потянул вниз рубль российский — его в свою очередь обрушили западные санкции), а в январе 2015 года еще почти на 30 %. Рейтинг Лукашенко пошел на спад, как и доверие белорусов к России. На президентских выборах в октябре 2015 года Лукашенко, разумеется, легко победил: ЦИК нарисовал ему 83,49 %. Но уже к июню 2016 года, по данным социологов, рейтинг доверия Лукашенко вернулся на домайданный уровень — 38,6 %. С электоральным рейтингом дела обстояли еще хуже: менее 30 % белорусов готовы были голосовать за бессменного президента. С тех пор независимые социологи больше не проводили опросов в Беларуси (их окончательно выдавили из страны), поэтому, что было с рейтингом Лукашенко в по-

следующие годы, мы не знаем даже приблизительно. Однако марши против декрета о тунеядцах¹, неожиданно для всех прокатившиеся по Беларуси в феврале-марте 2017 года, еще раз доказывают: события в Украине больше не заслоняли в массовом сознании белорусов реальность. Страх тотальной дестабилизации ушел. Впрочем, Лукашенко все равно продолжал при случае спекулировать на украинских событиях. Именно желанием не допустить украинский сценарий он, например, объяснял жестокое подавление протестов нетунеядцев. «Начинают нас упрекать, что мы применили недавно какие-то чрезмерные усилия против тех, кто нарушает закон... Ну неужели вам мало Украины? — обращался Лукашенко к европейским политикам с трибуны парламента 21 апреля 2017 года. — Ну, вы же видите, к чему привела ваша политика в Украине, с чего началось? Я не хочу, чтобы в Беларуси это произошло».

Парадоксально, но более глубокими оказались изменения, которые в этот период произошли в гражданском обществе и

¹ Протесты нетунеядцев — серия мирных уличных демонстраций в Минске и регионах Беларуси в феврале-марте 2017 года. Протесты спровоцировал Декрет президента № 3 (в народе он получил название «декрет о тунеядцах»), обязующий всех жителей Беларуси, официально не трудоустроенных в течение 183 календарных дней, платить в бюджет налог в размере 360 белорусских рублей (примерно 190 USD). Лукашенко жестко подавил протесты: сотни человек были задержаны и приговорены к административному аресту. Более тридцати человек стали фигурантами так называемого дела Белого легиона, сфабрикованного спецслужбами. Кадры brutальных задержаний мирных манифестантов, в том числе женщин и стариков, облетели весь мир. Правозащитники Human Rights Watch назвали поведение белорусских властей «шокирующим тотальным наступлением на свободу мирных собраний». Евросоюз осудил репрессии против мирных демонстрантов. 6 апреля 2017 года, Европарламент принял резолюцию, в которой действия белорусских силовиков были названы «непропорциональными и неуместными». В ходе дебатов звучали призывы вернуть санкции против официального Минска. Правда, до санкций в итоге дело не дошло.

оппозиции. Всего за несколько лет в среде демократической общественности родились и стали определяющими три идеи:

1. Протесты в Беларуси бесперспективны, бессмысленны и даже вредны.

2. Главный враг сегодня — Россия, а не режим Лукашенко.

3. На данном этапе Лукашенко — союзник белорусских патриотов в борьбе с Россией.

Для человека, который не знаком с реалиями белорусской политической жизни последних 20 лет, сложно объяснить, о каком тектоническом сдвиге в мировоззрении людей здесь идет речь. После разгона Верховного совета в 1996 году и установления абсолютной власти Лукашенко он в сознании гражданского общества всегда был однозначным злом. Поскольку во второй половине 90-х выборы в стране исчезли, единственным методом борьбы с этим злом стали массовые протесты, которые должны были перетечь в бескровную революцию. В Беларуси существует свой смысловой аналог украинского Майдана — Плошча (Площадь), массовый уличный протест с требованием смены власти. Идея Плошчи для демократической общественности была естественной и бесспорной: противник этой идеи выглядел бы белой вороной. Плошчи после президентских выборов в 2006-м и 2010-м были раздавлены репрессивной машиной Лукашенко. А начиная с 2015 года белой вороной рисковал показаться уже тот, кто всерьез заговорил бы о намерении устроить новую Плошчу. К 2018—2019 годам не только массовая Плошча, но даже локальные несанкционированные уличные акции, без претензии на революцию, уже казались большинству проявлением маргинальности и провокацией.

Речь идет о глобальной пацификации наиболее активной и образованной части общества. Конечно, случилась она не вдруг. Пацификация шла все время правления Александра Лукашенко. Бесконечные и абсолютно немотивированные репрессии постепенно подавляли волю граждан к любой форме сопротивления. Но Евромайдан и российско-украинская война придали этому процессу дополнительную динамику.

Евромайдан раздвинул представления белорусов о реальности, продемонстрировав, что революции в XXI веке могут быть отнюдь не «бархатными». Стало отчетливо ясно, что, учитывая непреклонный характер действующего главы государства, в Беларуси маловероятен даже украинский вариант революции: при необходимости Лукашенко прольет гораздо больше крови, чем пролил Янукович. Вслед за этим наступило понимание того, что белорусский Майдан может стать поводом для военного вмешательства со стороны Кремля, что еще страшнее. К столь высоким ставкам люди явно оказались не готовы. Дезориентированной и деморализованной оказалась та часть белорусского общества, которая является традиционным электоратом демократической оппозиции. Логическим результатом этой деморализации стал отказ от самой идеи Плошчы, что было публично озвучено оппозиционными лидерами. «На сегодняшний момент нет возможностей призвать белорусов на Плошчу, потому что такой призыв автоматически будет воспринят подавляющим большинством граждан как маргинальный и оторванный от реальности», — утверждал лидер Партии БНФ Алексей Янукевич в интервью «Радио Свобода» еще осенью 2014 года. Президентские выборы 2015 года в итоге прошли беспрецедентно спокойно — о массовых протестах никто и не думал.

Идею Плошчы в общественном сознании заменила идея сопротивления возможной внешней агрессии. Фокус внимания переместился с Лукашенко на Путина — теперь именно хозяин Кремля был самой ненавидимой фигурой у демократически ориентированной части общества. Но это была еще не конечная точка пацификации. На следующем этапе власть должна была перестать быть пугалом. Пугалом должны были стать те, кто предлагает участвовать в несанкционированных протестах против этой власти. На этой стадии Лукашенко уже не только не враг, но и ситуативный друг.

Следует признать, что в период так называемой либерализации 2015—2016 годов власть весьма успешно заигрыва-

ла с гражданским обществом, спекулируя на интуитивной тяге людей к национальному объединению перед внешней угрозой. Центральное место здесь занимает так называемая мягкая белорусизация, под которой подразумевалась постепенное расширение практики использования белорусского языка и популяризация национальной культуры. Особенность этой «мягкой белорусизации» заключалась в том, что государство в ней почти не участвовало. То есть не шло речи об увеличении количества белорусскоязычных учебных заведений, усиленной поддержки государством национальных культурных проектов, переходе госучреждений на белорусский язык или квотировании белорусскоязычного контента на радио и телевидении. Речь шла о лишь о том, что проявление национальной идентичности больше не воспринималось властью в штыки.

Придя к власти в 1994 году, Лукашенко отменил национальный бело-красно-белый флаг и герб «Погоня», сделал русский язык государственным, а также взял курс на глубокую интеграцию с Россией. Его оппоненты соответственно выступали за белорусский язык, использовали национальные символы и протестовали против союза с Москвой. В итоге большую часть правления Лукашенко общественно-политическая жизнь характеризовалась противопоставлением откровенно про-российской власти и национально ориентированного гражданского общества. Противостояние порождало абсурдные стереотипы: например, многими использование белорусского языка априори воспринималось как признак принадлежности к оппозиции. Ношение национальной символики — бело-красно-белого флага или герба «Погоня» — как демонстрация революционных взглядов. Самое главное, что такое отношение культивировала в первую очередь сама власть — белорусский язык и национальная атрибутика были для них чем-то вроде отличительной черты «пятой колонны» и «отморозков» (именно так Лукашенко называл оппозицию). За «Погоню» и бело-красно-белый флаг на улице — вполне могли привлечь к административной ответственности, оштрафовать или бро-

суть на «сутки». Поэтому, когда власть вдруг стала относительно лояльно воспринимать национальные символы — это выглядело как настоящий прорыв.

«Мягкая белорусизация» шла исключительно снизу. В 2014 году среди молодежи внезапно возникла мода на одежду с национальными орнаментами — вышиванки и вышивайки. В вышиванках стали фотографироваться известные спортсмены, музыканты и модели. Ночные клубы проводили вечеринки в национальном стиле. Белорусский язык и национальную атрибутику начал успешно использовать в рекламе и своих имиджевых проектах бизнес. Выросла популярность частных курсов по изучению белорусского языка. Власть не только не стала воевать с модной тенденцией, но даже постаралась использовать ее. Например, Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ — лукашенковский аналог комсомола) стал проводить Дни вышиванки, а министр иностранных дел Владимир Макей с супругой даже появлялись в вышиванках на публике. По общему убеждению на все эти процессы значительное влияние оказала российско-украинская война. «Драматические события в Украине действительно обострили, актуализировали вопрос белорусской национальной идентичности. Это наша война, это не наша война — а мы, собственно, кто?» — рассуждал политический аналитик Юрий Дракохруст в эфире белорусской службы «Радио Свобода» в июне 2016 года.

Война России против Украины, вероятно, действительно подтолкнула белорусскую власть к мысли, что национальная идентичность — это вовсе не так плохо. В плане имиджа такое проявление «нерусскости» было полезно, и при этом оно не несло никакой угрозы для власти — ведь вся эта мода на вышиванки в своей основе была абсолютно аполитична. Мысль об инаковости белорусов и их истории от россиян стала периодически проскальзывать в риторике представителей власти. Но о кардинальном повороте речи не шло. Лукашенко, конечно, мог призвать Москву уважать независимость Беларуси. «Мы — самостоятельное суверенное государство,

живущее с вами в одном доме, но имеющее свою квартиру, пусть маленькую, небольшую, но свою квартиру», — подчеркивал в послании Национальному собранию в 2016 году. Но затем, буквально через несколько секунд, высказывался в унисон одиозному заявлению Путина о «разделенном народе»: «Мы, еще раз подчеркиваю, — один народ».

Лукашенко вовсе не собирался опираться на национально ориентированную часть общества, делать ставку на *мову* и отказываться от приоритета советского наследия. «Мягкая белорусизация» существовала ровно в тех рамках и ровно до тех пор, пока это не начало раздражать Александра Лукашенко. «Еду по дороге. Трасса, которую называют президентской. Вывесили табло «Выконвай хуткасны рэжым». Понятно мне, что хотел сказать автор. Но едет русский человек или русскоязычный белорус: Выконвай... Хуткасны... Но понял, что «рэжым». Неужели, думает, опять про диктатуру Лукашенко. Что вы хотели этим показать? 50 процентов населения — с запасом говорю — поймут, что требует дорожник или гаишник... Но остальные же не поймут!¹ Пришлось вернуть название нормальное», — рассказывал Лукашенко во время обращения к Национальному собранию 19 апреля 2019 года. Эта история ярко иллюстрирует реальное отношение Лукашенко к белорусскому языку и национальным символам — для него это не более чем детская забава.

Триумф вышиванок и «мягкая белорусизация» многими в Беларуси воспринималась как большая победа — мол, национализм пошел в массы. Но одновременно происходила замена дискурса сопротивления пророссийской власти на наиболее безопасные формы проявления национальной

¹ То, что слова «выконвай хуткасны рэжым» поймет в лучшем случае половина белорусов, конечно, полная глупость. По данным переписи населения 2009 года, 60 % жителей Беларуси считают белорусский язык родным, для 23 % белорусский язык разговорный. Пассивно языком владеет подавляющее большинство граждан страны. Три элементарных слова на «мове» не поймут разве что приезжие.

идентичности¹. В сущности, «мягкая белорусизация» подготовила почву для идеи о тождественности интересов общества и режима — по крайней мере на данном историческом этапе. Если национальные символы и независимость больше не камень раздора, значит, мы можем быть союзникам в борьбе с общим врагом — путинской Россией. А если мы союзники (пусть и ситуативные), то и всякая борьба с властью априори казалась абсурдной.

Своеобразным манифестом подобного примиренческого или, вернее сказать, пацификационного курса можно считать статью «Лукашенко или Россия — кого выбрать» за авторством Алесь Киркевича — литератора, экс-политзаключенного и экс-активиста «Молодого фронта». В этом тексте Лукашенко неожиданно сравнивается с «батькой» Булак-Балаховичем — неоднозначным героем эпохи гражданской войны на просторах бывшей Российской империи. Станислав Булак-Балахович успел повоевать за красных, белых, а затем за поляков и Белорусскую Народную Республику. «Батька» Булак-Балахович, рассуждает Алесь Киркевич, был не самым симпатичным персонажем, однако в конце своей военной карьеры сражался за независимую Беларусь. И если бы белорусы вокруг него объединились и победа оказалась за атаманом, то в исторической перспективе плюсы от независимости все равно бы перевесили минусы от правления своенравного «батьки». Главная мысль текста сводилась к простой формуле: Лукашенко — наш оппонент во внутренней политике, но союзник во внешней. И поэтому вокруг него неизбежно придется объединяться. «Друзья, расслабьтесь,

¹ Известный белорусский культуролог Максим Жбанков в интервью Deutsche Welle 22 июня 2016 года отмечал, что теперь «происходит подмена каких-то идеологических конфронтаций, идейных споров общеприняемым дизайном, не требуя от тех, кто поддерживает эту идею, никакого риска, усилий и даже никакого расширения своего самосознания». «Национальность превращается в гаджеты, в систему фишек, это упрощенная «белорусскость», которая является наименее конфронтационной», — подчеркивал он, комментируя моду на вышиванки и вышивайки.

никакого выбора между Лукашенко и Россией на самом деле нет. Есть выбор между Беларусью и Россией», — резюмировал Киркевич, неожиданно ставя знак равенство между страной и диктатором. И это утверждал человек, которого сам же Лукашенко когда-то упек за решетку.

Статье нельзя отказать во внутренней логике. Безусловно, независимость — важнее всего, а Лукашенко — все равно лучше российской оккупации. Но вывод о том, что Лукашенко — союзник белорусских патриотов был как минимум преждевременным. Война еще не началась, и Лукашенко вовсе не объявлял Путина главной угрозой суверенитета Беларуси. Напротив, речь шла о правителе, который традиционно выступает за интеграцию с Россией, который провозгласил вместе с Кремлем Союзное государство и во все не собирался дезавуировать союзный договор. Но самое главное, что оппозицию и гражданское общество Лукашенко не воспринимал как своих союзников в борьбе за независимость Беларуси. Он считал их врагами — и, возможно, даже более страшными, чем Путин. Статья Алеся Киркевича была опубликована 13 февраля 2017 года. Не пройдет и полутора месяцев, как друзей Киркевича по «Молодому фронту» назовут боевиками, арестуют по сфабрикованному «делу патриотов» и бросят в СИЗО КГБ после публичной отмашки самого Лукашенко. По стране прокатятся массовые произвольные аресты. В 99-ю годовщину провозглашения БНР Минск разрежут блокпосты ОМОНа, улицы будут патрулировать автоматчики, в центр города стянут спецтехнику — водометы, штурмовые автомобили и армейские бронемшины. Все это будет необходимо вовсе не для борьбы с Путиным или пророссийской «пятой колонной». Все это потребуется для подавления стихийных протестов нетунеядцев и поддержавшей эти мирные протесты национально-демократической оппозиции. Таким образом, абсурд пацификационного курса заключался в том, что вокруг Булак-Балаховича предлагалось объединиться не тогда, когда он выступил под знаменами БНР, а когда воевал за большевистскую Россию.

Жестокое подавление протестов нетунеядцев и сфабрикованное «дело патриотов» вовсе не поставило крест на примиренческом курсе. Этот курс набирал популярность, несмотря ни на что. Спустя год после того, как по Минску разгуливали автоматчики и разъезжали армейские бронемашины, главным мероприятием в день столетия БНР станет не акция протеста, а праздничный концерт с фуд-кортами. Концерт (который получит название «Свята незалежнасці») будет санкционирован властями, пройдет возле Оперного театра и соберет почти тридцать тысяч гостей. Мероприятие, вне всяких сомнений, было очень успешным, действительно праздничным и патриотическим. Но параллельно более ста человек будут стоять лицом к стене — так закончится попытка провести митинг протеста в День Воли. Более того, даже гостей «Свята незалежнасці», которые посмеют уходить с концерта с национальными флагами, ОМОН будет отлавливать на улице и бросать в автозаки. Ничего необычного для Беларуси в этом, казалось бы, нет. Кроме одного обстоятельства: инициатива проведения параллельного несанкционированного митинга подверглась массовой травле сторонниками концерта. А более сотни произвольных жестких задержаний прошли почти незамеченными — главным событием дня все равно стал праздничный концерт возле Оперного театра. Культовая для национально-демократических сил дата — День Воли 25 марта — впервые за 22 года лишилась ярко выраженной протестной повестки. И в 2019-м эта повестка не вернется.

Все это было свидетельством глубоких тектонических сдвигов в сознании белорусского общества. Отныне едва ли не каждая попытка несанкционированных протестов получала клеймо маргинальности и провокаторства. Оппозиция и гражданское общество окончательно раскололись на «радикалов» и «умеренных». Чтобы прослыть «радикалом» вовсе не нужно было готовить революцию и запастись «коктейлями Молотова». Достаточно было призвать к несанкционированному (пусть и абсолютно мирному) митингу,

шествию или хотя бы пикету. «Умеренные» же исходили из того, что следует избегать прямых конфликтов с властями и действовать лишь в дозволенных рамках, чтобы избежать бессмысленных жертв. Подобный ход мыслей после 2014 года постепенно стал доминирующим.

Ясно, что большинство сторонников конструктивной позиции придерживались таких убеждений вполне искренне. Но столь же очевидно, что маргинализация протестного движения была на руку режиму Лукашенко. Да и в Москве, судя по всему, с одобрением смотрели на успешную пацификацию белорусского общества. Характерно, что «Свята незалежнасці», воспринятое многими в Беларуси как большой успех *беларушчыны*, было в целом положительно оценено российскими пропагандистами. Телеканал RT хвалил Лукашенко за то, что «главный праздник радикальной оппозиции власть решила на этот раз использовать в своих целях — для консолидации разрозненного гражданского общества». «Так что теперь официально Минску остается только развить успех — продолжить поддерживать умеренную оппозицию, которая настроена конструктивно и не желает повторения в Минске киевского «майдана». А «непримиримым» ничего не светит», — заключали кремлевские пропагандисты¹.

«Один народ»

Желание гражданского общества заменить ближнего врага (Лукашенко) дальним (Путиным) понять не сложно. Российская агрессия против Украины наложила в этом смысле на «благоприятный» фон: запуганность общества репрессиями, усталость от 20-летней безуспешной борьбы с режимом и отсутствие веры в перемены. В этой ситуации психологически куда проще и продуктивнее сосредоточить свое негодование на потенциальной внешней угрозе, чем бороться с режимом, который является главным союзником

¹ В целом подавляющее большинство российских СМИ «Свята незалежнасці» практически не заметили, ограничившись сухой новостной сводкой.

этого врага. Но понимал ли сам Лукашенко, какую опасность для Беларуси представляет путинская Россия?

Лорд Генри Палмерстон 150 лет назад говорил: «У Англии нет ни постоянных союзников, ни постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы». Подобная формула вполне применима к Александру Лукашенко. Его постоянный интерес заключается в том, чтобы сохранить свою власть. Вне всякого сомнения, российская агрессия против Украины произвела на Лукашенко неизгладимое впечатление: он, вероятно, впервые всерьез задумался о том, что Россия в какой-то момент может оказаться его главным врагом. Уже 22 апреля 2014 года Лукашенко в ежегодном обращении к народу и Национальному собранию вдруг начал опровергать обвинения (которые непонятно, кто выдвигал) о притеснении в Беларуси русских и русского языка. «Я просто даже и рассуждать на эту тему не хочу. Потому что если говорить о притеснении русских, то, наверное, русские в Беларуси сами себя притесняют. Потому что невозможно сегодня в Беларуси у самого белорусского человека разложить и вычленишь ту белорусскую кровь особенную, о которой многие говорят и так мечтают. У нас все перемешано и смешано... Я поручаю правоохранительным органам, Комитету госбезопасности немедленно пресекать подобные разговоры, от кого бы они ни исходили», — заявил он с трибуны парламента. Лукашенко распорядился, чтобы к тем, кто утверждает, что в Беларуси принижают русский язык, КГБ «подходил как к диверсантам». Все это, разумеется, сопровождалось торжественными заявлениями, что Россия — «наш стратегический союзник, наши братья» и две страны всегда будут вместе. Но при этом: «Да, нас пугают — завтра Путин придет и тут все захватит. Еще раз повторяю, откуда бы кто-то ни пришел, мы будем за свою страну сражаться».

Еще более важное заявление Лукашенко сделал 16 декабря 2014 года на заседании Совета безопасности. В этот день он подчеркнул, что в плане укрепления обороноспособности Беларуси следует обратить внимание и на «восточное на-

правление». «Поведение сегодня нашего восточного родного брата не может не настораживать. Но мы пока не делаем из этого каких-то выводов», — рассуждал Лукашенко. Впрочем, «восточное направление» не выносилось на первое место: начиналось то заседание Совбеза с угрозы наращивания военного потенциала НАТО в Восточной Европе и утверждения, что в Украине «накапливается потенциал ненависти и экспорта цветной революции».

Угроза с Востока вовсе не стала лейтмотивом публичной риторики Лукашенко. Наоборот, он называл подобные рассуждения «чепухой», говорил, что русский человек никогда не повернет оружие в сторону белорусов и якобы не существует никаких предпосылок для того, чтобы Беларусь повторила судьбу Украины. Да, он регулярно делал заявления в духе «кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», что политологи однозначно трактовали как намек на российскую угрозу (кто же еще в современной Европе способен на агрессию?). Однако сам Лукашенко опровергал подобное толкование. «Я получил всю эту информацию: ах, это против России. Фразы эти были направлены против тех, кто попытается это сделать. Это во-первых. Во-вторых, насколько я понимаю, искренне говорю, Россия — это, можно сказать, оплот и нашего суверенитета. Не дай бог что-то случится, я до сих пор считаю, что мы с Россией будем в окопах вместе», — объяснял он журналистам 20 апреля 2019 года. А иногда Лукашенко и вовсе прямым текстом говорил: Запад для Беларуси более серьезная угроза, чем Россия. «Почему до сих пор в Польше встречаются карты, где польская граница проходит под Минском? Риторический вопрос. Возможно, есть проблемы с Востоком, но еще большая проблема с Западом. Россияне не устанавливают ракеты за Москвой, чтобы на Беларусь нацелить», — отмечал он на пресс-конференции 1 марта 2019 года.

Временами тема внешней угрозы использовалась целиком и полностью во внутривнутриполитических целях. Причем источник такой угрозы менялся мгновенно — в зависимости

от конъюнктуры. Когда марши нетунеядцев только начались, Лукашенко явно намекал на то, что за протестами стоит Россия. Посещая Республиканский научно-практический центр трансплантации органов и тканей 28 февраля 2017 года, он рассуждал о белорусской государственности и «здравом национализме», а затем отметил: «Сегодня некоторые под видом «тунеядства» еще чего-то пытаются эту лодку раскатать и доказать нам, что это не наши земли, а чьи-то». Но спустя всего три недели Лукашенко решил, что куда проще будет связать протесты нетунеядцев с Западом и Украиной. И он станет рассказывать о боевиках, которые проходили подготовку в тренировочных лагерях в Украине (а также Польше и Литве), и готовили в Беларуси «провокации с оружием»¹. Поэтому делать какие-то выводы исключительно на основании публичных высказываний Лукашенко нельзя. Нужно смотреть на конкретные решения в сфере безопасности.

Осенью 2015 года (как раз незадолго до президентских выборов и последующей заморозки западных санкций) Лукашенко вдруг отказался от размещения российской военно-воздушной базы, заявив, что она на территории Беларуси совершенно не нужна. И это при том, что вопрос на тот момент казался решенным: российские генералы безапелляционно заявляли, что состав базы в Бобруйске и ее организационно-штатная структура уже утверждены. Владимир Путин официально отдал правительству распоряжение подписать с Минском договор о создании российской авиабазы. Однако Лукашенко 6 октября неожиданно заявил: «Нам не надо база сегодня. Тем более военно-воздушные силы. Нам нужны определенные вооружения». В июле 2016 года Александр

¹ Сказка о вооруженных боевиках и тренировочных лагерях ляжет в основу сфабрикованного дела «Белого легиона» («дело патриотов»). Его фигурантами станут 35 человек. КГБ обвинит их в создании НВФ и подготовке массовых беспорядков, у задержанных якобы найдут целый арсенал оружия. Правда, спустя несколько месяцев все «легионеры» выйдут на свободу, а дело закроют за отсутствием состава преступления.

Лукашенко подпишет новую военную доктрину Беларуси, на содержание которой огромное влияние оказал опыт войны на Донбассе. Акцент в документе сделан на противостоянии цветным революциям и угрозе гибридных войн. Как пояснял в Палате представителей министр обороны Андрей Равков, в доктрине учтены «все возможные варианты развязывания агрессии против Беларуси, в том числе на стадии внутреннего вооруженного конфликта, спровоцированного извне с помощью гибридных способов противоборства». С тех пор в Беларуси неоднократно проводились учения, легенды которых были удивительным образом похожи на донбасские события. Например, незаконные вооруженные формирования сепаратистов (террористов) захватывают населенный пункт с целью склонения мирное население на свою сторону, а силовики блокируют и «зачищают» территорию.

Парадокс и абсурд ситуации заключается в том, что Россия при этом безоговорочно остается главным военно-политическим союзником Беларуси. Общее оборонное пространство Союзного государства Беларуси и России никто под сомнение не ставит, главы министерств обороны двух стран заявляют о единой оценке вызовов и угроз. Существует совместная региональная группировка войск. В годы войны на Донбассе военные Беларуси и России провели десятки совместных учений разного формата и масштаба. Сам Лукашенко в послании Национальному собранию в 2017 году говорил, что с Россией Беларусь ежегодно проводит более 40 (!) совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки. Причем интенсивность учений спецподразделений двух стран в последние годы лишь возросла. Достаточно сказать, что только бойцы 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии (так называемые псковские десантники) приезжали в Беларусь четыре года подряд — с 2015-го по 2018-й. Крупнейшими совместными маневрами России и Беларуси стали стратегические учения «Запад-2017», вызвавшие волну алармистских прогнозов за рубежом. СМИ писали, что под прикрытием маневров Путин перебросит в Беларусь

значительно больше войск, чем декларируется, и они могут быть использованы для наступления против Украины или стран Балтии. Свою обеспокоенность планами России в контексте «Запада-2017» выражали военные и политики как Украины, так и западных стран. Командующий американскими войсками в Европе генерал Бен Ходжес сравнил эти маневры с «троянским конем». Апокалиптические прогнозы не подтвердились: количество российских военных не превысило заявленную численность в 3000 человек, и по окончании учений они покинули Беларусь. Однако миротворческому имиджу Минска подобные маневры все равно на пользу не идут: в эти моменты мировое сообщество смотрит на Лукашенко исключительно как на военного союзника государства-агрессора. И делает соответствующие выводы. «Постепенно углубляющаяся военная интеграция с Россией снижает способность Беларуси осуществлять независимую оборону и политику безопасности», — констатируется в докладе литовского Департамента безопасности и военной разведки об оценке национальной угрозы Литве, опубликованном в феврале 2019 года.

Конечно, если бы Лукашенко вдруг решил свернуть сотрудничество с РФ в области безопасности, то Путин такой шаг однозначно воспринял бы как предательство. Прямого конфликта с Москвой в таком случае было бы сложно избежать. Так что выбор у Лукашенко в этом плане невелик. Однако правда в том, что Лукашенко вовсе и не воспринимает Россию как главную и исключительную угрозу своему политическому режиму. Для него это в лучшем случае одна из угроз — наравне с демократическим Западом и внутренней оппозицией («пятой колонной», как он ее называет). В худшем случае он воспринимает российскую угрозу вообще как меньшее из зол. Понять логику главы Беларуси не сложно. Во-первых, Россия — с ее культом сильной власти, антизападничеством и тоской по СССР — близка Лукашенко ментально. Во-вторых, он ведь и так ведет вполне пророссийскую политику и потому искренне не понимает, зачем

бы вдруг Кремль решил его устранить. **«Русским не нужно захватывать Беларусь. Здесь и так самая прорусская провинция, если уж так говорить, и часть нашего отечества. Дай Бог, чтобы у вас в России везде было пророссийские территории такие, как у нас в Беларуси»**, — говорил он в интервью Ксении Собчак в 2014 году.

Танки и тракторы

Может показаться удивительным, что «прорусская провинция» на протяжении всей войны сохраняла дружеские отношения с Украиной. Но для того чтобы миротворческий имидж Беларуси в мире выглядел более убедительным, дружба с южным соседом была необходима. К тому же Минск совсем не хотел лишаться такого торгово-экономического партнера, как Украина.

Война, безусловно, оставила след в отношениях двух стран. Военно-техническое сотрудничество Беларуси и Украины пришло в упадок, многие проекты были свернуты. «С Украиной у нас взаимодействие в этой области сокращено, не реализуется, поскольку мы должны понимать, что Беларусь — это прежде всего площадка по урегулированию конфликта. Мы не создаем дополнительных проблем и вопросов», — заявлял в 2018 году председатель Государственного военно-промышленного комитета Беларуси Олег Двигалев¹. Экономические связи также были нарушены: в 2015 году товарооборот двух стран обвалился более чем на 40 % — с 5 млрд 868 млн до 3 млрд 475 млн долларов. К 2017 году ситуация начала меняться. С апреля по ноябрь 2017-го Лукашенко и Порошенко провели три встречи

¹ Правда, статус мирной площадки при этом не мешал Беларуси углублять военное сотрудничество с РФ и проводить совместные учения. Справедливости ради следует сказать, что полностью сотрудничество с Украиной свернуто не было. Некоторая продукция, необходимая армии, из Беларуси в Украину в годы войны все же поступала. Речь прежде всего идет о топливе, двигателях, автомобилях и комплектующих к ним.

тет-а-тет, а в Гомеле осенью 2018 года состоялся Форум регионов. Товарооборот почти восстановился — по итогам 2018 года он достиг 5 млрд 321 млн долларов.

Разумеется, для Украины вопрос № 1 — это далеко не торговля. Приоритет официального Киева всегда был однозначен: Беларусь не должна стать плацдармом для путинской агрессии. Украинское руководство считало (и возможно, до сих пор считает) угрозу открытия «белорусского фронта» вполне реальной. И ради гарантий безопасности на этом направлении готово закрыть глаза на многое.

Эти гарантии Лукашенко дает Украине регулярно. Следует признать, что глава Беларуси старался по мере возможностей развеять любую настороженность украинских властей в этом вопросе. В августе 2014 года, в разгар сражения за Иловайск, Лукашенко потребовал от председателя Госпогранкомитета Леонида Мальцева постоянно находиться на связи с руководством украинских пограничных сил и обмениваться информацией. «Мы с президентом Порошенко об этом договорились — что все службы, и силового блока должны постоянно контактировать. Если есть какие-то настороженности, то снимать их, чтобы это не выходило наверх и, не дай бог, еще в общество, в СМИ, чтобы не было у нас даже повода к этому», — заявил он 18 августа. Лукашенко позже многократно повторял: «Мы в Украину на танках не поедем, мы на тракторе туда поедем». Порошенко в свою очередь утверждал, что главе Беларуси вполне доверяет. Однако этот вопрос все равно оставался ключевым в двусторонних отношениях. «Мы не можем допустить, чтобы для Украины с территории Беларуси была хоть какая-то угроза, — говорил Порошенко во время визита в Гомель 26 октября 2018 года. — Мы этого не ждем, знаем, что этого не будет и, конечно, мы не хотим, чтобы Россия использовала Беларусь для того, чтобы зайти нам во фланг».

Этот жизненно важный вопрос затмевал собой все откровенно недружественные поступки белорусских властей в отношении Украины. Беларусь поддерживает Россию на

международных площадках, регулярно голосует против крымских резолюций в ООН. Торгует с ОРДЛО, а также оккупированным Крымом. Лояльно относится к боевикам ДНР и ЛНР. 300 тысяч украинских граждан находятся в общей российско-белорусской базе невъездных — из Беларуси регулярно депортируют украинских журналистов, деятелей культуры и активистов. Наконец, в Гомеле в 2017 году сотрудники ФСБ похитили украинца Павла Гриба, что заставило главу МИД Украины Павла Климкина назвать пребывание на территории Беларуси «потенциально опасным» для украинских граждан¹.

Нельзя сказать, что весь этот негатив в двусторонних отношениях официальный Киев игнорировал, однако обсуждался он с белорусской стороной обычно за закрытыми дверями. В публичном же пространстве реакция была весьма сдержанной, а то и вовсе отсутствовала. В основу взаимоотношений Порошенко и Лукашенко лег простой принцип: ни в коем случае не выносить сор из избы, чтобы этим не воспользовался Кремль. Это привело к тотальной закрытости содержания двусторонних контактов на высшем уровне. Киев вводит санкции против двух белорусских предприятий — но стороны демонстративно не комментируют подобное решение. В Беларуси по обвинению в шпионаже к 8 годам колонии приговаривают корреспондента «Украинского радио» Павла Шаройко — однако Порошенко ни разу публично не высказывается на этот счет. Разумеется, в ходе встреч тет-а-тет подобный заговор молчания не дей-

¹ После появления информации о похищении Павла Гриба в Гомеле МИД Украины направил ноту белорусским коллегам с просьбой разъяснить произошедшее. Нота была фактически проигнорирована. «Пребывание граждан Украины на территории Беларуси является потенциально опасным, и об этом мы будем говорить с Минском. Мы понимаем, что на территории Беларуси действуют российские властные структуры. Россия присутствует там в сфере безопасности», — заявил впоследствии Павел Климкин в интервью Rzeczpospolita.

ствовал. Показательное осуждение нескольких белорусских боевиков ДНР и ЛНР осенью 2017 года демонстрирует, что на некоторые сигналы от украинской стороны Лукашенко даже вынужден был реагировать. Конечно, то были лишь символические реверансы в сторону Украины. Понимали ли, например, в Киеве, что эти четыре суда над боевиками всего лишь показуха? Несомненно. Но куда важнее исключить военную угрозу для Украины со стороны ближайшего союзника России. В этом смысле Петр Порошенко смотрел на политику белорусского руководства максимально прагматично и толерантно. Логика здесь простая. Рассчитывать на то, что Лукашенко внезапно займет проукраинскую позицию и избавится от сильнейшей зависимости от России не приходится, поэтому работать надо с тем, что есть, полагают в Киеве. И если с белорусского направления на Украину не идут путинские танки — уже неплохо.

Лукашенко, впрочем, тоже не хочет, чтобы Кремль воспользовался белорусско-украинскими разногласиями в своих геополитических интересах. Ведь конфликт Минска с Киевом создал бы благоприятные условия для слияния позиций России и Беларуси по украинскому вопросу, чего Лукашенко стремится избежать. На понимании общности подобных интересов и зиждется нынешний хрупкий баланс в отношениях Беларуси и Украины. Правда, следует понимать: Киев в сохранении статус-кво заинтересован все же больше, нежели Минск.

Триумф в темные времена

«Минск не в состоянии проводить полностью независимую политику из-за финансовой зависимости от России, нерешенных двусторонних вопросов и отсутствия экономических реформ в государственном секторе», — говорилось в докладе литовского Департамента безопасности и военной разведки об оценке национальной угрозы Литве, опубликованном в феврале 2019 года. Вряд ли с подобной оценкой согласилось бы белорусское руководство. Но именно такой

изначальный взгляд мирового сообщества на Беларусь снижал планку требований к политике Александра Лукашенко. Любое проявление инаковости относительно курса Кремля ценилось очень высоко. Лукашенко же весьма удачно на подобном подходе спекулировал. В сущности, вся его тактика, начиная с марта 2014 года, сводилась к тому, чтобы по мере возможностей дистанцироваться от политики Путина на международной арене и убедить весь мир в том, что Беларусь не является сателлитом России. Но при этом не слишком раздражать Москву и поддерживать ее в наиболее чувствительных вопросах. Лавировал Лукашенко вполне успешно и искусно. Глава Беларуси делал взаимоисключающие заявления и совершал противоречащие друг другу поступки. Адресатом одних был Запад и Украина, адресатом других — Россия.

Подобная противоречивая риторика создавала иллюзию стерильного нейтралитета и непредвзятости. Но в действительности этот нейтралитет был абсолютно пророссийский. И для того чтобы прийти к этому выводу вовсе необязательно разбираться в тонкостях работы белорусских спецслужб в отношении участников в войны на Донбассе, в информационной политике или торговых связях с оккупированными территориями. Достаточно взглянуть на более очевидные вещи. Можно ли, например, считать непредвзятым политику государства, которое в годы войны постоянно проводило совместные военные учения со страной-агрессором и поддерживало Россию в ООН? Можно ли считать в полной степени нейтральным государство, руководитель которого обещает в случае большой войны выступить на стороне России?

Кто-то возразит: Беларусь же сотрудничала и с Украиной, в том числе поставляя продукцию двойного назначения, мол, танки и самолеты ВСУ работали в том числе на белорусских нефтепродуктах. Но ведь и Россия не полностью свернула торговые связи с Украиной: в 2018 году доля российского дизельного топлива на украинском рын-

ке даже превысила долю белорусского¹. Запрет на экспорт в Украину нефти и нефтепродуктов Кремль ввел только 18 апреля 2019 года — спустя пять лет после начала войны. А «Укроборонпром», как стало известно после расследования Bihus.Info, и вовсе закупал детали военной техники в России. Так что Беларусь в этом вопросе позволила себе не больше (а возможно, даже меньше), чем ее союзник. Ничего удивительного: речь ведь идет не об обычной войне, а о гибридной.

Запад и Украина прекрасно понимают, что о стерильном нейтралитете речи не идет. Вашингтон, Брюссель и Киев ценят позицию Лукашенко вовсе не за миротворческие инициативы и не за Минские соглашения. Они ценят ее за то, что Беларусь не стала участником этого противостояния. Формальная площадка для мирных переговоров в любом случае лучше реальной линии фронта.

Насколько реален был сценарий втягивания Беларуси в войну России с Украиной? Если бы локальный конфликт перерос в большую региональную, а то и мировую войну — остаться в стороне у Беларуси было мало шансов. К тому же, как уже говорилось выше, Лукашенко не раз заявлял о готовности поддержать Россию при таком развитии событий. Однако это — теория. А на практике Россия вела гибридную войну против Украины, в которой сложно было найти место для Беларуси. Не существует никаких свидетельств того, что Путин добивался от своего белорусского союзника военной поддержки в конфликте с Украиной. Нет доказательств того, что Путин в 2014—2015 годах хотел наступать на Киев через территорию Беларуси и уж тем более при участии белорусской армии. Как, впрочем, нет данных и о том, что от подобных планов Путин отказался из-за позиции Лукашенко.

¹ «И россияне поставляют, постоянно наращивая объемы этих поставок — бензинов и дизельного топлива, — в Украину. Так как же так? Мы воюем с Украиной или Россия? И кто заправляет эти танки? А наши объемы снижаются. Нас просто выталкивают с украинского рынка», — жаловался Лукашенко в январе 2019 года.

Конечно, в Кремле хотели, чтобы Беларусь более активно поддерживала Россию — например, открыто выступила в поддержку аннексии Крыма. Но, судя по всему, даже в этом вопросе Москва не давила на Минск. Впоследствии Лукашенко утверждал, что у него не было конфликта с российским руководством по данной проблеме и он даже благодарил Путина за «понимание» его позиции по Крыму. Так что неучастие в противостоянии с Украиной и Западом — это не результат смелости Лукашенко или его исключительной неуступчивости в отношениях с Кремлем. Он мог стать участником конфликта, только если бы совершил откровенную и ничем не мотивированную глупость. Лукашенко в 2014 году глупостей в своей внешней политике не допускал. А затем (и тут нужно отдать должное главе Беларуси) талантливо использовал все возможности, которые предоставила ему российско-украинская война.

Политика официального Минска в отношении войны на Донбассе приносила такие дивиденды, что Лукашенко, видимо, всерьез задумался над тем, чтобы добиться для себя более значимой роли. Десять тысяч белорусских миротворцев на Донбассе — это лишь то, о чем мы знаем. А сколько еще предложений осталось за кадром? Какие инициативы обсуждались, например, на встречах (14 января и 4 апреля 2019 года) с кумом Путина Виктором Медведчуком — остается только догадываться. Судя по официальным отчетам, речь шла именно про Донбасс и в целом о российско-украинском конфликте — и, естественно, про возможную роль Беларуси в этих процессах. «Вы владеете информацией и о политике, этой внутренней политической кухне, которая сейчас разворачивается. С точки зрения нашего дальнейшего поведения — Беларуси — нам очень важна ваша информация. Вы должны меня как-то сориентировать в этой ситуации», — говорил Медведчуку Лукашенко. В определенном смысле Донбасс стал идеей-фикс для Лукашенко. «Вы, наверное, заметили, что я слишком часто говорю об Украине, но как иначе: наша страна, близкая», — почти оправдывался Лука-

шенко на встрече с президентом Молдовы Игорем Додоном 10 апреля 2019 года.

Нельзя исключать, что тема Донбасса на каком-то этапе для Лукашенко вышла за рамки сиюминутного политического контекста. Вероятно, он вполне искренне считает эту войну огромной трагедией для всего постсоветского пространства. И для него стало важно войти в историю не только как первый президент суверенного государства Беларусь, но еще и как президент-миротворец — человек, который способствовал мирному урегулированию конфликта на Донбассе. Недаром он неоднократно патетически заявлял: мол, нельзя оставить эту войну нашим детям, потому что нам этого не простят. То, что мысли о своей исторической миссии соседствуют с конъюнктурным популизмом — закономерно. В конце концов, популизм всегда был частью фирменного политического стиля Лукашенко.

При этом Лукашенко не стоит рассчитывать, что расширение роли Беларуси в донбасском конфликте будет поддержана самими белорусами. Большинство населения страны против отправки белорусских солдат на Донбасс даже в формате миротворческой миссии под эгидой ООН. По данным национального опроса НИСЭПИ за март 2015 года, не одобряли такую миссию 44,8 % белорусов и только 18,2 % оценивали идею положительно. Без ООНовской обертки подобная миссия белорусов еще больше пугает. Пространное заявление Лукашенко телеканалу «Евроньюс» о готовности отправить «вооруженные силы для того, чтобы развести конфликтующие стороны», в конце 2014 года положительно оценили только 18,7 %, а однозначно отрицательно — 64,1 % опрошенных. Активность Лукашенко в этом смысле заметно контрастирует с твердой позицией «невмешательства», которую с самого начала войны заняли большинство белорусских граждан.

Глава 26

НАДЕЖДА ВЫБРАЛА УКРАИНУ

В январе 2016 года пожарные прибыли на вызов о задымлении в одной из минских квартир. Там они обнаружили обгоревший труп пожилой женщины, а рядом — емкость с растворителем и свечу. Позже выяснилось, что пенсионерка подожгла себя сама, совершив таким образом суицид. Женщина состояла на учете в психоневрологическом диспансере, в квартире жила одна. Единственный близкий ее человек, дочь Надежда (имя изменено по просьбе героини. — К. А.), на похороны не приехала — она была на Донбассе, в добровольческом батальоне «Айдар».

«Из-за шизофрении матушки я подростком провела четыре года в детском доме. Когда пришло время куда-то идти учиться, там поставили перед фактом: документы уже поданы в ПТУ. Отучилась на сварщика. Снимать одной жилье дорого, а с матерью жить стало очень тяжело, и я уехала в Питер к друзьям. Оставаться в Минске мне никогда не хотелось, он слишком маленький. Правда, и в Питере не прижилась. В итоге я переехала в Киев. Это был 2012 год. Если честно, при Януковиче жилось нормально, возможностей хватало... Как только я приехала, нашла подработку официанткой — иногда за вечер по сто баксов чаевых получала. Потом устроилась продавать музыкальные инструменты, сидела в офисе за 800 долларов в месяц».

Мы говорим с Надеждой по скайпу в июне 2019-го. В звук ее голоса, низковатого, с едва уловимой хрипотцой, врывается дребезжание тарелок. Она дает интервью и одновременно моет посуду на кухне в своем доме в Буче, под

Киевом. Раньше Надежда не рассказывала свою историю ни белорусским, ни украинским СМИ. Лишь однажды небольшую статью о ней напечатали в журнале для украинцев в Чехии, но в здешних широтах публикацию не заметили. И в свое время Надежде очень помогло то, что она избегала публичности. Возможно, именно эта осторожность сохранила ей свободу.

В Беларуси Надежда никогда не интересовалась политикой и не занималась общественной деятельностью. «Для этого есть специально обученные люди», — иронизировала она. До своего единственного оппозиционного митинга в марте 2014-го Надя так и не дошла. Тогда движение «Молодой фронт» (подробнее о нем в главе 5) призвало выходить к посольству РФ в Минске в знак протеста против аннексии Крыма. Но Надежду, как и остальных несостоявшихся участников, милиция еще на подходе задержала за «несанкционированное мероприятие». «Мент сказал: «Дайте этой бляди ногой под сраку», — меня скрутили и отвезли в отделение. Там нас всех три часа мариновали. Самое смешное — повязали случайно даже пресс-атташе российского посольства, который просто за водичкой в магазин вышел», — вспоминает Надя. Впрочем, испугать подобным человека, видевшего столкновения на Майдане, было трудно. В ту зиму, почти три месяца, белоруска помогала протестующим, чем могла — и в итоге заболела. Сказалось переутомление.

К. А.: Почему такой аполитичный человек, как ты, вообще оказался на Майдане?

— Когда все началось, я тогда на пару дней приезжала в Минск, мама сказала: «Главное, не ходи на Майдан». Естественно, я вернулась в Киев, бросила сумку и сразу пошла на Майдан. Сначала попросили кофе-чай поразливать, потом какой-то борщ варила. Было весело...

К. А.: То есть, ты находилась там за компанию?

— Как тебе сказать... Ради украинцев. Моя позиция такая: раз я выбрала для жизни Украину, то я — за эту страну и за этих людей.

Расстрелы на Институтской Надежда не застала. В феврале из-за сильного кашля и высокой температуры друзья уговорили ее поехать лечиться домой. За это время Майдан закончился, Россия аннексировала Крым, а боевики Гиркина захватили Славянск. «До последнего не верилось, что будет война, что это вообще возможно... У меня не было какой-то русофобии, а просто понимание: это враг и он напал. А так, за что ненавидеть человека, который сидит где-нибудь во Владивостоке? Это глупо. Но в прицел увидим на нашей земле — убьем», — рассуждает белоруска.

В мае 2014-го Надежда вернулась в Киев и работала продавцом в ларьке. «Ко мне туда постоянно приходили знакомые еще с Майдана пацаны. Потом они уехали на войну, а на следующий день эвакуатор снес наш ларек... И я осталась без работы». Наступил август, сводки с фронта становились все тревожнее. В АТО не прекращались ожесточенные бои, говорили о присутствии российских войск. Уже был сбит пассажирский «боинг», близился Иловайск. А у Надежды не было в Украине ни семьи, ни планов на будущее. К тому же Майдан и последующие весенние события, очевидно, произвели на молодую женщину сильное впечатление. Во второй половине августа Надя решает провести друзей — тех самых товарищей по Майдану. Теперь они служат добровольцами в «Айдаре»¹, и белоруска отправляется на базу батальона в село Половинкино Луганской области.

«Это было почти в 70 километрах от фронта, глубокий тыл. Я приехала просто в гости к ребятам, вся такая девоч-

¹ Одно из самых известных добровольческих формирований, батальон территориальной обороны «Айдар» (в подчинении Минобороны Украины), был создан в мае 2014 года в Луганской области. Его основу составили добровольцы со всей страны, принимавшие активное участие в Евромайдане. В отличие от остальных тербатов, набором бойцов в «Айдар» занимались не военные комиссариаты, а лично командир Сергей Мельничук, бывший комендант «Самообороны Майдана». Сегодня подразделение называется 24-й отдельный штурмовой батальон «Айдар» и является частью Сухопутных войск Вооруженных сил Украины.

ка, танк от БТРа не отличала», — вспоминает Надя. Судя по ее рассказу, Надежда не до конца осознавала, что надолго задержится «в гостях» и даже хотела уже вернуться обратно в Киев, но товарищи предложили ей прокатиться по окрестностям. Сентябрьской ночью они въехали в село Трехизбенка и разместились в здании бывшего детского сада.

«Наутро на меня надевают броник, балаклаву, в руки — автомат и зовут на позиции. Выходим из садика, там мост и речка в ширину метров 60, а через нее уже «сепары». Спрашиваю, мол, это что, передовая? А мне в ответ: «Ну да, ноль»¹.

Я подумала: ох, куда ж я попала!.. Потом начались обстрелы, ничего не происходило. Нас просто крыли крупнокалиберной артой (артиллерией. — К. А.), а мы прятались. Хотя прятаться особо негде было, скорее ждали, попадет или нет. С автоматом приходилось ходить постоянно: и ночью, и в туалет. Кстати, самое неприятное — при обстреле ходить в туалет. Сидишь и думаешь: ну что это за смерть — в сортире?»

К. А.: Тебе часто бывало страшно?

— Только во время первого обстрела, когда все бахает вокруг, а разу к пятому ты такой «ну, пойду поем».

К. А.: Особое отношение бойцов к женщине, да еще иностранке, в батальоне как-то ощущалось?

— Много бестолковости такой, мол, ты баба и ничего не умеешь. Я говорю: «Так научите!» А потом выясняется, что я на полигоне лучше стреляю. А вообще у нас было много девчонок, даже командиры.

В «Айдаре», Надя не получила никакой определенной специальности, не имела даже военного билета. Вместо позывного ее называли по имени. «Делала, что было необходимо», — уклончиво объясняет она. Постигать военную науку Надежда не стремилась. Но и возвращаться в

¹ «Ноль», или нулевая позиция на передовой, — самый крайний к вражеским позициям пост. Село Трехизбенка в Новоайдарском районе Луганской области было освобождено от боевиков и перешло под контроль украинских военных 7 июля 2014 года.

Киев, где никто не ждал, не хотела. Для одинокого человека фронтальная жизнь, пусть лишь на время, заменяет дом. И даже больше — придает смысл каждому прожитому дню. «Понимаешь, на войне ты чувствуешь себя нужным. Такое ощущение, что делаешь что-то важное. Это не в офисе работать, где тебя в любой момент уволили и взяли другого на твоё место... здесь иначе. Всех, кто уезжает, потом тянет обратно на фронт. Здесь чувствуешь себя нужным и важным», — говорит она.

Какие именно формирования боевиков стояли по ту сторону речки — Надежда не знает. Командиры говорили, что там российские военные. «Не «ополченцы» какие-нибудь, которые «Грады» в магазине купили, а регулярная российская армия. К нашему командиру приезжал на переговоры российский генерал, позывной Багги¹. Прямо с триколором на джипе. Уговаривал командира «не кошмарить друг друга». Я так понимаю, особого желания воевать у них не было, их же туда загнали... Умирать никому не хочется. Потом, когда мы ушли с позиций, он звонил нашему командиру и просил: «Вернитесь, а то там какие-то дебилы теперь стоят».

Осень и частично зиму 2015-го Надежда провела в Трёхизбенке. «Свой тридцатник отмечала на фронте. «Сепары» «поздравляли» 152-мм калибром. Я бегала на позициях, командир орал: «Дура!» — а я знала, что ничего не случится, я сегодня не умру — на мне трусы некрасивые. А в некра-

¹ Никаких сведений о кадровом «российском генерале Багги» мы не нашли. Однако в открытых источниках есть информация о боевике с таким позывным. Речь о Армене Багириане, гражданине России, приехавшем воевать на Донбасс в марте 2015-го. Он был «старшим лейтенантом», командиром взвода механизированной роты Егоровского территориального батальона № 13 с базой в Ровеньках Луганской области. В октябре 2016-го в тылу у боевиков расстреляли машину, в которой ехал Багги, он погиб. Волонтеры сепаратистов намекали, что Багириана убили свои же: он якобы был замешан в схеме наркотрафика под «крышей» тогдашнего «министра госбезопасности ЛНР» Леонида Пасечника.

сивых трусах умирать никак нельзя», — шутит Надя. Отчаянную белоруска не задела пуля на фронте, пострадала она уже в тылу. В феврале 2015-го командир отправил ее в Киев оформлять документы в «Айдар», ведь несколько месяцев она находилась в батальоне неофициально, даже не значилась в списках личного состава. Но по дороге машина, в которой ехала Надя, врезалась в фуру. Из-за сложного перелома женщина полгода провела на костылях.

К. А.: Кто о тебе заботился в этот период?

— Никто толком не заботился, я «бомжевала». Сначала после госпиталя жила в каком-то АТОшном хостеле, потом в санатории в Коростене, потом в какой-то ОУНовской фондации в Черкассах, снова госпиталь... Единственное — знакомые помогли мне подать документы на временный вид на жительство, и я его получила.

Поправившись после травмы, Надежда осенью 2015 года вернулась на фронт, все в тот же «Айдар», на прежнем неофициальном положении. Теперь ее назначили поварихой на базе батальона. При этом периодически возили на полигон, где Надежда училась стрельбе из разных видов оружия. «Перестреляла в своей жизни кучу бутылок, а по людям никогда не стреляла, даже не целилась в противника ни разу», — признается она. В «Айдаре» Надя останется до зимы 2016-го.

Но прежде чем продолжить историю Надежды, мы должны остановиться на особенно удивительном моменте ее биографии. На фоне тотального контроля белорусских спецслужб за добровольцами и огромного риска быть задержанной (а прецеденты к тому времени уже были), Надежда дважды съездила в Минск. Первый приезд состоялся еще до аварии. На Новый 2015 год Надя отправилась проведать маму. Признается — беспокоилась, но надеялась на лучшее, ведь она соблюдала меры предосторожности. «Про меня не писали СМИ, я никогда не фотографировалась на фронте, не появлялась на общих снимках, ничего не постила в соцсетях. К тому же моих данных не было в спи-

ске батальона», — объясняет Надежда. Она права — чтобы оказаться за решеткой в Беларуси хватило бы и одной фотографии с фронта в соцсети. В январе Надежда прожила в Беларуси неделю и вернулась на передовую. А потом она встретила будущего мужа-украинца, тоже добровольца. И теперь, чтобы официально расписаться, у Нади потребовали справку о семейном положении из ЗАГСа по месту жительства. Передать документ почтой по какой-то причине не вышло. Во второй раз боец «Айдар» приехала в Минск в середине августа 2015-го — тогда она еще восстанавливалась после аварии. «Когда я увидела мать, поняла — у нее крыша совсем поехала, уже с иконами разговаривала. Я боялась, что ей какие-нибудь голоса в голове прикажут меня убить. Поэтому ночевала у подруги пару дней. А мама заявила в милицию о моем исчезновении. Пришлось мне самой идти в милицию, мол, все в порядке, я не пропала и постоянно живу в Украине, даже номер украинский оставила», — вспоминает Надежда. То, что ей удалось дважды и без последствий съездить на родину, действительно можно объяснить только ее непубличностью и счастливым стечением обстоятельств.

Вернувшись из Беларуси, Надежда провела на базе «Айдар» на Донбассе еще несколько месяцев, совмещая работу поварами и тренировки на полигоне. Параллельно через посредников она продала квартиру в Минске и купила небольшую в Киеве. Зимой она подала документы в военкомат города Дзержинска (переименован в Торецк) Донецкой области. Но закон, разрешающий иностранцам служить в украинской армии, тогда еще не приняли и Надежда сохраняла свой полулегальный статус-кво в батальоне. В феврале 2016-го мать Нади умерла, однако приезд на похороны в Минск показался ей чересчур опасным, ведь документы уже держали в руках сотрудники военкомата, а значит, существовал риск утечки. И так, больше Надежду ничто не связывало с Минском, путь домой был окончательно отрезан. Перспектива же устроиться по контракту была туманной.

«Я психанула и ушла из «Айдара». Занималась похоронами мамы через доверенных лиц. Позже я еще пару раз ездила на фронт как парамедик от волонтерской организации ASAP¹. По сути это медэвакуация раненых. Они работали в пятиста метрах от «ноля». А меня не пускали так близко, и я уехала в Киев. Наступила какая-то депрессия от всего...» — говорит моя собеседница.

В декабре 2016-го Надя вышла замуж. Отношения с мужем, признается, сложились совсем не так, как хотелось: «Ой, не трави душу... Я его уже дважды выгоняла, а он возвращается. Человек-бумеранг». Она жила в Буче под Киевом с мужем и его родственниками, нигде не работала. Говорила, что благодаря мужу-украинцу планирует получить гражданство, но сначала будет подаваться на постоянный вид на жительство — так ей посоветовали друзья. К слову, Надежда поддерживала связь со своими минскими друзьями, но с белорусами-добровольцами тесной дружбы у нее не вышло. «Я хорошо общаюсь буквально с парой ребят», — рассказывала она. Надежды увидеть Беларусь женщина не оставляет, рассчитывая приехать уже с украинским паспортом. Однако даже после получения гражданства это вряд ли безопасно: Надю все равно могут арестовать, ведь она поехала воевать в АТО, являясь гражданкой Беларуси. Когда мы общались летом 2019-го, Надя планировала поступить на службу по контракту. «Чтобы оформить документы в военкомате, женщине необходимо иметь специальное отношение от конкретного подразделения — там указывается, куда тебя готовы принять и на какую должность. Меня берут наводчиком ПТРК (противотанкового ракетного комплекса) в 72-ю или в 24-ю бригаду. Будут учить стрелять из «Джавелина». Еще можно медиком в 28-ю или обратно в «Айдар», но мне к дому ближе 72-я», — объясняла Надя.

¹ ASAP Rescue («срочная помощь», *англ.*) — волонтерская медицинская служба, которая занимается эвакуацией раненых с передовой. Деньги на работу парамедиков на фронте собирают через общественный благотворительный фонд.

Полноценно вернуться к гражданской жизни у Надежды, вероятно, так и не получилось. Ее тянуло на Донбасс. После фронта быть клерком в офисе или продавцом в магазине она не хотела — такие обыкновенные занятия лишали ее того самого ощущения «важности и нужности». Не прельщало ее и будущее домохозяйки, мытье посуды в Буче с мужем-бумерангом. Настоящим домом, которого у нее никогда раньше не было, для добровольца Надежды стал фронт, а потерянную родину заменила Украина. Таков ее выбор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«**В** сущности, никакой истории нет; есть только биографии». С одной стороны, эта формула Ральфа Уолдо Эмерсона¹ очень актуальна для белорусов, которые воевали на Донбассе. Будем объективны: на общий ход российско-украинского конфликта они значительного влияния не имели. Однако решение отправиться на Донбасс навсегда изменило их собственные жизни, а чьи-то жизни, в итоге, оборвало. Одни белорусы стали участниками российской агрессии, другие эту агрессию пытались остановить. Кто-то ехал в «горячую точку» из-за убеждений и душевного порыва. Кто-то пытался найти себя на войне, а кто-то — от себя убежать. Но абсолютно для всех это была прежде всего важная часть их биографии. Война на востоке Украины повлияла на этих людей больше, чем они повлияли на нее.

С другой стороны, американский мыслитель не до конца прав — история тоже существует. И эта история о том, как авторитарная Беларусь оказалась перед лицом крупнейшего вооруженного конфликта на европейском континенте в XXI веке, а ее граждане стали третьей по численности этнической группой (после украинцев и русских), участвовавшей в нем.

В апреле 2014 года, выступая перед Национальным собранием, Лукашенко щеголял своей осведомленностью о военно-политических процессах в регионе. Якобы во время мартовской встречи с Турчиновым он показал исполняюще-

¹ *Ральф Уолдо Эмерсон* — американский мыслитель XIX века.

му обязанности президента некую карту «ситуации вокруг Украины», подготовленную на основе данных белорусских военных и спецслужб. А Турчинов только руками развел: у него в кабинете будто бы лежала точно такая карта. «То есть мы знали абсолютно все, что происходит в Украине», — резюмировал он с едва скрываемой усмешкой. Однако, несмотря на свою информированность и политический опыт, Лукашенко вряд ли мог предположить, что волнения на юго-востоке Украины перерастут в настоящую войну. Весной 2014-го он публично заявлял: Путин дальше Крыма не пойдет и войны не будет. «Мне предлагали сказать, что войной пахнет... Нет. Но дымок потягивает», — говорил Лукашенко 22 апреля 2014 года. Эти слова свидетельствуют о том, что глава Беларуси откровенно не поспевал за событиями. К тому моменту отряд Стрелкова-Гиркина уже захватил Славянск, а Турчинов издал указ о начале АТО. Война была неизбежна.

К сожалению, мы слишком мало знаем о происходившем в высших эшелонах власти Беларуси во время войны на Донбассе. Непосредственным свидетелям этих процессов время писать мемуары еще не пришло, а первичные документы будут рассекречены не скоро. Судить можно только по публичным заявлениям Лукашенко и его дипломатов, а они крайне противоречивы по своему содержанию. Однако вряд ли мы ошибемся, если скажем, что лавинообразное развитие событий российско-украинского конфликта стало для главы Беларуси глубоким потрясением. Наверняка весной-летом 2014-го он находился в растерянности. Но Лукашенко не допустил главного: полного слияния своей внешнеполитической линии с внешнеполитической линией Путина. В условиях глобального противостояния Запада и России этот курс открыл новые возможности для официального Минска.

В итоге вышло так, что путинская агрессия против Украины позволила режиму Александра Лукашенко достичь, пожалуй, крупнейшей победы на международной арене за все время своего существования. Белорусское государство из-

бавилось от санкций, вышло из изоляции и вполне успешно начало создавать себе имидж регионального миротворца — и все это, в сущности, только благодаря тому, что Лукашенко не поддержал открыто российское вторжение в Украину и предоставил свою территорию для переговоров по урегулированию конфликта на Донбассе. Приложив минимум усилий, Лукашенко превратил чужой кризис в свой дипломатический успех.

Кому-то эта крупная внешнеполитическая победа покажется незаслуженной. Однако добиваться максимума политических дивидендов при минимуме политических инвестиций — в сущности, задача любого государства. И если эту задачу удастся решить, значит, работа сделана хорошо. Сетовать в данном случае можно только на то, что эти успехи были сопряжены с действиями, которые с трудом вписываются в имидж нейтрального государства, признающего суверенитет и территориальную целостность жертвы агрессии.

Благодаря тотальному господству российской пропаганды в информационном пространстве страны сотни белорусов примкнули к незаконным вооруженным формированиям на Донбассе. Благодаря попустительству спецслужб Лукашенко многие из них возвращались в Беларусь, отдыхали, меняли документы, а потом снова отправлялись воевать против Украины. Конечно, все это глобально на ход войны на Донбассе не повлияло. Но сколько жизней удалось бы спасти, если бы власть просто ограничила вещание российских телеканалов, а спецслужбы начали по-настоящему преследовать боевиков? Ответа на этот вопрос мы никогда не получим.

Остановить полномасштабную торговлю белорусских предприятий с ОРДЛО можно было бы одним звонком из Администрации президента. Но власть выдала карт-бланш на подобный серый бизнес, не гнушаясь сотрудничеством даже с теми структурами, которые в Украине подозреваются в прямом финансировании терроризма. В итоге уже к 2016 году доля белорусской продукции на потребительском

рынке ДНР и ЛНР составила примерно 25 %. Как минимум, белорусские компании создавали ситуацию, при которой вести войну становилось все более выгодно — для главарей боевиков и связанных с ними коммерсантов. Как максимум — они эту войну финансировали.

Лукашенко, безусловно, искусно лавировал между Россией, Западом и Украиной. Но свобода маневра была не безгранична. В действительности внешняя политика Беларуси по отношению к российско-украинскому конфликту была независимой ровно настолько, насколько эту независимость был готов терпеть Кремль. То есть на словах вы, конечно, можете поддерживать территориальную целостность Украины, но когда дело доходит до голосования в ООН — будьте добры защищать интересы РФ. В ключевых вопросах Минск шел строго в фарватере Кремля.

Роль лукашенковской Беларуси в российско-украинском конфликте можно отчасти сравнить с ролью франкистской Испании во Второй мировой войне. Режим Франко был идеологически близок гитлеровскому, а сам каудильо находился у власти во многом благодаря помощи Германии. Идеологическая близость предопределила активное участие испанских добровольцев в войне на стороне Германии, на советско-германский фронт была отправлена знаменитая «Голубая дивизия». В Беларуси, правда, государство не участвовало в отправке добровольцев в группировки ДНР и ЛНР, на уровне риторики даже осуждало эти процессы. Но в реальности никак им не мешала, не ограничивала российскую пропаганду и боевиков почти не преследовала. В годы Второй мировой немецкие спецслужбы действовали на испанской территории без всяких ограничений. И точно такой же карт-бланш получили путинские спецслужбы в Беларуси — чего стоит хотя бы похищение Павла Гриба сотрудниками ФСБ. Когда нужно было, Франко клялся в верности своим немецким союзникам, а когда это стало невыгодно — умело отмежевался от гитлеровского режима. Но главная схожесть в другом: фашистская Испания, которая воспринималась всем миром как потенци-

альный союзник Гитлера во Второй мировой войне, так и не стала участницей этого конфликта. Франко сумел избежать втягивания Испании в мировую бойню, чем спас страну от новых разрушений, а свой режим от краха.

В этом же заключается и главная заслуга Лукашенко в ходе российско-украинской войны — сохранении пусть и пропутинского, но нейтралитета. Кто-то спросит: можно ли хвалить за неучастие в преступлении? Если бы речь шла о демократической Беларуси, где президента выбирают, существует сильный парламент и разделение властей — это действительно звучало бы нелепо. Но речь идет о диктаторе, который уже более 20 лет безраздельно правил Беларусью. Который привык произвольно карать и миловать, заменил собой судебную систему и правоохранные органы. Чьи главные оппоненты в свое время были похищены и убиты. За годы правления которого в тюрьмы по политическим мотивам были брошены сотни людей, многие эмигрировали. Вопрос участия или неучастия страны в войне в 2014 году единолично решался человеком, давно утратившим обратную связь со своим народом и откровенно презирающим гуманистические идеалы. Да, абсолютно очевидно, что втягивание Беларуси в войну погубило бы и режим Лукашенко, и саму страну. Но история знает массу примеров, когда опьяненные властью диктаторы добровольно ввязывались в авантюры, хотя их фатальную развязку предсказать было не сложно. Бенито Муссолини во Второй мировой войне, угандийский тиран Иди Амин при вторжении в Танзанию, лидер аргентинской хунты Леопольдо Гальтери в ходе Фолклендского конфликта, Саддам Хуссейн при оккупации Кувейта или Слободан Милошевич во время югославских войн — все они не хотели видеть очевидных вещей. Главное достижение Лукашенко заключается в том, что он чувства реальности как раз не утратил. Мы должны отдавать себе отчет, что все могло быть гораздо хуже — и параллель пришлось бы проводить не с Испанией Франко, а с Италией Муссолини.

Однако давать окончательную оценку роли Александра Лукашенко в российско-украинском конфликте рано. И дело даже не в том, что война еще не закончилась. Дело в том, что будущее самой Беларуси совсем не однозначно. В декабре 2018 года Кремль выдвинул ультиматум: либо Беларусь соглашается на тотальную интеграцию в рамках договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года, либо Москва прекращает всякое субсидирование. В условиях реализации Россией «налогового маневра», который грозил огромными финансовыми потерями для бюджета Беларуси (\$8—12 миллиардов в течение пяти лет) и коллапсом нефтеперерабатывающей отрасли, этот ультиматум выглядел устрашающе. Он вызвал волну алармистских прогнозов, эксперты всерьез обсуждали угрозу аннексии Беларуси. Bloomberg писал о плане Путина принудить Лукашенко к созданию единого государства, посредством которого хозяин Кремля сможет остаться у власти на долгие годы. «Я понимаю эти намеки: получите нефть, но давайте разрушайте страну и вступайте в состав России, — комментировал Лукашенко ультиматум Москвы. — Если нас хотят поделить на области и впихнуть в Россию — этого не будет никогда». Одновременно Лукашенко заявлял, что и от интеграции как таковой Минск не отказывается — но только, мол, после «железобетонного выполнения достигнутых договоренностей». Другими словами, утром деньги — вечером интеграция. Москва же настаивала на обратном порядке действий и торопиться никуда не собиралась. Путин рассчитывал, что неумолимое течение событий сделает все само и Беларусь в конце концов упадет в его руки, как перезрелый фрукт. Уж слишком крепко режим подсел на иглу российских дотаций, чтобы теперь вот так безболезненно с нее соскочить. Возможным такой сценарий стал благодаря тому, что Лукашенко все годы своего правления занимался чем угодно, боролся с кем угодно, но только не с реальными угрозами независимости. А еще — потому, что у Лукашенко не хватило духа использовать войну на Донбассе для ограничения российского влияния на Беларусь. Даже

ультиматум Кремля не заставил его скорректировать свою политику. В начале 2019 года (как, впрочем, и всегда) наибольшую решительность он проявлял при подавлении инакомыслия внутри страны. Национально ориентированную, антипутинскую часть общества он не считал своим союзником — в этих людях он видел своих врагов.

Если Путин осуществит белорусский «крымнаш», добьется тотальной интеграции, то все хитроумные комбинации Лукашенко не будут стоять в глазах потомков и ломаного гроша. История не простит ему сотрудничества с агрессором и упущенных возможностей это сотрудничество свернуть. Если же Лукашенко на своем посту переживет путинский режим, тогда и разговор будет иной. Будущие исследователи наверняка попытаются представить его сложным и противоречивым политиком, который вел рискованную и порой грязную игру, но, тем не менее, сохранил независимость Беларуси в годы российской экспансии и безнадежных попыток Москвы возродить империю. В любом случае ставить точку в этой истории преждевременно. Война на Донбассе продолжается, а белорусы остаются по обе стороны фронта.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Станислав Шушкевич</i>	
О книге Катерины Андреевой и Игоря Ильяша «Белорусский Донбасс»	3
<i>Игорь Ильяш</i>	
Вступление	5
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 1. Солнышко: из подвала в окопы	10
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 2. Боевики, вербовка и вербовщики	23
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 3. Особенности гибридной войны	44
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 4. Психология боевика	59
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 5. Добровольцы: от Майдана до украинского гражданства	69
«Я был первым белорусом в “Правом секторе”»	70
ТГ «Беларусь»	79
Разведчики в «Азове»	84
«Молодой фронт» на фронте	96
Легализация	106
«Романтики» и «беглецы»	113
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 6. Анатомия абсурда	119
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 7. Побег от КГБ	134
<i>Катерина Андреева, Игорь Ильяш</i>	
Глава 8. Три истории времен Дебальцева	145
<i>Игорь Ильяш. Реконструктор</i>	145

<i>Катерина Андреева.</i> «Некоторые заплакали, а я не мог сдержатъ смех»	150
<i>Катерина Андреева.</i> Серб из Минска	152
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 9. Погибшие.	158
«За зямельку недарэмна сваё жыццё я аддаю»	158
Они сражались за Путина	174
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 10. Сябар и Лев: с фронта — на скамью подсудимых	182
«Скучная война» Василия Парфенкова	182
«Я никому не стрелял в спину»	193
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 11. Казус Ярового	201
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 12. Как спецслужбы беларуси работают с боевиками	211
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 13. Горыныч между мифом и реальностью	229
<i>Катерина Андреева, Игорь Ильяш</i>	
Глава 14. Спецоперация против террор-машины	238
<i>Катерина Андреева, Игорь Ильяш</i>	
Глава 15. Волонтеры	250
<i>Катерина Андреева.</i> «Я участвую в войне, но я не воюю»	250
<i>Игорь Ильяш.</i> «Виноваты те, кто взял в руки оружие»	258
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 16. Белорусские цифры войны	270
На стороне Украины	270
На стороне России	272
Что говорит Киев	274
Что говорит Минск	275
Формула Шуневица	277
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 17. Спецслужбы против добровольцев	280
Показательный суд над Тарасом	283

«Уголовщина»	290
Превентивные меры	293
<i>Катерина Андреева, Игорь Ильяхи</i>	
Глава 18. Сексоты	303
<i>Катерина Андреева. Агент поневоле</i>	303
<i>Игорь Ильяхи. Тролль с Донбасса</i>	313
<i>Игорь Ильяхи, Катерина Андреева</i>	
Глава 19. Информационный фронт	324
<i>Катерина Андреева. Давление: явное и скрытое</i>	324
<i>Игорь Ильяхи. Монополия Кремля</i>	334
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 20. «Самый опасный и жестокий»	342
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 21. Осужденные	352
<i>Игорь Ильяхи, Катерина Андреева</i>	
Глава 22. Бизнес на войне	368
Белорусские товары в «отжатых» супермаркетах	369
Пункты назначения — Донецк и Луганск	370
Анатомия контрабанды	372
Тень сына Януковича	374
Из Беларуси через Гонконг	376
Госмонополия на водку	377
Эксклюзив для боевиков	380
Не только экспорт, но и импорт	386
Последствия	387
Уголь и промышленность	389
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 23. Переселенцы и популист	396
«Люди не понимали, что на самом деле пришла Россия»	400
Игра цифрами	402
<i>Игорь Ильяхи, Катерина Андреева</i>	
Глава 24. «ЧВК Вагнера»	412
Наемники Путина	412
Белорусы у «Вагнера»	420
Друзья из Новополюцка	421
Снайпер	425
Семейный подряд «Вагнера»	426
Из Донецка с любовью	428

Легионер и сыщик	429
Погибшие	431
В Судан через Донбасс	433
<i>Игорь Ильяш</i>	
Глава 25. Война Лукашенко	441
Донбасс для внутреннего пользования	463
«Один народ»	474
Танки и тракторы	480
Триумф в темные времена	483
<i>Катерина Андреева</i>	
Глава 26. Надежда выбрала Украину	488
<i>Игорь Ильяш</i>	
Заключение	497

Літературно-художнє видання

АНДРЕЕВА Катерина
ИЛЬЯШ Игорь

Белорусский Донбасс

Головний редактор *О. В. Красовицький*
Відповідальна за випуск *Л. І. Вакуленко*
Художній редактор *О. А. Гугалова-Мешикова*
Технічний редактор *Г. С. Таран*
Комп'ютерна верстка: *В. А. Мурликін*
Коректор *Р. Є. Панченко*

Підписано до друку 10.02.20. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Умов. друк. арк. 22,80. Облік.-вид. арк. 26,55.
Тираж 1000 прим. Замовлення №

ТОВ «Видавництво Фоліо»
вул. Римарська, 21А, м. Харків, 61057
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5244 від 09.11.2016

Сайт та інтернет-магазин видавництва:
www.folio.com.ua
Електронна адреса:
market@folio.com.ua

Надруковано з готових позитивів
у ТОВ «Видавництво Фоліо»
вул. Римарська, 21А, м. Харків, 61057
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5244 від 09.11.2016

З часів війни в Афганістані білоруси не брали масової участі в бойових діях. На Донбасі вони виявилися третьою за чисельністю національною групою. Чому це стало можливим? Як Білорусь вплинула на конфлікт на сході України — і навпаки? Яка роль білоруських спецслужб і особисто Лукашенка в цій війні? Відповіді на ці та інші питання дає унікальне журналістське дослідження, в якому автори пропонують читачеві почути білорусів, що опинилися по різні боки фронту.